

ISSN 2500-2902
URAL-ALTAIC STUDIES
УРАЛО-АЛТАЙСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

№ 1 (44) 2022

ИНСТИТУТ ЯЗЫКОЗНАНИЯ РАН

МОСКВА

Ural-Altaic Studies
Урало-алтайские исследования

ISSN 2500-2902
ISBN 978-1-4632-0168-5

Ural-Altaic Studies

Scientific Journal

№ 1 (44) 2022

Established in 2009
Published four times a year

Moscow

© Institute of Linguistics, Russian Academy of Sciences, 2022
© Tomsk State University, 2022

ISSN 2500-2902
ISBN 978-1-4632-0168-5

Урало-алтайские исследования

научный журнал

№ 1 (44) 2022

Основан в 2009 г.
Выходит четыре раза в год

Москва

© Институт языкознания Российской академии наук, 2022
© Томский государственный университет, 2022

CONTENTS

No 1 (44) 2022

Maria K. Amelina. The nominal declension system of the Western Tundra Nenets dialects in archimandrite Veniamin's (Smirnov's) "Samoyed Grammar" (1 st half of the 19 th century) in comparison with the modern data.....	7
Marina V. Kutsaeva. Language biographies of the Maris of the Moscow region — the natives of the areas where the Meadow Mari language is spoken in the Republic of Mari El	116
Natalia M. Stoynova. Grammatical system before and under language shift: future tense forms in Ulcha	154
Style sheet	177

СОДЕРЖАНИЕ

Номер 1 (44) 2022

М. К. Амелина. Система именного склонения западных диалектов тундрового ненецкого языка в «Грамматике самоедского языка» (I пол. XIX в.) архимандрита Вениамина (Смирнова) в сопоставлении с современными данными	7
М. В. Куцаева. Языковые биографии представителей марийской диаспоры московского региона (уроженцев районов распространения лугового марийского языка в Республике Марий Эл)	116
Н. М. Стойнова. Грамматическая система до и во время языкового сдвига: формы будущего времени в ульчском языке	154
Требования к оформлению статей.....	177

Главный редактор

А. В. Дыбо

(д.ф.н., чл.-корр. РАН, Институт языкознания РАН)

Заместитель главного редактора

Ю. В. Норманская

(д.ф.н., Институт языкознания РАН)

Редакционная коллегия

В. Ю. Гусев (к.ф.н., Институт языкознания РАН), П. П. Дамбуева (д.ф.н., проф., Институт языкознания РАН), Е. В. Кашкин (к.ф.н., Институт русского языка РАН), О. А. Мудрак (д.ф.н., проф., Российский государственный гуманитарный университет), С. А. Мызников (д.ф.н., проф., Институт лингвистических исследований РАН), И. Николаева (PhD, Школа восточных и африканских исследований, Великобритания), Ф. Ш. Нуриева (д.ф.н., проф., Казанский (Приволжский) федеральный университет), Г. Ц. Пюрбеев (д.ф.н., проф., Институт языкознания РАН), М. Роббеетс (PhD, Лейденский университет, Нидерланды), И. Я. Селютина (д.ф.н., проф., Институт филологии СО РАН), Р. А. Тадинова (д.ф.н., доц., Институт языкознания РАН), З. Н. Экба (к.ф.н., Институт языкознания РАН), А. Б. Шлуинский (к.ф.н., Институт языкознания РАН)

Редакционный совет

В. М. Алпатов (д.ф.н., чл.-корр. РАН, Институт языкознания РАН), А. Е. Аникин (д.ф.н., чл.-корр. РАН, Институт филологии СО РАН), Р. Г. Ахметьянов (д.ф.н., проф., Бирский государственный педагогический институт), М. Бакро-Надь (проф., Университет Сегеда, Венгрия), В. Блажек (проф., Масариков университет, Чехия), Т. М. Гарипов (д.ф.н., чл.-корр. НАН РБ, Башкирский государственный педагогический институт им. М. Акмуллы), Н. И. Егоров (д.ф.н., проф., Чувашский государственный институт гуманитарных наук), И. В. Кормушин (д.ф.н., проф., Институт языкознания РАН), И. Л. Кызласов (д.и.н., проф., Институт археологии РАН), Й. Лааксо (проф., Венский университет, Австрия), К. М. Мусаев (д.ф.н., чл.-корр. РАЕН, Институт языкознания РАН), И. А. Невская (проф., Франкфуртский университет им. Иоганна Вольфганга Гёте, Германия), Т. Ризе (проф., Венский университет, Австрия), Е. К. Скрибник (проф., Мюнхенский университет, Германия), П. А. Слепцов (д.ф.н., проф., акад. НАН РСЯ, Институт гуманитарных исследований и проблем малочисленных народов Севера СО РАН), М. Стаховски (проф., Краковский университет, Польша), Ф. Г. Хисамитдинова (д.ф.н., проф., Институт истории, языка и литературы Уфимского научного центра РАН), Л. Хонти (проф., Будапештский университет, Венгрия), Н. Н. Ширококова (д.ф.н., проф., Институт филологии СО РАН), К. Шониг (проф., Берлинский университет им. Гумбольдта, Германия), М. Эрдал (проф., Франкфуртский университет им. Иоганна Вольфганга Гёте, Германия)

Editor-in-Chief

Anna Dybo

(Institute of Linguistics, Russian Academy of Sciences)

Deputy Editor-in-Chief

Yulia Normanskaya

(Institute of Linguistics, Russian Academy of Sciences)

Editorial Board

Polina Dambueva (Institute of Linguistics, Russian Academy of Sciences), Zarema Ekba (Institute of Linguistics, Russian Academy of Sciences), Valentin Gusev (Institute of Linguistics, Russian Academy of Sciences), Egor Kashkin (Institute of the Russian language, Russian Academy of Sciences), Oleg Mudrak (Russian State University for the Humanities), Sergey Myznikov (Institute for Linguistic Studies, Russian Academy of Sciences), Irina Nikolaeva (School of Oriental and African Studies, Great Britain), Fanuza Nurieva (Kazan (Volga region) Federal University), Grigoriy Pyurbuev (Institute of Linguistics, Russian Academy of Sciences), Martine Robbeets (Leiden University, Center for Linguistics, Institute for Area Studies, the Netherlands), Irina Selyutina (Institute of Philology, the Siberian Branch of Russian Academy of Sciences), Andrey Shluinski (Institute of Linguistics, Russian Academy of Sciences), Roza Tadinova (Institute of Linguistics, Russian Academy of Sciences)

Advisory Board

Rinat Ahmet'yanov (Birk State Pedagogical Institute), Vladimir Alpatov (Institute of Linguistics, Russian Academy of Sciences), Alexandr Anikin (Institute of Philology, the Siberian Branch of Russian Academy of Sciences), Marianne Bakró-Nagy (University of Szeged, Hungary), Václav Blažek (Masaryk University, Czech Republic), Nikolay Egorov (Chuvash State Institute for the Humanities), Marcel Erdal (Goethe University Frankfurt, Germany), Talmas Garipov (M. Akmulla Bashkir State Pedagogical University), Firdaus Hisamitdinova (Institute of History, Language and Literature, Ufa Scientific Centre of Russian Academy of Sciences), László Honti (University of Budapest, Hungary), Igor Kormushin (Institute of Linguistics, Russian Academy of Sciences), Igor Kyzlasov (Institute of Archaeology, Russian Academy of Sciences), Johanna Laakso (University of Vienna, Austria), Kenesbay Musaev (Institute of Linguistics, Russian Academy of Sciences), Irina Nevskaya (Goethe University Frankfurt, Germany), Timothy Riese (University of Vienna, Austria), Klaus Schönig (Humboldt University of Berlin, Germany), Natalia Shirobokova (Institute of Philology, the Siberian Branch of Russian Academy of Sciences), Elena Skribnik (University of Munich, Germany), Piotr Slepsov (Institute of Humanities Research and Indigenous Studies of the North, the Siberian Branch of Russian Academy of Sciences), Marek Stachowski (Krakow University, Poland)

**Система именного склонения западных диалектов
тундрового ненецкого языка в «Грамматике самоедского языка»
(I пол. XIX в.) архимандрита Вениамина (Смирнова)
в сопоставлении с современными данными**

Амелина Мария Константиновна, Институт языкознания РАН (Москва),
Институт системного программирования им. В. П. Иванникова РАН (Москва); neamelina@gmail.com

В статье привлекаются к рассмотрению данные о системе именного склонения западных диалектов тундрового ненецкого языка, представленные в «Грамматике самоедского языка» (“Samojedische Grammatik”) архимандрита Вениамина (Смирнова) — рукописном архивном источнике I пол. XIX в. из фондов Санкт-Петербургского филиала ФГБУ науки Архива Российской академии наук. Статья состоит из четырех глав. В первой главе даются общие сведения о тундровом ненецком языке, его фонологической системе и диалектном членении, особое внимание уделяется особенностям западного и крайнезападных ненецких диалектов. Во второй главе представлены общие сведения о «Грамматике самоедского языка» архим. Вениамина, истории ее создания в ходе «самоедской миссии» и графической системе рукописи. Третья глава посвящена особенностям системы именного склонения современного тундрового ненецкого литературного языка, типам именных основ и грамматическим категориям имен; в ней также приводятся обобщающие таблицы с падежно-числовыми аффиксами в современном тундровом ненецком языке. Четвертая глава является основной, именно в ней представлены парадигматические таблицы с формами склонения имен из «Грамматики самоедского языка» архим. Вениамина, проводится сопоставление с современными данными и выделяются особенности системы именного склонения, зафиксированной миссионером в западных диалектах тундрового ненецкого языка в I пол. XIX в.; всего рассмотрено 36 именных парадигм.

Ключевые слова: тундровый ненецкий язык, самодийские языки, архивные материалы, диалектология, именная морфология, категория числа, категория падежа, имя существительное, имя прилагательное, имя числительное

**THE NOMINAL DECLENSION SYSTEM OF THE WESTERN TUNDRA NENETS DIALECTS
IN ARCHIMANDRITE VENIAMIN'S (SMIRNOV'S) "SAMOYED GRAMMAR"
(1ST HALF OF THE 19TH CENTURY) IN COMPARISON WITH THE MODERN DATA**

Maria K. Amelina, Institute of Linguistics, RAS (Moscow),
Ivannikov Institute for System Programming, RAS (Moscow); neamelina@gmail.com

The data on the nominal declension system in the Western dialects of Tundra Nenets, represented in “Samoyed Grammar” (“Samojedische Grammatik”) by archimandrite Veniamin (Benjamin) Smirnov, are considered in the paper. “Samoyed Grammar” is a handwritten archival manuscript of the 1st half of the 19th century from the collections of the Archive of the Russian Academy of Sciences (St. Petersburg branch). The article consists of four sections. The first section provides general information about Tundra Nenets, its phonological system and dialects, special attention is paid to the distinctive features of the Western Nenets dialects. The second section provides general information about the “Samoyed Grammar” written by archimandrite Veniamin, the history of its creation during the “Samoyed mission” and its graphical system. The third section is devoted to the features of the nominal declension system of the Tundra Nenets literary language, types of nominal stems and grammatical nominal categories; there are tables with the case, number and possessive affixes in Tundra Nenets in this section. The fourth section is a significant part of the paper: it presents paradigmatic tables with nominal declension forms from the archimandrite Veniamin’s “Samoyed Grammar”, the author compares them with the modern data and highlights the features of the nominal declension system recorded by the missionary in the Western dialects of Tundra Nenets in the 1st half of the 19th century, 36 paradigms are considered.

Keywords: Tundra Nenets, Samoyed languages, archival data, dialectology, nominal morphology, category of case, category of number, noun, adjective, numeral

Работа над статьей велась при поддержке проекта РНФ 20-18-00403 «Цифровое описание диалектов уральских языков на основании анализа больших данных». Автор приносит благодарность анонимным рецензентам, а также Тапани Салминену, Ивану Андреевичу Стенину, Марине Дмитриевне Люблинской, Наталье Борисовне Кошкарёвой и Валентину Юрьевичу Гусеву за высказанные ими ценные замечания к статье.

1. Введение

1.1. Общие сведения о тундровом ненецком языке и его фонологической системе

1.1.1. Географическое распространение тундрового ненецкого языка

Тундровый ненецкий язык (прежние названия — «юрако-самоедский»¹, «самоедский») относится к самодийской группе уральской языковой семьи (*ненэй вада*, *ненэця' вада* 'ненецкий язык' [Терещенко 1965: 299, 300]). В настоящее время тундровые ненцы проживают на обширной территории — от восточного побережья Белого моря (полуостров Канин) на западе до нижнего течения р. Енисей (полуостров Таймыр) на востоке, от побережья Северного Ледовитого океана на севере (а также на островах Колгуев и Вайгач) до границы лесов на юге [там же: 8]. Территория преимущественного проживания тундровых ненцев входит в состав четырех субъектов Российской Федерации: Ненецкого автономного округа Архангельской области (7504 чел.), северных районов Республики Коми (503 чел.), Ямало-Ненецкого автономного округа Тюменской области (28222 чел.) и Таймырского Долгано-Ненецкого района Красноярского края (3494 чел.) [Nikolaeva 2014: 3; Буркова 2016: 316]. Ниже мы кратко остановимся на описании фонологической системы тундрового ненецкого языка, т. к. сведения о ней будут необходимы нам при анализе материала рукописи «Грамматики самоедского языка» архимандрита Вениамина (Смирнова).

1.1.2. Система вокализма тундрового ненецкого языка

Вопрос о количестве гласных фонем в тундровом ненецком языке по-разному решался исследователями. Т. Салминен выделяет следующие фонемы: 1) пять нейтральных по длительности ("plain") монофтонгов (*i, u, e, o, a*); 2) один краткий ("short") монофтонг ($\emptyset = \text{ə}$), при чередовании с которым по правилам редуции реализуется также "schwa phoneme" °; 3) один дифтонгоид (æ); 4) два долгих ("stretched") монофтонга ($\bar{i} = \bar{i}$ в обозначении Т. Салминена, $\bar{u} = \bar{u}$ в обозначении Т. Салминена) [Salminen 1997]. Большинство исследователей поддерживают точку зрения Т. Салминена на систему вокализма тундрового ненецкого языка, в данной работе мы опираемся на эту систему гласных фонем.

В работе [Nikolaeva 2014: 17—18] также представлена данная система вокализма тундрового ненецкого языка, состоящая из 10 гласных фонем, которые распадаются на четыре класса в зависимости от своей ингерентной длительности (см. табл. 1, в круглых скобках приведены термины из данной работы).

Таблица 1. Система гласных фонем тундрового ненецкого языка по [Nikolaeva 2014: 17]

	долгие (“long”)	нейтральные по длительности (“short”)	краткие (“over-short”)	редуцированные (“reduced”)
верхний подъем	\bar{i}, \bar{u}	<i>i, u</i>		
средний подъем		<i>e, o</i>		
нижний подъем	æ	<i>a</i>	ə	°

Отдельного рассмотрения заслуживает особая ненецкая гласная фонема / ° /, которая либо произносится как очень краткий звук [ə], т. е. как гласный среднего подъема среднего ряда, либо удлиняет предшествующий согласный или гласный. Иногда кажется, что эта фонема не имеет фонетической реализации на сегментном уровне, однако на то, что она присутствует на глубинном фонологическом уровне, указывают супrasegmentные явления: так, она удлиняет на мору предшествующий сегмент и проявляется в фонематических чередованиях. Эта гласная фонема никогда не встречается в первом слоге, и на нее никогда не падает ударение. Данная редуцированная гласная фонема обычно является результатом автоматической фонологической редуции $\text{ə} \rightarrow \text{°}$ в безударной позиции².

¹ Под названием «юрако-самоедский» ранее понимались оба языка: не только тундровый ненецкий, но и лесной ненецкий. В настоящее время тундровый и лесной ненецкий принято считать самостоятельными языками, а не диалектами (наречиями) одного языка (см., например, [Казакевич 2003; Казакевич, Парфенова 2003; Буркова 2010: 182; Стенин 2015; Коряков 2018] и мн. др.): «⟨...⟩ различия в фонетике и морфологии между двумя ненецкими языками настолько велики, что указанные идиомы ни в коей мере не являются взаимопонимаемыми, а глубина расхождения между ними не менее, чем между мокшанским и эрзянским» [Стенин 2015: 93]; «⟨...⟩ наиболее ясная ситуация с ненецкими языками: большинство критериев указывает на то, что это два отдельных языка, с этим мнением соглашается все большее количество лингвистов и это подтверждается лексикостатистическими подсчетами» [Коряков 2018: 164].

² См. об этом в работе И. А. Николаевой: “The reduced vowel ° is either pronounced as a very short ə , i. e. mid central vowel, or it adds length to the preceding consonant ⟨...⟩ or vowel. Sometimes it does not seem to be pronounced at all at the

См. о дистрибуции $^{\circ} \sim \emptyset$ (\emptyset), при которой $^{\circ}$ встречается преимущественно в четных и конечных слогах, а \emptyset — в основном в неконечных нечетных слогах и слогах, предшествующих слогу с $^{\circ}$: “Vowel reduction results in vowel alternation $^{\circ} \sim \emptyset$ with $^{\circ}$ mostly in even and final syllables and \emptyset in non-final odd syllables and in syllables preceding a syllable with $^{\circ}$; there are, however, morphologically and lexically defined exceptions with $^{\circ}$ in non-final odd syllables, referred to by the symbol (\emptyset) in the derivational patterns (...)” [Salminen 1998: 31] (ср. также [Salminen 1997: 42—43]). Для целей настоящей работы существенным является тот факт, что в форме пролатива («продольного» падежа) единственного числа $^{\circ}$ вместо ожидаемого \emptyset встречается в позиции после глайда и в третьем (нечетном) слоге, например: *səwa-w^ona* ‘хороший’-PROL.SG [Nikolaeva 2014: 18].

Приведем пример употребления редуцированной гласной фонемы $^{\circ}$ и ее чередования с \emptyset : *xə^o* ‘нож’ (NOM.SG) — *xə^oə-r^o* ‘твой нож’ (‘нож’-NOM.SG.POSS2SG) — *xə^o-da* ‘его/ее нож’ (‘нож’-NOM.SG.POSS3SG) — *xə^o-də-r^o* ‘нож, предназначенный для тебя’ (‘нож’-PRED-NOM.SG.POSS2SG).

1.1.3. Система консонантизма тундрового ненецкого языка

Система консонантизма тундрового ненецкого языка включает в себя следующие согласные фонемы: носовые *m* и *m'* (губные), *n* и *n'* (зубные), а также *ŋ* (велярная); смычные *p* и *p'*, *b* и *b'* (губные), *t* и *t'*, *d* и *d'* (зубные), а также *k* (велярная) и гортанные смычные (“glottal stop”) *ʔ/ʔ'*; аффрикаты *c* и *c'*; фрикативные *s*, *s'* и *x*; губной глайд *w* и палатальный глайд *j*; сонорные боковые *l* и *l'* и сонорные дрожащие *r* и *r'* (ср. [Nikolaeva 2014: 19]). Как отмечает И. А. Стенин, «[к]орреляция по палатализации является яркой отличительной чертой ненецкого консонантизма: она распространяется на все согласные, кроме велярных *k*, *x*, *ŋ*, глайдов *w*, *y* (= IPA /j/) и гортанного смычного» [Стенин 2015: 96]; о корреляции по палатализации как одной из двух «славянско-самодийских аналогий» см. [Хелимский 1984].

Обращаем внимание на то, что в нашей записи гортанные смычные согласные обозначены как *ʔ* и *ʔ'*: символ *ʔ* обозначает «глухой»/«неназализ(ир)ованный» гортанный смычный (чередующийся с *s* и *t*), которому в нотации Т. Салминена и И. А. Николаевой соответствует *q*, а в записи Н. М. Терещенко — ‘-’; символ *ʔ'* обозначает «звонкий»/«назализ(ир)ованный» гортанный смычный (чередующийся с *n*, *ŋ* и *j*), которому в нотации Т. Салминена и И. А. Николаевой соответствует *h*, а в записи Н. М. Терещенко — ‘-’.

1.1.4. Системы обозначения гласных и согласных фонем тундрового ненецкого языка

В табл. 2 приведены ряды соответствий между разными системами обозначения гласных и согласных фонем тундрового ненецкого языка: 1) символами фонологической транскрипции, принятой в данной статье; 2) кириллической орфографической системой, представленной в словаре Н. М. Терещенко [Терещенко 1965]; 3) символами фонологической транскрипции Т. Салминена [Salminen 1998] и 4) символами фонологической транскрипции, представленной в грамматике И. А. Николаевой [Nikolaeva 2014]. Здесь мы подробно останавливаемся на этих соответствиях для того, чтобы далее иметь возможность сравнивать графическую систему «Грамматики самоедского языка» архим. Вениамина (Смирнова) с этими системами обозначения ненецких фонем.

В колонке, в которой приводятся символы кириллической орфографической системы Н. М. Терещенко, в круглых скобках обозначены позиции: *C₋* — гласный после твердого согласного, *C'₋* — гласный после мягкого (палатализованного) согласного; *я, е, ё, и, ъ, ю, ѓ* — после буквы для обозначения согласного могут следовать данные «йотированные» буквы для передачи гласных. Отметим, что в словаре Н. М. Терещенко по разным (в том числе во многом техническим) причинам: 1) не отображается последовательно «шва» — Н. М. Терещенко обозначает эту фонему как *й* (или *я* после мягких), но иногда на этом месте может стоять просто *a* (или *я*) без диакритики краткости (в работах Т. Салминена данная фонема обозначается как *ø* или *ə*); 2) не отображается последовательно долгота гласных верхнего подъема (*и, ы, у, ю* могут быть на месте *й, ъ, ѓ и ѓ*); 3) после букв для передачи твердых согласных как *э* (без точки сверху) обозначается */æ/*, а как *э́* (с точкой сверху) — */e/*, однако иногда эта точка может в этом случае отсутствовать.

Что касается остальных систем обозначения фонем тундрового ненецкого языка, то различия между ними невелики и касаются в основном следующих аспектов: обозначения мягкости (палатальности и палатализованности) согласных и передачи некоторых гласных и согласных фонем.

segmental level; however, its underlying presence has suprasegmental effects: basically, it adds a mora to the preceding segment, and effects phonological alternations. This vowel does not occur in the first syllable and is never stressed. The reduced vowel normally appears as a result of the automatic phonological reduction $\emptyset \rightarrow ^{\circ}$ in unstressed position” [Nikolaeva 2014: 18].

Таблица 2. Ряды соответствий между системами обозначения гласных и согласных фонем тундрового ненецкого языка

1	2	3	4
Фонологическая транскрипция, принятая в данной статье (латиница)	[Терещенко 1965] (кириллица)	[Salminen 1998] (латиница)	[Nikolaeva 2014] (латиница)
символы для обозначения гласных фонем			
<i>a</i>	<i>a</i> (C ₋), <i>я</i> (C' ₋)	<i>a</i>	<i>a</i>
<i>æ</i>	э	<i>æ</i>	<i>æ̃</i>
<i>e</i>	э/э (C ₋), <i>e</i> (C' ₋)	<i>e</i>	<i>e</i>
<i>o</i>	<i>o</i> (C ₋), <i>ё</i> (C' ₋)	<i>o</i>	<i>o</i>
<i>i</i>	<i>ы</i> (C ₋), <i>и</i> (C' ₋)	<i>i</i>	<i>i</i>
<i>ī</i>	<i>ы</i> (C ₋), <i>и/ī</i> (C' ₋)	<i>í</i>	<i>ī</i>
<i>u</i>	<i>у</i> (C ₋), <i>ю</i> (C' ₋)	<i>u</i>	<i>u</i>
<i>ū</i>	<i>у/ū</i> (C ₋), <i>ю</i> (C' ₋)	<i>ú</i>	<i>ū</i>
<i>ə</i>	<i>ǎ/a</i> (C ₋), <i>я/ǎ</i> (C' ₋)	<i>ø</i> ³	<i>ə</i>
<i>o</i>	(много вариантов графической реализации после <i>x</i> и <i>ʹ</i>)	<i>o</i>	<i>o</i>
символы для обозначения согласных фонем			
<i>m</i>	<i>м</i>	<i>m</i>	<i>m</i>
<i>m'</i>	<i>м</i> (<i>я, е, ё, и, ī, ю, ъ</i>)	<i>my</i>	<i>m'</i>
<i>n</i>	<i>н</i>	<i>n</i>	<i>n</i>
<i>n'</i>	<i>нь, н</i> (<i>я, е, ё, и, ī, ю, ъ</i>)	<i>ny</i>	<i>n'</i>
<i>ŋ</i>	<i>ŋ</i> ⁴	<i>ng</i> ⁵	<i>ŋ</i>
<i>p</i>	<i>п</i>	<i>p</i>	<i>p</i>
<i>p'</i>	<i>п</i> (<i>я, е, ё, и, ī, ю, ъ</i>)	<i>py</i>	<i>p'</i>
<i>b</i>	<i>б</i>	<i>b</i>	<i>b</i>
<i>b'</i>	<i>б</i> (<i>я, е, ё, и, ī, ю, ъ</i>)	<i>by</i>	<i>b'</i>
<i>t</i>	<i>т</i>	<i>t</i>	<i>t</i>
<i>t'</i>	<i>т</i> (<i>я, е, ё, и, ī, ю, ъ</i>)	<i>ty</i>	<i>t'</i>
<i>d</i>	<i>д</i>	<i>d</i>	<i>d</i>
<i>d'</i>	<i>д</i> (<i>я, е, ё, и, ī, ю, ъ</i>)	<i>dy</i>	<i>d'</i>
<i>k</i>	<i>к</i>	<i>k</i>	<i>k</i>
<i>c</i> [ts]	<i>ц</i>	<i>c</i>	<i>c</i>
<i>c'</i>	<i>ць, ц</i> (<i>я, е, ё, и, ī, ю, ъ</i>)	<i>cy</i>	<i>c'</i>
<i>s</i>	<i>с</i>	<i>s</i>	<i>s</i>
<i>s'</i>	<i>сь, с</i> (<i>я, е, ё, и, ī, ю, ъ</i>)	<i>sy</i>	<i>s'</i>
<i>x</i>	<i>х</i>	<i>x</i>	<i>x</i>
<i>w</i>	<i>в</i>	<i>w</i>	<i>w</i>
<i>j</i>	<i>й</i> (+ «йотированные» <i>я, е, ё, и, ī, ю, ъ</i>)	<i>y</i> (<i>ỹ</i>)	<i>y</i>
<i>l</i>	<i>л</i>	<i>l</i>	<i>l</i>
<i>l'</i>	<i>ль, л</i> (<i>я, е, ё, и, ī, ю, ъ</i>)	<i>ly</i>	<i>l'</i>
<i>r</i>	<i>р</i>	<i>r</i>	<i>r</i>
<i>r'</i>	<i>рв, р</i> (<i>я, е, ё, и, ī, ю, ъ</i>)	<i>ry</i>	<i>r'</i>
<i>ʔ</i>	<i>ʔ</i>	<i>q</i>	<i>q</i>
<i>ʔ</i>	<i>ʔ</i>	<i>h</i>	<i>h</i>

³ В более поздних работах Т. Салминена — *ə*.⁴ Далее мы будем использовать другой употребительный в современной ненецкой орфографии символ — *y*.⁵ В более поздних работах Т. Салминена — *ŋ*.

1.2. Диалектное членение тундрового ненецкого языка

Существует мнение, что, несмотря на широкую географическую распространенность тундрового ненецкого языка, его диалекты довольно «единообразны» [Терещенко 1956: 183; Salminen 1997: 14] и носители «окраинных говоров» понимают друг друга «без особых затруднений» [Терещенко 1965: 8]⁶. Членение тундрового ненецкого языка на диалектные группы проходит в первую очередь по двум крупным географическим объектам — р. Печоре и Уральским горам. Тундровый ненецкий язык распадается на три основных диалектных группы: западную (к западу от р. Печоры, по левому берегу р. Печоры), центральную (Большеземельская тундра между р. Печорой и Уральскими горами) и восточную (к востоку от Уральских гор) [Терещенко 1965: 8—11; Nikolaeva 2014: 4].

Западная диалектная группа включает в себя три крайнезападных и один западный диалект. К крайнезападным диалектам относятся *канинский* (полуостров Канин и материковая часть Канинской тундры от Конушина берега Мезенской губы на западе до р. Пёши на востоке [НАО 2001: 119]), *тиманский* (Тиманская тундра — между р. Пёшей на западе и р. Индигой на востоке [там же: 256]) и *колгуевский* (на о. Колгуев в Баренцевом море); западным диалектом считается *малоземельский* (Малоземельская тундра — между р. Индигой на западе и р. Печорой на востоке [там же: 154]). **Центральная** диалектная группа представлена говорами *большеземельского* диалекта (Большеземельская тундра — между р. Печорой на западе и хребтом Пай-Хой и Уральскими горами на востоке [там же: 73]). К **восточной** (или сибирской) диалектной группе относятся восточные (западнее р. Оби и Обской губы: *приуральский* и *ямальский*) и крайневосточные диалекты (восточнее Обской губы: *надымский*, *тазовский*, *гыданский* и *таймырский* = *енисейский*). О диалектном членении тундрового ненецкого языка см. [Терещенко 1956: 183; Терещенко 1965: 8—11; Nikolaeva 2014: 4], а также рис. 1.

Рис. 1. Диалектное членение тундрового ненецкого языка. Автор карты — Ю. Б. Коряков⁷.

⁶ Ср.: “In spite of the fact that the area where Tundra Nenets is spoken is spread over a vast territory, the language itself exhibits relatively little dialectal diversity. Speakers of different varieties of Tundra Nenets can easily understand each other, partly because the traditional nomadic way of life means that the population is highly mobile and so the different groups of Tundra Nenets speakers are often in contact with each other” [Nikolaeva 2014: 4].

⁷ Автор благодарит Юрия Борисовича Корякова за создание карт, наглядно иллюстрирующих распространение, диалектное членение и степень сохранности тундрового ненецкого языка, которые представлены в данной статье.

Рис. 2. Сохранность тундрового ненецкого языка по регионам его распространения: процент носителей тундрового ненецкого языка среди ненцев. Автор карты — Ю. Б. Коряков.

Тундровый ненецкий литературный язык создан на основе большеземельского диалекта, занимающего центральное положение в диалектном континууме (с опорой также на ямальский диалект). Степень жизнеспособности и витальности тундрового ненецкого языка значительно отличается по регионам его распространения: наименее сохранным он оказывается на западе — в Ненецком АО, наиболее сохранным он остается в северо-восточной части ареала своего распространения (особенно в Ямало-Ненецком АО); см. рис. 2. Носители западных диалектов тундрового ненецкого языка исторически находились в более длительном и тесном контакте с русскоязычным населением, чем тундровые ненцы восточного ареала. По этой причине западные диалекты находятся под более существенным влиянием русского языка, чем восточные, и степень сохранности западных диалектов намного ниже, чем восточных; см. также [Nikolaeva 2014: 5]. Таким образом, в настоящее время архивные материалы XIX в. по западным диалектам тундрового ненецкого языка приобретают все большую значимость — тем больше, чем меньше становится носителей этих диалектов.

1.3. Основные отличительные особенности западного и крайнезападных диалектов тундрового ненецкого языка

Как отмечала уже Н. М. Терещенко, «наибольшие расхождения» с другими диалектами тундрового ненецкого языка имеют «говоры ненцев, расселенных в крайнезападной части тундры», — канинский, тиманский и колгуевский диалекты, составляющие крайнезападную диалектную группу [Терещенко 1965: 8] (см. также [Терещенко 1956: 187, 188]). В данной статье к сравнению привлекаются полевые материалы автора по двум крайнезападным диалектам: 1) материалы по канинскому диалекту, собранные в с. Ома Заполярного района Ненецкого АО (май—июнь 2011 г.)⁸ [ПМАКан]; 2) материалы по кол-

⁸ Автор выражает сердечную благодарность информантам, которые помогли ему в ходе полевой работы в с. Ома: Бобриковой Любови Кирилловне, Бобриковой (Бармич) Инне Николаевне, Бобриковой (Латышевой) Александре Ананьевне, Бармич (Канюковой) Зинаиде Максимовне, Ардеевой (Канюковой) Татьяне Филипповне, Латышевой (Ардеевой) Фаине Семеновне, Ардеевой (Бобриковой) Марине Прокопьевне, Ванюте (Канюковой) Полине Викторовне, Латышевой (Ардеевой) Нине Евсеевне, — а также гостеприимной семье Латышевых Василия Васильевича и Валентины Алексеевны за помощь в организации экспедиции.

гуевскому диалекту, собранные в пос. Бугрино (остров Колгуев) Заполярного района Ненецкого АО (ноябрь 2018 г.)⁹ [ПМАКолг].

Западный (малоземельский) диалект занимает промежуточное положение между центральным (большеземельским) и крайнезападными диалектами: «Многие особенности крайнезападных говоров¹⁰ наблюдаются в говоре ненцев Малоземельской тундры. Но, находясь между крайнезападными говорами, с одной стороны, и большеземельским говором, с другой, малоземельский говор имеет также ряд черт, свойственных последнему» [Терещенко 1965: 9]. См. подробнее об основных общих чертах малоземельского и крайнезападных диалектов как в области фонетики, так и в области морфологии и лексики в [Терещенко 1956: 188—190].

Перечислим здесь основные особенности западного и крайнезападных диалектов, отличающие их от центрального и восточных идиомов тундрового ненецкого языка; в первую очередь мы останавливаемся здесь на тех из них, которые будут значимы для нас в дальнейшем при анализе системы именного склонения западных диалектов в «Грамматике самоедского языка» архим. Вениамина (Смирнова). Подробнее о диалектных особенностях тундрового ненецкого языка см. [Salminen 1998: 16—17; Буркова 2010: 228—231; Nikolaeva 2014: 4—5].

1.3.1. Для западного (малоземельского) и крайнезападных диалектов (канинского, тиманского и колгуевского) характерно отсутствие фонемы *ŋ* в абсолютном начале слова (*əno* ‘лодка’, *arka* ‘большой’, *uda* ‘рука’), тогда как для центрального, восточных и крайневосточных диалектов — наличие фонемы *ŋ* в абсолютном начале слова (*ŋəno* ‘лодка’, *ŋarka* ‘большой’, *ŋuda* ‘рука’). Для крайнезападных диалектов (что отличает их даже от западного малоземельского, а не только от центрального и восточных диалектов) характерно также отсутствие *ŋ* после гортанной смычной фонемы *ʔ*: кр.-зап. *aʔo* ‘длиннохвостая утка’ ~ зап., центр., вост. *ŋaʔo* ‘длиннохвостая утка’; см. об этом [Salminen 1998: 16].

Ср. описание этой особенности в работе Н. М. Терещенко: «Слова в них (в крайнезападных диалектах) могут начинаться с гласных звуков — в остальных говорах начальным звуком таких слов является заднеязычный *n* (*ŋ*). Заднеязычный *n* (*ŋ*) в крайнезападных говорах отсутствует не только в начале, но и в середине слова, сохраняясь лишь в начале внутреннего или конечного слога, если предшествующий слог не оканчивается на гортанный смычный звук (ʔ). Например: б.-з. ¹¹ *уано*¹² (*ŋəno*) ~ канин. *ано* ‘лодка’; б.-з. *уб* ~ канин. *об* ‘один’; б.-з. *уэ* ~ канин. *э* ‘нога’; б.-з. *уа* ~ канин. *а* ‘утка’; б.-з. *мэ* ~ канин. *мэ* ‘мы (многие) держим’ <...>» [Терещенко 1965: 8]. См. об этой диалектной особенности также [Терещенко 1956: 187].

1.3.2. Для западного и крайнезападных диалектов характерен переход *ŋ > w* в интервокальной позиции перед лабиализованным гласным (*n'awor-* ‘толстеть’), тогда как в центральном, восточных и крайневосточных диалектах наблюдается сохранение *ŋ* в данной позиции (*n'aŋor-* ‘толстеть’); см. [Salminen 1998: 16].

1.3.3. По данным, представленным в [Salminen 1998: 16], для западного и крайнезападных диалектов характерна деназализация, утрата сонорного носового согласного (*m*, *n* и *ŋ*) в сочетаниях «сонорный носовой + шумный» (*mp > b*, *mp' > b'*, *nc' > z'*, *ŋk > g*), тогда как в центральном, восточных и крайневосточных диалектах наблюдается наличие (сохранение) сонорного носового согласного в данном сочетании: зап., кр.-зап. *l'ib'a* ‘орел’, *l'eb'a* ‘блюдец; лопасть’, *l'id'ag*° ‘бобр’ (с озвончением шумного); центр., вост., кр.-вост. *l'imp'a* ‘орел’, *l'emp'a* ‘лопасть’, *l'id'aŋk*° ‘бобр’. Наши полевые материалы по крайнезападным диалектам подтверждают это [ПМАКан; ПМАКолг]. См. примеры с этой диалектной особенностью также в работах Н. М. Терещенко: б.-з. *ямбан* ~ канин. *ябан* ‘в длину’ [Терещенко 1956: 190];

⁹ Автор выражает сердечную благодарность информантам, которые помогли ему в ходе полевой работы на острове Колгуев: Варницыной (Ардеевой) Наталье Клавдиевне, Большаковой Розе Алексеевне, Ардеевой Инге Ивановне, Ардеевой Марте Ивановне, Большаковой Ольге Александровне, Гребенюк (Ардеевой) Татьяне Гавриловне, Ардееву Алексею Григорьевичу, Ардееву Александру Михайловичу (Санко), — а также Ледковой Анастасии Филипповне, гостеприимной семье Варницыных Николая Ивановича и Натальи Клавдиевны и гостеприимной семье Варницыных Ивана Николаевича и Светланы Сергеевны за помощь в организации экспедиции.

¹⁰ В работах Н. М. Терещенко диалекты тундрового ненецкого языка называются «говорами», а сам тундровый ненецкий язык — «тундровым наречием ненецкого языка».

¹¹ Н. М. Терещенко обычно рассматривает данные по канинскому диалекту как одному из крайнезападных и сравнивает канинские примеры с большеземельскими, т. к. большеземельский диалект лежит в основе тундрового ненецкого литературного языка.

¹² Здесь и далее все слова на тундровом ненецком языке, которые цитируются по работам Н. М. Терещенко, приводятся полностью в ее орфографической записи (см. подробнее о ее графических принципах выше, п. 1.1.4).

б.-з. *хавнанд* ~ канин. *хавнат*¹³ ‘кроме тебя’ [там же: 188]; б.-з. *мэну* ~ канин. *мэгу* ‘он будет находиться’ [там же: 187]; б.-з. *яңго* ~ канин. *яго* ‘ловушка’ [Терещенко 1965: 8].

Отметим, однако, что по данным, представленным в [Терещенко 1956], деназализация, т. е. утрата сонорного носового согласного в сочетании «сонорный носовой + шумный», характерна только для крайнезападных диалектов (как пример приводится канинский) и не представлена в западном — малоземельском: «Вместе с тем малоземельский говор (диалект) по ряду признаков отходит от крайнезападных (...) и сближается с большеземельским. Например: б.-з. *енга*¹⁴ (*јеуга*) ~ канин. *ега* (*јега*) ~ м.-з. *енга* (*јеуга*) ‘шаг’; б.-з. *иленгу* (*јилеңгу*) ~ канин. *илегу* (*јилегу*) ~ м.-з. *иленгу* (*јилеңгу*) ‘он будет жить’; б.-з. *ямбан* (*јамбан*) ~ канин. *ябан* (*јабан*) ~ м.-з. *ямбан* (*јамбан*) ‘в длину’ (...)» [Терещенко 1956: 190].

1.3.4. Для западного и крайнезападных диалектов характерны сохранение фонемы *w'* и ее спорадический переход в *j* (*n'eja* ~ *n'ew'a* ‘мать’, *jiw'a* ‘клей’), тогда как в центральном, восточных и крайневосточных диалектах наблюдается переход *w' > b'* (*n'eb'a* ‘мать’, *jib'a* ‘клей’); см. об этом также [Salminen 1998: 16]. Ср.: б.-з. *хибя?* ~ канин. *хывя?* ~ м.-з. *хия?* ‘кто?’; б.-з. *небя* ~ канин. *нея*, *невя* ~ м.-з. *нея*, *небя* ‘мать’ [Терещенко 1956: 190]¹⁵.

1.3.5. Для западного и крайнезападных диалектов характерна утрата *x* в интервокальной позиции (*n'a^or* < *n'ax^or* ‘три’), однако эта черта может быть свойственна также восточным и крайневосточным идиомам. Ср. упоминание об этом диалектном явлении в работе Н. М. Терещенко: «Ряд слов и форм выступает в крайнезападных говорах в более сокращенном, стянутом виде. Например: б.-з. *няхяр*” <*n'ax^or*» ~ канин. *няр*” ‘три’; б.-з. *илеуаха*’ ~ канин. *илеуа*’ ‘они (двое) живут’; б.-з. *хэвэхэ* ~ канин. *хэвэ*’ ‘они (двое) ушли’ (...). Характерно, что стяженные формы слов наблюдаются также в таймырском, тазовском, надымском и ямальском говорах» [Терещенко 1965: 8]. См. также примеры на данную особенность в диалектах западного ареала в другой работе Н. М. Терещенко: б.-з. *няхар*” <*n'ax^or*» ~ канин. *няр*”¹⁶ ‘три’; б.-з. *нгэсыхыд* ~ канин. *эсыд* ‘из стойбища’; б.-з. *нгацекэхэна* ~ канин. *ачкэна*, *ацькэна* ‘у ребенка’; б.-з. *товэхэ*’ ~ канин. *товэ*’ ‘они (двое) пришли’ [Терещенко 1956: 187]; б.-з. *тикэхэна* ~ канин., м.-з. *тикэна* ‘тогда’ [там же: 189].

Что касается значимости учета данной диалектной черты при анализе системы именного склонения западных идиомов тундрового ненецкого языка, то необходимо отдельно отметить, что эта особенность проявляется, в частности, в формах LOC/INSTR.SG, LOC/INSTR.PL, ABL.SG, ABL.PL и DAT.PL абсолютного склонения, во всех формах DAT, LOC/INSTR и ABL посессивного склонения, а также во всех падежных формах двойственного числа (см. аффиксы данных форм в таблицах в пп. 3.4.1 и 3.4.2)¹⁷. Н. М. Терещенко также упоминает о важности учета данной диалектной особенности при изучении категории числа в западных ненецких идиомах:

«Утверждение Г. Н. Прокофьева о том, что в результате длительного соприкосновения ненцев Канинского п-ова и Малоземельской тундры с русскими (с XVI в.) и широкого распространения во всех тундрах, лежащих к западу от Печоры, влияния русского языка “(...) канинский и малоземельский говоры утратили такие характерные для ненецкого языка формы, каковыми являются двойственное число в склонении имен, двойственное число действия в глаголе и некоторые другие”, следует признать не вполне точным. Значительное влияние русского языка на канинский и малоземельский говоры не подлежит сомнению. Но влияние это, сказываясь в ряде лексических и фонетических особенностей данных говоров, не затрагивает, однако, существа их морфологической структуры. Допущенная Г. Н. Прокофьевым неточность объясняется слабой изученностью особенностей фонетической структуры западных говоров, в частности — характерного для них стяжения слога с начальным звуком *x* (в качестве показа-

¹³ Однако здесь без отмеченного озвончения шумного согласного.

¹⁴ Здесь и несколько раз далее при цитировании работы [Терещенко 1956] фонема *ŋ* обозначается как диграф *ng*.

¹⁵ Ср. также: «Согласный, не имеющий соотносительной мягкой пары, заменяется близким по образованию мягким звуком: (...) *в* ~ *б'* (...). В западных говорах (...), где имеется мягкий *в*, замены *в* мягким *б'* не происходит: (...) осн. п. ед. ч. (NOM.SG) *сава* ‘шапка’ — вин. п. мн. ч. (ACC.PL) *сави* и др.» [Терещенко 1965: 873, сн. 1].

¹⁶ Здесь и далее Н. М. Терещенко отмечает долготу гласного после выпадения *x* в интервокальной позиции и стяжения двух гласных.

¹⁷ Ср. также о стяженных формах локатива и аблатива единственного и множественного числа в западных диалектах: «Что же касается западных говоров тундрового диалекта (тундрового ненецкого языка), особенно говора ненцев Канинского полуострова, то у имен с основой на гласный звук образование не полных, а стяженных падежных форм является нормой. Например: *яна* (вместо *яхана* (*jax^ona*)) — местн.-тв. п. (LOC/INSTR.SG) от *я* (*ja*) ‘место’, ‘земля’; *яд* (вместо *яхад* (*jaxad^o*)) — отл. п. (ABL.SG) от той же основы (...)» [Терещенко 1947: 45].

теля двойственного числа в ненецком языке выступает звук *x* с последующим гласным и конечным звонким гортанным смычным). (...) Более детальное изучение материалов, произведенное за последние годы, приводит к выводу о том, что и в западных говорах (...) формы двойственного числа как в склонении, так и в спряжении не утрачены и лишь форманты этой категории подверглись некоторому фонетическому видоизменению в полном соответствии с фонетическими особенностями данных говоров. (...) Иллюстрацией этого положения могут служить следующие примеры: б.-з. *халяха* ~ канин. *халя̄* ~ м.-з. *халя̄* 'рыбы (две)'; б.-з. *вэнекохо* ~ канин. *вэнькō* ~ м.-з. *вэнякō* 'собаки (две)'; б.-з. *тэхэ* ~ канин. *тэ̄* ~ м.-з. *тэ̄* 'олени (два)' (...); б.-з. *вэнекохоюда* ~ канин. *вэнькōюда* ~ м.-з. *вэнякōюда* 'его собаки (две)' (...). Ср. с аналогичными формами множественного числа: б.-з. *халя*'' ~ канин. *халя*'' ~ м.-з. *халя*'' 'рыбы (многие)'; б.-з. *вэнеко*'' ~ канин. *вэнько*'' ~ м.-з. *вэняко*'' 'собаки (многие)'; б.-з. *ты*'' ~ канин. *ты*'' ~ м.-з. *ты*'' 'олени (многие)' (...); б.-з. *вэнекуда* ~ канин. *вэнькуда* ~ м.-з. *вэнякуда* 'его собаки (многие)' (...)) [Терещенко 1956: 191—192].

1.3.6. Для центрального, западного и крайнезападных диалектов характерно отсутствие переходов *e > i* и *o > u* [u] в безударной позиции в абсолютном конце слова (*tato* [tato] 'искра'), тогда как восточным и крайневосточным диалектам свойственны данные переходы в этой позиции (*tato* [tátu], [táto] 'искра'); см. об этом [Salminen 1998: 16]. Отсутствие данных переходов в центральном, западных и крайнезападных диалектах, видимо, связано с характерным для них повышением частоты основного тона на конечном открытом слоге словоформы и вызванным им более четким произношением [ПМАБз; ПМАКан; ПМАКолг].

1.3.7. По нашим полевым данным [ПМАКан; ПМАКолг], для крайнезападных диалектов (а по данным [Терещенко 1956], также и для западного малоземельского диалекта) характерна более сильная редукция безударного гласного второго слога, чем в центральном и восточных диалектах, например: б.-з. *нгацекэхэна* ~ канин. *ачкэна*, *ацкэна* 'у ребенка' [Терещенко 1956: 187]; б.-з. *вэнекуда* ~ канин. *вэнькуда* 'его собаки (многие)' [там же: 192].

1.3.8. Что касается именного склонения западного и крайнезападных диалектов, то Н. М. Терещенко выделяет следующую особенность при образовании формы винительного падежа единственного числа посессивного склонения с указанием на 2-ое лицо и единственное число обладателя (ACC.SG.POSS2SG): б.-з. *нисямд* <*n'is'amt*^o> ~ канин., м.-з. *нисябт* 'твоего отца'; б.-з. *нябимд* <*n'ab'imt*^o> ~ канин., м.-з. *няюбт* 'твоего другого' [Терещенко 1956: 189]. Данная особенность была зафиксирована нами в двух крайнезападных диалектах — канинском и колгуевском [ПМАКан; ПМАКолг]: по нашим полевым данным, для формы ACC.SG.POSS2SG в данных диалектах характерен не только аффикс *-bt*^o (-[bt]/-[pt]), но и аффикс *-b*^o (-[b]/-[p]) вместо литературного *-mt*^o, т. е. даже с одним смычным взрывным в конце фонетического слова, а не с двумя, как было отмечено в работе Н. М. Терещенко (например, колг. *ùdáb*^o вместо лит. *ñudámt*^{o18}).

1.3.9. Н. М. Терещенко отмечает также ряд лексических различий между крайнезападными и восточными ненецкими диалектами, например: канин. *еся неда* ~ ямал. *еся сехэры* 'железная дорога'; канин. *хуця* ~ ямал. *то* 'одеяло'; канин. *мярэ* ~ ямал. *падар*'' 'бумага'; канин. *сосна* ~ ямал. *е* 'сосна' и др. [Терещенко 1956: 188].

2. Общие сведения о «Грамматике самоедского языка» («Samojedische Grammatik») архимандрита Вениamina (Смирнова)

Оригиналы архивных материалов, представленных в данной статье, находятся в фонде № 94 Санкт-Петербургского филиала ФГБУ науки Архива Российской академии наук (Архива РАН)¹⁹ — в фонде рукописей трудов А. М. Шегрена (1794—1855): фонд 94, опись 1, дело № 25. Дело № 25 называется «Samojedische Grammatik» («Грамматика самоедского языка»), насчитывает 78 листов и представляет собой описание грамматического строя тундрового ненецкого языка с опорой на западные диалекты, в первую очередь на «мезенско-канинско-тиманский» диалектный континуум — на говоры ненцев, населяющих бассейн р. Мезень, Канинскую и Тиманскую тундры, т. н. Канино-Тиманье (см. рис. 1), а также Малоземельскую тундру (в настоящее время все эти территории входят в состав Ненецкого АО).

¹⁸ Как побочное ударение на гласном первого слога здесь и далее в аналогичных случаях обозначено просодическое выделение первого гласного.

¹⁹ Автор благодарит Архив РАН за предоставленную возможность работать с данными материалами.

Расшифровка и набор этих рукописных материалов были осуществлены к. ф. н. Ириной Владимировной Бегунц²⁰ и выверены автором данной статьи в рамках совместной работы в 2019 г. по проекту РФФ № 15-18-00044 «Информационная система для описания малочисленных языков народов мира. Создание описаний алтайских и уральских языков России, находящихся на грани исчезновения» (рук. — В. М. Алпатов). На основе этих рукописных архивных материалов на платформе “LingvoDoc” (<http://lingvodoc.ispras.ru/>) была создана база данных «Парадигмы из рукописи “Грамматика самоедского языка” архимандрита Вениамина (западные диалекты тундрового ненецкого языка) [1825–1830]»²¹, насчитывающая 84 лексических входа²² и 2340 парадигматических форм²³ (с переводами из рукописи, указанием листов, грамматическими пометами-гlossами и соответствиями из современного тундрового ненецкого литературного языка²⁴); работа над этой базой данных продолжается, в настоящий момент она еще не закончена (work in progress).

Отметим, что существуют и более ранние материалы по языку западных тундровых ненцев, живших на территории современного Ненецкого АО: так, в своей недавней работе М. Д. Люблинская подробно анализирует особенности сказки «Вада Хасово» на тундровом ненецком языке, которая была напечатана в июньском номере научно-популярного журнала Академии наук «Новые ежемесячные сочинения» за 1787 г. [Люблинская 2019]. Данную сказку «повѣствоваль Канинской земли Самоѣдинъ Афонька Батуринь», однако, как отмечает М. Д. Люблинская, «[в] речи рассказчика представлены (...) черты [как] западного (канинского), так и центрального говора, что свойственно для жителей этого места» [Люблинская 2019: 230].

2.1. «Самоедская миссия» архимандрита Вениамина (Смирнова) и история создания «Грамматики самоедского языка»

Рис. 3. Архимандрит Вениамин (Смирнов).

Архимандрит Вениамин (в миру Василий Никифорович Смирнов; рис. 3) родился около 1782 г. в с. Вонгуда Онежского уезда Архангельской губернии в семье священника Никифора Иларионовича Смирнова (мать — урожд. Никонова Соломония Федосеевна). В. Н. Смирнов прошел обучение в Архангельской духовной семинарии, после чего в 1805 г. был определен учителем в начальный класс семинарии, преподавал грамматику (1806 г.), синтаксис и арифметику (1807 г.), «пистику» и географию (1808 г.), греческий язык, церковную и гражданскую историю (1809 г.). 10 декабря 1811 г. В. Н. Смирнов был пострижен в монашество в Богоявленском храме Архангельского кафедрального собора, 25 декабря того же года рукоположен в иеродиакон, а 6 января 1812 г. — в иеромонахи. В 1811—1814 гг. он был префектом Архангельской духовной семинарии, преподавал там риторику, историю, еврейский и греческий языки. В 1813 г. он был возведен в сан игумена и назначен настоятелем Корельского монастыря во имя св. Николая-Чудотворца, а 5 апреля 1820 г. переведен в Свято-Троицкий Антониево-Сийский монастырь.

В 1824 г. начался новый — «самоедский», «ненецкий» — этап в жизни архимандрита Вениамина. Главным делом его жизни стала проповедь христианства (православия) среди ненцев («самоедов») в Мезенском уезде на севере Архангельской губернии (см. рис. 4). Указом императора Александра I (от 5 августа 1824 г.) и по инициативе Архангельского епископа Неофита (Докучаева-Платонова) была создана миссия, целью которой являлось следующее: «[В]ойти в обращение с самоедами и кротостью и другими пастырскими добродетелями снискать их доверенность, вникнуть в образ жизни, мыслей и наклонностей и, раскрывая им ложность и тщету их веры, открывать им свет Евангелия и крестить по довольном наставлении в веру» [Православная энциклопедия, VII: 648—649]. Управляющим миссии был назначен архимандрит Вениамин, в состав миссии также вошли священники Ф. Истомина и М. Леонтьевский, при-

²⁰ Автор приносит благодарность Ирине Владимировне Бегунц за эту бесценную помощь.

²¹ В английской версии перевода: “Paradigms from the manuscript “The grammar of the Samoyed language” by Archimandrite Veniamin / Benjamin (the Western dialects of Tundra Nenets) [1825–1830]”.

²² Лексические входы доступны по ссылке: <http://lingvodoc.ispras.ru/dictionary/2865/5/perspective/2865/6/view>.

²³ Парадигматические формы доступны по ссылке: <http://lingvodoc.ispras.ru/dictionary/2865/5/perspective/2865/7/view>.

²⁴ Далее иногда сокращается как СТНЛЯ.

четники Я. Истомин и В. Двойников (ненец, помогавший в переводе Евангелия на тундровый ненецкий язык), а также С. Апицын (ненец-переводчик) [там же].

29 января 1825 г. члены миссии отправились из Архангельска в г. Мезень, который был избран центром миссии. В 1826—1828 гг. миссия действовала в Большеземельской тундре (на орографически правом берегу р. Печоры), Малоземельской и Тиманской тундрах (на левом берегу р. Печоры), опорным пунктом миссии стал Пустозерск. В 1829 г. миссия вернулась в Мезень для завершения христианизации Канинской тундры (см. рис. 4). За время работы миссии, с 1825 по 1830 г., «во всех тундрах» было крещено «самоедов» «обоего пола 3303 души» [Страдомский 1875: 28]. В поездках у миссионеров была походная, передвижная церковь с иконами и колоколами (с весны 1826 г.), также в рамках «самоедской» миссии были построены три церкви для новокрещеных ненцев; см.: «На правомъ берегу Неси²⁵ находится самоедская, приходская для сей тундры, деревянная церковь, во имя Благовѣщенія Пресвятыя Богородицы. Церковь эта, съ домами для причта, построена на Высочайше ассигнованную сумму 25000 руб. ассигн.» [Вениамин 1855: 78]. Подробнее о миссионерском служении архимандрита Вениамина среди тундровых ненцев («самоедов») Мезенского уезда см. в работах: [Страдомский 1875; Шульгин 1895а, 1895б, 1895в, 1896; Козмин 1913; Базанов 1936] и [Волынская 2001]; биографические данные приводятся по изданию [Православная энциклопедия, VII: 648—649]²⁶, см. подробнее: <http://www.pravenc.ru/text/150317.html>.

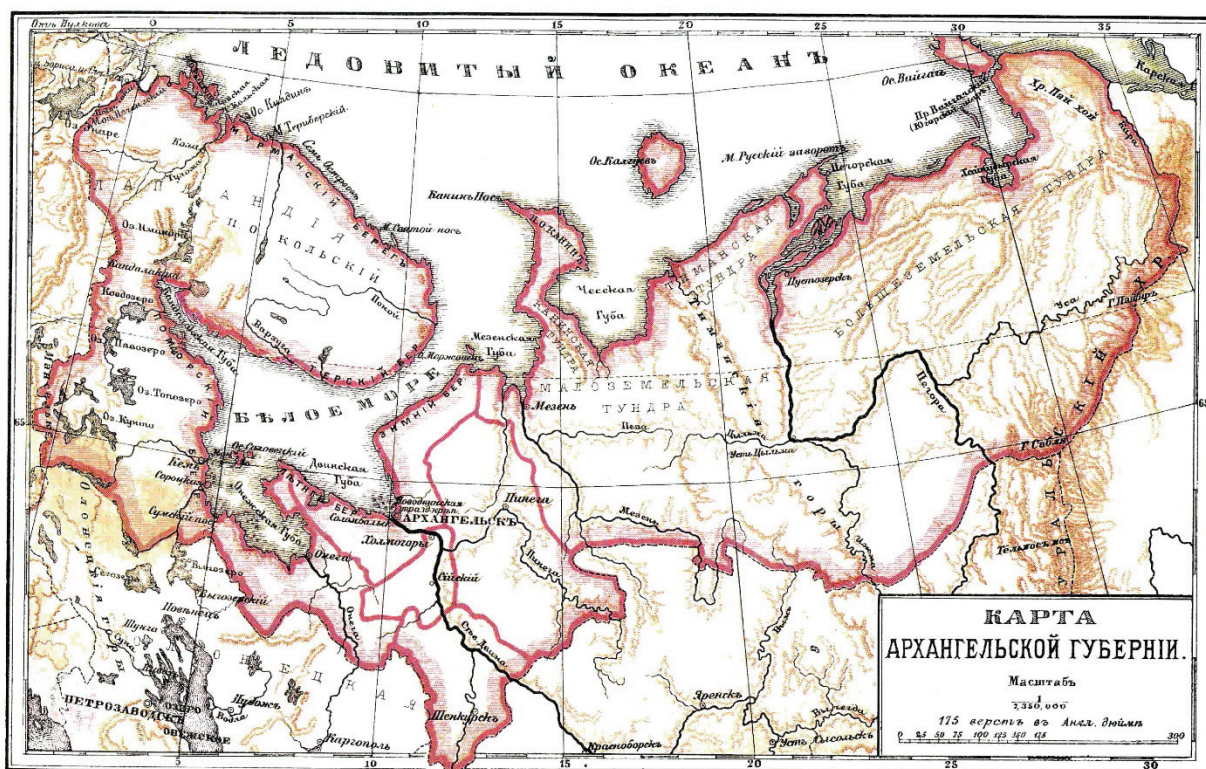

Рис. 4. Карта Архангельской губернии, 1890 г.

(«Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона», том 2, стр. 214).

Мезенский уезд (крайний правый, самый восточный на карте) не менял своих границ с 1796 по 1891 гг., а в 1891 г. часть Мезенского уезда отошла Печорскому уезду.

В работе Е. А. Хелимского представлена довольно резкая оценка миссионерской деятельности архим. Вениамина как слишком «ревностной»: «Миссионерская деятельность православной церкви носила по преимуществу формальный характер — приняв крещение, коренное население Севера обычно продолжало придерживаться своих религиозных обычаев, поклоняясь идолам и практикуя шаманизм. (...) Известны лишь несколько случаев, когда чрезмерно ревностные церковные деятели, опираясь на поддержку

²⁵ Несь — река в Канинской тундре.

²⁶ Биографические сведения об архимандрите Вениамине, представленные в «Православной энциклопедии», опираются на следующие архивные данные: ГААО (Государственное бюджетное учреждение Архангельской области «Государственный архив Архангельской области», ГБУАО «ГААО»), фонд № 29, опись № 2, том № 2, дела 571, 1207, 1293, 1438, 2177, 2775, 2777.

администрации, объявляли войну традиционным верованиям, преследовали “двоеверцев” и “отступников”. В частности, такую линию проводил архимандрит Вениамин, по приказу которого в 1826 г. было сожжено более 100 идолов и уничтожено главное святилище канинских ненцев» [Хелимский 2000: 31, сн. 7]. Ср. упоминания о святилищах Канинской тундры в работе архим. Вениамина (орфография и пунктуация источника сохранены): «*Болвановскій* хребеть получилъ названіе свое отъ множества стоявшихъ здѣсь идоловъ, которымъ поклонялись канинскіе Самоѣды до принятія крещенія» [Вениамин 1855: 80]; «Недалеко отъ Шомоховскихъ горъ, на берегу Бѣлаго моря, при рѣкѣ Кіѣ, возвышается отдѣльная гора, извѣстная подъ именемъ *Кійской сопки*. На ней стояли прежде идолы канинскихъ Самоѣдовъ; съ принятіемъ христіанства эти идолы мало-по-малу исчезли» [там же: 81].

В рамках своего миссионерского служения архимандрит Вениамин активно изучал тундровый ненецкий язык, а именно его западные диалекты, составил словарь «Лексикон самоедского языка», занимался переводом на тундровый ненецкий язык «Нового Завета», катехизиса и некоторых молитв, зафиксировал свои этнографические наблюдения о жизни ненцев-оленоводов (см. «Обращение в христианство мезенских самоедов: Записки архимандрита Вениамина» [Вениамин 1851] и сочинение «Самоеды мезенские» в 3-й книге «Вестника географического общества» за 1855 г. [Вениамин 1855]), а также подготовил «Граматику самоедского языка» (“*Samojedische Grammatik*”, далее — SamGr), материалы которой мы подробно рассматриваем в данной статье.

В самом начале своей работы «Самоеды мезенские» («Самоеды мезенскіе») архим. Вениамин приводит подробное географическое описание территории, входящей в Мезенский уезд Архангельской губернии, при этом в понятие «самоеды мезенские» входят не только тундровые ненцы самых крайнезападных тундр (ближе к р. Мезень), но и ненцы, населяющие весь Мезенский уезд: «Самоеды, обитающіе въ Мезенскомъ уѣздѣ Архангельской губерніи, занимаютъ берега Ледовитаго моря, отъ рѣки Мезени до рѣки Кары и хребта Уральскаго» [Вениамин 1855: 77]. Далее архим. Вениамин перечисляет все «земли», которые входят в состав этой «страны». Для каждой «земли» он дает подробное описание, включающее в себя следующие разделы:

1) «Предѣлы ея» — с указанием того, где проходят границы данной территории и с чем она граничит на севере, юге, востоке и западе;

2) «Пространство» — с указанием расстояний (в верстах) между выдающимися объектами на данной территории, что позволяет судить о ее площади;

3) «Рѣки» — с указанием основных речных объектов на данной территории (реки разделены по группам в зависимости от того, откуда они текут и куда впадают), а также со списком рыб, которые в них ловятся, описанием растительности по берегам, перечислением населенных пунктов, указанием на сезонные оленеводческие пастбища;

4) «Озера» — с указанием основных озер на данной территории, также со списком рыб, которые в них ловятся;

5) «Качество земли» — с описанием типов почвы и рельефа местности;

6) «Горные хребты» — с подробным описанием их особенностей, значимых в первую очередь для ведения оленеводческой деятельности;

7) «Земляные хребты» — с подробным описанием особенностей сопок;

8) «Произрастенія» — с описанием лесной (древесной) растительности, кустарников, травяного покрова, ягод, ягеля;

9) «Климатъ» — с краткой характеристикой и указанием времени ледостава и ледохода на реках;

10) «Промыслы» — с описанием особенностей ведения оленеводства, охоты, рыболовства и морского зверобойного промысла на данной территории;

11) «Число жителей» — с указанием на общую численность тундровых ненцев («самоедовъ»), а также численность лиц мужского и женского пола²⁷.

Необходимо отметить также добрые чувства, которые архим. Вениамин испытывал по отношению к «самоедам», для которых он осуществлял свою миссию: «Женщины-Самоедки скромны и стыдливы и такъ трудолюбивы, что видѣть Самоедку праздною, не за дѣломъ, почти невозможно. (...) Нельзя такъ

²⁷ См., например, данные о «Канинской земле» в [Вениамин 1855: 77—84]. «Канинская земля граничитъ къ сѣверу съ сѣвернымъ океаномъ, къ востоку — съ Чешскою губою и Тиманскою землею, къ югу — съ рѣками Мезенью и Пезою, къ западу — съ Бѣлымъ моремъ» [там же: 77]. Реки «Канинской земли»: Несь, Мгла, Яжма, Черна, Чижа, Шомокша, Каменна, Волосова, Кия, Шойна, Местна, Торна, Сальница, Бугреница, Большая Лазариха, Малая Лазариха, Зенова, Крестова, Большая Камбальница, Малая Камбальница, Рыбна, Песчанка, Жемчужна, Костылиха, Губиста, Собачья, Чеша, Голубница, Перепуск [там же: 78—79]. Численность тундровых ненцев («самоедов») «Канинской земли»: 947 чел., из них 470 мужского пола и 477 женского [там же: 84].

же не замѣтить, что Самоѣды между собою весьма дружелюбны: они помогают другъ другу во всѣхъ обстоятельствахъ своей суровой жизни, охотно дѣлятся съ товарищами послѣднимъ кускомъ хлѣба и ссужаютъ ихъ санками, ремнями, сѣтками, лодками и другими вещами, часто крайне нужными для самихъ» [Вениамин 1855: 140].

Однако епархиальные и губернские власти с недоверием относились к деятельности Самоедской духовной миссии: так, епископ Аарон (Нарциссов), сменивший на Архангельской кафедре еп. Неофита (Докучаева-Платонова), инициатора учреждения миссии для ненцев, обвинял архимандрита Вениамина в отступлении от предписаний, в «лености и недеятельности», а генерал-губернатор С. И. Миницкий старался привлечь внимание начальства к «печальным, неудачным действиям миссии» [Православная энциклопедия, VII: 648—649]. В результате 1 мая 1830 г. миссия была закрыта, а архимандрит Вениамин вернулся в Антониево-Сийский монастырь. История Самоедской духовной миссии (1825—1830 гг.) стала объектом различных исследований, освещающих вопросы христианизации коренных народов Севера: см., например, [Макарий (Миролюбов) 1878; Лебедев 1915; Окладников, Матафанов 2008].

В 1839 г. архимандрит Вениамин был назначен настоятелем Крестного монастыря на Кий-острове, а позже (в 1847 г.), по своей просьбе о перемещении его в местность с более мягким и теплым климатом, он был переведен в качестве настоятеля в Глуховский Петропавловский монастырь в Черниговской губернии, где и скончался 1 (13) сентября 1848 г. [Православная энциклопедия, VII: 648—649].

2.2. Графическая система «Грамматики самоедского языка»

«Грамматика самоедского языка» архимандрита Вениамина (СПб. филиал Архива РАН, ф. 94, оп. 1, д. № 25, 78 лл.) представляет собой рукопись на трех языках: в первую очередь в ней приводятся словоизменительные парадигмы на тундровом ненецком языке (в основу диалектной базы легли западные диалекты), комментарии к грамматическим материалам и переводы даются в основном на шведском языке (в соответствии с орфографическими нормами того времени), реже — также на русском языке (см. пример рукописной страницы на рис. 5). Так как данная рукопись находится в фонде рукописей трудов Андрея Михайловича Шегрена (швед. Andreas Johan Sjögren, 1794—1855) и снабжена в описи следующей пометой: «Samojedische Grammatik. Грамматика самоедского языка. Выдержки из рукописи. Грамматика архимандрита Вениамина», — то можно предположить, что данный архивный материал представляет собой переписанную А. М. Шегреном рукопись архим. Вениамина и что комментарии на шведском, возможно, принадлежат именно А. М. Шегрену (однако это требует дальнейшего исследования и уточнения). В данной статье мы в основном рассматриваем не комментарии на шведском, а данные грамматических таблиц с материалом на тундровом ненецком языке.

2.2.1. Графическая система обозначения фонем тундрового ненецкого языка в «Грамматике самоедского языка» в сопоставлении с другими системами

Прежде чем перейти к описанию графической системы рукописи SamGr, отметим, что в 1839 г. архим. Вениамин изложил А. М. Шегрену свою точку зрения о необходимости создания особых знаков для передачи «самоедской» речи и сообщил ему о том, что грамматику и перевод книг Нового Завета на «самоедский» язык он написал особыми, изобретенными им буквами (Архив СПбИИ РАН, ф. 26, д. 1, л. 62) [Харитоновна 2018: 234]. Однако в 1840 г. Комиссия духовных училищ при Святейшем Синоде не одобрила такое графическое решение архим. Вениамина и предписала ему «заняться составлением самоедской азбуки из одних только славянских букв с допущением в оную, в случае необходимости, прибавочных букв из русского языка, а не из других каких-либо языков» (ГААО, ф. 41, оп. 1, д. 4, л. 1) [там же: 235]. Но, как мы видим из дальнейшей переписки архим. Вениамина с А. М. Шегреном спустя несколько лет (в 1844 г.), автор “Samojedische Grammatik” продолжал считать, что «для самого самоедского языка и для ученого света гораздо было бы, если бы [переводы] напечатаны были особыми самоедскими буквами» (Архив СПбИИ РАН, ф. 26, д. 1, л. 83—84) [там же: 235]. Ср. также мнение архим. Вениамина по этому вопросу в рапорте на имя епископа Георгия: «Новый Завет на самоедском языке совершенно необходимо напечатать нарочно изобретенными буквами не для того, чтобы не можно было нарочито изобретенных букв заменить в печати буквами славянскими, с присоединением из русской азбуки с особыми знаками, а для того, что неминуемо того требует самое свойство самоедского языка» (цит. по [Окладников, Матафанов 2008: 206]).

В рукописи SamGr грамматические парадигмы на тундровом ненецком языке приводятся в записи то на кириллице (в дореволюционной орфографии), то на латинице; иногда кириллическая и латинская графиче-

ческие системы оказываются смешаны в записи одной парадигмы или даже одной словоформы. Если словоформа написана на кириллице, то в абсолютном конце слова после твердого согласного пишется буква «ер» (ь), например: *céръ* ‘salt’ [Зоб.] ⟨*ser* ‘соль’ NOM.SG); *vdámь* ‘руку’ [Зоб.] ⟨*γuda-m* ‘рука’-ACC.SG); *vadáвъ* ‘мое слово’ [Зоб.] ⟨*wada-w*^o ‘слово’-NOM.SG.POSS1SG) и т. д. Здесь и далее вначале приводятся примеры из рукописи SamGr, в квадратных скобках следует номер листа по рукописи (например: [3] — на передней стороне листа, [Зоб.] — на оборотной стороне листа); в угловых скобках даются соответствия из СТНЛЯ в фонологической записи, принятой нами в этой статье, с переводом и грамматическими глоссами.

1) Отдельно отметим принятые в рукописи графические решения по обозначению палатализации согласных: так, гласная фонема /a/ обозначается символом *a* после непалатализованного (твердого) согласного (C) и символом *æ* (реже *ä*) — после палатализованного (мягкого) согласного (C’); аналогично /e/ — символом *e* после C и символом *ε* после C’; /o/ — символом *o* после C и символом *o* (реже как (Cj)o) после C’ и т. д. Например: *vadáвъ* ‘мое слово’ [Зоб.] ⟨*wada-w*^o ‘слово’-NOM.SG.POSS1SG) — *cæ* ‘ansigte’ /‘ansikte’²⁸ [Зоб.] ⟨*s’a?* ‘лицо’ NOM.SG); *céръ* ‘salt’ [Зоб.] ⟨*ser* ‘соль’ NOM.SG) — *cēi* ‘hjerta’ /‘hjärta’/ [Зоб.] ⟨*s’ej*^o ‘сердце’ NOM.SG).

2) В рукописи SamGr гласные фонемы /u/ и /ū/ обозначаются с помощью кириллической буквы «ижица» (v) после твердых согласных и в начале слова, например: *vdà* ‘рука’ [Зоб.] ⟨*γuda* ‘рука’ NOM.SG); *xvvy* ‘morgon’ [Зоб.] ⟨*xīwi*^o ‘утро’ NOM.SG). Фонологическая длительность ненецких долгих гласных фонем верхнего подъема /ī/ и /ū/ в рукописи не обозначается, не имеет отдельного графического обозначения и фонема /ə/ — она передается так же, как /a/.

3) В рукописи SamGr гортанные смычные согласные фонемы не имеют отдельного графического выражения, они не обозначаются на письме: *cæ* ‘ansigte’ /‘ansikte’/ [Зоб.] ⟨*s’a?* ‘лицо’ NOM.SG), *i* ‘vatten’ [Зоб.] ⟨*ji?* ‘вода’ NOM.SG), *vadává* ‘наше слово’ [Зоб.] ⟨*wada-wa?* ‘слово’-NOM.SG.POSS1PL), *vdá* ‘руки’ [Зоб.] ⟨*γuda-?* ‘рука’-NOM.PL); *vadádd* ‘ихъ слово’ [Зоб.] ⟨*wada-do?* ‘слово’-NOM.SG.POSS3PL), *vdáN* ‘рукъ’ [Зоб.] ⟨*γuda-n*^{o?} ‘рука’-DAT.SG). Однако иногда на наличие «глухого» («неназализ(ир)ованного») гортанного смычного может указывать удвоение предшествующего согласного.

4) В рукописи SamGr согласные фонемы /n/ и /n’/ чаще обозначаются как *N* и *Nь* и реже как *n* и *нь* соответственно.

5) В рукописи SamGr фонема /j/ в абсолютном начале слова не имеет отдельного обозначения (*i* ‘vatten’ [Зоб.] ⟨*ji?* ‘вода’ NOM.SG)), а в конце словоформ передается как *i* (*cēi* ‘hjerta’ /‘hjärta’/ [Зоб.] ⟨*s’ej*^o ‘сердце’ NOM.SG)).

6) В рукописи SamGr согласная фонема /x/ в начале слова передается либо как *x*, либо как *ch*, а в интервокальной позиции, если не отмечена утрата этого согласного с последующим стяжением гласных, — как *z*, например: *vdagè* ‘рукъ’ [Зоб.] ⟨*γuda-x*^{o?} ‘рука’-GEN.DU) (ср. с отмеченным стяжением: *vdá* ‘рукамъ’ [Зоб.] ⟨*γuda-x*^{o?} ‘рука’-DAT.PL)).

В табл. 3 приведены ряды соответствий между разными системами обозначения гласных и согласных фонем тундрового ненецкого языка: 1) графической системой обозначения фонем тундрового ненецкого языка в именной части рукописи SamGr; 2) символами фонологической транскрипции, принятой в данной статье; 3) кириллической орфографической системой, представленной в словаре Н. М. Терещенко [Терещенко 1965]; 4) символами фонологической транскрипции Т. Салминена [Salminen 1998]. Об особенностях графической и орфографической систем Н. М. Терещенко см. подробнее выше (табл. 2, п. 1.1.4).

2.2.2. Система обозначения ударения в «Грамматике самоедского языка»

В ненецких формах в рукописи SamGr последовательно проставлено ударение. Для графического отражения акцентной системы западных диалектов тундрового ненецкого языка в SamGr используются четыре диакритических символа: акут ´ («острое ударение», /-образный штрих над буквой), гравис ` («обратное ударение», «слабое ударение», \-образный штрих над буквой), циркумфлекс ^ («крышечка») и ˇ («гачек», «перевернутая крышечка»).

Необходимо отметить, что, используя такую систему обозначения ударения, архим. Вениамин, вероятно, во многом опирался на церковнославянскую графическую традицию, в которой используются три надстрочных символа: *á* — «острое ударение» («оксия»), *à* — «тяжелое ударение» («вария»), *â* — «облегченное ударение» («камора»), — но при этом «различие знаков ударения не связано с особенностями произношения» [Плетнева, Кравецкий 1996: 29]. Ср.: «Так, слова ⟨...⟩ *землâ* и *землâ* читаются одинаково» [там же].

²⁸ Здесь и далее, если есть различия, мы вначале приводим переводы на шведский в том орфографическом виде, как они даны в рукописи SamGr, а далее в косых скобках // — в современной шведской орфографии.

Таблица 3

1	2	3	4
Графическая система SamGr (именная часть)	Фонологическая транскрипция, принятая в данной статье (латиница)	[Терещенко 1965] (кириллица)	[Salminen 1998] (латиница)
символы для обозначения гласных фонем			
<i>a</i> (C ₋), <i>æ/ä</i> (C' ₋) ²⁹	<i>a</i>	<i>a</i> (C ₋), <i>я</i> (C' ₋)	<i>a</i>
—	<i>æ</i>	э	<i>æ</i>
<i>e</i> (C ₋), <i>ɛ/ie</i> (C' ₋), <i>e</i> (# ₋)	<i>e</i>	э/э (C ₋), <i>e</i> (C' ₋)	<i>e</i>
<i>o</i> (C ₋), <i>o/(Cj)o</i> (C' ₋)	<i>o</i>	<i>o</i> (C ₋), <i>ё</i> (C' ₋)	<i>o</i>
<i>ы/y</i> (C ₋), <i>i</i> (C' ₋)	<i>i</i>	<i>ы</i> (C ₋), <i>и</i> (C' ₋)	<i>i</i>
<i>i</i> (C' ₋)	<i>ī</i>	<i>ы</i> (C ₋), <i>и/ī</i> (C' ₋)	<i>i</i>
<i>у, u</i> (C ₋), <i>ю</i> (C' ₋)	<i>u</i>	<i>у</i> (C ₋), <i>ю</i> (C' ₋)	<i>u</i>
<i>у</i> (C ₋), <i>ю/(j)u</i> (C' ₋)	<i>ū</i>	<i>у/ū</i> (C ₋), <i>ю</i> (C' ₋)	<i>ú</i>
<i>a</i> (C ₋), <i>æ</i> (C' ₋), <i>o</i> (C ₋)	<i>ə</i>	<i>ä/a</i> (C ₋), <i>я/я̃</i> (C' ₋)	ø ³⁰
—	o	(много вариантов графической реализации после <i>x</i> и <i>ʹ</i>)	o
символы для обозначения согласных фонем			
<i>m, t</i>	<i>m</i>	<i>m</i>	<i>m</i>
<i>m</i> (<i>m̄</i>)	<i>m'</i>	<i>m</i> (_я, е, ё, и, ī, ю, я̃)	<i>my</i>
<i>N, n</i> (чаще латиницей), <i>n</i> (реже кириллицей)	<i>n</i>	<i>n</i>	<i>n</i>
<i>N</i> (<i>N̄</i>), <i>n</i> (<i>n̄</i>), <i>n</i> (<i>j</i>)	<i>n'</i>	<i>n̄</i> , <i>n</i> (_я, е, ё, и, ī, ю, я̃)	<i>ny</i>
— (# ₋)	<i>ŋ</i>	ң	<i>ng</i> ³¹
<i>p, p</i>	<i>p</i>	<i>p</i>	<i>p</i>
<i>n</i> (<i>n̄</i>), <i>p</i>	<i>p'</i>	<i>p</i> (_я, е, ё, и, ī, ю, я̃)	<i>py</i>
<i>б, b</i>	<i>b</i>	<i>б</i>	<i>b</i>
<i>б</i> (<i>б̄</i>), <i>b</i>	<i>b'</i>	<i>б</i> (_я, е, ё, и, ī, ю, я̃)	<i>by</i>
<i>t, t</i>	<i>t</i>	<i>t</i>	<i>t</i>
<i>m</i> (<i>m̄</i>), <i>t</i> (<i>j</i>)	<i>t'</i>	<i>m</i> (_я, е, ё, и, ī, ю, я̃)	<i>ty</i>
<i>д, d</i>	<i>d</i>	<i>д</i>	<i>d</i>
<i>д</i> (<i>д̄</i>), <i>d</i> (<i>j</i>)	<i>d'</i>	<i>д</i> (_я, е, ё, и, ī, ю, я̃)	<i>dy</i>
<i>к, k</i>	<i>k</i>	<i>к</i>	<i>k</i>
(?)	<i>c</i> [ts]	ц	<i>c</i>
<i>z</i> (<i>z̄</i>)	<i>c'</i>	<i>ц̄</i> , <i>ц</i> (_я, е, ё, и, ī, ю, я̃)	<i>cy</i>
<i>c</i>	<i>s</i>	<i>c</i>	<i>s</i>
<i>c</i> (<i>c̄</i>), <i>βj</i>	<i>s'</i>	<i>c̄</i> , <i>c</i> (_я, е, ё, и, ī, ю, я̃)	<i>sy</i>
<i>x, ch</i> (_V), <i>z/g/—</i> (V ₋ V)	<i>x</i>	<i>x</i>	<i>x</i>
<i>в, v</i>	<i>w</i>	<i>в</i>	<i>w</i>
<i>в, v</i>	<i>w'</i>	—	— (<i>wy</i>)
<i>i</i> (_#), — (# ₋)	<i>j</i>	<i>й</i> (+ «йотированные» <i>я, е, ё, и, ī, ю, я̃</i>)	<i>y</i>
<i>л, l</i>	<i>l</i>	<i>л</i>	<i>l</i>
<i>л</i> (<i>л̄</i>), <i>l</i>	<i>l'</i>	<i>л̄</i> , <i>л</i> (_я, е, ё, и, ī, ю, я̃)	<i>ly</i>
<i>p, r</i>	<i>r</i>	<i>p</i>	<i>r</i>
<i>p</i> (<i>p̄</i>), <i>r</i> (<i>j</i>)	<i>r'</i>	<i>p̄</i> , <i>p</i> (_я, е, ё, и, ī, ю, я̃)	<i>ry</i>
—/удвоение предшествующего согласного (_#)	ʔ	”	<i>q</i>
—	ʔ	,	<i>h</i>

²⁹ Над символами для обозначения гласных могут быть проставлены диакритические знаки четырех типов (см. подробнее п. 2.2.2).

³⁰ В более поздних работах Т. Салминена — *ə*.

³¹ В более поздних работах Т. Салминена — *ŋ*.

множественного числа. Например: *цáръ* (И. ед.) — *цáръ* (Р. мн.), *царà* (Р. ед.) — *царâ* (И. или В. дв.)» [Плетнева, Кравецкий 1996: 30].

Приведем ряд примеров, подтверждающих, что архим. Вениамин использовал принципы церковнославянского письма.

1) «**Острое ударение**» в SamGr над буквой, обозначающей гласный, в начале и середине слова (не в абсолютном конце): *сéръ* ‘salt’ [Зоб.] <*ser* ‘соль’ NOM.SG>; *вадáвъ* ‘мое слово’ [Зоб.] <*wàdá-w*° ‘слово’-NOM.SG.POSS1SG>; *вадáръ* ‘твое слово’ [Зоб.] <*wàdá-r*° ‘слово’-NOM.SG.POSS2SG>; *вдáN* ‘рукъ’ [Зоб.] <*ñúdá-n*°? ‘рука’-DAT.SG> и мн. др.

Но также обозначение «острого ударения» встретилось в SamGr в формах множественного числа в абсолютном конце слова, например: *вдá* ‘руки’ [Зоб.] <*ñúda-ʔ* ‘рука’-NOM.PL>; *вдì* ‘руками’ [Зоб.] <форма INSTR.PL от *ñúda* ‘рука’>.

2) «**Тяжелое ударение**» в SamGr над буквой, обозначающей гласный, в конце слова: *вададà* ‘его слово’ [Зоб.] <*wáda-dà* ‘слово’-NOM.SG.POSS3SG>; *вдà* ‘рука’ [Зоб.] <*ñúda* ‘рука’ NOM.SG>; *хввè* ‘morgon’ [Зоб.] <*xñwi*° ‘утро’ NOM.SG>; *вдì* ‘руки’ [Зоб.] <*ñúdi* ‘рука’ ACC.PL>; *вадавà* ‘наше слово’ [Зоб.] <*wáda-wà*? ‘слово’-NOM.SG.POSS1PL>; *вадарà* ‘ваше слово’ [Зоб.] <*wáda-rà*? ‘слово’-NOM.SG.POSS2PL> и мн. др.

Однако обозначение «тяжелого ударения» может встречаться в SamGr не только в конце слова — чаще всего это происходит перед буквой *-i* (перед фонемным сочетанием */-j°/*) и при необходимости различения разных (омонимичных или квазиомонимичных) падежно-числовых форм: *сèì* ‘hjerta’ /‘hjärta’/ [Зоб.] <*s’ej*° ‘сердце’ NOM.SG>; *Нюгèì* ‘son’ [Зоб.] <форма VOC.SG от *n’ü* ‘сын’>; *хабèì* ‘tjenare’ /‘tjänare’/ [Зоб.] <форма VOC.SG от *xəb’i* ‘слуга’>; *вдамбòì* ‘рукою’ [Зоб.] <форма INSTR.SG в SamGr от *ñuda* ‘рука’>; *вдàсь* ‘рукою’ [Зоб.] <форма LOC.SG в SamGr от *ñuda* ‘рука’>.

3) «**Облеченное ударение**» — часто над буквой для обозначения долгого гласного, образовавшегося после стяжения, в определенных формах: *вдà* ‘рукою’ [Зоб.] <форма INSTR.SG в SamGr от *ñuda* ‘рука’, *ñuda-xəna* (> *ñuda°na* [ñúdá:nɛ])³² ‘рука’-LOC/INSTR.SG>.

4) «**Четвертый тип**» обозначения ударения (с помощью символа «гачек») — часто над буквой для обозначения долгого гласного, образовавшегося после стяжения, в определенных формах: *вдâ* ‘рукамъ’ [Зоб.] <*ñúda-x*°? ‘рука’-DAT.PL>.

Благодаря использованию четырех разных диакритических символов для обозначения ударения в рукописи SamGr на письме различаются омонимичные и квазиомонимичные падежно-числовые формы, например:

Нюгèì ‘son’ <форма VOC.SG от *n’ü* ‘сын’> — *Нюгèì* ‘söner’ <форма VOC.PL от *n’ü* ‘сын’> [Зоб.]; *хабèì* ‘tjenare’ /‘tjänare’/ <форма VOC.SG от *xəb’i* ‘слуга’> — *хабèì* ‘tjenare (plur.)’ /‘tjänare’/ <форма VOC.PL от *xəb’i* ‘слуга’> [Зоб.];

вдà ‘рука’ <*ñúda* ‘рука’ NOM.SG> — *вдà* ‘рукою’ <форма INSTR.SG от *ñúda* ‘рука’, *ñuda-xəna* (> *ñuda°na* [ñúdá:nɛ]) ‘рука’-LOC/INSTR.SG> — *вдà* ‘руки’ <*ñúda-ʔ* ‘рука’-NOM.PL> — *вдâ* ‘рукамъ’ <*ñúda-x*°? ‘рука’-DAT.PL> [Зоб.];

вдì ‘руки’ <*ñúdi* ‘рука’ ACC.PL> — *вдì* ‘руками’ <форма INSTR.PL от *ñúda* ‘рука’> [Зоб.];

вдàсь ‘рукою’ <форма LOC.SG от *ñúda* ‘рука’> — *вдàсь* ‘руками’ <форма LOC.PL от *ñúda* ‘рука’> [Зоб.].

3. Система именного склонения в современном тундровом ненецком литературном языке

Прежде чем перейти к анализу особенностей системы именного склонения западных диалектов тундрового ненецкого языка в SamGr, необходимо остановиться на общих положениях об именных категориях и склонении в СТНЛЯ. В данной статье мы принимаем систему именного склонения в тундровом ненецком литературном языке (как наиболее детально описанную и общеизвестную) за «нулевую точку отсчета» для удобства сравнения с системой именного склонения в рукописи SamGr и выявления уникальных особенностей последней.

Как уже неоднократно отмечалось в работах по грамматике тундрового ненецкого языка, имена существительные, прилагательные и числительные не имеют в нем четкой грамматической дифференциации и изменяются по одной системе склонения, поэтому в данной статье мы рассматриваем все эти три типа имен; ср.: “The two major classes are verbs and nouns, which clearly differ in their morphological, syntactic and semantic properties. Adjectives, pronouns, numerals and even the classes of adverbs and postpositions

³² Здесь и далее после фонологической записи в квадратных скобках приводится фонетическая транскрипция, символом « : » обозначается долгота гласного звука. Отметим, что символом [a] в фонетической транскрипции здесь и далее мы обозначаем гласный звук нижнего подъема среднего ряда (в IPA он обозначается как [ä]).

exhibit certain inflectional properties of nouns, but can be distinguished by other criteria” [Nikolaeva 2014: 29]. Ср. об этом также в более ранней работе: «Наиболее отчетливо противопоставляются друг другу имена и глаголы: при словоизменении они оказываются в разных парадигматических рядах, даже в случае их внешней идентичности. Членение имен проводится менее четко в силу отсутствия у них отчетливо выделяющихся универсальных формальных признаков. Особенно близки между собой существительные и прилагательные. Распространено простое соположение существительных, из которых предшествующее служит определением к последующему, имена определенных семантических групп в зависимости от синтаксической роли могут выступать то как существительные, то как прилагательные: *Пэ харъд’ хэвхъна нарка пэ тъя* ‘Около каменного дома есть большой камень’ <...>» [Терещенко 1993: 329]. Н. М. Терещенко даже предлагала включать существительные и прилагательные в одну категорию — «имя предметно-качественное» — и подробно аргументировала это положение в своей работе [Терещенко 1947: 38—40]³³.

3.1. Типы именных основ в современном тундровом ненецком литературном языке

В грамматике И. А. Николаевой выделяются следующие типы именных основ (“stem types”): 1) “primary stems” — «первичные» основы, прямые основы, служащие базисом для словообразования и словоизменения (например, именительный падеж единственного числа абсолютного типа склонения — NOM.SG); 2) “secondary stems” — «вторичные» основы, косвенные основы, которые образуются от «первичных» с помощью относительно регулярных фонологических чередований и изменений и появление которых обусловлено морфологическим контекстом (употребляются только при словоизменении; для имен это форма винительного падежа множественного числа абсолютного типа склонения — ACC.PL) [Nikolaeva 2014: 23].

Среди «первичных» (прямых) основ традиционно выделяются следующие типы и подтипы:

1) основы на согласные — 1.1. основы на согласные без чередований (“regular non-alternating consonantal stems”); 1.2. основы на согласные, чередующиеся с «глухим» («неназализ(ир)ованным») гортанным смычным; 1.3. основы на согласные, чередующиеся со «звонким» («назализ(ир)ованным») гортанным смычным;

2) основы на гласные (далее делятся по типам чередований конечных гласных).

О типах именных основ см. подробно в работах Н. М. Терещенко: [Терещенко 1947: 49—52; Терещенко 1965: 869; Терещенко 1966: 379; Терещенко 1993: 332]³⁴.

Основные различия между прямыми основами на согласные и прямыми основами на гласные заключаются в том, как от них образуются «вторичные» (косвенные) основы, и в том, в каких вариантах вы-

³³ Ср.: «В морфологическом отношении распределение слов по частям речи в ненецком языке может быть проведено значительно менее четко, чем, например, в русском языке. В ряде случаев наблюдается еще большая близость между отдельными группами слов, относимых к различным частям речи. <...> В первую очередь обращает на себя внимание отсутствие четкого, последовательного и закономерного разграничения имени существительного и имени прилагательного как особых, отличных друг от друга и от других имен лексико-грамматических категорий. <...> Одно и то же имя ненецкого языка может иметь значение и имени существительного, и имени прилагательного. Например: *ня* означает ‘дерево’ и ‘деревянный’, *хой* ‘гора’ и ‘горный’ <...> и т. д. Даже такие слова, как *сава* ‘хороший’, *нгарка* (*нарка*) ‘большой’, *нгока* (*юка*) ‘многочисленный’, *вэва* ‘худой’, ‘плохой’ и т. п. могут употребляться в значении имен предметных. Так, например, слово *сава* может обозначать не только ‘хороший’, но и ‘добро’ (“хорошесть”), *вэва* — не только ‘худой’, ‘плохой’, но и ‘лихо’ (“плохость”), *нгока* (*юка*) — не только ‘многочисленный’, но и ‘множество’ и т. д. <...> ни со стороны морфологии, ни со стороны семантики, ни со стороны синтаксиса материал ненецкого языка не дает достаточного основания для четкого разграничения внутри категории имени имен существительных и имен прилагательных как двух самостоятельных, противостоящих друг другу частей речи. В силу отмеченных особенностей данной категории, мы считаем целесообразным обозначить ее термином имя предметно-качественное» [Терещенко 1947: 38—40] (выделено автором. — М. А.).

³⁴ Ср.: «В зависимости от конечного звука основы имени существительные делятся на два класса. К I классу относятся существительные, основы которых оканчиваются на гласный или согласный звуки, за исключением гортанных смычных. Ко II классу относятся существительные, основы которых оканчиваются на гортанные смычные. Внутри каждого класса выделяются два подкласса. К 1-му подклассу I класса принадлежат существительные, основы которых оканчиваются на гласный звук <...>. Ко 2-му подклассу I класса относятся существительные с основой на согласный звук <...>. 1-ый подкласс II класса составляют существительные, оканчивающиеся на назализированный гортанный смычный, чередующийся в ряде форм со звуками *н* или *й* <...>. 2-ой подкласс II класса составляют существительные, оканчивающиеся на неназализированный гортанный смычный, чередующийся со звуками *д* и *с* <...>» [Терещенко 1965: 869].

ступают присоединяемые к ним аффиксы; кроме того, для основ на согласные характерны такие явления, как эпентеза и выпадение согласных при словоизменении, не свойственные основам на гласные [Nikolaeva 2014: 23].

Подробная и исчерпывающая классификация типов именных основ с указанием их словоизменительных особенностей и специфики образования от них основ ACC.PL дана в морфологическом словаре тундрового ненецкого языка Т. Салминена [Salminen 1998: 36—40]. Ниже мы приводим ее в сжатом виде, схемы типов основ представлены в записи Т. Салминена. Обращение к данной классификации необходимо нам для адекватного анализа системы именного словоизменения в рукописи SamGr.

а. Основы на согласные

Как отмечается в работе [Salminen 1997: 71—72], этот тип основ не является продуктивным, т. к. большинство недавних заимствований из других языков (в первую очередь из русского) адаптируются в тундровом ненецком языке как основы на *-ə*. Т. Салминен выделяет пять основных характеристик именных основ на согласные, приведем здесь некоторые из них: форма NOM.SG в абсолютном склонении оканчивается на согласный; суффиксы обычно выступают в вариантах с начальными *l* и *m*, а не *r* и *w*; суффикс DAT.SG в абсолютном склонении — *-t^oh* <*-t^oʔ*>³⁵; основа ACC.PL образуется с прибавлением *-o* (или *-e* с палатализацией предшествующего согласного; в записи Т. Салминена — *-ye*³⁶).

а.1. Основы на *-b*, *-l*, *-r*, *-m* (“permanent consonant stem nouns” [Salminen 1998: 36])

а.1.1. “Stable consonant stem nouns” (основы без чередований согласных)

а.1.1.1. Основы на *-b*: характерна дегеминация в деривационных формах; тип основ — *N p+o*³⁷ [там же].

а.1.1.2. Основы на сонорные плавные *l* и *r* (“liquid stem nouns” [там же]): характерна дегеминация при присоединения суффиксов, начинающихся с сонорных плавных согласных [Salminen 1998: 36; Nikolaeva 2014: 23]; типы основ — *N l+o*; *N r+o*, *N r+ye*, *N r+ye*³⁸ [Salminen 1998: 36].

а.1.2. Основы на *-m*: характерна дегеминация при присоединения суффиксов, начинающихся с *-m* [там же]; характерен переход *m > w* в интервокальной позиции при словоизменении [Salminen 1998: 36; Nikolaeva 2014: 23]; типы основ — *N m+o*, *N m+ye*, *N m+ye*’, *N m(yə→ye)* (*N m(yə→ye)*) [Salminen 1998: 36].

а.2. Основы на гортанные смычные согласные

а.2.1. Основы на *-t/-d* и *-s*, чередующиеся с «глухим» («ненализ(ир)ованным») гортанным смычным *q* <ʔ>: данные типы основ отличаются друг от друга только в позиции перед гласными, т. к. перед согласными и перед паузой происходит чередование с «ненализ(ир)ованным» гортанным смычным [Nikolaeva 2014: 23]; типы основ на *-t* — *N t+o*, *N t+ye*, *N t+ye*’; типы основ на *-s* — *N s+o*, *N s+ye*, *N s+ye*’ [Salminen 1998: 36].

а.2.2. Основы на *-n* и *-ŋ*, чередующиеся со «звонким» («нализ(ир)ованным») гортанным смычным *h* <ʔ>: данные типы основ отличаются друг от друга только в позиции перед гласными [Nikolaeva 2014: 23]; перед шумным конечный согласный основы — сонорный носовой; перед сонорным конечный согласный основы утрачивается [Salminen 1998: 37].

а.2.2.1. Основы на *-n*: тип основ — *N n+o* [там же].

а.2.2.2. Основы на *-ŋ*: конечный согласный основы утрачивается перед эпентетическим гласным; типы основ — *N ng+o*³⁹ (*N ŋ+o*), *N ng+ye* (*N ŋ+ye*), *N ng+ye*’ (*N ŋ+ye*’), *N ng→j+o* (*N ŋ→j+o*) [там же].

а.2.2.3. Основы на *-n*, чередующийся с *j* в позиции перед гласными (“*n~j*-stem nouns” [Salminen 1998: 37]): тип основ — *N n:j+o* [там же].

б. Основы на глайды

Основы на глайды немногочисленны, и словоизменение данных основ во многом подобно словоизменению основ на гласные. Основы ACC.PL образуются с помощью прибавления глайда и гласного *-o*

³⁵ В угловых скобках приводится фонологическая запись аффиксов, которой мы придерживаемся в данной статье (см. ниже парадигматические таблицы в разделе 4).

³⁶ В записи Т. Салминена *y* обозначает палатализованность предшествующего согласного.

³⁷ Таким способом обозначается конечный согласный основы и гласный, который присоединяется к нему при образовании формы ACC.PL.

³⁸ Символ ‘ («штрих») после *ye* в записи схемы типа именной основы обозначает, что в форме NOM.SG.POSS3SG возможны варианты аффикса как без палатализации (*-da/-ta*), так и с палатализацией (*-dya/-tya* <*-d’a/-t’a*>).

³⁹ Напоминаем, что в записи Т. Салминена в [Salminen 1998] фонема *ŋ* обозначается как диграф *ng* (см. выше табл. 2, п. 1.1.4).

(или *-e* с палатализацией предшествующего согласного; в записи Т. Салминена — *-ye*) [Salminen 1998: 37; Nikolaeva 2014: 23].

b.1. Основы на глайд *w*: типы основ — $N +w+o$, $N +w+ye'$ [Salminen 1998: 37].

b.2. Основы на глайд *y* (*ỵ*) (*j*): типы основ — $N +ỵ+o$, $N +ỵ+ye'$, $N +j+ye$ [там же].

с. Основы на гласные

Типы «первичных» (прямых) основ на гласные выделяются по тому, какие модификации и изменения они претерпевают при образовании «вторичных» (косвенных) основ [Nikolaeva 2014: 24]. Т. Салминен выделяет следующие четыре основные характеристики именных основ на гласные: форма NOM.SG в абсолютном склонении оканчивается на гласный; суффиксы обычно выступают в вариантах с начальными *r* и *w*, а не *l* и *m*; суффикс DAT.SG в абсолютном склонении — $-n^{\circ}h$ ($\langle -n^{\circ} \rangle$); основа ACC.PL образуется с помощью чередования гласных или без чередования [Salminen 1998: 37].

с.1. Односложные именные основы на гласные

с.1.1. Односложные основы не на чередующиеся гласные (“stable monosyllabic vowel stem nouns” [Salminen 1998: 37])

с.1.1.1. Односложные основы без чередования гласных при образовании основы ACC.PL: типы основ — $N 1 \equiv^{40}$, $N 1 \equiv'$ [там же].

с.1.1.2. Односложные основы на гласный *-a* (после твердых согласных), который чередуется с *-o* при образовании основы ACC.PL: форма пролатива⁴¹ множественного числа (PROL.PL) образуется либо от основы NOM.SG, либо от основы ACC.PL [Salminen 1998: 37]; тип основ — $N 1 a \rightarrow o^{42}$ [там же].

с.1.1.3. Односложные основы на гласный *-a* (после палатализованных и палатальных согласных), который чередуется с *-i* при образовании основы ACC.PL: форма PROL.PL образуется от основы NOM.SG [Salminen 1998: 37]; тип основ — $N 1 ya \rightarrow yi$ [там же].

с.1.2. Односложные основы на чередующиеся гласные $e \sim i^{43}$: данные основы представлены в двух вариантах — они оканчиваются на *-i*, если далее в словоформе отсутствуют другие слоги, и на *-e* — если в словоформе есть последующий(-ие) слог(и) [Salminen 1998: 38]; основа ACC.PL образуется с помощью изменения гласного основы на *-i*; форма PROL.PL образуется от основы NOM.SG; тип основ — $N 1 e \sim i$ [там же].

с.2. Неодносложные именные основы на гласные: могут заканчиваться на гласные *e*, *a*, *o*, *i*, *u*, *ə* [Nikolaeva 2014: 24]; в суффиксе PROL.SG обычно $^{\circ}$ (а не ∂) даже в нечетном слоге (например, *yakew^ona* ‘дым’-PROL.SG [Salminen 1998: 38]).

с.2.1. Неодносложные основы не на чередующиеся гласные (“stable polysyllabic vowel stem nouns” [Salminen 1998: 38])

с.2.1.1. Основы на гласные верхнего подъема (“high vowel stems” [Salminen 1998: 38]): типы основ на *-i* — $N i \equiv$, $N yi \equiv$; типы основ на *-u* — $N u \equiv$, $N yu \equiv$ [там же].

с.2.1.2. Основы на гласные среднего подъема (“mid vowel stems” [Salminen 1998: 38]): типы основ на *-e* — $N e \rightarrow i$, $N ye \rightarrow yi$, $N e \equiv$, $N e *$; типы основ на *-o* — $N o \rightarrow u$, $N yo \rightarrow yu$ [там же].

с.2.1.3. Основы на *-a*

с.2.1.3.1. Основы на *-a*, чередующийся с *-ə* (*-ø*) при образовании основы ACC.PL: типы основ — $N a \rightarrow \emptyset$ ($N a \rightarrow \partial$), $N a(\rightarrow ye) \rightarrow \emptyset$ ($N a(\rightarrow ye) \rightarrow \partial$), $N ya \rightarrow \emptyset$ ($N ya \rightarrow \partial$), $N ya \rightarrow y\emptyset$ ($N ya \rightarrow y\partial$) [Salminen 1998: 38].

с.2.1.3.2. Основы на *-a*, чередующийся с *-i* (без палатализации предшествующего согласного или с палатализацией предшествующего согласного) при образовании основы ACC.PL: типы основ — $N a \rightarrow i$, $N a \rightarrow yi$, $N a(\rightarrow ye) \rightarrow yi$, $N ya \rightarrow yi$ [там же].

с.2.1.3.3. Основы на *-a* (после палатализованных и палатальных согласных), чередующийся с *-e* (с депалатализацией предшествующего согласного) при образовании основы ACC.PL, а в западных диалектах — также с *-u* (с депалатализацией предшествующего согласного): тип основ — $N ya \rightarrow e$ [Salminen 1998: 39]; (тип основ в западных диалектах — $N ya \rightarrow u$ [там же]⁴⁴).

⁴⁰ Символ \equiv обозначает, что основы NOM.SG и ACC.PL одинаковы; символ 1 обозначает, что рассматриваемая основа состоит из одного слога.

⁴¹ В терминологии Т. Салминена — *просекутива* (“prosecutive”).

⁴² Здесь и далее после стрелки (\rightarrow) указывается гласный, с которым гласный прямой основы (основы NOM.SG) чередуется при образовании основы ACC.PL.

⁴³ Полная парадигма склонения слова *ti* ‘reindeer’, одного из имен существительных, относящегося к данному типу основ, приведена в работе Т. Салминена как образец [Salminen 1998: 30—31].

⁴⁴ Ср.: “In Western dialects the acc.pl stem $\langle \dots \rangle$ is formed by a vowel change to *u*, e. g. *xalya* ‘fish’: abs. acc.pl *xalu* (вместо *xale*), and other, rarer dialectal variants are also known to exist” [Salminen 1998: 39].

с.2.1.4. Основы на $-ə$ ($-\emptyset$): $ə > u$ в форме PROL.SG, если гласный следующего слога — «шва» ° [там же].

с.2.1.4.1. Основы на $-ə$, чередующийся с $-o$ или $-e$ при образовании основы ACC.PL: типы основ — $N \emptyset \rightarrow o$ ($N ə \rightarrow o$), $N y\emptyset \rightarrow yo$ ($N yə \rightarrow yo$), $N \emptyset \rightarrow ye$ ($N ə \rightarrow ye$), $N y\emptyset \rightarrow ye$ ($N yə \rightarrow ye$) [Salminen 1998: 39].

с.2.1.4.2. Основы на $-ə$, сохраняющийся без изменений при образовании основы ACC.PL: типы основ — $N \emptyset \equiv$ ($N ə \equiv$), $N y\emptyset \equiv$ ($N yə \equiv$) [там же].

с.2.2. Неодносложные именные основы на чередующиеся гласные (“alternating polysyllabic vowel stem nouns” [Salminen 1998: 39]): данные основы представлены в двух вариантах — они оканчиваются на $-i\emptyset$, $-u\emptyset$, $-j\emptyset$ ($-iə$, $-uə$, $-jə$), если далее в словоформе отсутствуют другие слоги, и на $-e$, $-o$ или \emptyset , если в словоформе есть последующий(-ие) слог(и); основа ACC.PL совпадает с основой NOM.SG; форма PROL.PL образуется от ACC.PL или от варианта основы, который появляется, когда в словоформе есть последующие слоги ($pəni^{\circ}qtəna \sim pəneqtəna$, $pəni^{\circ}qtəna \sim pəneqtəna$ ‘одежда; верхняя женская одежда (паница, ягушка)’-PROL.PL) [там же].

с.2.2.1. Основы с чередованием $e \sim i\emptyset$ ($e \sim iə$): тип основ с «простым» чередованием — $N e \sim i\emptyset$ ($N e \sim iə$) [Salminen 1998: 39]; типы основ с чередованием $e \sim i\emptyset$ ($e \sim iə$) и с чередованием гласных перед x — $N (e \sim i)e \sim i\emptyset$ ($N (e \sim i)e \sim iə$), $N (e \sim i)e \sim i\emptyset$ ($N (e \sim i)e \sim iə$), $N (o \sim u)e \sim i\emptyset$ ($N (o \sim u)e \sim iə$) [там же]⁴⁵.

с.2.2.2. Основы с чередованием $o \sim u\emptyset$ ($o \sim uə$): тип основ — $N o \sim u\emptyset$ ($N o \sim uə$) [Salminen 1998: 39].

с.2.2.3. Основы с чередованием $\emptyset \sim j\emptyset$ ($\emptyset \sim jə$): тип основ — $N \emptyset \sim j\emptyset$ ($N \emptyset \sim jə$) [Salminen 1998: 39]; как отмечает Т. Салминен, в западных диалектах этот тип основ имеет тенденцию к слиянию с типом основ на $-ə$ [там же].

Как мы видим из приведенной выше классификации именных основ Т. Салминена, информация об образовании основы винительного падежа множественного числа (“secondary stem”) крайне важна. «Вторичные» (косвенные) основы образуются от «первичных» (прямых) основ. Для имен существительных «вторичной» основой является косвенная основа, употребляющаяся в форме винительного падежа множественного числа (ACC.PL) и служащая словоизменительной базой для некоторых других форм: родительного падежа множественного числа абсолютного склонения GEN.PL (а также иногда «продольного» падежа, пролатива множественного числа абсолютного склонения PROL.PL), именительного, винительного и родительного падежей множественного числа посессивного склонения (NOM.PL.POSS1/2/3SG, NOM.PL.POSS1/2/3DU, NOM.PL.POSS1/2/3PL; ACC.PL.POSS1/2/3SG, ACC.PL.POSS1/2/3DU, ACC.PL.POSS1/2/3PL; GEN.PL.POSS1/2/3SG, GEN.PL.POSS1/2/3DU, GEN.PL.POSS1/2/3PL) и иногда PROL.PL.POSS1/2/3SG, PROL.PL.POSS1/2/3DU, PROL.PL.POSS1/2/3PL [Nikolaeva 2014: 25]. См. об этом также [Salminen 1998: 36].

Классификация Т. Салминена позволяет заключить, что основа винительного падежа множественного числа (ACC.PL) образуется от именной «первичной» (прямой) основы с помощью суффиксации или чередования гласных или совпадает с ней. Приведем здесь основные способы образования основ ACC.PL (об образовании форм винительного падежа множественного числа см. подробно [Терещенко 1947: 63; Терещенко 1965: 872—876; Nikolaeva 2014: 25—26]).

1) К прямым основам, оканчивающимся на согласные, при образовании основы ACC.PL прибавляется $-o$ или $-e$ (с палатализацией предшествующего согласного): ср. $pad^{\circ}r$ NOM.SG ‘бумага; грамота, письменность; учение; книга’ — $pad^{\circ}r-o$ ACC.PL.

2) Основы ACC.PL от некоторых прямых основ на гласные совпадают с ними, в основном это касается односложных имен существительных, а также прямых основ на $-ə$, $-i$ и $-u$ [Nikolaeva 2014: 25].

3) При образовании основ ACC.PL могут происходить чередования гласных. В работе [Nikolaeva 2014: 26] суммируются основные типы чередований гласных, характерные для основ NOM.SG и ACC.PL.

4) При образовании основ ACC.PL от прямых основ некоторых имен происходит палатализация или депалатализация согласных: ηuda NOM.SG ‘рука’ — $\etaud'i$ ACC.PL; $t'on'a$ NOM.SG ‘лиса, лисица’ — $t'on^{\circ}$ ACC.PL.

5) При образовании основ ACC.PL от прямых основ некоторых имен могут также происходить чередования согласных $\eta \sim j$, $k \sim c'$, $x \sim s'$, $w \sim b'$ (см. подробнее [Nikolaeva 2014: 26]): $noxə$ NOM.SG ‘песец’ — $nos'i$ ACC.PL; $tubka$ NOM.SG ‘топор’ — $tubc'i$ ACC.PL.

⁴⁵ См. примеры на эти три типа основ с чередованием гласных перед x в [Salminen 1998: 39]: $maly^{\circ}ngkixi^{\circ}$ ($maly^{\circ}\eta kixi^{\circ}$) <NOM.SG = ACC.PL> ‘of the time’ — $maly^{\circ}ngkexeda$ ($maly^{\circ}\eta kexeda$) <NOM.SG.POSS3SG>; $ngixi^{\circ}$ (ηixi°) <NOM.SG = ACC.PL> ‘distant’ — $ngexeda$ (\etaexeda) <NOM.SG.POSS3SG>; $l\acute{o}k^{\circ}mpuxi^{\circ}$ ($l\acute{o}k^{\circ}mpuxi^{\circ}$) <NOM.SG = ACC.PL> ‘temporary’ — $l\acute{o}k^{\circ}mpoxeda$ ($l\acute{o}k^{\circ}mpoxeda$) <NOM.SG.POSS3SG>.

3.2. Грамматические категории имени в современном тундровом ненецком литературном языке

Основные грамматические категории имени в СТНЛЯ — категория числа, категория падежа, категория посессивности (личной притяжательности, личной принадлежности) и категория дестинативности (личного предназначения) [Терещенко 1966: 378]⁴⁶. Традиционно принято также выделять три типа склонения имен: абсолютное («основное»), «лично-притяжательное» и «лично-предназначительное» [Терещенко 1947: 59].

О разнице в грамматических категориях существительных, прилагательных и числительных см., например, в работе Н. М. Терещенко: «Существительное характеризуется категориями числа, падежа, личной притяжательности, дезидеративности <дестинативности, личного предназначения>; прилагательное — категориями числа, (ограниченно) падежа; числительное — категориями падежа, (ограниченно) числа; <...> всем именным частям речи в предикативных формах⁴⁷ присущи категории лица и числа субъекта, времени» [Терещенко 1993: 331].

3.2.1. Категория числа

Категория числа является словоизменяющей грамматической категорией имен: они могут стоять в формах единственного, двойственного или множественного числа. Единственное число морфологически немаркировано. Маркером двойственного числа абсолютного склонения является аффикс $-x^{\circ}?$, при этом в СТНЛЯ формы именительного, родительного и винительного падежей двойственного числа полностью совпадают; маркером двойственного числа посессивного склонения является аффикс $-xəju/-x^{\circ}ju$, к которому далее присоединяются посессивные аффиксы [Nikolaeva 2014: 57]. Маркером именительного падежа множественного числа абсолютного склонения (NOM.SG) является аффикс $-?$; о регулярности образования форм множественного числа в тундровом ненецком языке см.: “It is probably correct to say that Tundra Nenets does not exhibit nouns that are *singularia tantum*: basically every noun can take a plural form” [там же: 60].

3.2.2. Категория падежа

В современном тундровом ненецком языке категория падежа представлена семью падежами⁴⁸:

1) тремя «грамматическими» падежами — номинатив (именительный падеж, nominative = NOM), аккузатив (винительный падеж, accusative = ACC), генитив (родительный падеж, genitive = GEN);

2) четырьмя «местными» падежами — датив (дательный, «дательно-направительный» падеж, dative = DAT), локатив («местно-творительный» падеж, locative = LOC), аблатив («отложительный» падеж, ablative = ABL), пролатив («продольный» падеж, prolativ = PROL)⁴⁹ [Терещенко 1947: 60; Nikolaeva 2014: 60].

Более специализированные значения выражаются с помощью падежно-последложных форм.

3.2.2.1. Номинатив (именительный падеж, NOM)

Форма NOM.SG абсолютного склонения морфологически немаркирована, форма NOM.PL маркирована аффиксом $-?$. Основными синтаксическими функциями номинатива в тундровом ненецком языке, по данным И. А. Николаевой, являются следующие: “the subject of a finite clause”, “the subject of some non-finite clauses”, “pronominal possessor”, “adnominal modifier”, “non-verbal predicate”, “apposition”, “address”, “imperative object” [Nikolaeva 2014: 60]⁵⁰.

⁴⁶ Ср.: “Nominal inflectional categories are case, number, possessive agreement (person / number of the possessor), and the category traditionally <...> called ‘destinative’ or ‘predestinative’. <...>” [Nikolaeva 2014: 29].

⁴⁷ В данной статье мы не рассматриваем предикативные формы имен (“predicative forms of nouns” [Nikolaeva 2014]).

⁴⁸ Ср.: “Traditionally, the case system is divided into grammatical cases (nominative, accusative, and genitive) and local cases (dative, locative, ablative, and prolativ). The former combine with all three numbers, while the local cases appear only in the singular and plural” [Nikolaeva 2014: 60].

⁴⁹ Ср.: «<...> дательно-направительный, местно-творительный, отложительный и продольный составляют группу местных падежей в силу того, что все они служат в предложении, в первую очередь, для выражения обстоятельства места. Все указанные падежные формы используются вместе с тем и для выражения обстоятельства времени. Помимо этих общих для всех местных падежей функций, каждый из них имеет и свои особые значения» [Терещенко 1947: 82].

⁵⁰ Ср. о функциях номинатива в работе Н. М. Терещенко: «Именительный падеж <...> является, в первую очередь, формой выражения подлежащего. <...> Вместе с тем именительный падеж весьма широко используется для

3.2.2.2. Аккузатив (винительный падеж, ACC)

Форма ACC.SG абсолютного склонения, ACC.SG.POSS2SG и ACC.SG.POSS3SG маркирована показателем *-m(-)* (в формах посессивного склонения за этим падежным показателем следуют посессивные аффиксы); форма ACC.SG.POSS1SG совпадает с формой NOM.SG.POSS1SG. Об образовании формы ACC.PL см. подробнее выше, в п. 3.1. Основная синтаксическая функция аккузатива в тундровом ненецком языке: “the direct object of transitive verbs in finite and non-finite clauses” [Nikolaeva 2014: 61]⁵¹.

3.2.2.3. Генитив (родительный падеж, GEN)

Форма GEN.SG абсолютного склонения маркирована показателем *-ʔ*, форма GEN.PL образуется прибавлением аффикса *-ʔ* к основе ACC.PL. Основными синтаксическими функциями генитива в тундровом ненецком языке, по данным И. А. Николаевой, являются следующие: “the expression of a possessor” (“but (...) the pronominal possessor stands in the nominative”); “the NP-internal genitives may express nominal modification”; “the subject of non-finite clauses”, “the passive agent”, “the object of postpositions”, “the object of verbs derived from postpositions”; “it also marks some temporal adjuncts (...), and manner adverbs derived from adjectives and the adjectival form of nouns” [Nikolaeva 2014: 61—62]⁵².

3.2.2.4. Датив (дательный, «дательно-направительный» падеж, DAT)

Форма DAT.SG абсолютного склонения маркирована показателем *-n^{oʔ}/-t^{oʔ}*, форма DAT.SG.POSS1SG — показателем *-xə-*, формы DAT.SG.POSS2SG и DAT.SG.POSS3SG — показателем *-xə²*. Форма DAT.PL образуется от основы NOM.SG с помощью аффикса *-x^{oʔ}/-k^{oʔ}*. Основные синтаксические функции датива в тундровом ненецком языке, по данным И. А. Николаевой: “the dative marks the indirect object”, “the dative functions adverbially, i. e. as an adjunct”; также датив может выражать следующие значения: ‘direction of movement or transfer’, ‘cause’, ‘distribution’, ‘period of time’ [Nikolaeva 2014: 62]. И. А. Николаева отмечает еще одну функцию датива, свойственную речи некоторых носителей западных диалектов Т ненец: “the dative indicates the causee argument of causative constructions derived from transitive verbs” [там же]⁵³.

3.2.2.5. Локатив («местно-творительный» падеж, LOC)

Форма LOC.SG абсолютного склонения маркирована показателем *-xəna/-kəna* (также с палатализацией — *-xən'a*), форма LOC.PL — показателем *-xəʔna/-kəʔna* (*-xəʔn'a*). В данной статье в сопоставительных таблицах ниже мы обозначаем этот падеж как LOC/INSTR. Основные синтаксические функции локатива в тундровом ненецком языке, по данным И. А. Николаевой: “the locative oblique object”, “to indicate a force (non-agent) argument in passive constructions”, “a small number of verbs and non-verbal predicates require a locative with subject-like properties”; также локатив может выражать следующие значения: ‘general location’, ‘location in time or circumstances’, ‘instrument’, ‘means of transportation’, ‘cause’, ‘comitative’ (“only (...) for nouns denoting humans”) [Nikolaeva 2014: 63—64]⁵⁴.

выражения определения к имени. (...) Прямое дополнение также может быть выражено именительным падежом, но преимущественно в лично-притяжательных формах» [Терещенко 1947: 77, 78—79].

⁵¹ Ср. о функциях аккузатива в работе Н. М. Терещенко: «Винительный падеж, в противоположность другим падежам, имеет ограниченное количество функций и употребляется, главным образом, для выражения прямого дополнения, в том числе и прямого дополнения при отрицательном глаголе» [Терещенко 1947: 81].

⁵² Ср. о функциях генитива в работе Н. М. Терещенко: «Родительный падеж в роли приименного определения (...) характеризует различные признаки своего определяемого (принадлежность, отнесенность, предназначение, качество и др.). (...) употребляется для характеристики действия во времени. (...) родительный падеж (чаще в лично-притяжательных формах) используется для выражения действующего лица, не являющегося субъектом данного предложения. Такого рода употребление родительного падежа наблюдается обычно в сочетании с причастиями» [Терещенко 1947: 79, 80].

⁵³ Ср. о функциях «дательно-направительного» падежа в работе Н. М. Терещенко: «Дательно-направительный падеж заключает в себе идею приближения, сближения. (...) 1. Служит для выражения места, к которому направлено действие, конечного пункта движения. (...) 2. Выражает лицо или предмет, к которым обращено действие. (...) 3. Характеризует временные отношения. (...) 6. Выражает причинность действия» [Терещенко 1947: 82—84].

⁵⁴ Ср. о функциях «местно-творительного» падежа в работе Н. М. Терещенко: «Местно-творительный падеж (...) выполняет как функции местного падежа, так и некоторые функции творительного падежа. Наиболее часто эта падежная форма используется в предложении в следующих значениях: 1. Места действия. (...) 2. Времени действия. (...) 3. Лица, у которого происходит действие. (...) 4. Лица, активно участвующего в действии, совместно с субъектом предложения, а также предмета, не принимающего в действии активного участия и не являющегося его объектом, но употребляющегося вместе с последним. (...) 5. Способа передвижения. (...) 6. Предмета, при помощи которого производится действие. (...) 7. Орудия действия. (...) 8. Причинности действия» [Терещенко 1947: 84—86].

Отметим здесь, что для форм локатива и аблатива (см. ниже) единственного и множественного числа характерны усеченные (стяженные) падежные формы: «Не говоря уже об именах, оканчивающихся на слог со звуком *x*, при склонении которых усечение всех падежных форм, начинающихся со звука *x*, является правилом, ряд других имен с основой на гласный звук параллельно с полными падежными формами образуют и усеченные формы. Например: *сехэрэна* (наряду с *сехэрэхэна* — местн.-тв. п. ед. ч. <LOC/INSTR.SG> от *сехэры* ‘дорога’). Явление это наблюдается и в говорах, принятых за основу при создании литературного ненецкого языка» [Терещенко 1947: 45].

3.2.2.6. Аблатив («отложительный» падеж, ABL)

Форма ABL.SG абсолютного склонения маркирована показателем *-xəd°/-kəd°*, форма ABL.PL — аффиксом *-xət°/-kət°*. Основные значения аблатива в тундровом ненецком языке, по данным И. А. Николаевой: ‘direction away from or out of something or somebody’, ‘the beginning of a period of time’, ‘cause’, ‘source, origin’, ‘standard of comparison’ [Nikolaeva 2014: 64—65]⁵⁵.

Отметим здесь, что для аблатива и локатива (см. выше) единственного и множественного числа от имен, оканчивающихся на слог со звуком *x*, характерны усеченные (стяженные) падежные формы: «Стяжение слога имеет место в том случае, если основа слова оканчивается на слог со звуком *x* и последующий суффикс также начинается со звука *x*. Например: *нохо* <*ноха*> ‘песец’ ~ отл. п. ед. ч. <ABL.SG> *нохо* + *ход* = *ноход* <...>» [Терещенко 1965: 866].

3.2.2.7. Пролатив («продольный» падеж, PROL)

Форма PROL.SG абсолютного склонения маркирована показателем *-m°na/-mәna* (*-m°n'a/-mәn'a*), в интervoкальной позиции при этом наблюдается переход *m > w* (*-w°na*). Форма PROL.PL абсолютного склонения, маркированная показателем *-ʔm°na/-ʔmәna* (*-ʔm°n'a/-ʔmәn'a*), может образовываться либо от основы ACC.PL, либо от «первичной» (прямой) основы NOM.SG [Nikolaeva 2014: 59]. Имеется также особенность образования формы PROL.SG от именных основ, оканчивающихся на *-ә*, на нее необходимо обратить внимание: “Note also that stem-final *ә* is realized as *u* before *w* in the prolativ singular, e. g. *xər°* ‘knife’ > *xәruw°na* <PROL.SG>” [там же: 65]⁵⁶. В работах Т. Салминена пролатив называется просекутивом (“prosecutive”). Основные значения пролатива в тундровом ненецком языке, по данным И. А. Николаевой: ‘movement along, across between or through something’, ‘manner, cause, means, correlation’ [Nikolaeva 2014: 65—66]⁵⁷.

Подробно об образовании и значениях падежных форм см. [Терещенко 1947: 60—95; Терещенко 1965: 876—879; Nikolaeva 2014: 60—66]; см. также таблицы с падежными аффиксами и образцами склонения в [Терещенко 1947: 70; Терещенко 1965: 870; Терещенко 1966: 380; Терещенко 1993: 332].

⁵⁵ Ср. о функциях «отложительного» падежа в работе Н. М. Терещенко: «Отложительный падеж выполняет <...> функции исходного падежа и имеет следующие основные значения: 1. Места, откуда производится действие, начального пункта движения. <...> 2. Отрезка времени, начиная с которого происходит или происходило действие. <...> В большинстве своих функций отложительный падеж заключает в себе идею удаленности, отделения от данного предмета или лица. <...> В силу этого формы отложительного падежа используются для выражения: 1. Места, предмета, лица, от которых что-нибудь отнимается, получается, покупается, извлекается, узнается, спрашивается, а также лица или предмета, внушающих страх, боязнь. <...> 2. При обозначении расстояния между предметами, а также при указании на удаление одного предмета от другого (как в пространстве, так и во времени). <...> 3. Для названия общего, от которого выделяется частное. <...> Формы отложительного падежа служат также для выражения лица или предмета, с которым сравнивается другое лицо или другой предмет. <...> Чаше, чем формы других падежей, формы отложительного падежа используются для выражения причины действия. <...> Формы отложительного падежа служат для наименования материала, из которого сделан предмет» [Терещенко 1947: 87—89].

⁵⁶ Ср. об этой особенности также в работе Т. Салминена: “*ø*-stem nouns: the final vowel of the stem <*ø* = *ә*> is changed to *u* in pros.sg <PROL.SG> when the vowel of the following syllable is the schwa, i. e. *xәruw°na* <*xәruw°na* ‘sledge’-PROL.SG> etc., cf. forms with the schwa in a non-final odd syllable, e. g. (*yedey°* ‘new’ :) *yedey°wәna* <*yedey°wәna*>” [Salminen 1998: 39].

⁵⁷ Ср. о значениях «продольного» падежа в работе Н. М. Терещенко: «Продольный падеж выражает следующие значения: 1. Пространства или предмета, по которым распространяется то или иное действие, преимущественно связанное с движением. <...> 2. Времени действия. <...> 3. Косвенного дополнения. <...> 4. Предмета, который за что-то уплачен или дан в обмен. <...> 5. Способа и образа действия. <...> 6. Определителя качества действия. <...> Помимо этих основных функций, форма продольного падежа может использоваться также для выражения следующих значений: 1. Причины действия. <...> 2. Предмета, посредством которого совершается то или иное действие. <...> 3. Признака, по которому два или несколько предметов сравниваются между собой» [Терещенко 1947: 90—91].

3.2.2.8. Прогрессивная дистантная ассимиляция гласных после *x* при образовании падежных форм

Для всех диалектов тундрового ненецкого языка характерна прогрессивная дистантная ассимиляция гласных, при которой *o* и *a* (а иногда и *a*), следующие после *x*, уподобляются гласному, предшествующему *x* (см., например, [Nikolaeva 2014: 18]). См. также об этом явлении в работах Н. М. Терещенко: «Ассимиляция гласных выражается в том, что гласный, следующий после звуков *x* и неназализованного гортанного смычного, соответствует предшествующему гласному. (...) Если звук *x* является начальным звуком суффикса, то следующий после *x* гласный соответствует конечному гласному основы» [Терещенко 1965: 864]; см. об ассимиляции гласных после *x*, или о «гармонической упорядоченности»⁵⁸, также [Терещенко 1966: 378; Терещенко 1993: 328].

В работе [Терещенко 1947: 71] приводится таблица с примерами, показывающими, как дистантная ассимиляция гласных после *x* проявляется в падежных формах, когда аффикс начинается на *-x-*; ниже мы приводим полностью эту таблицу с соблюдением авторской орфографии Н. М. Терещенко (см. табл. 4). В записи именных парадигм Н. М. Терещенко обычно обозначает «неустойчивый» гласный после *x* одиночной или двойной черточкой (например, как *-x-на/-x=на*, *-x-д/-x=д* и т. д.).

Таблица 4

⟨NOM.SG⟩	⟨LOC/INSTR.SG⟩	⟨ABL.SG⟩	⟨DAT.PL⟩	⟨LOC/INSTR.PL⟩	⟨ABL.PL⟩	⟨NOM.DU⟩
<i>вэба</i>	<i>вэбахана</i>	<i>вэбахад</i>	<i>вэбаха'</i>	<i>вэбаха'на</i>	<i>вэбахат</i>	<i>вэбаха'</i>
<i>нго</i>	<i>нгохона</i>	<i>нгоход</i>	<i>нгохо'</i>	<i>нгохо'на</i>	<i>нгохот</i>	<i>нгохо'</i>
<i>пэ</i>	<i>пэхэна</i>	<i>пэхэд</i>	<i>пэхэ'</i>	<i>пэхэ'на</i>	<i>пэхэт</i>	<i>пэхэ'</i>
<i>ту</i>	<i>тухуна</i>	<i>тухуд</i>	<i>туху'</i>	<i>туху'на</i>	<i>тухут</i>	<i>туху'</i>
<i>нгэсы</i>	<i>нгэсыхына</i>	<i>нгэсыхыд</i>	<i>нгэсыхы'</i>	<i>нгэсыхы'на</i>	<i>нгэсыхыт</i>	<i>нгэсыхы'</i>
<i>туни</i>	<i>тунихина</i>	<i>тунихид</i>	<i>тунихи'</i>	<i>тунихи'на</i>	<i>тунихит</i>	<i>тунихи'</i>
<i>не</i>	<i>нехэна</i>	<i>нехэд</i>	<i>нехэ'</i>	<i>нехэ'на</i>	<i>нехэт</i>	<i>нехэ'</i>
<i>нё</i>	<i>нёхона</i>	<i>нёход</i>	<i>нёхо'</i>	<i>нёхо'на</i>	<i>нёхот</i>	<i>нёхо'</i>
<i>тю</i>	<i>тюхуна</i>	<i>тюхуд</i>	<i>тюху'</i>	<i>тюху'на</i>	<i>тюхут</i>	<i>тюху'</i>
<i>я</i>	<i>яхана</i>	<i>яхад</i>	<i>яха'</i>	<i>яха'на</i>	<i>яхат</i>	<i>яха'</i>

3.2.3. Категория посессивности (категория «личной принадлежности»)

В тундровом ненецком языке все имена существительные могут иметь посессивные формы [Nikolaeva 2014: 66]. В грамматике И. А. Николаевой вопрос о функционировании и значениях посессивных форм освещается очень подробно [Nikolaeva 2014: 68—72]⁵⁹. В работах Н. М. Терещенко принято говорить об этих формах как о «лично-притяжательном склонении», падежные формы которого, «в отличие от основного склонения», «включают в себя не только падежное значение, но и указание на принадлежность тому или иному лицу» [Терещенко 1947: 95]: «Лично-притяжательные суффиксы указывают: 1) на падеж имени, 2) на лицо обладателя, 3) на число этого лица, 4) на число самого предмета» [там же: 100]. Так как в ненецком языке три лица и три числа (единственное, двойственное и множественное), то «на каждый падеж основного склонения приходится в лично-притяжательном склонении девять лично-притяжательных форм» [там же: 96].

В данной статье мы будем говорить о лично-притяжательных формах как о посессивном склонении. В формах посессивного склонения вначале следуют падежные аффиксы, а затем — посессивные аффиксы с указанием на лицо и число посессора [Nikolaeva 2014: 59] («лично-притяжательные суффиксы» в терминологии Н. М. Терещенко). См. подробно об образовании и функционировании «лично-притяжательных форм» в [Терещенко 1947: 95—111; Терещенко 1965: 879—881; Терещенко 1966: 381—382]⁶⁰.

⁵⁸ Ср.: «Гармоническая упорядоченность прослеживается в ограниченном виде как в основе слова, так и на стыке морфем и выражается в уподоблении гласного, следующего за звуками *x* и неназализованным гортанным смычным », предшествующему им звуку» [Терещенко 1993: 328].

⁵⁹ Ср.: «The possessive category expresses the person / number of the possessor by means of possessive affixes attached to the head noun (the possessed) in the possessive construction. The pronominal possessor can be dropped (and in most instances it is absent), so that possessive marking on the head represents some kind of incorporated pronoun (...)» [Nikolaeva 2014: 66—67].

⁶⁰ Приведем здесь также сведения об образовании посессивных форм из работы И. А. Николаевой: «(...) the structure of the possessive forms in non-nominative cases is 'stem — case — person of possessor — number of possessor'. But in the 1st person the accusative does not have a case marker and cumulates with the expression of the person / number

В работе И. А. Николаевой отмечается также диалектная вариативность в употреблении посессивного аффикса для формы NOM.SG.POSS1SG (и ACC.SG.POSS1SG): для восточных диалектов характерно употребление показателя *-m'i*, а для западных — *-w^o* или *-m'ih* <*-m'iʔ*> [Nikolaeva 2014: 67]. В работе Т. Салминена диалектное различие интерпретируется иначе: в восточных диалектах показатель NOM.SG.POSS1SG *-w^o* часто заменяется аффиксом NOM.SG.POSS1DU *-myih* <*-m'iʔ*> [Salminen 1998: 31].

3.2.4. Категория дестинативности (категория «личного предназначения», “predestinative”)

В работах Н. М. Терещенко об этой категории говорится как о категории «личного предназначения», «дезидеративности» или «лично-предназначительном склонении» [Терещенко 1947: 111—115, 881—882; Терещенко 1966: 382; Терещенко 1993: 329]: «Помимо основного склонения и склонения лично-притяжательного, в ненецком языке имеется еще одно склонение — лично-предназначительное. Падежные формы лично-предназначительного склонения включают в себе указание на предназначение обозначенного именем предмета, свойства или действия тому или другому лицу» [Терещенко 1947: 111]. Дестинативные формы образуются с помощью аффикса *-də-*, который предшествует посессивным показателям. О функционировании и значении дестинативных форм см. также в грамматическом описании И. А. Николаевой [Nikolaeva 2014: 72]⁶¹.

3.3. Чередования, значимые при анализе системы именного склонения в современном тундровом ненецком литературном языке

И. А. Николаева выделяет два типа фонологических чередований (“phonological processes”, “phonological alternations”): 1) “postlexical alternations” — чередования, не зависящие от морфемных границ (в том числе не ограничивающиеся границами слова); 2) “alternations sensitive to morphology” — чередования, возникающие на морфемных границах [Nikolaeva 2014: 20—22]. Остановимся здесь подробнее на тех из них, которые оказываются значимыми при анализе именных парадигм.

3.3.1. Фонологические чередования, не зависящие от морфемных границ

К данному типу чередований относятся, например, следующие:

1) согласные смычные фонемы *p*, *p'*, *t* и *t'* в позиции после гласных чередуются со звонкими согласными (“secondary consonants”) *b*, *b'*, *d* и *d'* соответственно⁶²;

2) согласные фрикативные фонемы *s*, *s'* и *x* в позиции после согласных чередуются с фонемами *c*, *c'* и *k* соответственно⁶³;

3) «неназализ(ир)ованная» гортанная смычная фонема *ʔ* выпадает перед шумными согласными, но фонетически реализуется гортанной смычкой во всех остальных позициях: *toxoʔ* ‘ткань’ — *toxo-ta* (<*toxoʔ-ta*> ‘ткань’-NOM.SG.POSS3SG — *toxo-kəna* (<*toxoʔ-kəna* < *toxoʔ-xəna*) ‘ткань’-LOC/INSTR.SG — *toxoʔ-waʔ* ‘ткань’-NOM.SG.POSS1PL (см. также [Nikolaeva 2014: 20]);

of the possessor, while the genitive does not have a person marker. The 1st person accusative is therefore identical to the nominative. The singular of the possessor is expressed by the word-final *-o* for the 1st and 2nd persons (except for the 1st person accusative) and *-a* for the 3rd person; the dual of the possessor is expressed as *-ih* <*-iʔ*> (with palatalization of the preceding consonant), and the plural of the possessor is expressed by *-aq* <*-aʔ*> in the 1st and 2nd person and *-oh* <*-oʔ*> in the 3rd person. The person of the possessor is indicated as follows: *-n-* in the 1st person (except in the accusative and genitive) and *-t-* in the 2nd and 3rd person. However, this segmentation into morphemes <...> may reflect the previous historical stage, but does not necessarily represent the best synchronic analysis of the Tundra Nenets possessive paradigms” [Nikolaeva 2014: 68].

⁶¹ Ср.: “The structure of the predestinative phrase largely mirrors the structure of regular possessive constructions <...>. Predestinative forms with possessive affixes <...> occur in three grammatical cases, nominative, accusative and genitive. <...> Predestinative nouns are unmarked for number. <...> it is either a future tense or some kind of irrealis modality that takes scope over the possessive relation, cf. the regular possessive (*mən^o*) *l'ekarə-m'i* ‘my doctor’ and the predestinative possessive (*mən^o*) *l'ekarə-d^o-m'i* ‘my future doctor, a doctor meant / destined for me’ <...>” [Nikolaeva 2014: 72].

⁶² Ср.: “For instance, the 3rd person singular possessive affix *-ta* is realized as *-da* after a vowel as in *p'a* ‘tree’ and *p'a-da* (<*p'a-ta*> ‘his tree (3SG)’ <NOM.SG.POSS3SG>” [Nikolaeva 2014: 20].

⁶³ Ср.: “The locative affix *-xəna* is realized as *-kəna* after a consonant, e. g. *yam* ‘sea’ and *yam-kəna* ‘in the sea (LOC)’ <LOC.SG>” [Nikolaeva 2014: 20].

4) «назализ(ир)ованная» гортанная смычная фонема ʔ фонетически реализуется только в позиции конца слова, перед шумными согласными она чередуется с сонорными носовыми m , n и η в зависимости от места образования последующего шумного, а перед сонорными согласными выпадает⁶⁴.

3.3.2. Фонологические чередования, возникающие на морфемных границах

К данному типу чередований относятся фонологически обусловленные чередования, возникающие на границах любых морфем (“phonologically conditioned processes”; подробнее см. [Salminen 1997: 57—68]), и лексически обусловленные чередования, которые характерны только для определенных морфем (“lexically conditioned processes”) [Nikolaeva 2014: 21].

Среди фонологически обусловленных чередований, возникающих на границах любых морфем, особо отметим следующие:

- 1) сонорная носовая фонема m реализуется как глайд w в позиции после гласного на границе морфем⁶⁵;
- 2) согласные фонемы s и t (и d после гласных) чередуются с ʔ перед согласными или паузой: $s'a\text{ʔ}$ ‘лицо’ — $s'ado$ ACC.PL, $toxo\text{ʔ}$ ‘ткань’ — $toxoso$ ACC.PL;
- 3) переход $r > l$ и $r' > l'$ (“liquidization”) в позиции после согласного;
- 4) сонорные носовые фонемы n и η чередуются с гортанным смычным ʔ в позиции перед шумными или перед паузой и выпадают перед сонорными: $n'a\text{ʔ}$ ‘рот’ NOM.SG — $n'a\eta o$ ACC.PL — $n'al^\circ < n'a\eta l^\circ < n'a\eta r^\circ$ NOM.SG.POSS2SG.

Среди лексически обусловленных чередований, характерных для определенных морфем, отметим здесь следующие:

- 1) чередование $n \sim t$ в начале некоторых суффиксов⁶⁶;
- 2) палатализация согласных в некоторых суффиксах: NOM.SG.POSS3SG $-ta \sim -t'a$, LOC.SG $-xana \sim -xan'a$ ($-x^\circ na \sim -x^\circ n'a$), LOC.PL $-x\eta na \sim -x\eta n'a$ ($-x^\circ \eta na \sim -x^\circ \eta n'a$), PROL.SG $-m\eta na \sim -m\eta n'a$, PROL.PL $-?m\eta na \sim -?m\eta n'a$ ⁶⁷.

3.4. Парадигма именного словоизменения в современном тундровом ненецком литературном языке

В таблицах 6 и 7, представленных ниже, нами обобщены данные о парадигме именного словоизменения в СТНЛЯ, а также о том, к какой основе (NOM.SG или ACC.PL) присоединяются грамматические аффиксы при образовании падежно-числовых форм абсолютного и посессивного типов склонения. В морфологическом словаре Тапани Салминена “A morphological dictionary of Tundra Nenets” приведен образец склонения имени существительного [Salminen 1998: 30—31]; материал, представленный в табл. 6 и 7, во многом опирается на данные, почерпнутые из работ Т. Салминена [Salminen 1998: 30—31] и И. А. Николаевой [Nikolaeva 2014: 57—72]. В табл. 6 и 7 через косую черту приводятся варианты грамматических аффиксов в зависимости от типа основы (см. подробнее п. 3.3), а в круглых скобках — варианты аффиксов в зависимости от количества слогов в слове и места ударения.

Отметим, что в SamGr представлена неполная именная парадигма: серой заливкой в таблицах 6 и 7 выделены те формы, которые в диалектных вариантах фиксируются в данном рукописном источнике; формы, не выделенные серой заливкой, не представлены в SamGr. Так, помимо того, что в рукописи отсутствует упоминание о дестинативных формах (формах «личного предназначения»), а также о падежных формах аблатива (отложительного падежа) и пролатива (продольного падежа), в ней наблюдается своего рода «числовой сингармонизм»: приводятся только те посессивные падежные формы, в которых число обладаемого совпадает с числом обладателя, т. е. если обладаемое в единственном числе, то и посессивные формы приводятся только с указанием на обладателя (посессора) в единственном числе, если обладаемое в форме двойственного числа — то и указание на обладателя в двойственном числе, если обладаемое в форме множественного числа — то и указание на обладателя во множественном числе (см. табл. 5).

⁶⁴ См. примеры: “ $n'e-h xan^\circ$ ‘woman’s sledge’ → [n'ej kan³], $n'e-h ti$ ‘woman’s reindeer’ → [n'ien ti], $n'e-h p'a$ ‘woman’s tree’ → [n'iem p'a] (<...>, e. g. $n'e-h m'aaq$ ‘woman’s tent’ → [n'ie m'aa³]” [Nikolaeva 2014: 20].

⁶⁵ См. примеры: $lador-mi^\circ$ ‘beaten’ vs. $xada-wi^\circ$ ‘killed’ [Nikolaeva 2014: 21].

⁶⁶ См.: “a t -initial suffix attaches to consonantal and alteration stems (<...>) and n -initial suffix otherwise. These are, for example, (<...>) the non-possessive dative singular $-n^\circ h \sim -t^\circ h$, cf. $\eta no-n^\circ h$ ‘to the boat’ <DAT.SG> vs. $n'enec'эн-t^\circ h$ (< $n'enec'эh-t^\circ h$ > ‘to the person’ <DAT.SG>” [Nikolaeva 2014: 22].

⁶⁷ Ср.: “Palatalization of this type is only restricted to lexically specified stems, mostly those that involve stem-internal palatal consonants, so it is conditioned by some kind of partial assimilation. It is normally optional, although some palatalized forms seem to have lexicalized” [Nikolaeva 2014: 22].

Таблица 5. «Числовой сингармонизм» в рукописи SamGr

		лицо и число посессора (обладателя)								
		POSS 1SG	POSS 2SG	POSS 3SG	POSS 1DU	POSS 2DU	POSS 3DU	POSS 1PL	POSS 2PL	POSS 3PL
число обладаемого	SG	+	+	+	—	—	—	—	—	—
	DU	—	—	—	+	+	+	—	—	—
	PL	—	—	—	—	—	—	+	+	+

3.4.1. Парадигма абсолютного именного склонения (абсолютные формы) в современном тундровом ненецком литературном языке

Парадигма абсолютного именного склонения в СТНЛЯ в обобщенном виде представлена нами в табл. 6.

Таблица 6

	SG	DU	PL
NOM	основа NOM.SG ("primary stem")		осн. NOM.SG + -ʔ
ACC	осн. NOM.SG + -m	осн. NOM.SG + -x ^{oʔ} /-k ^{oʔ}	основа ACC.PL ("secondary stem")
GEN	осн. NOM.SG + -ʔ		осн. ACC.PL + -ʔ
DAT	осн. NOM.SG + -n ^{oʔ} /-t ^{oʔ}	осн. NOM.SG + -x ^{oʔ} /-k ^{oʔ} + послелог n'aʔ	осн. NOM.SG + -x ^{oʔ} /-k ^{oʔ}
LOC/INSTR	осн. NOM.SG + -x ^o na (-xəna)/ -k ^o na (-kəna)	осн. NOM.SG + -x ^{oʔ} /-k ^{oʔ} + послелог n'ána	осн. NOM.SG + -x ^{oʔ} na (-xəʔna)/ -k ^{oʔ} na (-kəʔna)
ABL	осн. NOM.SG + -xad ^o /-kad ^o	осн. NOM.SG + -x ^{oʔ} /-k ^{oʔ} + послелог n'ad ^o	осн. NOM.SG + -xət ^o /-kət ^o
PROL	осн. NOM.SG + -w ^o na/-m ^o na (-məna)	осн. NOM.SG + -x ^{oʔ} /-k ^{oʔ} + послелог n'ámna	осн. NOM.SG или осн. ACC.PL + -ʔm ^o na (-ʔməna)

3.4.2. Парадигма посессивного именного склонения (посессивные формы) в современном тундровом ненецком литературном языке

Парадигма посессивного именного склонения в СТНЛЯ в обобщенном виде представлена нами в табл. 7.

Таблица 7

падеж обладаемого	лицо и число посессора	SG (единственное число обладаемого)	DU (двойственное число обладаемого)	PL (множественное число обладаемого)
NOM	1SG	осн. NOM.SG + -w ^{o68}	осн. NOM.SG + -x ^o jun ^o (-xəjun ^o) / -k ^o jun ^o (-kəjun ^o)	осн. ACC.PL + -n ^o
	2SG	осн. NOM.SG + -r ^o /-l ^o	осн. NOM.SG + -x ^o jud ^o (-xəjud ^o) / -k ^o jud ^o (-kəjud ^o)	осн. ACC.PL + -d ^o /-t ^o

⁶⁸ Подробнее о вариантах образования формы NOM.SG.POSS1SG см. выше в п. 3.2.3.

NOM	3SG	оч. NOM.SG + -da/-ta	оч. NOM.SG + -x ^o juda (-xəjuda) / -k ^o juda (-kəjuda)	оч. ACC.PL + -da/-ta
	1DU	оч. NOM.SG + -m'i [?]	оч. NOM.SG + -x ^o jun'i [?] (-xəjun'i [?]) / -k ^o jun'i [?] (-kəjun'i [?])	оч. ACC.PL + -n'i [?]
	2DU	оч. NOM.SG + -r'i [?] /-l'i [?]	оч. NOM.SG + -x ^o jud'i [?] (-xəjud'i [?]) / -k ^o jud'i [?] (-kəjud'i [?])	оч. ACC.PL + -d'i [?] /-t'i [?]
	3DU	оч. NOM.SG + -d'i [?] /-t'i [?]		
	1PL	оч. NOM.SG + -wa [?] /-ma [?]	оч. NOM.SG + -x ^o juna [?] (-xəjuna [?]) / -k ^o juna [?] (-kəjuna [?])	оч. ACC.PL + -na [?]
	2PL	оч. NOM.SG + -ra [?] /-la [?]	оч. NOM.SG + -x ^o juda [?] (-xəjuda [?]) / -k ^o juda [?] (-kəjuda [?])	оч. ACC.PL + -da [?] /-ta [?]
	3PL	оч. NOM.SG + -do [?] /-to [?]	оч. NOM.SG + -x ^o judo [?] (-xəjudo [?]) / -k ^o judo [?] (-kəjudo [?])	оч. ACC.PL + -do [?] /-to [?]
ACC	1SG	оч. NOM.SG + -w ^o	оч. NOM.SG + -x ^o jun ^o (-xəjun ^o) / -k ^o jun ^o (-kəjun ^o)	оч. ACC.PL + -n ^o
	2SG	оч. NOM.SG + -m ^o	оч. NOM.SG + -x ^o jud ^o (-xəjud ^o) / -k ^o jud ^o (-kəjud ^o)	оч. ACC.PL + -d ^o /-t ^o
	3SG	оч. NOM.SG + -mta	оч. NOM.SG + -x ^o juda (-xəjuda) / -k ^o juda (-kəjuda)	оч. ACC.PL + -da/-ta
	1DU	оч. NOM.SG + -m'i [?]	оч. NOM.SG + -x ^o jun'i [?] (-xəjun'i [?]) / -k ^o jun'i [?] (-kəjun'i [?])	оч. ACC.PL + -n'i [?]
	2DU	оч. NOM.SG + -m ^o i [?]	оч. NOM.SG + -x ^o jud'i [?] (-xəjud'i [?]) / -k ^o jud'i [?] (-kəjud'i [?])	оч. ACC.PL + -d'i [?] /-t'i [?]
	3DU			
	1PL	оч. NOM.SG + -wa [?] /-ma [?]	оч. NOM.SG + -x ^o juna [?] (-xəjuna [?]) / -k ^o juna [?] (-kəjuna [?])	оч. ACC.PL + -na [?]
	2PL	оч. NOM.SG + -mta [?]	оч. NOM.SG + -x ^o juda [?] (-xəjuda [?]) / -k ^o juda [?] (-kəjuda [?])	оч. ACC.PL + -da [?] /-ta [?]
	3PL	оч. NOM.SG + -mto [?]	оч. NOM.SG + -x ^o judo [?] (-xəjudo [?]) / -k ^o judo [?] (-kəjudo [?])	оч. ACC.PL + -do [?] /-to [?]
	GEN	1SG	оч. NOM.SG + -n ^o	оч. NOM.SG + -x ^o jun ^o (-xəjun ^o) / -k ^o jun ^o (-kəjun ^o)
2SG		оч. NOM.SG + -nt ^o	оч. NOM.SG + -x ^o jut ^o (-xəjut ^o) / -k ^o jut ^o (-kəjut ^o)	оч. ACC.PL + -t ^o
3SG		оч. NOM.SG + -nta	оч. NOM.SG + -x ^o juta (-xəjuta) / -k ^o juta (-kəjuta)	оч. ACC.PL + -ta
1DU		оч. NOM.SG + -n'i [?]	оч. NOM.SG + -x ^o jun'i [?] (-xəjun'i [?]) / -k ^o jun'i [?] (-kəjun'i [?])	оч. ACC.PL + -ʔn'i [?]

GEN	2DU	осн. NOM.SG + -nt'iʔ	осн. NOM.SG + -x ^o jut'iʔ (-xəjut'iʔ) / -k ^o jut'iʔ (-kəjut'iʔ)	осн. ACC.PL + -t'iʔ
	3DU			
	1PL	осн. NOM.SG + -naʔ	осн. NOM.SG + -x ^o junaʔ (-xəjunaʔ) / -k ^o junaʔ (-kəjunaʔ)	осн. ACC.PL + -ʔnaʔ
	2PL	осн. NOM.SG + -ntaʔ	осн. NOM.SG + -x ^o jutaʔ (-xəjutaʔ) / -k ^o jutaʔ (-kəjutaʔ)	осн. ACC.PL + -taʔ
	3PL	осн. NOM.SG + -ntoʔ	осн. NOM.SG + -x ^o jutoʔ (-xəjutoʔ) / -k ^o jutoʔ (-kəjutoʔ)	осн. ACC.PL + -toʔ
DAT	1SG	осн. NOM.SG + -xən ^o /-kən ^o	осн. NOM.SG + -x ^o jun ^o (-xəjun ^o) / -k ^o jun ^o (-kəjun ^o) + послелог n'aʔ	осн. NOM.SG + -xəʔn ^o /-kəʔn ^o
	2SG	осн. NOM.SG + -xənt ^o /-kənt ^o	осн. NOM.SG + -x ^o jut ^o (-xəjut ^o) / -k ^o jut ^o (-kəjut ^o) + послелог n'aʔ	осн. NOM.SG + -xət ^o /-kət ^o
	3SG	осн. NOM.SG + -x ^o nta (-xənta) / -k ^o nta (-kənta)	осн. NOM.SG + -x ^o juta (-xəjuta) / -k ^o juta (-kəjuta) + послелог n'aʔ	осн. NOM.SG + -x ^o ta (-xəta) / -k ^o ta (-kəta)
	1DU	осн. NOM.SG + -x ^o n'iʔ (-xən'iʔ) / -k ^o n'iʔ (-kən'iʔ)	осн. NOM.SG + -x ^o jun'iʔ (-xəjun'iʔ) / -k ^o jun'iʔ (-kəjun'iʔ) + послелог n'aʔ	осн. NOM.SG + -x ^o ʔn'iʔ (-xəʔn'iʔ) / -k ^o ʔn'iʔ (-kəʔn'iʔ)
	2DU	осн. NOM.SG + -x ^o nt'iʔ (-xənt'iʔ) / -k ^o nt'iʔ (-kənt'iʔ)	осн. NOM.SG + -x ^o jut'iʔ (-xəjut'iʔ) / -k ^o jut'iʔ (-kəjut'iʔ) + послелог n'aʔ	осн. NOM.SG + -x ^o t'iʔ (-xət'iʔ) / -k ^o t'iʔ (-kət'iʔ)
	3DU			
	1PL	осн. NOM.SG + -x ^o naʔ (-xənaʔ) / -k ^o naʔ (-kənaʔ)	осн. NOM.SG + -x ^o junaʔ (-xəjunaʔ) / -k ^o junaʔ (-kəjunaʔ) + послелог n'aʔ	осн. NOM.SG + -x ^o ʔnaʔ (-xəʔnaʔ) / -k ^o ʔnaʔ (-kəʔnaʔ)
	2PL	осн. NOM.SG + -x ^o ntaʔ (-xəntaʔ) / -k ^o ntaʔ (-kəntaʔ)	осн. NOM.SG + -x ^o jutaʔ (-xəjutaʔ) / -k ^o jutaʔ (-kəjutaʔ) + послелог n'aʔ	осн. NOM.SG + -x ^o taʔ (-xətaʔ) / -k ^o taʔ (-kətaʔ)
	3PL	осн. NOM.SG + -x ^o ntoʔ (-xəntoʔ) / -k ^o ntoʔ (-kəntoʔ)	осн. NOM.SG + -x ^o jutoʔ (-xəjutoʔ) / -k ^o jutoʔ (-kəjutoʔ) + послелог n'aʔ	осн. NOM.SG + -x ^o toʔ (-xətoʔ) / -k ^o toʔ (-kətoʔ)
	LOC/INSTR	1SG	осн. NOM.SG + -x ^o nan ^o (-xənan ^o) / -k ^o nan ^o (-kənan ^o)	осн. NOM.SG + -x ^o jun ^o (-xəjun ^o) / -k ^o jun ^o (-kəjun ^o) + послелог n'ana
2SG		осн. NOM.SG + -x ^o nant ^o (-xənant ^o) / -k ^o nant ^o (-kənant ^o)	осн. NOM.SG + -x ^o jut ^o (-xəjut ^o) / -k ^o jut ^o (-kəjut ^o) + послелог n'ana	осн. NOM.SG + -x ^o ʔnat ^o (-xəʔnat ^o) / -k ^o ʔnat ^o (-kəʔnat ^o)
3SG		осн. NOM.SG + -x ^o nanta (-xənanta) / -k ^o nanta (-kənanta)	осн. NOM.SG + -x ^o juta (-xəjuta) / -k ^o juta (-kəjuta) + послелог n'ana	осн. NOM.SG + -x ^o ʔnata (-xəʔnata) / -k ^o ʔnata (-kəʔnata)

LOC/INSTR	1DU	осн. NOM.SG + -x°nan'i° (-xənan'i°)/ -k°nan'i° (-kənan'i°)	осн. NOM.SG + -x°jun'i° (-xəjun'i°) / -k°jun'i° (-kəjun'i°) + послелог n'ana	осн. NOM.SG + -x°ʔnan'i° (-xəʔnan'i°)/ -k°ʔnan'i° (-kəʔnan'i°)
	2DU	осн. NOM.SG + -x°nant'i° (-xənant'i°)/	осн. NOM.SG + -x°jut'i° (-xəjut'i°) /	осн. NOM.SG + -x°ʔnat'i° (-xəʔnat'i°)/
	3DU	-k°nant'i° (-kənant'i°)	-k°jut'i° (-kəjut'i°) + послелог n'ana	-k°ʔnat'i° (-kəʔnat'i°)
	1PL	осн. NOM.SG + -x°nanaʔ (-xənanaʔ)/ -k°nanaʔ (-kənanaʔ)	осн. NOM.SG + -x°junaʔ (-xəjunaʔ) / -k°junaʔ (-kəjunaʔ) + послелог n'ana	осн. NOM.SG + -x°ʔnanaʔ (-xəʔnanaʔ)/ -k°ʔnanaʔ (-kəʔnanaʔ)
	2PL	осн. NOM.SG + -x°nantaʔ (-xənantaʔ)/ -k°nantaʔ (-kənantaʔ)	осн. NOM.SG + -x°jutaʔ (-xəjutaʔ) / -k°jutaʔ (-kəjutaʔ) + послелог n'ana	осн. NOM.SG + -x°ʔnataʔ (-xəʔnataʔ)/ -k°ʔnataʔ (-kəʔnataʔ)
	3PL	осн. NOM.SG + -x°nantoʔ (-xənantoʔ)/ -k°nantoʔ (-kənantoʔ)	осн. NOM.SG + -x°jutoʔ (-xəjutoʔ) / -k°jutoʔ (-kəjutoʔ) + послелог n'ana	осн. NOM.SG + -x°ʔnatoʔ (-xəʔnatoʔ)/ -k°ʔnatoʔ (-kəʔnatoʔ)
	ABL	1SG	осн. NOM.SG + -x°dən° (-xədən°)/ -k°dən° (-kədən°)	осн. NOM.SG + -x°jun° (-xəjun°) / -k°jun° (-kəjun°) + послелог n'ad°
2SG		осн. NOM.SG + -x°dənt° (-xədənt°)/ -k°dənt° (-kədənt°)	осн. NOM.SG + -x°jut° (-xəjut°) / -k°jut° (-kəjut°) + послелог n'ad°	осн. NOM.SG + -x°tət° (-xətət°)/ -k°tət° (-kətət°)
3SG		осн. NOM.SG + -x°dənta (-xədənta)/ -k°dənta (-kədənta)	осн. NOM.SG + -x°juta (-xəjuta) / -k°juta (-kəjuta) + послелог n'ad°	осн. NOM.SG + -x°təta/-k°təta
1DU		осн. NOM.SG + -x°dən'i° (-xədən'i°)/ -k°dən'i° (-kədən'i°)	осн. NOM.SG + -x°jun'i° (-xəjun'i°) / -k°jun'i° (-kəjun'i°) + послелог n'ad°	осн. NOM.SG + -x°tən'i° (-xətən'i°)/ -k°tən'i° (-kətən'i°)
2DU		осн. NOM.SG + -x°dənt'i° (-xədənt'i°)/	осн. NOM.SG + -x°jut'i° (-xəjut'i°) /	осн. NOM.SG + -x°tət'i°/-k°tət'i°
3DU		-k°dənt'i° (-kədənt'i°)	-k°jut'i° (-kəjut'i°) + послелог n'ad°	
1PL		осн. NOM.SG + -x°dənaʔ (-xədənaʔ)/ -k°dənaʔ (-kədənaʔ)	осн. NOM.SG + -x°junaʔ (-xəjunaʔ) / -k°junaʔ (-kəjunaʔ) + послелог n'ad°	осн. NOM.SG + -x°tənaʔ (-xətənaʔ)/ -k°tənaʔ (-kətənaʔ)
2PL		осн. NOM.SG + -x°dəntaʔ (-xədəntaʔ)/ -k°dəntaʔ (-kədəntaʔ)	осн. NOM.SG + -x°jutaʔ (-xəjutaʔ) / -k°jutaʔ (-kəjutaʔ) + послелог n'ad°	осн. NOM.SG + -x°tətaʔ/-k°tətaʔ
3PL		осн. NOM.SG + -x°dəntoʔ (-xədəntoʔ)/ -k°dəntoʔ (-kədəntoʔ)	осн. NOM.SG + -x°jutoʔ (-xəjutoʔ) / -k°jutoʔ (-kəjutoʔ) + послелог n'ad°	осн. NOM.SG + -x°tətoʔ/-k°tətoʔ
PROL		1SG	осн. NOM.SG + -w°nan°/ -m°nan° (-mənan°)	осн. NOM.SG + -x°jun° (-xəjun°) / -k°jun° (-kəjun°) + послелог n'amna

PROL	2SG	осн. NOM.SG + -w ^o nant ^o / -m ^o nant ^o (-m ^o nant ^o)	осн. NOM.SG + -x ^o jut ^o (-x ^o jut ^o) / -k ^o jut ^o (-k ^o jut ^o) + послелог n'amna	осн. NOM.SG или осн. ACC.PL + -ʔm ^o nat ^o (-ʔm ^o nat ^o)
	3SG	осн. NOM.SG + -w ^o nanta/ -m ^o nanta (-m ^o nanta)	осн. NOM.SG + -x ^o juta (-x ^o juta) / -k ^o juta (-k ^o juta) + послелог n'amna	осн. NOM.SG или осн. ACC.PL + -ʔm ^o nata (-ʔm ^o nata)
	1DU	осн. NOM.SG + -w ^o nan'i ^ʔ / -m ^o nan'i ^ʔ (-m ^o nan'i ^ʔ)	осн. NOM.SG + -x ^o jun'i ^ʔ (-x ^o jun'i ^ʔ) / -k ^o jun'i ^ʔ (-k ^o jun'i ^ʔ) + послелог n'amna	осн. NOM.SG или осн. ACC.PL + -ʔm ^o nan'i ^ʔ (-ʔm ^o nan'i ^ʔ)
	2DU	осн. NOM.SG + -w ^o nant'i ^ʔ /	осн. NOM.SG + -x ^o jut'i ^ʔ (-x ^o jut'i ^ʔ) /	осн. NOM.SG или осн. ACC.PL +
	3DU	-m ^o nant'i ^ʔ (-m ^o nant'i ^ʔ)	-k ^o jut'i ^ʔ (-k ^o jut'i ^ʔ) + послелог n'amna	-ʔm ^o nat'i ^ʔ (-ʔm ^o nat'i ^ʔ)
	1PL	осн. NOM.SG + -w ^o nana ^ʔ /	осн. NOM.SG + -x ^o juna ^ʔ (-x ^o juna ^ʔ) /	осн. NOM.SG или осн. ACC.PL +
	2PL	-m ^o nana ^ʔ (-m ^o nana ^ʔ)	-k ^o juna ^ʔ (-k ^o juna ^ʔ) + послелог n'amna	-ʔm ^o nana ^ʔ (-ʔm ^o nana ^ʔ)
	3PL	осн. NOM.SG + -w ^o nanta ^ʔ /	осн. NOM.SG + -x ^o juta ^ʔ (-x ^o juta ^ʔ) /	осн. NOM.SG или осн. ACC.PL +
		-m ^o nanta ^ʔ (-m ^o nanta ^ʔ)	-k ^o juta ^ʔ (-k ^o juta ^ʔ) + послелог n'amna	-ʔm ^o nata ^ʔ (-ʔm ^o nata ^ʔ)

4. Система именного склонения западных диалектов тундрового ненецкого языка, зафиксированная в «Грамматике самоедского языка» архимандрита Вениамина (Смирнова)

В п. 4.1 мы останавливаемся на основных особенностях системы именного склонения западных диалектов тундрового ненецкого языка, зафиксированной в «Грамматике самоедского языка» архимандрита Вениамина (Смирнова), снабжая при этом каждое из положений примерами из рукописи.

В п. 4.2 приводятся все именные парадигмы, представленные в рукописи «Грамматика самоедского языка», а также соответствия им в современном тундровом ненецком языке в фонологической транскрипции, принятой в данной статье. В п. 4.2 после таблиц следуют также краткие комментарии, в том числе с анализом диалектных черт.

4.1. Особенности системы именного склонения западных диалектов тундрового ненецкого языка, зафиксированной в «Грамматике самоедского языка» архимандрита Вениамина (непосессивные формы)

В рукописи «Грамматика самоедского языка» на 16 первых листах представлено 36 парадигм склонения имен (существительных, прилагательных и числительных) разных типов основ. Ниже мы приводим полностью список этих имен в графической записи и с переводом из рукописи SamGr, снабдив лексемы порядковыми номерами для удобства и указанием на тип основы NOM.SG и способ образования основы ACC.PL по морфологическому словарю Т. Салминена [Salminen 1998], а также приводим для сравнения эти имена в нотации словарей [Терещенко 1965] и [Salminen 1998].

[1] *vda* 'рука', тип основы — N a → yi;

ср. *huda* 'рука' [Терещенко 1965: 402], *nguda* (*huda*) [Salminen 1998: 180];

[2] *NéNæ* 'сестра', тип основы — N ya → yi;

ср. *nenя, ne ня* 'сестра', 'подруга' [Терещенко 1965: 301, 290], *nye nya* [Salminen 1998: 242, 233];

[3] *ælə* ‘dag’ <‘день’>, тип основы — N *ya*→*o* (в СТНЛЯ — N *ya*→*e*); ср. *яля* ‘день’, ‘свет, освещение’, ‘место, откуда исходит свет; освещенное пространство’, ‘солнце’ [Терещенко 1965: 838], *yalya* [Salminen 1998: 232];

[4] *chabi* ‘tjinare’ / ‘tjänare’ / <‘слуга’>, тип основы — N *yi*≡~+*y*+*ye* (в данном случае в рукописи склонение представлено по типу N *yi*≡);

ср. *хэби* ‘ханты, остяк’, (уст.) ‘раб, слуга, работник; подчиненный’, ‘иноплеменник’ [Терещенко 1965: 708], *xəbyi* (*xəbyi*) [Salminen 1998: 272];

[5] *and* ‘båt’ <‘лодка’>, тип основы — N *o*→*u*;

ср. *уано*⁶⁹ ‘лодка; судно’ [Терещенко 1965: 383], *ngəno* (*ηəno*) [Salminen 1998: 305];

[6] *mærjò* ‘bok’ <‘книга’>, тип основы — N *yo*→*yu*;

ср. *мярэ* (б.-з., вост.) ‘замша’, (кр.-зап.) ‘бумага; письмо’, (кр.-зап.) ‘бумажный’ [Терещенко 1965: 279], *myaryo* [Salminen 1998: 312];

[7] *tù* ‘eld’ <‘огонь’>, тип основы — N 1 ≡;

ср. *ту* ‘огонь’ [Терещенко 1965: 673], *tu* [Salminen 1998: 368, 520];

[8] *NéNju*, *nienju* ‘dotter’ <‘дочь’>, тип основы — N 1 ≡ ‘;

ср. *неню*⁷⁰, *не ню* ‘дочь’, ‘племянница, дочь младшего брата или сестры’, ‘внучка’ [Терещенко 1965: 301, 290], *nye nyú* [Salminen 1998: 242, 368, 492, 495];

[9] *erw* ‘herge’ <‘господин’>, тип основы — N *ø*→*o* (N *a*→*o*);

ср. *ерв* ‘хозяин’, ‘начальник, командир’, (уст.) ‘чиновник’, (миф.) ‘дух-хозяин водоема, урочища и т. п., «хозяин»’ [Терещенко 1965: 103—104], *yerw*^o [Salminen 1998: 150, 540];

[10] *ænsœgalaŋwa* ‘мое п. [поле]’, тип основы — N *a*→*yi*;

ср. *я’ сояңгәләва*; *yah soyangkøl^owa* (*yah soyankøl^owa*) (ср. в [Salminen 1998: 73, 510]);

[11] *iæðarma* ‘pomysłenie’, тип основы — N *a*→*yi*;

ср. *и*⁷¹ *ядэрма* ‘раздумье’ [Терещенко 1965: 130], *yi + yaderma* [Salminen 1998: 275, 537];

[12] *xarmai* ‘воля’, тип основы — N +*w*+*ye* ‘;

ср. *хярта* ‘он сам, она сама, оно само’ [Терещенко 1965: 751] + *u* ‘ум, разум’ [Терещенко 1965: 130]; *xør^ota* (*xər^ota*) 3SG [Salminen 1998: 29, 320] + *yi* [Salminen 1998: 275];

[13] *aè* ‘kropp’ <‘тело’>, тип основы — N *ya*→*yø* (N *ya*→*yə*);

ср. *уая* ‘кожа (человека)’, ‘тело’ [Терещенко 1965: 391], *ngaya* (*ηaya*) [Salminen 1998: 236];

[14] *Nice* ‘fader’ <‘отец’>, тип основы — N *ya*→*yø* (N *ya*→*yə*);

ср. *нися*⁷² ‘отец’ [Терещенко 1965: 315], *nyisya* [Salminen 1998: 235];

[15] *márz* ‘плечо’, тип основы — N *yø*≡~→*yo*~→*ye* (N *yə*≡~→*yo*~→*ye*); судя по формам, в рукописи представлен тип N *yø*→*yo* (N *yə*→*yo*);

ср. *мярць* ‘плечо’ [Терещенко 1965: 238], *mørçy^o* (*mærçy^o*) [Salminen 1998: 153, 484];

[16] *cèi* ‘hjerta’ / ‘hjärta’ / <‘сердце’>, тип основы — N *yø*≡ (N *yə*≡);

ср. *сей* ‘сердце’, (перен.) ‘середина чего-л.’, (перен.) ‘сердце (важнейший центр, имеющий существенное значение для чего-л.)’ [Терещенко 1965: 542], *syey^o* [Salminen 1998: 166];

[17] *páidy* ‘щека’, тип основы — N *e*~*iø* (N *e*~*iä*);

ср. *пайды* ‘щека’ [Терещенко 1965: 435], *pay^odi^o* [Salminen 1998: 57, 501];

[18] *cæ* ‘ansigte’ / ‘ansikte’ / <‘лицо’>, тип основы — N *t*+*o*;

ср. *ся*”(ð) ‘лицо’ [Терещенко 1965: 608], *syaq* [Salminen 1998: 324];

[19] *i* ‘vatten’ <‘вода’>, тип основы — N *t*+*ye* ‘;

ср. *и*”(ð) ‘вода’ [Терещенко 1965: 152], *yiq* [Salminen 1998: 329];

[20] *ind* ‘ande’ / ‘andetag’ / <‘дыхание’>, тип основы — N *t*+*ye*~+*o* (в рукописи склонение этого слова идет по типу N *t*+*o*);

ср. *инд*”(ð)⁷³ ‘дыхание’, ‘вдох’, ‘пар (от дыхания, от кипения)’, ‘испарение’, ‘воздух’ [Терещенко 1965: 143—144], *yint^oq* [Salminen 1998: 322, 542];

[21] *nim* ‘namn’ <‘имя’>, тип основы — N *m*+*ye* ‘;

ср. *ним*’ (зап.)~*нюм*’ (б.-з., вост.) ‘имя’ [Терещенко 1965: 313, 331], (зап.) *nyim*~(центр., вост.) *nyum* [Salminen 1998: 289, 292, 493, 494];

[22] *Núm* ‘Gud’ <‘Бог’>, тип основы — N *m*+*o*;

⁶⁹ В [Терещенко 1965: 383] не отмечено, что первый гласный — *ä*, а не *a*.

⁷⁰ В словаре Н. М. Терещенко не отмечена долгота гласного верхнего подъема заднего ряда в этом слове.

⁷¹ В словаре Н. М. Терещенко не отмечена долгота гласного верхнего подъема переднего ряда в этом слове.

⁷² В словаре Н. М. Терещенко не отмечена долгота гласного верхнего подъема переднего ряда в этом слове.

⁷³ В словаре Н. М. Терещенко не отмечена долгота гласного верхнего подъема переднего ряда в этом слове.

ср. *нум* 'небо', 'погода', 'высшее божество, Бог' [Терещенко 1965: 320], *N- нум*⁷⁴ [Salminen 1998: 291, 490];

[23] *мы, тy* 'mage', 'брюхо', тип основы — *N n+o*;

ср. *мы* '(н)' 'сытость' [Терещенко 1965: 266], *mih* [Salminen 1998: 268, 486];

[24] *arkà*, тип основы — *N a→i* ($\sim \rightarrow \emptyset$) (*N a→i* ($\sim \rightarrow \emptyset$)); в рукописи склонение идет по типу *N a→∅* (*N a→∅*);

ср. *нарка* 'большой, крупный; рослый', 'взрослый, старший', 'важный; значительный, великий' [Терещенко 1965: 385—386], *ngarka* (*naraka*) [Salminen 1998: 183];

[25] *æganæ* 'особенный', тип основы — *N ya→yi*;

ср. *ягня* 'отдельный, обособленный', 'отличный, отличающийся от кого-чего-л.; различный, особенный, особый; непохожий на кого-что-л.', 'лишний, запáсный (в данный момент)', 'употребляется при образовании числительных второго десятка' [Терещенко 1965: 846], *yøngk°nya* (*yæŋk°nya*) [Salminen 1998: 233, 536];

[26] *nipzè* 'hög' ('высокий'), тип основы — *N ya→yø* (*N ya→yæ*);

ср. *пирця* 'высокий', 'высота, возвышенность' [Терещенко 1965: 469], *pyircya* [Salminen 1998: 231];

[27] *vài* 'clar.', тип основы — *N yø≡* (*N yæ≡*);

ср. *вай* (б.-з., зап.) 'злой, злонамеренный, недобрый, лихой' [Терещенко 1965: 37], *W- way°* [Salminen 1998: 157, 525];

[28] *sovò* 'god' ('хороший'), тип основы — *N a→yi*;

ср. *сáва* 'хороший, приятный', 'добро, доброта', 'хорошо, приятно' [Терещенко 1965: 517—518], *søwa* (*sæwa*) [Salminen 1998: 225];

[29] *ænik* 'кроткий', тип основы — *N ø≡* (*N yæ≡*);

ср. *яник* 'тихий, спокойный, смиренный (о человеке и животном)' [Терещенко 1965: 843], *yønyik°* (*yænyik°*) [Salminen 1998: 61];

[30] *vary* 'крайний', тип основы — *N e~iø* (*N e~iæ*);

ср. *вары* 'крайний, находящийся на краю' [Терещенко 1965: 49], *wari°* [Salminen 1998: 58, 525];

[31] *mál* 'all' ('весь, вся, всё, все');

ср. *мал* 'весь, вся, всё, все' [Терещенко 1965: 225];

[32] 1) *opòì* '1', тип основы — *N 0~jø, ~yø≡* (*N 0~jæ, ~yæ≡*);

2) *óp* '1', тип основы — *N p+o*;

ср. 1) *уоной* (числ. колич.) 'один, одна, одно' [Терещенко 1965: 398], *ngoroy°* (*noroy°*) [Salminen 1998: 168, 498];

2) *уоб* " 'один, одна, одно', 'раз (при счете)', 'единственный' [Терещенко 1965: 394], *ngob* (*job*) [Salminen 1998: 237, 498];

[33] *óleri* '1', тип основы — *N yi≡*;

ср. *уолери* (б.-з.) 'один-единственный' [Терещенко 1965: 398], *уо"лери* 'единственный' [там же: 401], *ngøqlyeryi* (*noqlyeryi*) [Salminen 1998: 274, 498];

[34] *sidè* '2', тип основы — *N ya→∅~→yi* (*N ya→æ~→yi*);

ср. *сидя* 'два, две, двое' [Терещенко 1965: 557], *syidya* [Salminen 1998: 232];

[35] *næx̄r* '3', тип основы — *N r+o*;

ср. *нях̄р* " 'три' [Терещенко 1965: 361], *nyax̄r* [Salminen 1998: 342];

[36] *tét* '4', тип основы — *N ø≡~→ye* (*N æ≡~→ye*);

ср. *тет* 'четыре' [Терещенко 1965: 651], *tyet°* [Salminen 1998: 137].

Далее мы подробно остановимся на основных особенностях системы именного склонения западных диалектов тундрового ненецкого языка, представленной в «Грамматике самоедского языка» архим. Вениамина; в данной статье мы представим анализ непосессивных форм из SamGr, посессивные формы будут детально проанализированы и описаны нами в следующих работах. В таблицах, представленных ниже, в первой колонке приводятся порядковые номера, приписанные именам из списка выше, во второй колонке — номера листов по рукописи SamGr, в третьей и четвертой колонках — словоформы, переводы и грамматические пометы (гlossы) к ним из парадигм рукописи SamGr (в том виде, как они даны в рукописи), в пятой и шестой колонках — соответствия этим формам из СТНЛЯ в фонологической транскрипции с переводом и стандартными glossами. В данной статье мы принимаем систему именного склонения в тундровом ненецком литературном языке (как наиболее детально описанную и общеизвестную) за «нулевую точку отсчета» для удобства сравнения с системой именного склонения в рукописи «Грамматика самоедского языка» и выявления уникальных особенностей последней. В таблицах, пред-

⁷⁴ В работе [Salminen 1998] символ ц с подчеркиванием обозначает, что в данном случае, скорее всего, представлен нейтральный по долготе гласный *u*, но возможно, что и долгий *ū* [Salminen 1998: 18].

ставленных в п. 4.1, приводятся только примеры словоформ имен существительных из рукописи, словоформы прилагательных и числительных не приводятся.

В записи архим. Вениамина используются следующие сокращения названий падежей: N. — номинатив (именительный падеж), G. — генитив (родительный падеж), D. — датив (дательный падеж), A. — аккузатив (винительный падеж), V. — вокатив (звательная форма/звательный падеж), I. — инструментальный (творительный) падеж, форма с инструментальным значением, L. — локатив (местный падеж), форма с локативным значением. Названия чисел в рукописи чаще всего сокращаются следующим образом: Sing(ul). — единственное число, Plur. — множественное число, Dual. — двойственное число.

4.1.1. Формы номинатива единственного и множественного числа (NOM.SG и NOM.PL) в «Грамматике самоедского языка»

Во всех диалектах современного тундрового ненецкого языка форма номинатива множественного числа маркирована аффиксом *-ʔ*. В рукописи «Грамматика самоедского языка» гортанная смычная согласная фонема /ʔ/ не обозначается отдельным символом, однако различие в произношении форм NOM.SG и NOM.PL передается с помощью разных знаков ударения (диакритических знаков) над буквой, обозначающей гласный звук последнего слога: «гравис» — в формах NOM.SG, «акут» — в формах NOM.PL (примеры [1], [3], [4], [7], [14], [16] в табл. 8). В некоторых случаях (для основ, оканчивающихся на фонему «шва»⁹) это различие передается с помощью удвоения согласного последнего слога (пример [9]), также оно может обозначаться как перетяжка ударения с первого на второй слог в формах NOM.PL (примеры [2], [8], [17])⁷⁵, а в некоторых случаях отмечается разница в качестве гласных — чередование гласных среднего подъема с гласными верхнего подъема ([5], [6]) или нижнего подъема во втором слоге (пример [13]). Для первичных основ на гортанные смычные и носовой сонорный *-m* в рукописи зафиксированы типичные чередования, однако без обозначения гортанных смычных в показателе NOM.PL (примеры [18]—[23]).

Возможно, что отмеченное в рукописи ударение в словоформах NOM.SG на конечном слоге, а не на первом, как в современном тундровом ненецком литературном языке и восточных диалектах (в которых происходит качественная редукция конечного безударного гласного), объясняется значительным повышением частоты основного тона (ЧОТ) на конечном гласном в словах подобной структуры в западных ненецких диалектах. Такое повышение ЧОТ было зафиксировано нами в крайнезападных (канинском и колгуевском) диалектах [ПМАКан; ПМАКолг]. По нашей гипотезе, оно может быть обусловлено длительными контактами западных ненцев с мезенскими поморами, носителями севернорусского говора, для которого характерно интонационное повышение тона, однако этот вопрос нуждается в дальнейшем исследовании.

Таблица 8

№	лист	SamGr: с/форма	SamGr: перевод и гlossы в рукописи	СТНЛЯ: с/форма	СТНЛЯ: перевод и glossы
1	л. 3об.	<i>vðà</i> <i>vðá</i>	‘рука’ N. Sing. ‘руки’ N. Plur.	<i>ɲúda</i> <i>ɲúda-ʔ</i>	‘рука’ NOM.SG ‘рука’-NOM.PL
2	л. 4	<i>NéNæ</i> <i>NcNæ</i>	‘сестра’ N. Sing. ‘сестры’ N. Plur.	<i>n'e n'a</i> <i>n'e n'a-ʔ</i>	‘сестра’ NOM.SG ‘сестра’-NOM.PL
3	л. 4об.	<i>ælə</i> <i>ælé</i>	‘dag’ ‘день’ N. Sing. [‘день’] N. Plur.	<i>jál'a</i> <i>jál'a-ʔ</i>	‘день’ NOM.SG ‘день’-NOM.PL
4	л. 5	<i>chabi</i> <i>chabí</i>	‘tjinare’ ‘слуга’ N. Sing. [‘слуга’] N. Plur.	<i>xáb'i</i> <i>xáb'i-ʔ</i>	‘раб, слуга’ NOM.SG ‘раб, слуга’-NOM.PL
5	л. 5об.	<i>anò</i> <i>anú</i>	‘bât’ ‘лодка’ N. Singul. [‘лодка’] N. Plur.	<i>ɲáno</i> <i>ɲáno-ʔ</i>	‘лодка’ NOM.SG ‘лодка’-NOM.PL
6	л. 6	<i>mærxjò</i> <i>mærxjú</i>	‘bok’ ‘книга’ N. Sing. [‘книга’] N. Plur.	<i>m'ár'o</i> <i>m'ár'o-ʔ</i>	‘бумага’ NOM.SG ‘бумага’-NOM.PL
7	л. 6об.	<i>tù</i> <i>tú</i>	‘eld’ ‘огонь’ N. Sing. [‘огонь’] N. Plur.	<i>tu</i> <i>tu-ʔ</i>	‘огонь’ NOM.SG ‘огонь’-NOM.PL
8	л. 6об.	<i>NéNю, nienju</i> <i>nienjú</i>	‘dotter’ ‘дочь’ N. Sing. ‘döttrar’ ‘дочери’ N. Plur.	<i>n'e n'ü</i> <i>n'e n'ü-ʔ</i>	‘дочь’ NOM.SG ‘дочь’-NOM.PL

⁷⁵ Особо при этом необходимо отметить пример [15].

9	л. 7	<i>ервь</i>	‘herre’ <‘господин’> N. Sing.	<i>jérw^o</i>	‘хозяин’ NOM.SG
		<i>ерввь</i>	[‘господин’] N. Plur.	<i>jérw^o-ʔ</i>	‘хозяин’-NOM.PL
13	л. 8об.	<i>aè</i>	‘kropp’ <‘тело’> N. Sing.	<i>ŋája</i>	‘тело’ NOM.SG
		<i>aæ</i>	‘kroppar’ <‘тела’> N. Plur.	<i>ŋája-ʔ</i>	‘тело’-NOM.PL
14	л. 8об.	<i>Nicè</i>	‘fader’ <‘отец’> N. Sing.	<i>nʔis'a</i>	‘отец’ NOM.SG
		<i>Nicé</i>	‘fäder’ <‘отцы’> N. Plur.	<i>nʔis'a-ʔ</i>	‘отец’-NOM.PL
15	л. 9	<i>мáрзь</i>	‘плечо’ N. Sing.	<i>márc^o</i>	‘плечо’ NOM.SG
		<i>марзæ</i>	[‘плечо’] N. Plur.	<i>márc^o-ʔ</i>	‘плечо’-NOM.PL
16	л. 9об.	<i>cèi</i>	‘hjerta’ <‘сердце’> N. Sing.	<i>s'èj^o</i>	‘сердце’ NOM.SG
		<i>céi</i>	‘hjertan’ <‘сердца’> N. Plur.	<i>s'èj^o-ʔ</i>	‘сердце’-NOM.PL
17	л. 10	<i>páidy</i>	‘щека’ N. Sing.	<i>páj^odì^o</i>	‘щека’ NOM.SG
		<i>paidý</i>	[‘щека’] N. Plur.	<i>páj^odì^o-ʔ</i>	‘щека’-NOM.PL
18	л. 10об.	<i>cæ</i>	‘ansigte’ <‘лицо’> N. Sing.	<i>s'aʔ</i>	‘лицо’ NOM.SG
		<i>cæðь</i>	‘ansigten’ <‘лица’> N. Plur.	<i>s'ád^oʔ</i>	‘лицо’ NOM.PL
19	л. 11	<i>i</i>	‘vatten’ <‘вода’> N. Sing.	<i>jiʔ</i>	‘вода’ NOM.SG
		<i>id</i>	[‘вода’] N. Plur.	<i>jid^oʔ</i>	‘вода’ NOM.PL
20	л. 11об.	<i>ind</i>	‘ande’ <‘дыхание’> N. Sing.	<i>jínt^oʔ</i>	‘дыхание’ NOM.SG
		<i>indad</i>	[‘дыхание’] N. Plur.	<i>jíntəd^oʔ</i>	‘дыхание’ NOM.PL
21	л. 12	<i>ním</i>	‘namn’ <‘имя’> N. Sing.	<i>n'um</i>	‘имя’ NOM.SG
		<i>nív</i>	[‘имя’] N. Plur.	<i>n'úw^oʔ</i>	‘имя’ NOM.PL
22	л. 12	<i>núm</i>	‘Gud’ <‘Бог’> N. Singul.	<i>num</i>	‘небо; Бог’ NOM.SG
		<i>núv</i>	[‘Бог’] N. Plur.	<i>núw^oʔ</i>	‘небо; Бог’ NOM.PL
23	л. 12об.	<i>mý</i>	‘mage’, ‘брюхо’ N. Sing.	<i>miʔ</i>	‘сытость’ NOM.SG
		<i>mýn</i>	[‘брюхо’] N. Plur.	<i>mín^oʔ</i>	‘сытость’ NOM.PL

4.1.2. Формы генитива единственного числа (GEN.SG) в «Грамматике самоедского языка»

Во всех диалектах современного тундрового ненецкого языка форма генитива единственного числа маркирована аффиксом ^{-ʔ}. В рукописи SamGr гортанная смычная согласная фонема /ʔ/ не обозначается отдельным символом и представлено полное совпадение форм номинатива и генитива единственного числа (NOM.SG и GEN.SG) для имен [1]—[9]. Разница в произношении форм NOM.SG и GEN.SG для имен [13]—[23] отмечается в рукописи следующим образом: см. табл. 9.

Таблица 9

№	лист	SamGr: с/форма	SamGr: перевод и глоссы в рукописи	СТНЛЯ: с/форма	СТНЛЯ: перевод и глоссы
13	л. 8об.	<i>aè</i>	‘kropp’ <‘тело’> N. Sing.	<i>ŋája</i>	‘тело’ NOM.SG
		<i>aæ</i>	[‘тело’] G. Sing.	<i>ŋája-ʔ</i>	‘тело’-GEN.SG
14	л. 8об.	<i>Nicè</i>	‘fader’ <‘отец’> N. Sing.	<i>nʔis'a</i>	‘отец’ NOM.SG
		<i>Nicæ</i>	[‘отец’] G. Sing.	<i>nʔis'a-ʔ</i>	‘отец’-GEN.SG
15	л. 9	<i>мáрзь</i>	‘плечо’ N. Sing.	<i>márc^o</i>	‘плечо’ NOM.SG
		<i>марзæ</i>	[‘плечо’] G. Sing.	<i>márc^o-ʔ</i>	‘плечо’-GEN.SG
16	л. 9об.	<i>cèi</i>	‘hjerta’ <‘сердце’> N. Sing.	<i>s'èj^o</i>	‘сердце’ NOM.SG
		<i>céæ</i>	[‘сердце’] G. Sing.	<i>s'èj^o-ʔ</i>	‘сердце’-GEN.SG
17	л. 10	<i>páidy</i>	‘щека’ N. Sing.	<i>páj^odì^o</i>	‘щека’ NOM.SG
		<i>páide</i>	[‘щека’] G. Sing.	<i>páj^odì^o-ʔ</i>	‘щека’-GEN.SG
18	л. 10об.	<i>cæ</i>	‘ansigte’ <‘лицо’> N. Sing.	<i>s'aʔ</i>	‘лицо’ NOM.SG
		<i>cæðь</i>	[‘лицо’] G. Sing.	<i>s'ad-ʔ</i>	‘лицо’-GEN.SG
19	л. 11	<i>i</i>	‘vatten’ <‘вода’> N. Sing.	<i>jiʔ</i>	‘вода’ NOM.SG
		<i>id</i>	[‘вода’] G. Sing.	<i>jid-ʔ</i>	‘вода’-GEN.SG

20	л. 11об.	<i>ind</i>	‘ande’ ⟨‘дыхание’⟩ N. Sing.	<i>jínt^{o?}</i>	‘дыхание’ NOM.SG
		<i>indad</i>	[‘дыхание’] G. Sing.	<i>jínt^{o?}d-[?]</i>	‘дыхание’-GEN.SG
21	л. 12	<i>ním</i>	‘namn’ ⟨‘имя’⟩ N. Sing.	<i>n’um</i>	‘имя’ NOM.SG
		<i>nív</i>	[‘имя’] G. Sing.	<i>n’uw-[?]</i>	‘имя’-GEN.SG
22	л. 12	<i>núm</i>	‘Gud’ ⟨‘Бог’⟩ N. Singul.	<i>num</i>	‘небо; Бог’ NOM.SG
		<i>nív</i>	[‘Бог’] G. Singul.	<i>nuw-[?]</i>	‘небо; Бог’-GEN.SG
23	л. 12об.	<i>my</i>	‘mage’, ‘брюхо’ N. Sing.	<i>mi[?]</i>	‘сытость’ NOM.SG
		<i>myñ</i>	[‘брюхо’] G. Sing.	<i>min-[?]</i>	‘сытость’-GEN.SG

4.1.3. Отсутствие форм аблатива и пролатива в «Грамматике самоедского языка»

В падежной системе, зафиксированной и проинтерпретированной архим. Вениамином, отсутствуют два падежа, в настоящее время представленные во всех диалектах тундрового ненецкого языка, в том числе и в западных, — аблатив («отложительный» падеж, ABL) и пролатив («продольный» падеж, PROL). Этот факт не означает, что в XIX в. эти падежи в действительности отсутствовали в западных ненецких диалектах, их отсутствие в падежной системе, зафиксированной архим. Вениамином, может быть связано с тем, что он «не ожидал» их услышать, т. к. в его родном русском языке (и, возможно, в других языках, которыми он владел) и аблатив, и пролатив как отдельные падежи отсутствуют.

4.1.4. Вокатив как отдельный падеж в «Грамматике самоедского языка»

В то же время в рукописи SamGr последовательно приводятся формы вокатива (звательного падежа, V. = VOC), в том числе и для имен существительных, обозначающих предметы, тогда как в современных грамматических исследованиях ненецкого языка не принято выделять звательную форму как падеж. Приведем здесь ряд примеров на формы VOC.SG, VOC.PL и VOC.DU, зафиксированные в SamGr (см. таблицы 10 и 11).

В таблице 10 приводятся примеры существительных, для которых в рукописи SamGr зафиксировано совпадение форм вокатива единственного числа с номинативом и в части случаев с генитивом единственного числа, вокатива множественного числа — с номинативом (и реже аккузативом [16] и инструментальным падежом [17]) множественного числа, вокатива двойственного числа — с номинативом и аккузативом двойственного числа. Все эти имена существительные обозначают неодушевленные предметы.

Таблица 10

№	лист	SamGr: с/форма	SamGr: перевод и гlossы в рукописи	СТНЛЯ: с/форма	СТНЛЯ: перевод и glossы
1	л. 3об.	<i>vðà</i>	‘рука’ V. Sing. (= N. Sing., G. Sing.)	<i>ñúda</i>	ср. ‘рука’ NOM.SG
		<i>vðá</i>	‘руки’ V. Plur. (= N. Plur.)	<i>ñúda-[?]</i>	ср. ‘рука’-NOM.PL
		<i>vðáǵǵ</i>	‘руки’ V. Dual. (= N. Dual., A. Dual.)	<i>ñúda-x^{o?}</i>	ср. ‘рука’-NOM.DU
3	л. 4об.	<i>ælə</i>	‘dag’ ⟨‘день’⟩ V. Sing. (= N. Sing., G. Sing.)	<i>jál’a</i>	‘день’ NOM.SG
		<i>ælé</i>	[‘день’] V. Plur. (= N. Plur.)	<i>jál’a-[?]</i>	‘день’-NOM.PL
		<i>æléǵǵ</i>	[‘день’] V. Dual. (= N. Dual., A. Dual.)	<i>jál’a-x^{o?}</i>	‘день’-NOM.DU
5	л. 5об.	<i>apò</i>	‘bât’ ⟨‘лодка’⟩ V. Singul. (= N. Singul., G. Singul.)	<i>ñéno</i>	‘лодка’ NOM.SG
		<i>apí</i>	[‘лодка’] V. Plur. (= N. Plur.)	<i>ñéno-[?]</i>	‘лодка’-NOM.PL
		<i>apóg</i>	[‘лодка’] V. Dual. (= N. Dual., A. Dual.)	<i>ñéno-x^{o?}</i>	‘лодка’-NOM.DU

6 л. 6	<i>mæɾjð</i>	‘bok’ (‘книга’) V. Sing. (= N. Sing., G. Sing.)	<i>m’ár’o</i>	‘бумага’ NOM.SG
	<i>mæɾjú</i>	[‘книга’] V. Plur. (= N. Plur.)	<i>m’ár’o-ʔ</i>	‘бумага’-NOM.PL
	<i>mæɾjðg</i>	[‘книга’] V. Dual. (= N. Dual., A. Dual.)	<i>m’ár’o-x^{oʔ}</i>	‘бумага’-NOM.DU
7 л. 6об.	<i>tù</i>	‘eld’ (‘огонь’) V. Sing. (= N. Sing., G. Sing.)	<i>tu</i>	‘огонь’ NOM.SG
	<i>tú</i>	[‘огонь’] V. Plur. (= N. Plur.)	<i>tu-ʔ</i>	‘огонь’-NOM.PL
	<i>túg</i>	[‘огонь’] V. Dual. (= N. Dual., A. Dual.)	<i>tú-x^{oʔ}</i>	‘огонь’-NOM.DU
13 л. 8об.	<i>aè</i>	‘kropp’ (‘тело’) V. Sing. (= N. Sing.)	<i>ɲája</i>	‘тело’ NOM.SG
	<i>aé</i>	‘kroppar’ (‘тела’) V. Plur. (= N. Plur.)	<i>ɲája-ʔ</i>	‘тело’-NOM.PL
	<i>aéégъ</i>	[‘тело’] V. Dual. (= N. Dual., A. Dual.)	<i>ɲája-x^{oʔ}</i>	‘тело’-NOM.DU
15 л. 9	<i>máɾzъ</i>	‘плечо’ V. Sing. (= N. Sing.)	<i>máɾc’^o</i>	‘плечо’ NOM.SG
	<i>maɾzé</i>	[‘плечо’] V. Plur. (= N. Plur.)	<i>máɾc’^o-ʔ</i>	‘плечо’-NOM.PL
	<i>maɾzéégъ</i>	[‘плечо’] V. Dual. (= N. Dual., A. Dual.)	<i>máɾc’ə-x^{oʔ}</i>	‘плечо’-NOM.DU
16 л. 9об., л. 10	<i>cèi</i>	[‘сердце’] V. Sing. (= N. Sing.)	<i>s’éj^o</i>	‘сердце’ NOM.SG
	<i>céi</i>	[‘сердце’] V. Plur. (= N. Plur., = A. Plur.)	<i>s’éj^o-ʔ</i>	‘сердце’-NOM.PL
	<i>ceéégъ</i>	[‘сердце’] V. Dual. (= N. Dual., A. Dual.)	<i>s’éjə-x^{oʔ}</i>	‘сердце’-NOM.DU
17 л. 10	<i>páidy</i>	‘щека’ V. Sing. (= N. Sing.)	<i>páj^odí^o</i>	‘щека’ NOM.SG
	<i>paidý</i>	[‘щека’] V. Plur. (= N. Plur., I. Plur.)	<i>páj^odí^o-ʔ</i>	‘щека’-NOM.PL
	<i>páideg</i>	[‘щека’] V. Dual. (= N. Dual., A. Dual.)	<i>páj^ode-x^{oʔ}</i>	‘щека’-NOM.DU
18 л. 10об.	<i>cə</i>	[‘лицо’] V. Sing. (= N. Sing.)	<i>s’aʔ</i>	‘лицо’ NOM.SG
	<i>cəđъ</i>	[‘лицо’] V. Plur. (= N. Plur.)	<i>s’ád^oʔ</i>	‘лицо’ NOM.PL
	<i>cəкъ</i>	[‘лицо’] V. Dual. (= N. Dual., A. Dual.)	<i>s’ák^{oʔ}</i>	‘лицо’ NOM.DU
19 л. 11	<i>i</i>	[‘вода’] V. Sing. (= N. Sing.)	<i>jiʔ</i>	‘вода’ NOM.SG
	<i>id</i>	[‘вода’] V. Plur. (= N. Plur.)	<i>jíd^oʔ</i>	‘вода’ NOM.PL
	<i>ik</i>	[‘вода’] V. Dual. (= N. Dual., A. Dual.)	<i>jík^{oʔ}</i>	‘вода’ NOM.DU
21 л. 12	<i>ním</i>	[‘имя’] V. Sing. (= N. Sing., A. Sing.)	<i>n’um</i>	‘имя’ NOM.SG
	<i>nív</i>	[‘имя’] V. Plur. (= N. Plur.)	<i>n’úw^{oʔ}</i>	‘имя’ NOM.PL
	<i>nímg</i>	[‘имя’] V. Dual. (= N. Dual., A. Dual.)	<i>n’úm-k^{oʔ}</i>	‘имя’-NOM.DU

23 л. 12об.	<i>mù</i>	['брюхо'] V. Sing. (= N. Sing.)	<i>miʔ</i>	'сытость' NOM.SG
	<i>mún</i>	['брюхо'] V. Plur. (= N. Plur.)	<i>mínʔ</i>	'сытость' NOM.PL
	<i>mýng</i>	['брюхо'] V. Dual. (= N. Dual., A. Dual.)	<i>mín-kʔ</i>	'сытость'-NOM.DU

В таблице 11 приводятся примеры существительных, для которых в рукописи SamGr зафиксированы особые формы вокатива единственного и множественного числа, отличающиеся от форм номинатива, однако формы вокатива двойственного числа также совпадают с номинативом и аккузативом двойственного числа. Все эти имена существительные обозначают людей и сущности, мыслимые как одушевленные, — 'Бог' и 'дыхание' (под последним, возможно, имеется в виду 'душа' или 'дух'). При этом данные существительные распадаются на две группы:

1) с формами VOC.SG на *-óvʔ*/*-(j)ív* и VOC.PL на *-óvvʔ*/*-(j)ívʔ* (удвоение согласного, видимо, косвенно обозначает наличие гортанного смычного *-ʔ* в форме множественного числа) — имена, обозначающие родственников ('сестра' [2], 'дочь' [8], 'отец' [14]); здесь можно усмотреть подобие с посессивной формой NOM.SG.POSS1SG;

2) с формами VOC.SG на *-èi* и VOC.PL на *-éi* — 'слуга' [4], 'господин' [9], 'дыхание' ('душа?') [20] и 'Бог' [22].

Таблица 11

№	лист	SamGr: с/форма	SamGr: перевод и гlossы в рукописи	СТНЛЯ: с/форма	СТНЛЯ: перевод и glossы
2	л. 4	<i>NeNóvʔ</i>	'сестра' V. Sing.	<i>n'e n'á-xʔ</i>	'сестра'-NOM.DU
		<i>NeNóvvʔ</i>	'сестры' V. Plur.		
		<i>NéNægʔ</i>	'сестры' V. Dual. (= N. Dual., A. Dual.)		
4	л. 5	<i>chabèi</i>	['слуга'] V. Sing.	<i>xáb'i-xʔ</i>	'раб, слуга'-NOM.DU
		<i>chabéi</i>	['слуга'] V. Plur.		
		<i>chabíg</i>	['слуга'] V. Dual. (= N. Dual., A. Dual.)		
8	л. 6об.	<i>nienjív</i>	['дочь'] V. Sing.	<i>n'e n'í-xʔ</i>	'дочь'-NOM.DU
		<i>nienjívʔ</i>	['дочь'] V. Plur.		
		<i>nienjug</i>	['дочь'] V. Dual. (= N. Dual., A. Dual.)		
9	л. 7	<i>epvèi</i>	['господин'] V. Sing.	<i>jérwə-xʔ</i>	'хозяин'-NOM.DU
		<i>epvéi</i>	['господин'] V. Plur.		
		<i>epvágʔ</i>	['господин'] V. Dual. (= N. Dual., A. Dual.)		
14	л. 9	<i>Nicóvʔ</i>	['отец'] V. Sing.	<i>n'ís'a-xʔ</i>	'отец'-NOM.DU
		<i>Nicóvvʔ</i>	['отец'] V. Plur.		
		<i>Nicággʔ</i>	['отец'] V. Dual. (= N. Dual., A. Dual.)		
20	л. 11об.	<i>indèi</i>	['дыхание'] V. Sing.	<i>jíntakʔ</i>	'дыхание' NOM.DU
		<i>indéi</i>	['дыхание'] V. Plur.		
		<i>indak</i>	['дыхание'] V. Dual. (= N. Dual., A. Dual.)		
22	л. 12	<i>numèi</i>	['Бог'] V. Singul.	<i>núm-kʔ</i>	'Бог'-NOM.DU
		<i>numéi</i>	['Бог'] V. Plur.		
		<i>númg</i>	['Бог'] V. Dual. (= N. Dual., A. Dual.)		

4.1.5. Формы датива единственного числа (DAT.SG) в «Грамматике самоедского языка»

Формы датива единственного числа, зафиксированные в рукописи SamGr, не отличаются значительно от аналогичных форм в современном тундровом ненецком литературном языке и западных ненецких диалектах (см. табл. 12).

Таблица 12

№	лист	SamGr: с/форма	SamGr: перевод и глоссы в рукописи	СТНЛЯ: с/форма	СТНЛЯ: перевод и глоссы
1	л. 3об.	<i>vóáN</i>	‘рукъ’ D. Sing.	<i>ŋúdá-n^{o76}</i>	‘рука’-DAT.SG
2	л. 4	<i>NéNæNъ</i>	‘сестрѣ’ D. Sing.	<i>n'e n'á-n^{o?}</i>	‘сестра’-DAT.SG
3	л. 4об.	<i>æléнь</i>	[‘день’] D. Sing.	<i>jál'á-n^{o?}</i>	‘день’-DAT.SG
4	л. 5	<i>chabín</i>	[‘слуга’] D. Sing.	<i>xáb'i-n^{o?}</i>	‘раб, слуга’-DAT.SG
5	л. 5об.	<i>apón</i>	[‘лодка’] D. Singul.	<i>ŋəno-n^{o?}</i>	‘лодка’-DAT.SG
6	л. 6	<i>mærjón</i>	[‘книга’] D. Sing.	<i>m'ár'ó-n^{o?}</i>	‘бумага’-DAT.SG
7	л. 6об.	<i>tún</i>	[‘огонь’] D. Sing.	<i>tú-n^{o?}</i>	‘огонь’-DAT.SG
8	л. 6об.	<i>nienjun</i>	[‘дочь’] D. Sing.	<i>n'e n'ú-n^{o?}</i>	‘дочь’-DAT.SG
9	л. 7	<i>ерванъ</i>	[‘господин’] D. Sing.	<i>jérwə-n^{o?}</i>	‘хозяин’-DAT.SG
13	л. 8об.	<i>áéNъ</i>	[‘тело’] D. Sing.	<i>ŋájá-n^{o?}</i>	‘тело’-DAT.SG
14	л. 8об.	<i>NicæNъ</i>	[‘отец’] D. Sing.	<i>n'ís'á-n^{o?}</i>	‘отец’-DAT.SG
15	л. 9	<i>márcæNъ</i>	[‘плечо’] D. Sing.	<i>márc'ə-n^{o?}</i>	‘плечо’-DAT.SG
16	л. 9об.	<i>céæNъ</i>	[‘сердце’] D. Sing.	<i>s'éjə-n^{o?}</i>	‘сердце’-DAT.SG
17	л. 10	<i>páiden</i>	[‘щека’] D. Sing.	<i>páj'dè-n^{o?}</i>	‘щека’-DAT.SG
18	л. 10об.	<i>cæmъ</i>	[‘лицо’] D. Sing.	<i>s'át^{o?}</i>	‘лицо’ DAT.SG
19	л. 11	<i>it</i>	[‘вода’] D. Sing.	<i>jít^{o?}</i>	‘вода’ DAT.SG
20	л. 11об.	<i>indat</i>	[‘дыхание’] D. Sing.	<i>jíntət^{o?}</i>	‘дыхание’ DAT.SG
21	л. 12	<i>nímd</i>	[‘имя’] D. Sing.	<i>n'úm-t^{o?}</i>	‘имя’-DAT.SG
22	л. 12	<i>nímd</i>	[‘Бог’] D. Singul.	<i>núm-t^{o?}</i>	‘небо; Бог’-DAT.SG
23	л. 12об.	<i>mýnd</i>	[‘брюхо’] D. Sing.	<i>mín-t^{o?}</i>	‘сытость’-DAT.SG

4.1.6. Формы аккузатива единственного числа (ACC.SG) в «Грамматике самоедского языка»

Формы аккузатива единственного числа, зафиксированные в рукописи SamGr, не отличаются значительно от аналогичных форм в современном тундровом ненецком литературном языке и западных ненецких диалектах (см. табл. 13). Возникает, однако, вопрос интерпретации места ударения в ряде форм ACC.SG в рукописи (примеры [1], [3]—[6], [13] и [14]).

Таблица 13

№	лист	SamGr: с/форма	SamGr: перевод и глоссы в рукописи	СТНЛЯ: с/форма	СТНЛЯ: перевод и глоссы
1	л. 3об.	<i>vóámъ</i>	‘руку’ A. Sing.	<i>ŋúda-m⁷⁷</i>	‘рука’-ACC.SG
2	л. 4	<i>NéNæmъ</i>	‘сестру’ A. Sing.	<i>n'e n'a-m</i>	‘сестра’-ACC.SG
3	л. 4об.	<i>æléмъ</i>	[‘день’] A. Sing.	<i>jál'a-m</i>	‘день’-ACC.SG
4	л. 5	<i>chabím</i>	[‘слуга’] A. Sing.	<i>xáb'i-m</i>	‘раб, слуга’-ACC.SG
5	л. 5об.	<i>apóm</i>	[‘лодка’] A. Singul.	<i>ŋəno-m</i>	‘лодка’-ACC.SG

⁷⁶ Как побочное (второстепенное) ударение на гласном первого слога здесь и далее в аналогичных случаях обозначено просодическое (в первую очередь экспираторное) выделение первого гласного.

⁷⁷ Следует отметить, что, помимо реализации гортанных смычных согласных фонем, для речи на тундровом ненецком языке характерно также автоматическое, фонологически не значимое употребление гортанной смычки некоторыми носителями в позиции конца слова после других согласных, например в формах винительного падежа единственного числа (ACC.SG) после аффикса *-m* (см. также подробнее [Nikolaeva 2014: 20]), что не обозначается нами в таблицах с фонологическими транскрипциями в данной статье.

6	л. 6	<i>mæxjót</i>	[‘книга’] A. Sing.	<i>m'ár'o-m</i>	‘бумага’-ACC.SG
7	л. 6об.	<i>tím</i>	[‘огонь’] A. Sing.	<i>tu-m</i>	‘огонь’-ACC.SG
8	л. 6об.	<i>nienjum</i>	[‘дочь’] A. Sing.	<i>n'e n'ū-m</i>	‘дочь’-ACC.SG
9	л. 7	<i>ервмъ</i>	[‘господин’] A. Sing.	<i>jérw°-m</i>	‘хозяин’-ACC.SG
13	л. 8об.	<i>аёмъ</i>	[‘тело’] A. Sing.	<i>ŋája-m</i>	‘тело’-ACC.SG
14	л. 9	<i>Nicémъ</i>	[‘отец’] A. Sing.	<i>n'ís'a-m</i>	‘отец’-ACC.SG
15	л. 9	<i>мáрзмъ</i>	[‘плечо’] A. Sing.	<i>márc°-m</i>	‘плечо’-ACC.SG
16	л. 9об.	<i>сéимъ</i>	[‘сердце’] A. Sing.	<i>s'éj°-m</i>	‘сердце’-ACC.SG
17	л. 10	<i>páidum</i>	[‘щека’] A. Sing.	<i>páj°dì°-m</i>	‘щека’-ACC.SG
18	л. 10об.	<i>сáэдмъ</i>	[‘лицо’] A. Sing.	<i>s'ad-m</i>	‘лицо’-ACC.SG
19	л. 11	<i>idm</i>	[‘вода’] A. Sing.	<i>jid-m</i>	‘вода’-ACC.SG
20	л. 11об.	<i>indadm</i>	[‘дыхание’] A. Sing.	<i>jínt°d-m</i>	‘дыхание’-ACC.SG
21	л. 12	<i>ním</i>	[‘имя’] A. Sing. (= N. Sing.)	<i>n'uw-m/n'um</i>	‘имя’ ACC.SG
22	л. 12	<i>nívnt</i>	[‘Бог’] A. Singul.	<i>nivw-m</i>	‘небо; Бог’-ACC.SG
23	л. 12об.	<i>mynt</i>	[‘брюхо’] A. Sing.	<i>mi-m (< min-m)</i>	‘сытость’-ACC.SG

4.1.7. Инструменталь (инструменталис) и локатив как самостоятельные падежи с различающимися формами в «Грамматике самоедского языка»

Яркой особенностью падежной системы рукописи SamGr является выделение двух самостоятельных падежей с различающимися формами — инструменталь/инструменталис (творительного падежа, INSTR; I. в рукописи) и локатива (местного падежа, LOC.; L. в рукописи), — тогда как во всех современных диалектах тундрового ненецкого языка эти два падежных значения слиты в единой форме («местно-творительный падеж»): LOC/INSTR.SG *-x°na* (*-xəna*)/*-k°na* (*-kəna*); LOC/INSTR.PL *-x°?na* (*-xə?na*)/*-k°?na* (*-kə?na*); LOC/INSTR.DU *-x°?/-k°?* + послелог *n'ána*.

4.1.7.1. Формы с инструментальным значением в «Грамматике самоедского языка»

Примеры форм инструментального падежа единственного числа из рукописи SamGr приведены ниже в табл. 14. Для всех имен в рукописи приводятся два варианта форм инструментального падежа единственного числа.

Отметим, что, по нашим экспедиционным данным, в современных крайнезападных диалектах (канинском и колгуевском), как и в ненецком литературном языке, также представлена единая падежная форма LOC/INSTR, фонетически реализующаяся с утратой *-x-* в интервокальной позиции и со стяжением *-°-* (*-ə-*) и предшествующего гласного в долгий гласный, например: кр.-зап. *uda* ‘рука’ — *uda°na* (< *uda-xəna*) [ùdá:nə] LOC/INSTR.SG — *uda°?na* (< *uda-xə?na*) [ùdá:ʔnə] LOC/INSTR.PL. Однако, по нашим полевым данным [ПМАКан; ПМАКолг], в крайнезападных ненецких диалектах для выражения именно инструментального значения в непоссесивном склонении широко используется также форма на **(m)poj°?* > [-boj]/[-roj] (с деназализацией, утратой носового в сочетании «сонорный носовой + шумный»), аналогичная той, которая зафиксирована архим. Вениамином как первый вариант инструментального падежа единственного числа (на *-мбѡи* и под.), например: совр. канин. *xə°* ‘нож’ — [χərbój] ‘ножом’; *ji?* ‘вода’ — [jɔrój] ‘водой’ [ПМАКан]. См. также расширенные примеры из канинского диалекта (1) и (2) ниже: сначала следуют фонетическая и фонологическая транскрипция, далее грамматические пометы-гlossы, пример в орфографической записи и перевод на русский язык.

(1) [χərbój mədád]

xə°-boj°? (< **xə°-mpoj°?*) *məda-d°*
 ‘нож’-INSTR.SG ‘разрезать’-IMP.OBJ(SG).2SG

Хярбой’ мэдэд!

‘Ножом разрежь!’ [ПМАКан: БЛК]

(2) [lèbój ləkəd°tədə] / [lèbójʔ ləkəd°tədə]

le-boj°? (< **le-mpoj°?*) *lakad°ta°-da*
 ‘кость’-INSTR.SG ‘ударить’-IND.PRES/AOR.OBJ(SG).3SG

⟨...⟩ *лэбой’ лакадтада.*

‘⟨Мальчик своего друга⟩ костью ударил’ [ПМАКан: БЛК].

Очевидно, что по значению и происхождению этот аффикс сближается с суффиксом *-mpoj°?* (*-мбой’*), с помощью которого от имен образуются определительные наречия, ср.: *лэкэмбой’* ‘ненадолго, временно;

немного' [Терещенко 1965: 173] < лăк 'быстрый, скорый' [там же: 172] ($l\acute{o}k^{\circ}mprou^{\circ}h < l\acute{o}k^{\circ}, l\acute{a}k^{\circ}mprou^{\circ}h < l\acute{a}k^{\circ}$ [Salminen 1998: 480]). Как отмечала уже Н. М. Терещенко, использование падежных форм имен (правда, обычно форм генитива и пролатива, а не инструментального падежа) «для характеристики качества действия в предложении» является характерным для тундрового ненецкого языка [Терещенко 1965: 912—913].

В современных крайнезападных ненецких диалектах (канинском и колгуевском), по нашим полевым данным, зафиксирована деназализация — утрата сонорного носового в сочетании «сонорный носовой + шумный» с озвончением последующего шумного согласного ($mp > b, mp' > b', nc' > z', \eta k > g$; например: $l'emp'a > l'eb'a$ кр.-зап. 'блюдец'), — однако в записи форм инструментального падежа единственного числа в SamGr мы не наблюдаем этого упрощения, например: $v\acute{d}amb\acute{o}i$ с носовым согласным *-m-* в сочетании с последующим звонким шумным (см. также другие примеры в табл. 14: $N\acute{e}N\acute{a}mb\acute{o}i$, $\acute{a}l\acute{e}mb\acute{o}iN\acute{e}$, $chabimb\acute{o}in$, $anomb\acute{o}i$, $m\acute{a}rj\acute{o}mb\acute{o}i$, $tumb\acute{o}i$, $nienjumboin$, $er\acute{v}mb\acute{o}i$, $aemb\acute{o}i$, $Nic\acute{e}mb\acute{o}iN\acute{e}$, $m\acute{a}r\acute{z}\acute{a}mb\acute{o}i$, $\acute{c}\acute{e}imb\acute{o}i$, $p\acute{a}idemboi$ и др.). Вариант аффикса без носового в SamGr (*-n\acute{o}i* и под.) характерен только для основ на «глухой» гортанный смычный, что является ожидаемой закономерностью (примеры [18]—[20]: $\acute{c}\acute{a}n\acute{o}i$, $ip\acute{o}i$, $indapoi$). Таким образом, данные архим. Вениамина позволяют нам датировать явление деназализации в этой конкретной позиции в западных ненецких диалектах как инновацию, произошедшую не ранее первой трети XIX в.

Отметим также, что в SamGr основное ударение не всегда отмечается на аффиксе *-m\acute{o}i/-m\acute{b}oi* (см. примеры [2], [15], [16], [17] в табл. 14), хотя в современных крайнезападных диалектах, по нашим полевым данным, на данный показатель приходится основное просодическое выделение в фонетических словах. Не до конца ясно появление буквы для обозначения носового сонорного в конце словоформ в примерах [3], [4], [8], [14] и [22] в рукописи SamGr.

Второй вариант формы инструментального падежа единственного числа в рукописи представляет собой тот же формант LOC/INSTR.SG, что и в современном тундровом ненецком языке, однако с характерной для западных диалектов утратой /x/ в интервокальной позиции и последующим стяжением гласных. Интерес при этом представляет отсутствие конечного слога *-na* в этих формах в SamGr. Отметим также диакритику «циркумфлекс» («крышечка») над символами для обозначения конечных гласных в этих формах в рукописи.

Таблица 14. Формы инструментального падежа единственного числа в SamGr

№	лист	SamGr: с/форма	SamGr: перевод и глоссы в рукописи	СТНЛЯ: с/форма	СТНЛЯ: перевод и глоссы
1	л. 3об.	$v\acute{d}amb\acute{o}i$ och ⟨и⟩ $v\acute{d}\acute{a}$	'рукою' I. Sing.	$\eta\acute{u}da-x\grave{a}na$ (> $\eta\acute{u}d\acute{a}^{\circ}na$ [$\eta\acute{u}d\acute{a}:n\acute{e}$])	'рука'-LOC/INSTR.SG
2	л. 4	$N\acute{e}N\acute{a}mb\acute{o}i$ och ⟨и⟩ $N\acute{e}N\acute{a}$	'сестрою' I. Sing.	$n'e n'\acute{a}-x^{\circ}n\acute{a}$ (> $n'e n'\acute{a}^{\circ}na$ [$n\acute{e} n'\acute{a}:n\acute{e}$])	'сестра'- LOC/INSTR.SG
3	л. 4об.	$\acute{a}l\acute{e}mb\acute{o}iN\acute{e}$ och ⟨и⟩ $\acute{a}l\acute{e}$	['день'] I. Sing.	$j\acute{a}l'a-x\grave{a}na$ (> $j\acute{a}l'\acute{a}^{\circ}na$ [$j\acute{a}l'\acute{a}:n\acute{e}$])	'день'-LOC/INSTR.SG
4	л. 5	$chabimb\acute{o}in$ och ⟨и⟩ $chab\acute{i}$	['слуга'] I. Sing.	$x\acute{a}b'i-x\grave{a}na$ (> $x\acute{a}b'i^{\circ}na$ [$x\acute{a}b'i:n\acute{e}$])	'раб, слуга'- LOC/INSTR.SG
5	л. 5об.	$anomb\acute{o}i$ och ⟨и⟩ $an\acute{o}$	['лодка'] I. Singul.	$\eta\acute{a}no-x\grave{a}na$ (> $\eta\acute{a}n\acute{o}^{\circ}na$ [$\eta\acute{a}n\acute{o}:n\acute{e}$])	'лодка'-LOC/INSTR.SG
6	л. 6	$m\acute{a}rj\acute{o}mb\acute{o}i$ och ⟨и⟩ $m\acute{a}rj\acute{o}$	['книга'] I. Sing.	$m'\acute{a}r'o-x\grave{a}na$ (> $m'\acute{a}r'\acute{o}^{\circ}na$ [$m'\acute{a}r'\acute{o}:n\acute{e}$])	'бумага'- LOC/INSTR.SG
7	л. 6об.	$tumb\acute{o}i$ och ⟨и⟩ $t\acute{u}$	['огонь'] I. Sing.	$t\acute{u}-x^{\circ}n\acute{a}$ (> $t\acute{u}^{\circ}na$ [$t\acute{u}:n\acute{e}$])	'огонь'-LOC/INSTR.SG
8	л. 6об.	$nienjumboin$ och ⟨и⟩ $nienj\acute{u}$	['дочь'] I. Sing.	$n'e n'\acute{u}-x^{\circ}n\acute{a}$ (> $n'e n'\acute{u}^{\circ}na$ [$n\acute{e} n'\acute{u}:n\acute{e}$])	'дочь'-LOC/INSTR.SG
9	л. 7	$er\acute{v}mb\acute{o}i$ och ⟨и⟩ $er\acute{v}\acute{e}$	['господин'] I. Sing.	$j\acute{e}r\acute{w}^{\circ}-x\grave{a}na$	'хозяин'- LOC/INSTR.SG
13	л. 8об.	$aemb\acute{o}i$ & $a\acute{e}$	['тело'] I. Sing.	$\eta\acute{a}ja-x\grave{a}na$ (> $\eta\acute{a}j\acute{a}^{\circ}na$ [$\eta\acute{a}j\acute{a}:n\acute{e}$])	'тело'-LOC/INSTR.SG
14	л. 9	$Nic\acute{e}mb\acute{o}iN\acute{e}$ och ⟨и⟩ $Nic\acute{e}$	['отец'] I. Sing.	$n'\acute{t}s'a-x\grave{a}na$ (> $n'\acute{t}s'\acute{a}^{\circ}na$ [$n'\acute{t}s'\acute{a}:n\acute{e}$])	'отец'-LOC/INSTR.SG
15	л. 9	$m\acute{a}r\acute{z}\acute{a}mb\acute{o}i$ och ⟨и⟩ $m\acute{a}r\acute{z}\acute{e}$	['плечо'] I. Sing.	$m\acute{a}r\acute{c}^{\circ}-x\grave{a}na$	'плечо'-LOC/INSTR.SG

16	л. 10	<i>céimboi</i> och ⟨и⟩ <i>céê</i>	['сердце'] I. Sing.	<i>s'éj°-xəna</i>	'сердце'- LOC/INSTR.SG
17	л. 10	<i>páidemboi &</i> <i>páidê</i>	['щека'] I. Sing.	<i>páj°dè-x°nà</i> (> <i>páj°dé°na</i> [pájde:nɛ])	'щека'-LOC/INSTR.SG
18	л. 10об.	<i>cænòì</i> och ⟨и⟩ <i>cæðъ</i>	['лицо'] I. Sing.	<i>s'ák°nà</i>	'лицо' LOC/INSTR.SG
19	л. 11	<i>ipòì</i> och ⟨и⟩ <i>id</i>	['вода'] I. Sing.	<i>jík°nà</i>	'вода' LOC/INSTR.SG
20	л. 11об.	<i>indapoi</i> och ⟨и⟩ <i>indad</i>	['дыхание'] I. Sing.	<i>jínt°kəna</i>	'дыхание' LOC/INSTR.SG
21	л. 12	<i>nimbòì</i> och ⟨и⟩ <i>nív</i>	['имя'] I. Sing.	<i>n'úm-k°nà</i>	'имя'-LOC/INSTR.SG
22	л. 12	<i>numbóin</i> och ⟨и⟩ <i>nív</i>	['Бог'] I. Singul.	<i>núm-k°nà</i>	'небо; Бог'- LOC/INSTR.SG
23	л. 12об.	<i>mýmbòì</i> och ⟨и⟩ <i>myn</i>	['брюхо'] I. Sing.	<i>míŋ-k°nà</i>	'сытость'- LOC/INSTR.SG

Формы инструментального падежа множественного числа, представленные в рукописи, делятся на две группы:

1) форма инструментального падежа множественного числа полностью совпадает с формой accusativa множественного числа в SamGr (примеры [4], [14], [20] в табл. 15), отличается от нее только диакритикой над конечным гласным («акут» в формах INSTR.PL и «гравис» в формах ACC.PL, примеры [1], [3], [6], [9], [15], [18], [19], [21]—[23]) или местом ударения (примеры [2] и [17]);

2) форма инструментального падежа множественного числа, видимо, производна от зафиксированной в SamGr формы генитива множественного числа с показателем *-vée/-vé-* (о которой см. подробнее в п. 4.1.9) и образована от нее с помощью аффикса *-mboi/-мбои* (примеры [5], [7], [8], [13], [16]).

И те, и другие формы значительно отличаются от форм LOC/INSTR.PL в современном тундровом ненецком литературном языке и современных ненецких диалектах.

Таблица 15. Формы инструментального падежа множественного числа в SamGr

№	лист	SamGr: с/форма	SamGr: перевод и глоссы в рукописи	СТНЛЯ: с/форма	СТНЛЯ: перевод и глоссы
1	л. 3об.	<i>vðì</i>	'руками' I. Plur.	<i>ŋúda-xəʔna</i> (> <i>ŋúdá°ʔna</i> [ŋúdá:ʔnɛ])	'рука'- LOC/INSTR.PL
2	л. 4	<i>NeNi</i>	'сестрами' I. Plur.	<i>n'e n'á-x°ʔnà</i> (> <i>n'e n'á°ʔna</i> [nè n'á:ʔnɛ])	'сестра'- LOC/INSTR.PL
3	л. 4об.	<i>æló</i>	['день'] I. Plur.	<i>jál'a-xəʔna</i> (> <i>jál'á°ʔna</i> [jál'á:ʔnɛ])	'день'- LOC/INSTR.PL
4	л. 5	<i>chabí</i>	['слуга'] I. Plur.	<i>xəb'i-xəʔna</i> (> <i>xəb'í°ʔna</i> [xəb'í:ʔnɛ])	'раб, слуга'- LOC/INSTR.PL
5	л. 5об.	<i>anuvéemboi</i>	['лодка'] I. Plur.	<i>ŋəno-xəʔna</i> (> <i>ŋəno°ʔna</i> [ŋəno:ʔnɛ])	'лодка'- LOC/INSTR.PL
6	л. 6	<i>mærxjú</i>	['книга'] I. Plur.	<i>m'ár'o-xəʔna</i> (> <i>m'ár'ó°ʔna</i> [m'ár'ó:ʔnɛ])	'бумага'- LOC/INSTR.PL
7	л. 6об.	<i>tuvéemboi</i>	['огонь'] I. Plur.	<i>tú-x°ʔnà</i> (> <i>tú°ʔna</i> [tú:ʔnɛ])	'огонь'- LOC/INSTR.PL
8	л. 6об.	<i>nienjuvéemboi</i>	['дочь'] I. Plur.	<i>n'e n'ú-x°ʔnà</i> (> <i>n'e n'ú°ʔna</i> [nè n'ú:ʔnɛ])	'дочь'- LOC/INSTR.PL
9	л. 7	<i>epvó</i>	['господин'] I. Plur.	<i>jérw°-xəʔna</i>	'хозяин'- LOC/INSTR.PL
13	л. 8об.	<i>aævéemboi</i>	['тело'] I. Plur.	<i>ŋája-xəʔna</i> (> <i>ŋájá°ʔna</i> [ŋájá:ʔnɛ])	'тело'- LOC/INSTR.PL
14	л. 9	<i>Nícъ</i>	['отец'] I. Plur.	<i>n'ís'a-xəʔna</i> (> <i>n'ís'á°ʔna</i> [n'í:s'á:ʔnɛ])	'отец'- LOC/INSTR.PL

15	л. 9	<i>mapzób</i>	[‘плечо’] I. Plur.	<i>márc^o-xàʔna</i>	‘плечо’- LOC/INSTR.PL
16	л. 10	<i>сәәвеембои</i>	[‘сердце’] I. Plur.	<i>s’éj^o-xàʔna</i>	‘сердце’- LOC/INSTR.PL
17	л. 10	<i>paidý</i>	[‘щека’] I. Plur.	<i>páj^odè-x^oʔnà</i> (> <i>páj^odé^oʔna</i> [pàjdé:ʔnə])	‘щека’- LOC/INSTR.PL
18	л. 10об.	<i>сәдó</i>	[‘лицо’] I. Plur.	<i>s’ák^oʔnà</i>	‘лицо’- LOC/INSTR.PL
19	л. 11	<i>idí</i>	[‘вода’] I. Plur.	<i>jík^oʔnà</i>	‘вода’- LOC/INSTR.PL
20	л. 11об.	<i>indadó</i>	[‘дыхание’] I. Plur.	<i>jínt^okàʔna</i>	‘дыхание’- LOC/INSTR.PL
21	л. 12	<i>niví</i>	[‘имя’] I. Plur.	<i>n’úm-k^oʔnà</i>	‘имя’- LOC/INSTR.PL
22	л. 12	<i>nuvó</i>	[‘Бог’] I. Plur.	<i>núm-k^oʔnà</i>	‘небо; Бог’- LOC/INSTR.PL
23	л. 12об.	<i>тунó</i>	[‘брюхо’] I. Plur.	<i>miŋ-k^oʔnà</i>	‘сытость’- LOC/INSTR.PL

Формы инструментального падежа двойственного числа, представленные в рукописи, делятся на две группы:

1) в форме инструментального падежа двойственного числа в SamGr в большинстве случаев прослеживается показатель дуалиса (обозначаемый как *-ga-*, *-ga-*, *-g-* и т. д. с передачей озвончения /x/ в интервокальной позиции и без отражения прогрессивной дистантной ассимиляции гласных, о которой см. подробнее в п. 3.2.2.8) и уже знакомый нам показатель *-mboi/-мбои*, выражающий инструментальное значение (таким образом, мы видим здесь продуктивность и широкую «экспансию» этого показателя в формы инструментального падежа как множественного, так и двойственного числа); см. примеры [2]—[9], [13]—[17], [22], [23] в табл. 16;

2) формы инструментального падежа двойственного числа от имен с основами на гортанный смычный *-ʔ* и носовой *-m* представляют собой формы дуалиса с послелогом *Næ/næ* (примеры [18]—[21]), эти формы совпадают с формами датива двойственного числа от этих имен в рукописи SamGr. Эта вторая группа форм подобна падежно-послеложным формам со значением LOC/INSTR.DU (с послелогом *n’ána*) в современном тундровом ненецком литературном языке и современных ненецких диалектах.

Таблица 16. Формы инструментального падежа двойственного числа в SamGr

№	лист	SamGr: с/форма	SamGr: перевод и гlossы в рукописи	СТНЛЯ: с/форма	СТНЛЯ: перевод и glossы
2	л. 4	<i>NeNægamboi</i>	‘сестрами’ I. Dual.	<i>n’e n’á-x^oʔ +</i> послелог <i>n’ána</i>	‘сестра’-NOM.DU + послелог <i>n’ána</i> (LOC/INSTR.DU)
3	л. 4об.	<i>ælégamboi</i>	‘день’ I. Dual.	<i>jál’a-x^oʔ +</i> послелог <i>n’ána</i>	‘день’-NOM.DU + послелог <i>n’ána</i> (LOC/INSTR.DU)
4	л. 5	<i>chabígamboi</i>	‘слуга’ I. Dual.	<i>xáb’i-x^oʔ +</i> послелог <i>n’ána</i>	‘раб, слуга’-NOM.DU + послелог <i>n’ána</i> (LOC/INSTR.DU)
5	л. 5об.	<i>anógamboi</i>	[‘лодка’] I. Dual.	<i>ŋáno-x^oʔ +</i> послелог <i>n’ána</i>	‘лодка’-NOM.DU + послелог <i>n’ána</i> (LOC/INSTR.DU)
6	л. 6	<i>mærxógamboi</i>	[‘книга’] I. Dual.	<i>m’ár’o-x^oʔ +</i> послелог <i>n’ána</i>	‘бумага’-NOM.DU + послелог <i>n’ána</i> (LOC/INSTR.DU)
7	л. 6об.	<i>tugámboi</i>	[‘огонь’] I. Dual.	<i>tú-x^oʔ +</i> послелог <i>n’ána</i>	‘огонь’-NOM.DU + послелог <i>n’ána</i> (LOC/INSTR.DU)
8	л. 6об.	<i>nienjugamboi</i>	[‘дочь’] I. Dual.	<i>n’e n’ú-x^oʔ +</i> послелог <i>n’ána</i>	‘дочь’-NOM.DU + послелог <i>n’ána</i> (LOC/INSTR.DU)
9	л. 7	<i>epwágamboi</i>	[‘господин’] I. Dual.	<i>jérwə-x^oʔ +</i> послелог <i>n’ána</i>	‘хозяин’-NOM.DU + послелог <i>n’ána</i> (LOC/INSTR.DU)

13	л. 8об.	<i>aéǵamboi</i>	['тело'] I. Dual.	<i>ǵáǵa-x^{o?}</i> + послелог <i>n'ána</i>	'тело'-NOM.DU + послелог <i>n'ána</i> (LOC/INSTR.DU)
14	л. 9	<i>Nicáǵamboi</i>	['отец'] I. Dual.	<i>n'ís'a-x^{o?}</i> + послелог <i>n'ána</i>	'отец'-NOM.DU + послелог <i>n'ána</i> (LOC/INSTR.DU)
15	л. 9	<i>marzáǵamboi</i>	['плечо'] I. Dual.	<i>márc'a-x^{o?}</i> + послелог <i>n'ána</i>	'плечо'-NOM.DU + послелог <i>n'ána</i> (LOC/INSTR.DU)
16	л. 10	<i>ceáǵamboi</i>	['сердце'] I. Dual.	<i>s'éǵa-x^{o?}</i> + послелог <i>n'ána</i>	'сердце'-NOM.DU + послелог <i>n'ána</i> (LOC/INSTR.DU)
17	л. 10	<i>páidegamboi</i>	['щека'] I. Dual.	<i>páj^odè-x^{o?}</i> + послелог <i>n'ána</i>	'щека'-NOM.DU + послелог <i>n'ána</i> (LOC/INSTR.DU)
18	л. 10об.	<i>cáǵkNæ</i>	['лицо'] I. Dual. (= D. Dual.)	<i>s'ák^{o?}</i> + послелог <i>n'ána</i>	'лицо'-NOM.DU + послелог <i>n'ána</i> (LOC/INSTR.DU)
19	л. 11	<i>iknæ</i>	['вода'] I. Dual. (= D. Dual.)	<i>jik^{o?}</i> + послелог <i>n'ána</i>	'вода'-NOM.DU + послелог <i>n'ána</i> (LOC/INSTR.DU)
20	л. 11об.	<i>indaknæ</i>	['дыхание'] I. Dual. (= D. Dual.)	<i>jíntak^{o?}</i> + послелог <i>n'ána</i>	'дыхание'-NOM.DU + послелог <i>n'ána</i> (LOC/INSTR.DU)
21	л. 12	<i>nímgnæ</i>	['имя'] I. Dual. (= D. Dual.)	<i>n'ím-k^{o?}</i> + послелог <i>n'ána</i>	'имя'-NOM.DU + послелог <i>n'ána</i> (LOC/INSTR.DU)
22	л. 12	<i>númgamboi</i>	['Бог'] I. Dual.	<i>núm-k^{o?}</i> + послелог <i>n'ána</i>	'небо; Бог'-NOM.DU + послелог <i>n'ána</i> (LOC/INSTR.DU)
23	л. 12об.	<i>mýngamboi</i>	['брюхо'] I. Dual.	<i>míŋ-k^{o?}</i> + послелог <i>n'ána</i>	'сытость'-NOM.DU + послелог <i>n'ána</i> (LOC/INSTR.DU)

4.1.7.2. Формы с локативным значением в «Грамматике самоедского языка»

Что касается форм с локативным значением, отмечаемых в рукописи SamGr, то для всех трех чисел характерна «экспансия» аффикса *-сь* (в написании кириллицей) / *-βj* (в написании латиницей с ориентацией на шведскую орфографию I пол. XIX в.). В современном тундровом ненецком литературном языке нами не было зафиксировано аналогичной формы в этом значении.

Для эссива в современном ненецком литературном языке характерен показатель *-ŋe^o* (*-ŋə*): И. А. Николаева выделяет эссив на *-ŋe^o* как одну из частотных наречных форм имени ("adverbial form"), а не отдельный падеж [Nikolaeva 2014: 39—41]⁷⁸. Однако Н. М. Терещенко неоднократно отмечала особенность образования «превратительной формы» (эссива) в крайнезападных диалектах тундрового ненецкого языка — с помощью аффикса *-сь*, а не лит. *-ŋə* (*-ŋe^o*): б.-з. *сидянуэ* (*s'id'áŋe^o*)~канин. *сидясь* 'вдвоем' [Терещенко 1965: 9]. Также она проводила параллель между способом образования данной формы в крайнезападных (на примере канинского) и крайневосточных (на примере таймырского) диалектах: б.-з. *сидянгэ^o*⁷⁹ (*сидянуэ*, *s'id'áŋe^o*)~канин. *сидясь*~тайм. *сидянгэсь* (*сидянуэсь*) 'вдвоем' [Терещенко 1956: 188].

Показатель *-s'^o* (*-сь*) восходит к аффиксу инфинитива, сам ненецкий эссив этимологически восходит к инфинитиву глагола *уэсь* 'быть', 'находиться (о предметах)' [Терещенко 1965: 423] (ср. *ngæ-*, *ŋæ-* 'to be' [Salminen 1998: 34]), на что указывал еще Г. Н. Прокофьев («назначительно-превратительный падеж»: *-ŋə* — основа глагола *ŋəз* 'быть' [Прокофьев 1937: 27]). Таким образом, таймырская форма эссива, зафиксированная Н. М. Терещенко, является исторически наиболее полной. Форма эссива современного ненецкого литературного языка исторически представляет собой усеченную форму инфинитива без показателя *-s'^o* (*-сь*), усеченные инфинитивные формы частотны и характерны в целом для основ на гласные в большинстве ненецких диалектов. В формах эссива, зафиксированных Н. М. Терещенко в канинском диалекте и архим. Вениамином в западных ненецких диалектах I пол. XIX в. (правда, в рукописи SamGr в «локативном» значении), отражено выпадение *-ŋ-* в интервокальной позиции с последующим стяжением гласных. Необходимо отметить при этом наличие *-ga-*/*-ga-* перед аффиксом *-сь*/*-βj* в примерах [9] и [18]—[23], т. е. в словоформах от основ на *-C^o*, гортанные смычные и носовой сонорный *-m* (см. табл. 17), что, возможно, свидетельствует о сохранении *-ŋ-* и следующего за ним гласного в неинтервокальной позиции (фонетически позиция после *-C^o* также не является интервокальной).

⁷⁸ О том, почему данная форма (эссив) не считается отдельным падежом, см. в работе И. А. Николаевой: "In many respects it (essive) behaves like a grammatical case but, unlike true grammatical cases, the essive is not compatible with the expression of grammatical number and possessive person/number (...)" [Nikolaeva 2014: 39].

⁷⁹ Сохранена орфография, принятая в [Терещенко 1956]: фонема /ŋ/ обозначена в данном источнике как диграф *ng*.

Отметим, что, по нашим полевым данным, в современных крайнезападных ненецких диалектах в значении эссива используются формы с показателем *-ηe°* (*-ηэ*), как в литературном ненецком языке: см. ниже примеры (3) и (4).

(3) [jöpújñè ʒájè]

juniŋ°-ηe° *xája*
 ‘весна [после ледохода]’-ESS ‘стать; наступить’.IND.PRES/AOR.SUB.3SG

Юнуйүэ хая.

‘Поздняя весна [весна после ледохода] настала (наступила)’ (= букв. ‘Поздней весной [весной после ледохода] стало’) [ПИМАКан: БЛК].

(4) [tí:ʔnəʔ n'ámðədòʔ lèñé ʒájèʔ] / [tí:ʔnəʔ n'ámðədùʔ lèñé ʒájèʔ]

tí-ʔnaʔ *n'amto-doʔ* *le-ηe°* *xája-ʔ*
 ‘олень’.осн.ACC.PL-GEN.PL.POSS1PL ‘рог’.осн.ACC.PL-NOM.PL.POSS3PL ‘кость’-ESS ‘стать’-IND.PRES/AOR.SUB.3PL

Ты”на” нямдодо’ лэүэ хая”.

‘Рога наших оленей окостенели’ (= букв. ‘Оленей-наших рога-их костью стали’) [ПИМАКан: БЛК].

Однако, по нашим полевым данным, в современных крайнезападных ненецких диалектах широко употребительна словоформа *ámgəsʰ* [ámgəsʰ]/[ámgəsʰi] в значении ‘почему, зачем’ [ПИМАКан] (см. пример (5) ниже), которая используется там вместо формы LOC/INSTR.SG *ñámgəxəna* (*ñətkə-xəna*), характерной для литературного ненецкого языка: ср. лит. *Тюку падар” нянанда” ñámgəxəna тара?* ‘Для чего вам нужна эта бумага?’ [Терещенко 1965: 376].

(5) [ámgəsʰi túm ʒəbtá:r] / [ámgəsʰi túm ʒəptá:r]

ətkesʰo *tu-m* *xəbta-ər°*
 ‘почему, зачем’ ‘огонь’-ACC.SG ‘погасить’-IND.PRES/AOR.OBJ(SG).2SG

Áмгэсь тум’ хэбтар?

‘Зачем (почему) [ты] огонь погасил?’ [ПИМАКан: БЛК]

Таким образом, можно предположить, что в рукописи SamGr формы эссива приводятся в грамматических парадигмах как имеющие локативное значение; см. подробнее в табл. 17. Отдельно отметим, что в рукописи в посессивном склонении не представлены формы «локатива» с показателем *-сь/-βj*, в SamGr они характерны только для парадигмы непосессивного склонения.

Таблица 17. Формы «локатива» единственного числа в SamGr

№	лист	SamGr: с/форма	SamGr: перевод и глоссы в рукописи	СТНЛЯ: с/форма	СТНЛЯ: перевод и глоссы
1	л. 3об.	<i>vðàсь</i>	‘рукою’ L. Sing.	<i>ñúda-xəna</i> (> <i>ñúdá°na</i> [ñúdá:nɛ])	‘рука’-LOC/INSTR.SG
2	л. 4	<i>NeNəсь</i>	‘сестрою’ L. Sing.	<i>n'e n'á-x°nà</i> (> <i>n'e n'á°na</i> [n'è n'á:nɛ])	‘сестра’-LOC/INSTR.SG
3	л. 4об.	<i>əlèsь</i>	['день'] L. Sing.	<i>jál'a-xəna</i> (> <i>jál'á°na</i> [jál'á:nɛ])	‘день’-LOC/INSTR.SG
4	л. 5	<i>chabíβj</i>	['слуга'] L. Sing.	<i>xəb'i-xəna</i> (> <i>xəb'i°na</i> [xəb'i:nɛ])	‘раб, слуга’-LOC/INSTR.SG
5	л. 5об.	<i>anòβj</i>	['лодка'] L. Singul.	<i>ñəno-xəna</i> (> <i>ñənó°na</i> [ñənó:nɛ])	‘лодка’-LOC/INSTR.SG
6	л. 6	<i>mərxjóβj</i>	['книга'] L. Sing.	<i>m'ár'o-xəna</i> (> <i>m'ár'ó°na</i> [m'ár'ó:nɛ])	‘бумага’-LOC/INSTR.SG
7	л. 6об.	<i>túβj</i>	['огонь'] L. Sing.	<i>tú-x°nà</i> (> <i>tú°na</i> [tú:nɛ])	‘огонь’-LOC/INSTR.SG
8	л. 6об.	<i>nienjυβj</i>	['дочь'] L. Sing.	<i>n'e n'ú-x°nà</i> (> <i>n'e n'ú°na</i> [n'è n'ú:nɛ])	‘дочь’-LOC/INSTR.SG
9	л. 7	<i>ervgась</i>	['господин'] L. Sing.	<i>jérw°-xəna</i>	‘хозяин’-LOC/INSTR.SG
13	л. 8об.	<i>ağсь</i>	['тело'] L. Sing.	<i>ñája-xəna</i> (> <i>ñájá°na</i> [ñájá:nɛ])	‘тело’-LOC/INSTR.SG

14	л. 9	<i>Nicæсь</i>	[‘отец’] L. Sing.	<i>n'ís'a-xàna</i> (> <i>n'ís'á'na</i> [n'i:sjá:nɛ])	‘отец’-LOC/INSTR.SG
15	л. 9об.	<i>marzæсь</i>	[‘плечо’] L. Sing.	<i>márc'°-xàna</i>	‘плечо’-LOC/INSTR.SG
16	л. 10	<i>céæсь</i>	[‘сердце’] L. Sing.	<i>s'éj'°-xàna</i>	‘сердце’-LOC/INSTR.SG
17	л. 10	<i>páideβj</i>	[‘щека’] L. Sing.	<i>páj°dè-x°nà</i> (> <i>páj°dé°na</i> [pàjdé:nɛ])	‘щека’-LOC/INSTR.SG
18	л. 10об.	<i>cæðgась</i>	[‘лицо’] L. Sing.	<i>s'ák°nà</i>	‘лицо’ LOC/INSTR.SG
19	л. 11	<i>idgaβj</i>	[‘вода’] L. Sing.	<i>jik°nà</i>	‘вода’ LOC/INSTR.SG
20	л. 11об.	<i>indadgaβj</i>	[‘дыхание’] L. Sing.	<i>jínt°kàna</i>	‘дыхание’ LOC/INSTR.SG
21	л. 12	<i>nívgaβj</i>	[‘имя’] L. Sing.	<i>n'úm-k°nà</i>	‘имя’-LOC/INSTR.SG
22	л. 12	<i>nívgaβj</i>	[‘Бог’] L. Singul.	<i>núm-k°nà</i>	‘небо; Бог’-LOC/INSTR.SG
23	л. 12об.	<i>mýngaβj</i>	[‘брюхо’] L. Sing.	<i>míη-k°nà</i>	‘сытость’-LOC/INSTR.SG

Формы «локатива» множественного числа, представленные в рукописи, либо полностью совпадают с формами «локатива» единственного числа (примеры [4], [7], [8], [16]—[23] в табл. 18), либо отличаются от них только диакритикой над конечным гласным («гравис» в формах LOC.SG и «акут» в формах LOC.PL; примеры [1]—[3], [13], [14]) или качеством гласного (примеры [5], [6], [15]). Для формы «локатива» множественного числа от имени [9] в SamGr отмечено удвоение согласного, что, возможно, является одним из способов передачи гортанного смычного -ʔ в рукописи.

Таблица 18. Формы «локатива» множественного числа в SamGr

№	лист	SamGr: с/форма	SamGr: перевод и глоссы в рукописи	СТНЛЯ: с/форма	СТНЛЯ: перевод и глоссы
1	л. 3об.	<i>vðáсь</i>	‘руками’ L. Plur.	<i>ηúda-xəʔna</i> (> <i>ηúdá°ʔna</i> [ηúdá:ʔnɛ])	‘рука’-LOC/INSTR.PL
2	л. 4	<i>NeNæсь</i>	‘сестрами’ L. Plur.	<i>n'e n'á-x°ʔnà</i> (> <i>n'e n'á°ʔna</i> [n'è n'á:ʔnɛ])	‘сестра’-LOC/INSTR.PL
3	л. 4об.	<i>æléсь</i>	[‘день’] L. Plur.	<i>jál'a-xəʔna</i> (> <i>jál'á°ʔna</i> [jál'á:ʔnɛ])	‘день’-LOC/INSTR.PL
4	л. 5	<i>chabiβj</i>	[‘слуга’] L. Plur.	<i>xəb'i-xəʔna</i> (> <i>xəb'i°ʔna</i> [xəb'i:ʔnɛ])	‘раб, слуга’- LOC/INSTR.PL
5	л. 5об.	<i>anúβj</i>	[‘лодка’] L. Plur.	<i>ηəno-xəʔna</i> (> <i>ηəno°ʔna</i> [ηəno:ʔnɛ])	‘лодка’-LOC/INSTR.PL
6	л. 6	<i>mærxúβj</i>	[‘книга’] L. Plur.	<i>m'ár'o-xəʔna</i> (> <i>m'ár'ó°ʔna</i> [m'ár'ó:ʔnɛ])	‘бумага’-LOC/INSTR.PL
7	л. 6об.	<i>túβj</i>	[‘огонь’] L. Plur.	<i>tú-x°ʔnà</i> (> <i>tú°ʔna</i> [tú:ʔnɛ])	‘огонь’-LOC/INSTR.PL
8	л. 6об.	<i>nienjuβj</i>	[‘дочь’] L. Plur.	<i>n'e n'ú-x°ʔnà</i> (> <i>n'e n'ú°ʔna</i> [n'è n'ú:ʔnɛ])	‘дочь’-LOC/INSTR.PL
9	л. 7	<i>epvзгась</i>	[‘господин’] L. Plur.	<i>jérw°-xəʔna</i>	‘хозяин’-LOC/INSTR.PL
13	л. 8об.	<i>aæсь</i>	[‘тело’] L. Plur.	<i>ηája-xəʔna</i> (> <i>ηájá°ʔna</i> [ηájá:ʔnɛ])	‘тело’-LOC/INSTR.PL
14	л. 9	<i>Nicæсь</i>	[‘отец’] L. Plur.	<i>n'ís'a-xəʔna</i> (> <i>n'ís'á°ʔna</i> [n'i:sjá:ʔnɛ])	‘отец’-LOC/INSTR.PL
15	л. 9об.	<i>marzócсь</i>	[‘плечо’] L. Plur.	<i>márc'°-xəʔna</i>	‘плечо’-LOC/INSTR.PL
16	л. 10	<i>céæсь</i>	[‘сердце’] L. Plur.	<i>s'éj'°-xəʔna</i>	‘сердце’-LOC/INSTR.PL
17	л. 10	<i>páideβj</i>	[‘щека’] L. Plur.	<i>páj°dè-x°ʔnà</i> (> <i>páj°dé°ʔna</i> [pàjdé:ʔnɛ])	‘щека’-LOC/INSTR.PL
18	л. 10об.	<i>cæðгась</i>	[‘лицо’] L. Plur.	<i>s'ák°ʔnà</i>	‘лицо’ LOC/INSTR.PL
19	л. 11	<i>idgaβj</i>	[‘вода’] L. Plur.	<i>jik°ʔnà</i>	‘вода’ LOC/INSTR.PL
20	л. 11об.	<i>indadgaβj</i>	[‘дыхание’] L. Plur.	<i>jínt°kəʔna</i>	‘дыхание’ LOC/INSTR.PL
21	л. 12	<i>nívgaβj</i>	[‘имя’] L. Plur.	<i>n'úm-k°ʔnà</i>	‘имя’-LOC/INSTR.PL
22	л. 12	<i>nívgaβj</i>	[‘Бог’] L. Plur.	<i>núm-k°ʔnà</i>	‘небо; Бог’-LOC/INSTR.PL
23	л. 12об.	<i>mýngaβj</i>	[‘брюхо’] L. Plur.	<i>míη-k°ʔnà</i>	‘сытость’-LOC/INSTR.PL

В формах «локатива» двойственного числа, представленных в рукописи SamGr, прослеживается показатель дуалиса (с передачей озвончения фонемы /x/ в интервокальной позиции), на котором в абсолютном большинстве случаев (кроме примера [18]) проставлено ударение, и уже знакомый нам показатель *-сь/-βj* (см. табл. 19). Таким образом, мы видим здесь продуктивность и широкую «экспансию» *-сь/-βj* в формы «локатива» как множественного, так и двойственного числа. Следует указать также на прогрессивную дистантную ассимиляцию гласных (см. подробнее в п. 3.2.2.8) в примере [6]. Интересно, что в рукописи SamGr в формах с инструментальным значением INSTR.DU в показателе дуалиса в основном представлен гласный *-a-* (см. выше табл. 16), тогда как в большинстве форм с «локативным» значением LOC.DU (кроме [6], [18] и [23]) в показателе дуалиса отмечен гласный *-e-*.

Таблица 19. Формы «локатива» двойственного числа в SamGr

№	лист	SamGr: с/форма	SamGr: перевод и гlossы в рукописи	СТНЛЯ: с/форма	СТНЛЯ: перевод и glossы
1	л. 3об.	<i>vdaǵésь</i>	‘руками’ L. Dual.	<i>ɲída-x^{o?}</i> + послелог <i>n'ána</i>	‘рука’-NOM.DU + послелог <i>n'ána</i> (LOC/INSTR.DU)
2	л. 4	<i>NeNæǵésь</i>	‘сестрами’ L. Dual.	<i>n'e n'á-x^{o?}</i> + послелог <i>n'ána</i>	‘сестра’-NOM.DU + послелог <i>n'ána</i> (LOC/INSTR.DU)
3	л. 4об.	<i>ælegésь</i>	‘день’ L. Dual.	<i>jál'a-x^{o?}</i> + послелог <i>n'ána</i>	‘день’-NOM.DU + послелог <i>n'ána</i> (LOC/INSTR.DU)
4	л. 5	<i>chabigéβj</i>	‘слуга’ L. Dual.	<i>xáb'i-x^{o?}</i> + послелог <i>n'ána</i>	‘раб, слуга’-NOM.DU + послелог <i>n'ána</i> (LOC/INSTR.DU)
5	л. 5об.	<i>anogéβj</i>	[‘лодка’] L. Dual.	<i>ɲáno-x^{o?}</i> + послелог <i>n'ána</i>	‘лодка’-NOM.DU + послелог <i>n'ána</i> (LOC/INSTR.DU)
6	л. 6	<i>mæɾjogóβj</i>	[‘книга’] L. Dual.	<i>m'ár'o-x^{o?}</i> + послелог <i>n'ána</i>	‘бумага’-NOM.DU + послелог <i>n'ána</i> (LOC/INSTR.DU)
7	л. 6об.	<i>tugéβj</i>	[‘огонь’] L. Dual.	<i>tú-x^{o?}</i> + послелог <i>n'ána</i>	‘огонь’-NOM.DU + послелог <i>n'ána</i> (LOC/INSTR.DU)
8	л. 6об.	<i>nienjugéβj</i>	[‘дочь’] L. Dual.	<i>n'e n'ú-x^{o?}</i> + послелог <i>n'ána</i>	‘дочь’-NOM.DU + послелог <i>n'ána</i> (LOC/INSTR.DU)
9	л. 7	<i>epwagésь</i>	[‘господин’] L. Dual.	<i>jérwə-x^{o?}</i> + послелог <i>n'ána</i>	‘хозяин’-NOM.DU + послелог <i>n'ána</i> (LOC/INSTR.DU)
13	л. 8об.	<i>aæǵésь</i>	[‘тело’] L. Dual.	<i>ɲája-x^{o?}</i> + послелог <i>n'ána</i>	‘тело’-NOM.DU + послелог <i>n'ána</i> (LOC/INSTR.DU)
14	л. 9	<i>Nicæǵésь</i>	[‘отец’] L. Dual.	<i>n'ís'a-x^{o?}</i> + послелог <i>n'ána</i>	‘отец’-NOM.DU + послелог <i>n'ána</i> (LOC/INSTR.DU)
15	л. 9об.	<i>marzæǵésь</i>	[‘плечо’] L. Dual.	<i>márc'ə-x^{o?}</i> + послелог <i>n'ána</i>	‘плечо’-NOM.DU + послелог <i>n'ána</i> (LOC/INSTR.DU)
16	л. 10	<i>ceæǵésь</i>	[‘сердце’] L. Dual.	<i>s'éjə-x^{o?}</i> + послелог <i>n'ána</i>	‘сердце’-NOM.DU + послелог <i>n'ána</i> (LOC/INSTR.DU)
17	л. 10	<i>paidegéβj</i>	[‘щека’] L. Dual.	<i>páj^ode-x^{o?}</i> + послелог <i>n'ána</i>	‘щека’-NOM.DU + послелог <i>n'ána</i> (LOC/INSTR.DU)

18	л. 10об.	<i>сэ́кась</i>	['лицо'] L. Dual.	<i>s'ák^{o?}</i> + послелог <i>n'ána</i>	'лицо'-NOM.DU + послелог <i>n'ána</i> (LOC/INSTR.DU)
19	л. 11	<i>икéβj</i>	['вода'] L. Dual.	<i>jík^{o?}</i> + послелог <i>n'ána</i>	'вода'-NOM.DU + послелог <i>n'ána</i> (LOC/INSTR.DU)
20	л. 11об.	<i>indakéβj</i>	['дыхание'] L. Dual.	<i>j'ínták^{o?}</i> + послелог <i>n'ána</i>	'дыхание'-NOM.DU + послелог <i>n'ána</i> (LOC/INSTR.DU)
21	л. 12	<i>нимгéβj</i>	['имя'] L. Dual.	<i>n'úm-k^{o?}</i> + послелог <i>n'ána</i>	'имя'-NOM.DU + послелог <i>n'ána</i> (LOC/INSTR.DU)
22	л. 12	<i>нумгéβj</i>	['Бог'] L. Dual.	<i>núm-k^{o?}</i> + послелог <i>n'ána</i>	'небо; Бог'-NOM.DU + послелог <i>n'ána</i> (LOC/INSTR.DU)
23	л. 12об.	<i>мынгáβj</i>	['брюхо'] L. Dual.	<i>míŋ-k^{o?}</i> + послелог <i>n'ána</i>	'сытость'-NOM.DU + послелог <i>n'ána</i> (LOC/INSTR.DU)

4.1.8. Формы аккузатива множественного числа (ACC.PL) в «Грамматике самоедского языка»

Большинство форм аккузатива множественного числа, представленных в рукописи SamGr, образуются по тем же моделям и с теми же чередованиями, что характерны для этих слов в современном тундровом ненецком литературном языке (см. табл. 20). Отличие наблюдается только для имени [3]: форма ACC.PL для этого слова образуется в рукописи не по модели *N ya → e* [Salminen 1998: 232], а по модели *N ya → o*.

В рукописи в форме ACC.PL от слова [21] наблюдается диалектная особенность: для западного и крайнезападных ненецких диалектов характерны сохранение фонемы *w'* и ее спорадический переход в *j* (*n'eja~n'ew'a* 'мать', *jiw'a* 'клей'), тогда как в центральном, восточных и крайневосточных диалектах наблюдается переход *w' > b'* (*n'eb'a* 'мать', *jib'a* 'клей'); см. об этом подробнее в п. 1.3.4 и [Salminen 1998: 16].

Таблица 20

№	лист	SamGr: с/форма	SamGr: перевод и гlossы в рукописи	СТНЛЯ: с/форма	СТНЛЯ: перевод и glossы
1	л. 3об.	<i>vðì</i>	'руки' A. Plur.	<i>ŋúd'i</i>	'рука' ACC.PL
2	л. 4	<i>NéNi</i>	'сестры' A. Plur.	<i>n'e n'ī</i>	'сестра' ACC.PL
3	л. 4об.	<i>æ̀lò</i>	['день'] A. Plur.	<i>jále</i>	'день' ACC.PL
4	л. 5	<i>chabí</i>	['слуга'] A. Plur.	<i>xáb'i/xáb'ijè</i>	'раб, слуга' ACC.PL
5	л. 5об.	<i>anì</i>	['лодка'] A. Plur.	<i>ŋənu</i>	'лодка' ACC.PL
6	л. 6	<i>mæ̀rjù</i>	['книга'] A. Plur.	<i>m'ár'u</i>	'бумага' ACC.PL
7	л. 6об.	<i>tù</i>	['огонь'] A. Plur.	<i>tu</i>	'огонь' ACC.PL
8	л. 6об.	<i>nienju</i>	['дочь'] A. Plur.	<i>n'e n'ũ</i>	'дочь' ACC.PL
9	л. 7	<i>epvò</i>	['господин'] A. Plur.	<i>jérwo</i>	'хозяин' ACC.PL
13	л. 8об.	<i>ai</i>	['тело'] A. Plur.	<i>ŋáj^o</i>	'тело' ACC.PL
14	л. 9	<i>Nícь</i>	['отец'] A. Plur.	<i>n'ís^o</i>	'отец' ACC.PL
15	л. 9	<i>mapzò</i>	['плечо'] A. Plur.	<i>márc'o</i>	'плечо' ACC.PL
16	л. 9об.	<i>сéi</i>	['сердце'] A. Plur.	<i>s'éj^o</i>	'сердце' ACC.PL
17	л. 10	<i>páidy</i>	['щека'] A. Plur.	<i>páj^odí^o</i>	'щека' ACC.PL
18	л. 10об.	<i>сæ̀dò</i>	['лицо'] A. Plur.	<i>s'ádo</i>	'лицо' ACC.PL
19	л. 11	<i>idì</i>	['вода'] A. Plur.	<i>jid'e</i>	'вода' ACC.PL
20	л. 11об.	<i>indado</i>	['дыхание'] A. Plur.	<i>j'ínt^od'è/j'ínt^odò</i>	'дыхание' ACC.PL
21	л. 12	<i>nivì</i>	['имя'] A. Plur.	<i>n'úb'e</i>	'имя' ACC.PL
22	л. 12	<i>nuvò</i>	['Бог'] A. Plur.	<i>núwo</i>	'небо; Бог' ACC.PL
23	л. 12об.	<i>мы̀nò</i>	['брюхо'] A. Plur.	<i>míno</i>	'сытость' ACC.PL

4.1.9. Формы генитива множественного числа (GEN.PL) в «Грамматике самоедского языка»

Значительный интерес представляет показатель родительного падежа множественного числа (GEN.PL) *-véi/-véi* <-wej^o>, последовательно отмечаемый в рукописи, в большинстве примеров (кроме [5], [9] и [16]) — с проставленным на нем ударением; к этому аффиксу также присоединяются посессивные показатели в формах GEN.PL.POSS1/2/3PL. В современных ненецких диалектах нами не было зафиксировано подобного аффикса со сходным значением. В большинстве современных ненецких диалектов форма GEN.PL образуется прибавлением показателя *-ʔ* к основе ACC.PL, которая отличается от основы NOM.SG регулярными чередованиями.

В рукописи SamGr большинство форм GEN.PL образовано от основы ACC.PL (примеры [3], [6], [9], [15], [18]—[23] в табл. 21), но некоторые, видимо, от основы NOM.SG (примеры [1], [2], [5], [13], [14]). В случае с именами [4], [7], [8], [16] и [17] основа NOM.SG и основа ACC.PL совпадают. Отметим, что для слова [22] в рукописи зафиксирована форма GEN.PL *tuvéi* вместо ожидаемого *tuvovéi*, здесь, возможно, отмечено выпадение слога *-vo-* (гаплогия).

Происхождение аффикса GEN.PL *-véi/-véi* <-wej^o> не ясно, можно указать только на его омонимичность с именным суффиксом *-vэй* <-wej^o>, используемым «для обозначения совокупности однородных предметов в ряде говоров» [Терещенко 1993: 332].

Таблица 21

№	лист	SamGr: с/форма	SamGr: перевод и гlossы в рукописи	СТНЛЯ: с/форма	СТНЛЯ: перевод и glossы
1	л. 3об.	<i>vðavéi</i>	‘ружь’ G. Plur.	<i>ηúd'i-ʔ</i>	‘рука’-GEN.PL (от основы ACC.PL)
2	л. 4	<i>NεNævéi</i>	‘сестрь’ G. Plur.	<i>n'e n'ĩ-ʔ</i>	‘сестра’-GEN.PL (от основы ACC.PL)
3	л. 4об.	<i>ælovéi</i>	['день'] G. Plur.	<i>jále-ʔ</i>	‘день’-GEN.PL (от основы ACC.PL)
4	л. 5	<i>chabivéi</i>	['слуга'] G. Plur.	<i>xáb'i-ʔ/xáb'ijè-ʔ</i>	‘раб, слуга’-GEN.PL (от основы ACC.PL)
5	л. 5об.	<i>apóvei</i>	['лодка'] G. Plur.	<i>ηənu-ʔ</i>	‘лодка’-GEN.PL (от основы ACC.PL)
6	л. 6	<i>mærxjuvéi</i>	['книга'] G. Plur.	<i>m'ár'u-ʔ</i>	‘бумага’-GEN.PL (от основы ACC.PL)
7	л. 6об.	<i>tuvéi</i>	['огонь'] G. Plur.	<i>tu-ʔ</i>	‘огонь’-GEN.PL (от основы ACC.PL)
8	л. 6об.	<i>nienjuvéi</i>	['дочь'] G. Plur.	<i>n'e n'ũ-ʔ</i>	‘дочь’-GEN.PL (от основы ACC.PL)
9	л. 7	<i>epvóvei</i>	['господин'] G. Plur.	<i>jérwo-ʔ</i>	‘хозяин’-GEN.PL (от основы ACC.PL)
13	л. 8об.	<i>aævéi</i>	['тело'] G. Plur.	<i>ηáj°-ʔ</i>	‘тело’-GEN.PL (от основы ACC.PL)
14	л. 8об.	<i>Niccvéi</i>	['отец'] G. Plur.	<i>n'ĩs°-ʔ</i>	‘отец’-GEN.PL (от основы ACC.PL)
15	л. 9	<i>mapzovéi</i>	['плечо'] G. Plur.	<i>márc'o-ʔ</i>	‘плечо’-GEN.PL (от основы ACC.PL)
16	л. 9об.	<i>céævei</i>	['сердце'] G. Plur.	<i>s'éj°-ʔ</i>	‘сердце’-GEN.PL (от основы ACC.PL)
17	л. 10	<i>paidyvéi</i>	['щека'] G. Plur.	<i>páj°dì°-ʔ</i>	‘щека’-GEN.PL (от основы ACC.PL)
18	л. 10об.	<i>sæðovéi</i>	['лицо'] G. Plur.	<i>s'ádo-ʔ</i>	‘лицо’-GEN.PL (от основы ACC.PL)
19	л. 11	<i>idivéi</i>	['вода'] G. Plur.	<i>jíd'e-ʔ</i>	‘вода’-GEN.PL (от основы ACC.PL)

20	л. 11об.	<i>indadovéi</i>	['дыхание'] G. Plur.	<i>jínt°d'è-ʔ/jínt°dò-ʔ</i>	'дыхание'-GEN.PL (от основы ACC.PL)
21	л. 12	<i>nivivéi</i>	['имя'] G. Plur.	<i>n'úb'e-ʔ</i>	'имя'-GEN.PL (от основы ACC.PL)
22	л. 12	<i>nuvéi</i>	['Бог'] G. Plur.	<i>núwo-ʔ</i>	'небо; Бог'-GEN.PL (от основы ACC.PL)
23	л. 12об.	<i>mynovéi</i>	['брюхо'] G. Plur.	<i>míno-ʔ</i>	'сытость'-GEN.PL (от основы ACC.PL)

4.1.10. Формы датива множественного числа (DAT.PL) в «Грамматике самоедского языка»

Формы датива множественного числа, зафиксированные в рукописи, распадаются на две группы.

1) Для большинства форм датива множественного числа, зафиксированных в рукописи, характерны утрата /x/ в интервокальной позиции и последующее стяжение гласных (см. табл. 22). Отметим также диакритику «перевернутая крышечка» («гачек») над символами для обозначения конечных гласных в этих формах в SamGr. Для имен с основами на гортанные смычные и -m (примеры [18]—[23]) в рукописи представлены закономерные формы DAT.PL с чередованиями.

Таблица 22

№	лист	SamGr: с/форма	SamGr: перевод и гlossы в рукописи	СТНЛЯ: с/форма	СТНЛЯ: перевод и glossы
1	л. 3об.	<i>vðǎ</i>	'рукавь' D. Plur.	<i>ηúda-x°ʔ</i>	'рука'-DAT.PL
3	л. 4об.	<i>ǣǎ</i>	['день'] D. Plur.	<i>jál'a-x°ʔ</i>	'день'-DAT.PL
4	л. 5	<i>chabǐ</i>	['слуга'] D. Plur.	<i>xáb'i-x°ʔ</i>	'раб, слуга'-DAT.PL
5	л. 5об.	<i>anǔ</i>	['лодка'] D. Plur.	<i>ηáno-x°ʔ</i>	'лодка'-DAT.PL
6	л. 6	<i>mærjǔ</i>	['книга'] D. Plur.	<i>m'ár'o-x°ʔ</i>	'бумага'-DAT.PL
9	л. 7	<i>epvǎ</i>	['господин'] D. Plur.	<i>jérwǎ-x°ʔ</i>	'хозяин'-DAT.PL
13	л. 8об.	<i>aǣ</i>	['тело'] D. Plur.	<i>ηája-x°ʔ</i>	'тело'-DAT.PL
14	л. 8об.	<i>Nicǣ</i>	['отец'] D. Plur.	<i>n'ís'a-x°ʔ</i>	'отец'-DAT.PL
15	л. 9	<i>mapzǣ</i>	['плечо'] D. Plur.	<i>márc'ǎ-x°ʔ</i>	'плечо'-DAT.PL
16	л. 9об.	<i>ceǣ</i>	['сердце'] D. Plur.	<i>s'éjǎ-x°ʔ</i>	'сердце'-DAT.PL
17	л. 10	<i>páidǎ</i>	['щека'] D. Plur.	<i>páj°de-x°ʔ</i>	'щека'-DAT.PL
18	л. 10об.	<i>cǣkǎ</i>	['лицо'] D. Plur.	<i>s'ák°ʔ</i>	'лицо' DAT.PL
19	л. 11	<i>ik</i>	['вода'] D. Plur.	<i>jík°ʔ</i>	'вода' DAT.PL
20	л. 11об.	<i>indak</i>	['дыхание'] D. Plur.	<i>jíntǎk°ʔ</i>	'дыхание' DAT.PL
21	л. 12	<i>nímgǎ</i>	['имя'] D. Plur.	<i>n'úm-k°ʔ</i>	'имя'-DAT.PL
22	л. 12	<i>númg</i>	['Бог'] D. Plur.	<i>núm-k°ʔ</i>	'небо; Бог'-DAT.PL
23	л. 12об.	<i>mýgg⁸⁰</i>	['брюхо'] D. Plur.	<i>míη-k°ʔ</i>	'сытость'-DAT.PL

2) Для трех имен существительных (примеры [2], [7] и [8]) в рукописи SamGr приведены уникальные формы DAT.PL с показателем -veǣ/-veǣ (см. табл. 23).

Таблица 23

№	лист	SamGr: с/форма	SamGr: перевод и гlossы в рукописи	СТНЛЯ: с/форма	СТНЛЯ: перевод и glossы
2	л. 4	<i>NeNǣveǣ</i>	'сестрамь' D. Plur.	<i>n'e n'á-x°ʔ</i>	'сестра'-DAT.PL
7	л. 6об.	<i>tuveǣ</i>	['огонь'] D. Plur.	<i>tú-x°ʔ</i>	'огонь'-DAT.PL
8	л. 6об.	<i>nienjuveǣ</i>	['дочь'] D. Plur.	<i>n'e n'ú-x°ʔ</i>	'дочь'-DAT.PL

⁸⁰ Возможно, что здесь первой буквой g в сочетании -gg- обозначена фонема /ŋ/. Или здесь следует говорить уже о деназализации, т. е. об утрате сонорного носового согласного в сочетании «сонорный носовой + шумный»?

4.1.11. Дифференциация форм номинатива-аккузатива и генитива
двойственного числа в «Грамматике самоедского языка»

Что касается форм двойственного числа, в современном ненецком литературном языке представлен синкретизм форм NOM.DU, GEN.DU и ACC.DU (показатель $-x^{o?}$), тогда как в рукописи этот синкретизм охватывает только формы NOM.DU и ACC.DU ($v\delta\acute{a}g\ddot{e}$), а форма GEN.DU отличается от них ($v\delta a g \grave{e}$); см. табл. 24. В рукописи последовательно отображается озвончение фонемы /x/ в интервокальной позиции (z, g).

Таблица 24

№	лист	SamGr: с/форма	SamGr: перевод и гlossы в рукописи	СТНЛЯ: с/форма	СТНЛЯ: перевод и glossы
1	л. 3об.	$v\delta\acute{a}g\ddot{e}$ $v\delta a g \grave{e}$	‘руки’ N. Dual. = A. Dual. = V. Dual. ‘рукъ’ G. Dual.	$\eta\acute{u}da-x^{o?}$	‘рука’-NOM.DU = ACC.DU = GEN.DU
2	л. 4	$N\acute{e}N\acute{x}g\ddot{e}$ $N\acute{e}N\acute{x}g\grave{e}$	‘сестры’ N. Dual. = A. Dual. = V. Dual. ‘сестрѣ’ G. Dual.	$n'e n'\acute{a}-x^{o?}$	‘сестра’-NOM.DU = ACC.DU = GEN.DU
3	л. 4об.	$\acute{x}l\acute{e}g\ddot{e}$ $\acute{x}l\acute{e}g\grave{e}$	[‘день’] N. Dual. = A. Dual. = V. Dual. [‘день’] G. Dual.	$j\acute{a}l'a-x^{o?}$	‘день’-NOM.DU = ACC.DU = GEN.DU
4	л. 5	$chab\acute{i}g$ $chabig\grave{e}$	[‘слуга’] N. Dual. = A. Dual. = V. Dual. [‘слуга’] G. Dual.	$x\acute{a}b'i-x^{o?}$	‘раб, слуга’-NOM.DU = ACC.DU = GEN.DU
5	л. 5об.	$an\acute{o}g$ $anog\grave{e}$	[‘лодка’] N. Dual. = A. Dual. = V. Dual. [‘лодка’] G. Dual.	$\eta\acute{a}no-x^{o?}$	‘лодка’-NOM.DU = ACC.DU = GEN.DU
6	л. 6	$m\acute{x}erj\acute{o}g$ $m\acute{x}erjog\grave{e}$	[‘книга’] N. Dual. = A. Dual. = V. Dual. [‘книга’] G. Dual.	$m'\acute{a}r'o-x^{o?}$	‘бумага’-NOM.DU = ACC.DU = GEN.DU
7	л. 6об.	$t\acute{u}g$ $tug\grave{e}$	[‘огонь’] N. Dual. = A. Dual. = V. Dual. [‘огонь’] G. Dual.	$t\acute{u}-x^{o?}$	‘огонь’-NOM.DU = ACC.DU = GEN.DU
8	л. 6об.	$nienjug$ $nienjug\grave{e}$	[‘дочь’] N. Dual. = A. Dual. = V. Dual. [‘дочь’] G. Dual.	$n'e n'\acute{u}-x^{o?}$	‘дочь’-NOM.DU = ACC.DU = GEN.DU
9	л. 7	$er\acute{v}\acute{a}g\ddot{e}$ $er\acute{v}ag\grave{e}$	[‘господин’] N. Dual. = A. Dual. = V. Dual. [‘господин’] G. Dual.	$j\acute{e}rw\acute{x}-x^{o?}$	‘хозяин’-NOM.DU = ACC.DU = GEN.DU
13	л. 8об.	$a\acute{x}g\ddot{e}$ $a\acute{x}g\grave{e}$	[‘тело’] N. Dual. = A. Dual. = V. Dual. [‘тело’] G. Dual.	$\eta\acute{a}ja-x^{o?}$	‘тело’-NOM.DU = ACC.DU = GEN.DU
13	л. 8об., л. 9	$Nic\acute{x}g\ddot{e}$ $Nic\acute{x}g\grave{e}$	[‘отец’] N. Dual. = A. Dual. = V. Dual. [‘отец’] G. Dual.	$n'\acute{i}s'a-x^{o?}$	‘отец’-NOM.DU = ACC.DU = GEN.DU
15	л. 9	$marz\acute{x}g\ddot{e}$ $marz\acute{x}g\grave{e}$	[‘плечо’] N. Dual. = A. Dual. = V. Dual. [‘плечо’] G. Dual.	$m\acute{a}rc'\acute{x}-x^{o?}$	‘плечо’-NOM.DU = ACC.DU = GEN.DU
16	л. 9об., л. 10	$se\acute{x}g\ddot{e}$ $se\acute{x}g\grave{e}$	[‘сердце’] N. Dual. = A. Dual. = V. Dual. [‘сердце’] G. Dual.	$s'\acute{e}j\acute{x}-x^{o?}$	‘сердце’-NOM.DU = ACC.DU = GEN.DU
17	л. 10	$p\acute{a}ideg$ $paideg\grave{e}$	[‘щека’] N. Dual. = A. Dual. = V. Dual. [‘щека’] G. Dual.	$p\acute{a}j\acute{o}de-x^{o?}$	‘щека’-NOM.DU = ACC.DU = GEN.DU

18	л. 10об.	<i>sáek</i>	[‘лицо’] N. Dual. = A. Dual. = V. Dual.	<i>s’ák^{o?}</i>	‘лицо’ NOM.DU = ACC.DU
		<i>sáeke</i>	[‘лицо’] G. Dual.		= GEN.DU
19	л. 11	<i>ik</i>	[‘вода’] N. Dual. = A. Dual. = V. Dual.	<i>jík^{o?}</i>	‘вода’ NOM.DU = ACC.DU
		<i>ikè</i>	[‘вода’] G. Dual.		= GEN.DU
20	л. 11об.	<i>indak</i>	[‘дыхание’] N. Dual. = A. Dual. = V. Dual.	<i>jínták^{o?}</i>	‘дыхание’ NOM.DU = ACC.DU
		<i>indakè</i>	[‘дыхание’] G. Dual.		= GEN.DU
21	л. 12	<i>nímg</i>	[‘имя’] N. Dual. = A. Dual. = V. Dual.	<i>n’úm-k^{o?}</i>	‘имя’-NOM.DU = ACC.DU
		<i>nímgè</i>	[‘имя’] G. Dual.		= GEN.DU
22	л. 12	<i>númg</i>	[‘Бог’] N. Dual. = A. Dual. = V. Dual.	<i>núm-k^{o?}</i>	‘Бог’-NOM.DU = ACC.DU
		<i>numgè</i>	[‘Бог’] G. Dual.		= GEN.DU
23	л. 12об.	<i>mýng</i>	[‘брюхо’] N. Dual. = A. Dual. = V. Dual.	<i>míŋ-k^{o?}</i>	‘сытость’-NOM.DU = ACC.DU
		<i>myngè</i>	[‘брюхо’] G. Dual.		= GEN.DU

4.1.12. Формы датива двойственного числа (DAT.DU) в «Грамматике самоедского языка»

В современном тундровом ненецком литературном языке и большинстве диалектов, в которых сохраняется употребление дуалиса, формы косвенных падежей двойственного числа (DAT.DU, LOC/INSTR.DU, а также ABL.DU и PROL.DU) образуются аналитически — к словоформе с показателем $-x^{o?}$ добавляется послелог в соответствующих падежных формах. Видимо, именно как послелог нужно интерпретировать $-Na$ и под. (см. табл. 25) в формах дательного и инструментального падежей двойственного числа (например, *vđágaNa*) в рукописи. Отметим, что для некоторых имен в SamGr отмечается совпадение форм датива и инструментального падежа двойственного числа (примеры [1], [18]—[21]).

Таблица 25

№	лист	SamGr: с/форма	SamGr: перевод и гlossы в рукописи	СТНЛЯ: с/форма	СТНЛЯ: перевод и glossы
1	л. 3об.	<i>vđágaNa</i>	‘рукамы’ D. Dual.	<i>ŋída-x^{o?}</i> + послелог <i>n’a[?]</i>	‘рука’-NOM.DU + послелог <i>n’a[?]</i> (DAT.DU)
		<i>vđágaNa</i>	‘руками’ I. Dual.	<i>ŋída-x^{o?}</i> + послелог <i>n’ána</i>	‘рука’-NOM.DU + послелог <i>n’ána</i> (LOC/INSTR.DU)
3	л. 4об.	<i>ælézNæ</i>	[‘день’] D. Dual.	<i>jál’a-x^{o?}</i> + послелог <i>n’a[?]</i>	‘день’-NOM.DU + послелог <i>n’a[?]</i> (DAT.DU)
5	л. 5об.	<i>apógnæ</i>	[‘лодка’] D. Dual.	<i>ŋáno-x^{o?}</i> + послелог <i>n’a[?]</i>	‘лодка’-NOM.DU + послелог <i>n’a[?]</i> (DAT.DU)
7	л. 6об.	<i>túgnæ</i>	[‘огонь’] D. Dual.	<i>tú-x^{o?}</i> + послелог <i>n’a[?]</i>	‘огонь’-NOM.DU + послелог <i>n’a[?]</i> (DAT.DU)
14	л. 8об.	<i>NicáezNæ</i>	[‘отец’] D. Dual.	<i>n’ís’a-x^{o?}</i> + послелог <i>n’a[?]</i>	‘отец’-NOM.DU + послелог <i>n’a[?]</i> (DAT.DU)
15	л. 9	<i>marzæzNa</i>	[‘плечо’] D. Dual.	<i>mórc’æ-x^{o?}</i> + послелог <i>n’a[?]</i>	‘плечо’-NOM.DU + послелог <i>n’a[?]</i> (DAT.DU)
16	л. 9об.	<i>ceáezNæ</i>	[‘сердце’] D. Dual.	<i>s’éjæ-x^{o?}</i> + послелог <i>n’a[?]</i>	‘сердце’-NOM.DU + послелог <i>n’a[?]</i> (DAT.DU)
17	л. 10	<i>páidegnä</i>	[‘щека’] D. Dual.	<i>páj°de-x^{o?}</i> + послелог <i>n’a[?]</i>	‘щека’-NOM.DU + послелог <i>n’a[?]</i> (DAT.DU)

18	л. 10об.	<i>cáekNæ</i>	[‘лицо’] D. Dual.	<i>s'ák^{o?}</i> + послелог <i>n'a[?]</i>	‘лицо’-NOM.DU + послелог <i>n'a[?]</i> (DAT.DU)
		<i>cáekNæ</i>	[‘лицо’] I. Dual.	<i>s'ák^{o?}</i> + послелог <i>n'ána</i>	‘лицо’-NOM.DU + послелог <i>n'ána</i> (LOC/INSTR.DU)
19	л. 11	<i>iknæ</i>	[‘вода’] D. Dual.	<i>jík^{o?}</i> + послелог <i>n'a[?]</i>	‘вода’-NOM.DU + послелог <i>n'a[?]</i> (DAT.DU)
		<i>iknæ</i>	[‘вода’] I. Dual.	<i>jík^{o?}</i> + послелог <i>n'ána</i>	‘вода’-NOM.DU + послелог <i>n'ána</i> (LOC/INSTR.DU)
20	л. 11об.	<i>indaknæ</i>	[‘дыхание’] D. Dual.	<i>jínták^{o?}</i> + послелог <i>n'a[?]</i>	‘дыхание’-NOM.DU + послелог <i>n'a[?]</i> (DAT.DU)
		<i>indaknæ</i>	[‘дыхание’] I. Dual.	<i>jínták^{o?}</i> + послелог <i>n'ána</i>	‘дыхание’-NOM.DU + послелог <i>n'ána</i> (LOC/INSTR.DU)
21	л. 12	<i>nímgæ</i>	[‘имя’] D. Dual.	<i>n'úm-k^{o?}</i> + послелог <i>n'a[?]</i>	‘имя’-NOM.DU + послелог <i>n'a[?]</i> (DAT.DU)
		<i>nímgæ</i>	[‘имя’] I. Dual.	<i>n'úm-k^{o?}</i> + послелог <i>n'ána</i>	‘имя’-NOM.DU + послелог <i>n'ána</i> (LOC/INSTR.DU)
22	л. 12	<i>nímgæ</i>	[‘Бог’] D. Dual.	<i>núm-k^{o?}</i> + послелог <i>n'a[?]</i>	‘небо; Бог’-NOM.DU + послелог <i>n'a[?]</i> (DAT.DU)
23	л. 12об.	<i>myngæ</i>	[‘брюхо’] D. Dual.	<i>míŋ-k^{o?}</i> + послелог <i>n'a[?]</i>	‘сытость’-NOM.DU + послелог <i>n'a[?]</i> (DAT.DU)

Для шести существительных в рукописи SamGr форма датива двойственного числа зафиксирована в ином виде: с показателем *-gà/-zà* (см. примеры [2], [4], [6], [8], [9] и [13] в табл. 26), т. е. с отмеченным на нем ударением и с передачей озвончения фонемы /x/ в интервокальной позиции, но без отражения прогрессивной дистантной ассимиляции гласных после /x/.

Таблица 26

№	лист	SamGr: с/форма	SamGr: перевод и гlossы в рукописи	СТНЛЯ: с/форма	СТНЛЯ: перевод и glossы
2	л. 4	<i>NeNægà</i>	‘сестрамь’ D. Dual.	<i>n'e n'á-x^{o?}</i> + послелог <i>n'a[?]</i>	‘сестра’-NOM.DU + послелог <i>n'a[?]</i> (DAT.DU)
4	л. 5	<i>chabigà</i>	[‘слуга’] D. Dual.	<i>xáb'i-x^{o?}</i> + послелог <i>n'a[?]</i>	‘раб, слуга’-NOM.DU + послелог <i>n'a[?]</i> (DAT.DU)
6	л. 6	<i>mærxogà</i>	[‘книга’] D. Dual.	<i>m'ár'o-x^{o?}</i> + послелог <i>n'a[?]</i>	‘бумага’-NOM.DU + послелог <i>n'a[?]</i> (DAT.DU)
8	л. 6об.	<i>nienjugà</i>	[‘дочь’] D. Dual.	<i>n'e n'ú-x^{o?}</i> + послелог <i>n'a[?]</i>	‘дочь’-NOM.DU + послелог <i>n'a[?]</i> (DAT.DU)
9	л. 7	<i>epwagà</i>	[‘господин’] D. Dual.	<i>jérwə-x^{o?}</i> + послелог <i>n'a[?]</i>	‘хозяин’-NOM.DU + послелог <i>n'a[?]</i> (DAT.DU)
13	л. 8об.	<i>aægà</i>	[‘тело’] D. Dual.	<i>nája-x^{o?}</i> + послелог <i>n'a[?]</i>	‘тело’-NOM.DU + послелог <i>n'a[?]</i> (DAT.DU)

* * *

Таким образом, материал рукописи “Samojedische Grammatik” («Грамматика самоедского языка») оказывается ценным источником сведений о системе именного склонения западных диалектов тундрового ненецкого языка в I пол. XIX в. Благодаря ему мы можем выявить не только особенности передачи данного материала автором грамматики, но и специфические диалектные черты, которые были присущи западным ненецким идиомам на этом хронологическом этапе, а также сопоставить эти архивные данные о системе именного словоизменения с аналогичным материалом по современным западным диалектам и тундровому ненецкому литературному языку.

4.2. Сопоставительный анализ: система именного склонения в «Грамматике самоедского языка» архимандрита Вениамина и в современном тундровом ненецком литературном языке

В этом разделе вначале приводятся словоизменительные парадигмы в таблицах в записи из «Грамматики самоедского языка»: сверху каждой таблицы указан номер листа по рукописи; курсивом выделены тундрово-ненецкие слова; сокращения названий падежей и чисел приводятся так, как они представлены в рукописи. Таблицы с материалами рукописи выделены ячейкой с серой заливкой в левом верхнем углу для привлечения внимания и удобства их нахождения. Затем после каждой из них приводятся таблицы соответствий в современном тундровом ненецком литературном языке в фонологической транскрипции, принятой в данной статье. Для удобства читателя каждая лексема, для которой в «Грамматике самоедского языка» приводятся словоизменительные парадигмы, пронумерована нами в квадратных скобках полужирным шрифтом и снабжена соответствиями из словарей [Терещенко 1965] и [Salminen 1998] (с указанием также на тип основы).

В начале листа Зоб. рукописи «Грамматика самоедского языка», перед первой грамматической парадигмой, архим. Вениамин дает небольшой комментарий. В п. 3 этого комментария, с которого начинается л. Зоб., приводятся тундрово-ненецкие слова с основами на «-i, -ь или -ы», а в п. 4 — с основами на «-æ, -i, -ь или -ы» (все ненецкие слова снабжены переводом на шведский язык); далее в угловых скобках мы приводим тундрово-ненецкие слова в стандартной фонологической записи с переводом со шведского языка на русский и с грамматическими пометами:

«3) ⟨...⟩ *cèi* ‘hjerta’ /‘hjärta’/ ⟨*s’ej*^o ‘сердце’ NOM.SG), *cépy* ‘salt’ ⟨*ser* ‘соль’ NOM.SG), *xvvi* ‘morgon’ ⟨*xūwi*^o ‘утро’ NOM.SG).

4) ⟨...⟩ *cæ* ‘ansigte’ /‘ansikte’/ ⟨*s’a?* ‘лицо’ NOM.SG), *i* ‘vatten’ ⟨*ji?* ‘вода’ NOM.SG), *Nimь* ‘namn’ ⟨*n’im*, *ним* ‘имя’ NOM.SG), *мы* ‘mage’ ⟨*mi?* ‘брюхо’ (?) NOM.SG)».

Таким образом, архим. Вениамин, не выделяя гортанные смычные и не отображая их на письме, разделяет именные основы на несколько групп в зависимости от типа склонения.

То, что диалектной базой для грамматического очерка архимандрита Вениамина стали западные диалекты, видно уже по этим первым строкам: существительное ‘имя’ (‘namn’) приводится им как *Nimь* ⟨*n’im*, *ним*’ NOM.SG) с неогубленным гласным переднего ряда, тогда как для центральных и восточных говоров тундрового ненецкого языка характерен вариант с лабиализованным гласным заднего ряда — *n’im*, *нюм*’ [Salminen 1998: 16].

Далее на л. Зоб. приведены комментарии на шведском языке к словоизменительным парадигмам и даны примеры на тундровом ненецком. Комментарии 3 и 4 касаются форм вокатива (звательного падежа, звательной формы, VOC) единственного и множественного числа:

«⟨...⟩ 3. Vocat. plur. ⟨...⟩ vocat. singul. t. ex. *тоголкодбвь* ‘lårare’ /‘lårare’/ ⟨форма VOC.SG от *toxolkoda* ‘учитель’), *тоголкодбвь* ‘lårare’ /‘lårare’/ (Vocat. plur.) ⟨форма VOC.PL от *toxolkoda* ‘учитель’».

4. ⟨...⟩ Vocat. sing. ⟨...⟩ på *-ei* (на *-ei*) Vocat. plur. t. ex. *Нюгèi* ‘son’ ⟨форма VOC.SG от *n’i* ‘сын’), *Нюгèi* ‘söner’ ⟨форма VOC.PL от *n’i* ‘сын’), *хабèi* ‘tjenare’ /‘tjänare’/ ⟨форма VOC.SG от *xæb’i* ‘слуга’), *хабèi* ‘tjenare’ /‘tjänare’/ (plur.) ⟨форма VOC.PL от *xæb’i* ‘слуга’».

По всей видимости, можно выделить следующие графические решения автора для передачи звучания показателя множественного числа (PL) *-?* («глухого», «ненализ(ир)ованного» гортанного смычного) и различения форм единственного и множественного чисел: с помощью удвоения предшествующего согласного (*-ввь* в п. 3) или с помощью замены символа «гравис» на знак «акут» (п. 4).

Комментарий 5 на л. Зоб. посвящен вопросам посессивного склонения (POSS) и написан уже не на шведском, а на русском:

«5. Имена, склоняемая съ личными окончаніями, сверхъ показанныхъ окончаній въ личныхъ числахъ, въ случаѣ измѣненія личныхъ мѣстоименій, измѣняютъ (р. 10) и личные окончания на пр. (например) *вадávь* ‘мое слово’ ⟨*wada-w*^o ‘слово’-NOM.SG.POSS1SG), *вадáрь* ‘твое слово’ ⟨*wada-r*^o ‘слово’-NOM.SG.POSS2SG), *вададà* ‘его слово’ ⟨*wada-da* ‘слово’-NOM.SG.POSS3SG), *вадава?* ‘наше слово’ ⟨*wada-wa?* ‘слово’-NOM.SG.POSS1PL), *вадаpà* ‘ваше слово’ ⟨*wada-ra?* ‘слово’-NOM.SG.POSS2PL), *вадаdò* ‘ихъ слово’ ⟨*wada-do?* ‘слово’-NOM.SG.POSS3PL) ⟨...⟩ (р. 14)».

Отметим, что в рукописи не обозначены гортанные смычные в формах NOM.SG.POSS1PL, NOM.SG.POSS2PL и NOM.SG.POSS3PL. Обратим также внимание на факт соответствия места ударения в записи архим. Вениамина с местом ударения по «акцентной теории» Т. Салминена [Salminen 1997; Salminen 2007: 350]. По теории Т. Салминена, место ударения в тундровом ненецком языке зависит от наличия в слове особой фонемы — “schwa phoneme”, которая реализуется в звучащей речи при чередовании с *ə* (в записи Т. Салминена обозначается также как *ø*) по правилам редукции: “one of the salient

features of the schwa is that it makes the preceding syllable stressed” [Salminen 2007: 359]. Точку зрения Т. Салминена разделяет также И. Николаева: безударными слогами являются четные слоги, которые не предшествуют слогу с фонемой /^o/, и конечные слоги; первичное ударение падает на начальный слог, а второстепенное ударение падает на последующие нечетные слоги и на четный слог, предшествующий слогу с фонемой /^o/ (обычно в последнем слоге слова)⁸¹ [Nikolaeva 2014: 28].

Таким образом, мы видим, что в рукописи SamGr с помощью символа «акут» обозначено ударение на слоге, предшествующем слогу с «глубинной» фонемой ^o в фонологической транскрипции Т. Салминена (в формах NOM.SG.POSS1SG и NOM.SG.POSS2SG), а символом «гравис» — второстепенное ударение по принципу «гармошки» на нечетных слогах в формах NOM.SG.POSS3SG, NOM.SG.POSS1PL, NOM.SG.POSS2PL и NOM.SG.POSS3PL (правда, просодическое выделение гласного первого слога при этом не обозначено). В данном случае использование символов «акут» и «гравис» находится в полном соответствии с правилами употребления знаков ударения в церковнославянской традиции — не в абсолютном конце слова и в абсолютном конце слова (см. выше п. 2.2.2).

4.2.1. Далее на л. 3об. рукописи «Грамматика самоедского языка» приводится первая именная словоизменительная парадигма — парадигма склонения имени существительного с основой на -a.

«1. Declin. (Склонение)»

[1] Ср.: *γyda* ‘рука’ [Терещенко 1965: 402];
nguda (*γyda*) (N a→yi), NGUTA¹ (DUTA¹) [Salminen 1998: 180].

[л. 3об.]	Sing.		Plur.		Dual.
N.	<i>vðà</i>	рука	<i>vðá</i>	руки	<i>vðágь</i>
G.	—	руки	<i>vðavéi</i>	рукъ	<i>vðagè</i>
D.	<i>vðáN</i>	рукѣ	<i>vðǎ</i>	рукамъ	<i>vðágaNa</i>
A.	<i>vðámь</i>	руку	<i>vðì</i>	руки	<i>vðágь</i>
V.	<i>vðà</i>	рука	<i>vðá</i>	—	—
I.	<i>vðamðoi</i> och ⟨и⟩ <i>vðá</i>	рукою	<i>vðì</i>	руками	<i>vðágaNa</i>
L.	<i>vðáсь</i>	рукою	<i>vðáсь</i>	—	<i>vðagèсь</i> (p. 15)

Прочерки в таблице означают повтор того, что написано на предыдущей верхней строке. В круглых скобках в парадигмах рукописи иногда приводится нумерация страниц по какой-то другой работе.

Теперь приведем соответствия формам данной словоизменительной парадигмы в современном тундровом ненецком литературном языке в фонологической транскрипции.

	SG	PL	DU
NOM	<i>γyda</i>	<i>γyda-ʔ</i>	<i>γyda-x^{oʔ}</i>
GEN	<i>γyda-ʔ</i>	<i>γyð'i-ʔ</i>	<i>γyda-x^{oʔ}</i>
DAT	<i>γyðá-n^{oʔ}</i>	<i>γyda-x^{oʔ}</i>	<i>γyda-x^{oʔ}</i> + послелог <i>n'aʔ</i>
ACC	<i>γyðá-m</i>	<i>γyð'i</i>	<i>γyda-x^{oʔ}</i>
INSTR + LOC	<i>γyðá-xəna</i> (> <i>γyðá^ona</i> [γyðá:nɛ])	<i>γyðá-xəʔna</i> (> <i>γyðá^oʔna</i> [γyðá:ʔnɛ])	<i>γyðá-x^{oʔ}</i> + послелог <i>n'ána</i>
ABL	<i>γyðá-xád^o</i> (> <i>γyðáəd^o</i> [γyðá:d])	<i>γyðá-xát^o</i> (> <i>γyðáət^o</i> [γyðá:t])	<i>γyðá-x^{oʔ}</i> + послелог <i>n'ad^o</i>
PROL	<i>γyðá-w^ona</i>	<i>γyð'i-ʔməna</i>	<i>γyðá-x^{oʔ}</i> + послелог <i>n'amna</i>

Слово ‘рука’, зафиксированное в SamGr как *vðà* (NOM.SG), сразу же дает нам понять, что диалектной базой для данного грамматического очерка стали именно западные диалекты тундрового ненецкого языка, потому что только для них характерно отсутствие заднеязычного носового сонорного *ŋ*- в абсолютном начале слова (слово может начинаться с гласного звука).

⁸¹ См. подробнее: “(…) unstressed syllables are even syllables which do not precede the syllable with ^o, as well as the final syllables. The primary stress falls on the initial syllable and the secondary stress falls on further odd syllables and on an even syllable preceding a syllable with ^o (typically in the last syllable of the word)” [Nikolaeva 2014: 28].

Далее в рукописи SamGr приводится неполная парадигма посессивного склонения слова ‘рука’.

[л. 3об., л. 4]	⟨...⟩ med Suffixer (с суффиксами)					
	1.		2.		3.	
N.	<i>vđáevъ</i>	моя рука	<i>vđárvъ</i>	твоя рука	<i>vđadà</i>	его рука
G.	<i>vđáNъ</i>	моей руки	<i>vđándъ</i>	твоей руки	<i>vđandà</i>	— руки
D.	—	— рукъ	—	— рукъ	—	— рукъ
лист 4						
A.	<i>vđáevъ</i>	мою руку	<i>vđámđъ</i>	твою руку	<i>vđamđà</i>	его руку
V.	—	моя рука	<i>vđárvъ</i>	твоя рука	<i>vđadà</i>	— рука
I.	<i>vđambóinъ</i> och ⟨и⟩ <i>vđáNъ</i>	моею рукою	<i>vđambóidъ</i> och ⟨и⟩ <i>vđáNđъ</i>	твоею рукою	<i>vđambóida</i> och ⟨и⟩ <i>vđandà</i>	его рукою
	POSS1SG		POSS2SG		POSS3SG	
NOM.SG	<i>ηùdá-w°</i>		<i>ηùdá-r°</i>		<i>ηùda-dà</i>	
GEN.SG	<i>ηùdá-n°</i>		<i>ηùdá-nt°</i>		<i>ηùda-ntà</i>	
DAT.SG	<i>ηùda-xán°</i> (> <i>ηudaэн°</i> [ηùdá:n])		<i>ηùda-xánt°</i> (> <i>ηudaэнт°</i> [ηùdá:nd])		<i>ηùda-xàntà</i> (> <i>ηuda°ntà</i> [ηùdá:ndè])	
ACC.SG	<i>ηùdá-w°</i>		<i>ηùdá-mt°</i>		<i>ηùda-mtà</i>	
INSTR.SG +	<i>ηùda-xənàn°</i>		<i>ηùda-xənànt°</i>		<i>ηùda-xənantà</i>	
LOC.SG	(> <i>ηuda°nan°</i> [ηùdá:ně̃n])		(> <i>ηuda°nant°</i> [ηùdá:ně̃nd])		(> <i>ηuda°nanta</i> [ηùdá:ně̃ndà])	
ABL.SG	<i>ηùda-xədən°</i>		<i>ηùda-xədənt°</i>		<i>ηùda-xəd°ntà</i>	
PROL.SG	<i>ηùdá-w°nàn°</i>		<i>ηùdá-w°nànt°</i>		<i>ηùdá-w°nanta</i>	

Здесь следует обратить внимание на тот факт, что в рукописи SamGr приводится неполная парадигма с показателями посессора (обладателя) единственного числа 1, 2 и 3 лиц; в таблице приведены только падежные формы единственного числа обладаемого, то есть не хватает форм с обозначением двойственного и множественного числа обладаемого:

— NOM(/GEN/DAT/ACC/INSTR...)DU.POSS1(/2/3)SG;

— NOM(/GEN/DAT/ACC/INSTR...)PL.POSS1(/2/3)SG.

Обратим внимание на стяжение, отмеченное в рукописи SamGr в формах DAT.SG.POSS1/2/3SG и второго варианта инструментального падежа INSTR.SG.POSS1/2/3SG; стяжение характерно также и для современных крайнезападных ненецких диалектов. Интерес представляет и последовательная агглютинация при образовании форм первого варианта инструментального падежа INSTR.SG.POSS1/2/3SG: к форме INSTR на *-мбои* присоединяются личные показатели посессора.

Следует отметить и отсутствие деназализации (упрощения сочетания «сонорный носовой + шумный») в формах GEN.SG.POSS2/3SG, ACC.SG.POSS2/3SG, первого варианта INSTR.SG.POSS1/2/3SG и второго варианта инструментального падежа INSTR.SG.POSS2/3SG. В рукописи SamGr (на материале первой трети XIX в.) деназализация в этих позициях не фиксируется, а в современных западных диалектах (например, в колгуевском) деназализация отмечается и в падежных формах посессивного склонения. Кроме того, по нашим полевым данным, в современном колгуевском (крайнезападном) диалекте представлен также аффикс ACC.SG.POSS2SG *-b°* (*-[p]/-[b]*) вместо литературного *-mt°* (например, колг. *udáb°* [ùdáp]/[ùdáb] вместо лит. *ηùdámт°*).

Укажем также на отсутствие строки для «локативного» падежа в посессивной парадигме слова ‘рука’ в рукописи.

[л. 4]	Dualis		
	⟨1.⟩	⟨2.⟩	⟨3.⟩
N.	<i>vđágyюNъ</i>	<i>vđágyюдь</i>	<i>vđágyюди</i>
G.	—	<i>vđágyють</i>	<i>vđágyюти</i>
D.	<i>vđáгаNъ</i>	<i>vđáгагать</i>	<i>vđáгагати</i>
A.	= Nom.	= Nom.	= Nom.
V.	— —	— —	— —
I.	<i>vđáгамбоюNъ</i> och ⟨и⟩ <i>vđágyюNъ</i>	<i>vđáгамбоють</i> och ⟨и⟩ <i>vđágyють</i>	<i>vđáгамбоюти</i> och ⟨и⟩ <i>vđágyюти</i> (p. 15)

В рукописи справа от таблицы дается приписка на полях на шведском языке без ненецких примеров.

	POSS1DU	POSS2DU	POSS3DU
NOM.DU	<i>ɲúda-xəjun'íʔ</i>	<i>ɲúda-xəjud'íʔ</i>	<i>ɲúda-xəjud'íʔ</i>
GEN.DU	<i>ɲúda-xəjun'íʔ</i>	<i>ɲúda-xəjut'íʔ</i>	<i>ɲúda-xəjut'íʔ</i>
DAT.DU	<i>ɲúda-xəjun'íʔ</i> + послелог <i>n'aʔ</i>	<i>ɲúda-xəjut'íʔ</i> + послелог <i>n'aʔ</i>	<i>ɲúda-xəjut'íʔ</i> + послелог <i>n'aʔ</i>
ACC.DU	<i>ɲúda-xəjun'íʔ</i>	<i>ɲúda-xəjud'íʔ</i>	<i>ɲúda-xəjud'íʔ</i>
INSTR.DU + LOC.DU	<i>ɲúda-xəjun'íʔ</i> + послелог <i>n'ána</i>	<i>ɲúda-xəjut'íʔ</i> + послелог <i>n'ána</i>	<i>ɲúda-xəjut'íʔ</i> + послелог <i>n'ána</i>
ABL.DU	<i>ɲúda-xəjun'íʔ</i> + послелог <i>n'ad^o</i>	<i>ɲúda-xəjut'íʔ</i> + послелог <i>n'ad^o</i>	<i>ɲúda-xəjut'íʔ</i> + послелог <i>n'ad^o</i>
PROL.DU	<i>ɲúda-xəjun'íʔ</i> + послелог <i>n'ámna</i>	<i>ɲúda-xəjut'íʔ</i> + послелог <i>n'ámna</i>	<i>ɲúda-xəjut'íʔ</i> + послелог <i>n'ámna</i>

Здесь следует обратить внимание на тот факт, что в рукописи SamGr приводится неполная парадигма с показателями посессора (обладателя) двойственного числа 1, 2 и 3 лиц; в таблице приведены только падежные формы двойственного числа обладаемого, то есть не хватает форм с обозначением единственного и множественного числа обладаемого:

— NOM(/GEN/DAT/ACC/INSTR...)SG.POSS1(/2/3)DU;

— NOM(/GEN/DAT/ACC/INSTR...)PL.POSS1(/2/3)DU.

Следует отметить «экспансию» первого варианта инструментального падежа на *-мбои* и в парадигме двойственного числа обладаемого: к форме INSTR на *-мбои* присоединяются личные показатели посессора. Фонема /x/ в интервокальной позиции закономерно отображается в рукописи SamGr как звонкий звук — *z*. Отдельно укажем на показатель *-za-* в формах DAT.DU.POSS1/2/3DU.

Интерес представляет отсутствие синкретизма падежных форм POSS2DU и POSS3DU в записи архим. Вениамина: различие заключается в конечных буквах — *ь* и *и* соответственно; какое произношение за этим стояло в действительности, не ясно.

[л. 4]	Pluralis					
	<1.>		<2.>		<3.>	
N.	<i>vðíNa</i>	наши руки	<i>vðída</i>	ваши руки	<i>vðidò</i>	ихь руки
G.	<i>vðivéina</i>	нашихь рукъ	<i>vðivéima</i>	вашихь рукъ	<i>vðivéimo</i>	— рукъ
D.	<i>vðáNa</i>	нашимъ рукамъ	<i>vðáma</i>	вашимъ рукамъ	<i>vðámo</i>	— рукамъ
A.	= Nom.		<i>vðíma</i>	ваши руки	<i>vðímo</i>	— руки
V.	— —		= Nom.		= Nom.	
I.	<i>vðiNá</i>	нашими руками	<i>vðíma</i>	вашими руками	<i>vðímo</i>	— руками

	POSS1PL	POSS2PL	POSS3PL
NOM.PL	<i>ɲúd'i-nàʔ</i>	<i>ɲúd'i-dàʔ</i>	<i>ɲúd'i-dòʔ</i>
GEN.PL	<i>ɲúd'i-ɲnàʔ</i>	<i>ɲúd'i-tàʔ</i>	<i>ɲúd'i-tòʔ</i>
DAT.PL	<i>ɲúda-xəʔnaʔ</i> (> <i>ɲuda^oʔnaʔ</i> [ɲùdá:ʔneʔ])	<i>ɲúda-xəʔtaʔ</i> (> <i>ɲuda^otaʔ</i> [ɲùdá:teʔ])	<i>ɲúda-xəʔtoʔ</i> (> <i>ɲuda^otoʔ</i> [ɲùdá:toʔ]/[ɲùdá:toʔ])
ACC.PL	<i>ɲúd'i-nàʔ</i>	<i>ɲúd'i-dàʔ</i>	<i>ɲúd'i-dòʔ</i>
INSTR.PL + LOC.PL	<i>ɲúda-xəʔnanàʔ</i> (> <i>ɲuda^oʔnanaʔ</i> [ɲùdá:ʔnə̀nàʔ])	<i>ɲúda-xəʔnatàʔ</i> (> <i>ɲuda^oʔnataʔ</i> [ɲùdá:ʔnetàʔ])	<i>ɲúda-xəʔnatòʔ</i> (> <i>ɲuda^oʔnatoʔ</i> [ɲùdá:ʔnetòʔ])
ABL.PL	<i>ɲúda-xát^onàʔ</i>	<i>ɲúda-xát^otàʔ</i>	<i>ɲúda-xát^otòʔ</i>
PROL.PL	<i>ɲúd'i-ɲmənanaʔ</i>	<i>ɲúd'i-ɲmənataʔ</i>	<i>ɲúd'i-ɲmənatoʔ</i>

Здесь следует обратить внимание на тот факт, что в рукописи SamGr приводится неполная парадигма с показателями посессора (обладателя) множественного числа 1, 2 и 3 лиц; в таблице приведены только падежные формы множественного числа обладаемого, то есть не хватает форм с обозначением единственного и двойственного числа обладаемого:

— NOM(/GEN/DAT/ACC/INSTR...)SG.POSS1(/2/3)PL;

— NOM(/GEN/DAT/ACC/INSTR...)DU.POSS1(/2/3)PL.

В данной парадигме множественного числа обладаемого не наблюдается «экспансии» первого варианта инструментального падежа на *-мбоi*. Интересно, что формы инструментального падежа множественного числа для всех лиц посессоров во множественном числе образуются, по данным архим. Вениамина, от основы ACC.PL, как и формы номинатива, генитива и аккузатива множественного числа для всех лиц посессоров во множественном числе.

Обратим внимание на стяжение, отмеченное в рукописи SamGr в формах DAT.PL.POSS1/2/3PL; стяжение характерно также и для современных крайнезападных ненецких диалектов.

Следует отметить «экспансию» родительного падежа множественного числа на *-vei* (с акцентной «плюсовой» маркировкой) в парадигме множественного числа обладаемого: к форме GEN.PL на *-vei* агглютинативно присоединяются личные показатели посессоров во множественном числе.

Отметим, что в рукописи SamGr представлены только парадигмы абсолютного и посессивного типов склонения и не приводятся дестинативные формы.

4.2.2. Далее в рукописи SamGr следует пример основы на *-a* после палатализованного/палатального согласного.

Ех. рã æ (пример основы на æ)

[2] Ср.: *нeня* ‘сестра’, ‘подруга’ [Терещенко 1965: 301], *не ня* ‘сестра’, ‘подруга’ [Терещенко 1965: 290] < *не* ‘женщина’ [Терещенко 1965: 290] + *ня* ‘брат; сестра’, ‘товарищ; подруга; приятель; приятельница’, ‘муж; жена’ [Терещенко 1965: 335];

nye nya [Salminen 1998: 242, 233] < *nye* (N 1 ≡ ‘), NYE [Salminen 1998: 242] + *nya* (N 1 *ya* → *yi*), NYA¹ [Salminen 1998: 233].

[Л. 4]	Sing.		Plur.		Dual.
N.	<i>NéNæ</i>	сестра	<i>NeNæ</i>	сестры	<i>NéNægъ</i>
G.	—	сестры	<i>NeNævéi</i>	сестрь	<i>NeNægè</i>
D.	<i>NéNæNъ</i>	сестрѣ	<i>NeNæveæ</i>	сестрамъ	<i>NeNægà</i>
A.	<i>NéNæmъ</i>	сестру	<i>NéNi</i>	сестры	= Nom.
V.	<i>NeNóvъ</i>	сестра	<i>NeNóvъ</i>	—	— —
I.	<i>NéNæmбоi</i> och (и) <i>NéNæ</i>	сестрою	<i>NeNi</i>	сестрами	<i>NeNægamбоi</i>
L.	<i>NeNæcъ</i>	—	<i>NeNæcъ</i>	— (p.14)	<i>NeNægécъ</i>

	SG	PL	DU
NOM	<i>n'e + n'a = n'én'a</i>	<i>n'e n'a-ʔ</i>	<i>n'e n'á-x^{oʔ}</i>
GEN	<i>n'e n'a-ʔ</i>	<i>n'e n'ĩ-ʔ</i>	<i>n'e n'á-x^{oʔ}</i>
DAT	<i>n'e n'á-n^{oʔ}</i>	<i>n'e n'á-x^{oʔ}</i>	<i>n'e n'á-x^{oʔ}</i> + послелог <i>n'aʔ</i>
ACC	<i>n'e n'a-m</i>	<i>n'e n'ĩ</i>	<i>n'e n'á-x^{oʔ}</i>
INSTR +	<i>n'e n'á-x^{oʔ}nà</i>	<i>n'e n'á-x^{oʔ}nà</i>	<i>n'e n'á-x^{oʔ}</i> + послелог <i>n'ána</i>
LOC	(> <i>n'e n'a^ona [n'è n'á:nɛ]</i>)	(> <i>n'e n'a^ona [n'è n'á:ɲɛ]</i>)	
ABL	<i>n'e n'á-xád^o</i> (> <i>n'e n'aad^o [n'è n'á:d]</i>)	<i>n'e n'á-xát^o</i> (> <i>n'e n'aat^o [n'è n'á:t]</i>)	<i>n'e n'á-x^{oʔ}</i> + послелог <i>n'ad^o</i>
PROL	<i>n'e n'á-w^onà</i>	<i>n'e n'á-ʔm^onà</i>	<i>n'e n'á-x^{oʔ}</i> + послелог <i>n'amna</i>

[Л. 4]	⟨...⟩ med Suffixer ⟨с суффиксами⟩					
	1.		2.		3.	
N.	<i>NéNævъ</i>	min syster ⟨моя сестра⟩	<i>NéNæpъ</i>	din syster ⟨твоя сестра⟩	<i>NéNæða</i>	hans syster ⟨его сестра⟩
G.	<i>NéNæNъ</i>	— systers	<i>NéNæNðъ</i>	— systers	<i>NeNæNðà</i>	— systers
D.	—	åt — syster ⟨к моей сестре⟩	—	åt — syster ⟨к твоей сестре⟩	—	
A.	= Nom.	— —	<i>NéNæmðъ</i>	— —	<i>NéNæmða</i>	— syster
V.	<i>NeNóvъ</i>	— —	= Nom.	— —	= Nom.	
I.	<i>NeNæmбоiNъ</i> och (и) <i>NéNæNъ</i>	⟨...⟩ m. s.	<i>NeNæmбоiðъ</i> och (и) <i>NéNæNðъ</i>	g. — syster	<i>NeNæmбоiða</i> och (и) <i>NeNæNðà</i>	— syster

	POSS1SG	POSS2SG	POSS3SG
NOM.SG	<i>n'e n'á-w°</i>	<i>n'e n'á-r°</i>	<i>n'e n'á-da</i>
GEN.SG	<i>n'e n'á-n°</i>	<i>n'e n'á-nt°</i>	<i>n'e n'á-nta</i>
DAT.SG	<i>n'e n'á-xán°</i> (> <i>n'e n'aæn°</i> [n'è n'á:n])	<i>n'e n'á-xánt°</i> (> <i>n'e n'aænt°</i> [n'è n'á:nd])	<i>n'e n'á-x°nà</i> (> <i>n'e n'a°nta</i> [n'è n'á:ndɛ])
ACC.SG	<i>n'e n'á-w°</i>	<i>n'e n'á-mt°</i>	<i>n'e n'á-mta</i>
INSTR.SG +	<i>n'e n'á-x°nàn°</i>	<i>n'e n'á-x°nànt°</i>	<i>n'e n'á-x°nànta</i>
LOC.SG	(> <i>n'e n'a°nan°</i> [n'è n'á:nɛn])	(> <i>n'e n'a°nant°</i> [n'è n'á:nɛnd])	(> <i>n'e n'a°nanta</i> [n'è n'á:nɛndà])
ABL.SG	<i>n'e n'á-x°dàn°</i>	<i>n'e n'á-x°dànt°</i>	<i>n'e n'á-x°dànta</i>
PROL.SG	<i>n'e n'á-w°nàn°</i>	<i>n'e n'á-w°nànt°</i>	<i>n'e n'á-w°nànta</i>

лист 4 об.

[Л. 4об.]	Dualis		
	1.	2.	3.
N.	<i>NéNægyюNь</i>	<i>NéNægyюдь</i>	<i>NéNægyюди</i>
G.	—	<i>NéNægyють</i>	<i>NéNægyюти</i>
D.	<i>NéNæгаюкаNь</i>	<i>NéNæгаюкать</i>	<i>NéNæгаюкати</i> (p.18)
A.	= Nom.	= Nom.	= Nom.
V.	<i>NeNægyюNéi</i>	— —	— —
I.	<i>NéNægmбююNь</i> och ⟨и⟩ <i>NéNægyюNь</i>	<i>NéNægyють</i>	<i>NéNægyюти</i>

	POSS1DU	POSS2DU	POSS3DU
NOM.DU	<i>n'e n'á-x°jùn'i?</i>	<i>n'e n'á-x°jùd'i?</i>	<i>n'e n'á-x°jùd'i?</i>
GEN.DU	<i>n'e n'á-x°jùn'i?</i>	<i>n'e n'á-x°jùt'i?</i>	<i>n'e n'á-x°jùt'i?</i>
DAT.DU	<i>n'e n'á-x°jùn'i?</i> + послелог <i>n'a?</i>	<i>n'e n'á-x°jùt'i?</i> + послелог <i>n'a?</i>	<i>n'e n'á-x°jùt'i?</i> + послелог <i>n'a?</i>
ACC.DU	<i>n'e n'á-x°jùn'i?</i>	<i>n'e n'á-x°jùd'i?</i>	<i>n'e n'á-x°jùd'i?</i>
INSTR.DU +	<i>n'e n'á-x°jùn'i?</i> +	<i>n'e n'á-x°jùt'i?</i> +	<i>n'e n'á-x°jùt'i?</i> +
LOC.DU	послелог <i>n'ána</i>	послелог <i>n'ána</i>	послелог <i>n'ána</i>
ABL.DU	<i>n'e n'á-x°jùn'i?</i> + послелог <i>n'ad°</i>	<i>n'e n'á-x°jùt'i?</i> + послелог <i>n'ad°</i>	<i>n'e n'á-x°jùt'i?</i> + послелог <i>n'ad°</i>
PROL.DU	<i>n'e n'á-x°jùn'i?</i> + послелог <i>n'amna</i>	<i>n'e n'á-x°jùt'i?</i> + послелог <i>n'amna</i>	<i>n'e n'á-x°jùt'i?</i> + послелог <i>n'amna</i>

[Л. 4об.]	Pluralis					
	⟨1.⟩		⟨2.⟩		⟨3.⟩	
N.	<i>NéNiNa</i>	<i>våra systrar</i> ⟨наши сестры⟩	<i>NéNiða</i>	<i>era systrar</i> ⟨ваши сестры⟩	<i>NéNiðo</i>	<i>deras systrar</i> ⟨их сестры⟩
G.	<i>NeNævéiNa</i>	— <i>systrars</i>	<i>NeNævéiða</i>	— <i>systrars</i>	<i>NeNævéiðo</i>	— <i>systrars</i>
D.	<i>NéNæNa</i>	<i>åt</i> — <i>systrar</i> ⟨к нашим сестрам⟩	<i>NéNæða</i>	<i>åt</i> — <i>systrar</i> ⟨к вашим сестрам⟩	<i>NéNæðo</i>	<i>åt</i> — <i>systrar</i> ⟨к их сестрам⟩
A.	= Nom.		= Nom.	— —	= Nom.	— —
V.	<i>NeNiNéi</i>	— —	— —	— —	— —	— —
I.	= Nom.	gen. — —	<i>NéNima</i>	gen. — —	<i>NéNimo</i>	gen. — —

	POSS1PL	POSS2PL	POSS3PL
NOM.PL	<i>n'e n'í-na?</i>	<i>n'e n'í-da?</i>	<i>n'e n'í-do?</i>
GEN.PL	<i>n'e n'í-?na?</i>	<i>n'e n'í-ta?</i>	<i>n'e n'í-to?</i>
DAT.PL	<i>n'e n'á-x°?nà?</i> (> <i>n'e n'a°?na?</i> [n'è n'á:ʔnɛʔ])	<i>n'e n'á-x°?tà?</i> (> <i>n'e n'a°?ta?</i> [n'è n'á:ʔtɛʔ])	<i>n'e n'á-x°?tò?</i> (> <i>n'e n'a°?to?</i> [n'è n'á:ʔtɔʔ]/[n'è n'á:ʔtoʔ])
ACC.PL	<i>n'e n'í-na?</i>	<i>n'e n'í-da?</i>	<i>n'e n'í-do?</i>
INSTR.PL +	<i>n'e n'á-x°?nàna?</i>	<i>n'e n'á-x°?nàta?</i>	<i>n'e n'á-x°?nàto?</i>
LOC.PL	(> <i>n'e n'a°?nana?</i> [n'è n'á:ʔnɛnàʔ])	(> <i>n'e n'a°?nata?</i> [n'è n'á:ʔnɛtəʔ])	(> <i>n'e n'a°?nato?</i> [n'è n'á:ʔnɛtòʔ])
ABL.PL	<i>n'e n'á-x°?təna?</i>	<i>n'e n'á-x°?təta?</i>	<i>n'e n'á-x°?təto?</i>
PROL.PL	<i>n'e n'á-ʔm°nàna?</i>	<i>n'e n'á-ʔm°nàta?</i>	<i>n'e n'á-ʔm°nàto?</i>

4.2.3. Далее в рукописи SamGr снова приводится пример основы на *-a* после палатализованного согласного, однако он рассматривается как пример основы на *-e*.

Exempel på e (пример основы на *e*)

[3] Ср.: *яля* ‘день’, ‘свет, освещение’, ‘место, откуда исходит свет; освещенное пространство’, ‘солнце’ [Терещенко 1965: 838];

yalya (N *ya* → *e*), *YALYA* [Salminen 1998: 232].

Отметим, что в рукописи SamGr основа ACC.PL от этого слова образуется по типу N *ya* → *o*, а не по типу N *ya* → *e*, как в современном тундровом ненецком литературном языке. Об особенностях образования основы ACC.PL от аналогичных неодносложных основ NOM.SG, оканчивающихся на *-a* после палатализованных или палатальных согласных, в западных ненецких диалектах см. подробнее в работе Т. Салминена: “In Western dialects the acc.pl stem of the last type ⟨N *ya* → *e*⟩ is formed by a vowel change to *u*, e. g. *xalya* : abs. acc. pl *xalu*, and other, rarer dialectal variants are also known to exist” [Salminen 1998: 39].

[Л. 4об.]	Sing.	Plur.	Dual.
N.	<i>ælə</i> ‘dag’ ‘день’	<i>ælé</i>	<i>æléǵ</i>
G.	—	<i>æловéi</i>	<i>æлегè</i>
D.	<i>æлénъ</i>	<i>æлэ</i>	<i>æлэгNæ</i>
A.	<i>æлémъ</i>	<i>æлò</i>	= Nom. (p. 1⟨...⟩)
V.	= Nom.	= Nom.	— —
I.	<i>æлэмбòiNъ</i> och ⟨и⟩ <i>æлэ</i>	<i>æлó</i>	<i>æлэгамбoi</i>
L.	<i>æлэсь</i>	<i>æлэсь</i>	<i>æлэгэсь</i>

	SG	PL	DU
NOM	<i>jál'a</i>	<i>jál'a-ʔ</i>	<i>jál'a-x^{oʔ}</i>
GEN	<i>jál'a-ʔ</i>	<i>jále-ʔ</i>	<i>jál'a-x^{oʔ}</i>
DAT	<i>jál'a-n^{oʔ}</i>	<i>jál'a-x^{oʔ}</i>	<i>jál'a-x^{oʔ}</i> + послелог <i>n'aʔ</i>
ACC	<i>jál'a-m</i>	<i>jále</i>	<i>jál'a-x^{oʔ}</i>
INSTR +	<i>jál'a-xəna</i>	<i>jál'a-xəʔna</i>	<i>jál'a-x^{oʔ}</i> + послелог <i>n'ána</i>
LOC	(> <i>jál'a^ona</i> [jál'á:nə])	(> <i>jál'a^ona</i> [jál'á:nə])	
ABL	<i>jál'a-xəd^o</i> (> <i>jál'aəd^o</i> [jál'á:d])	<i>jál'a-xát^o</i> (> <i>jál'aət^o</i> [jál'á:t])	<i>jál'a-x^{oʔ}</i> + послелог <i>n'ad^o</i>
PROL	<i>jál'a-w^ona</i>	<i>jále-ʔməna</i>	<i>jál'a-x^{oʔ}</i> + послелог <i>n'ámna</i>

[Л. 4об.]	⟨...⟩ med Suffixer (с суффиксами)		
	⟨1.⟩	Singul. ⟨2.⟩	⟨3.⟩
N.	<i>æлэвъ</i>	<i>æлэръ</i>	<i>æледà</i>
G.	<i>æлénъ</i>	<i>æлэндъ</i>	<i>æлеNдà</i>
D.	—	—	<i>æлэNдà</i>
A.	= Nom.	<i>æлэмдъ</i>	<i>æлемдà</i>
V.	— —	= Nom.	= Nom.
I.	<i>æлэмбóинъ</i> och ⟨и⟩ <i>æлénъ</i>	<i>æлэмбóидъ</i> och ⟨и⟩ <i>æлэндъ</i>	<i>æлэмбóидà</i> och ⟨и⟩ <i>æлемдà</i> (p. 20)

	POSS1SG	POSS2SG	POSS3SG
NOM.SG	<i>jál'a-w^o</i>	<i>jál'a-r^o</i>	<i>jál'a-dà</i>
GEN.SG	<i>jál'a-n^o</i>	<i>jál'a-nt^o</i>	<i>jál'a-ntà</i>
DAT.SG	<i>jál'a-xən^o</i> (> <i>jál'aən^o</i> [jál'á:n])	<i>jál'a-xənt^o</i> (> <i>jál'aənt^o</i> [jál'á:nd])	<i>jál'a-xəntà</i> (> <i>jál'a^ontà</i> [jál'á:ndə])
ACC.SG	<i>jál'a-w^o</i>	<i>jál'a-mt^o</i>	<i>jál'a-mtà</i>
INSTR.SG +	<i>jál'a-xənàn^o</i>	<i>jál'a-xənànt^o</i>	<i>jál'a-xənàntà</i>
LOC.SG	(> <i>jál'a^onan^o</i> [jál'á:nə̃n])	(> <i>jál'a^onant^o</i> [jál'á:nə̃nd])	(> <i>jál'a^onanta</i> [jál'á:nə̃ndà])
ABL.SG	<i>jál'a-xədən^o</i>	<i>jál'a-xədənt^o</i>	<i>jál'a-xədəntà</i>
PROL.SG	<i>jál'a-w^onàn^o</i>	<i>jál'a-w^onànt^o</i>	<i>jál'a-w^onàntà</i>

[Л. 4об.]		Dualis	
	⟨1.⟩	⟨2.⟩	⟨3.⟩
N. A. V.	æлэгъюNь	æлэгъюдь	æлэгъюди
G.	—	æлэгъютъ	æлэгъюти
D.	æлэгaNь	æлэгатъ	æлэгати
I.	æлэгамбоюNь och ⟨и⟩ æлэгъюNь	æлэгамботъ och ⟨и⟩ æлэгъютъ	æлэгамбоюти och ⟨и⟩ æлэгъюти
	POSS1DU	POSS2DU	POSS3DU
NOM.DU	jál'a-xəjun'ɨ?	jál'a-xəjud'ɨ?	jál'a-xəjud'ɨ?
GEN.DU	jál'a-xəjun'ɨ?	jál'a-xəjut'ɨ?	jál'a-xəjut'ɨ?
DAT.DU	jál'a-xəjun'ɨ? + послелог n'a?	jál'a-xəjut'ɨ? + послелог n'a?	jál'a-xəjut'ɨ? + послелог n'a?
ACC.DU	jál'a-xəjun'ɨ?	jál'a-xəjud'ɨ?	jál'a-xəjud'ɨ?
INSTR.DU + LOC.DU	jál'a-xəjun'ɨ? + послелог n'ána	jál'a-xəjut'ɨ? + послелог n'ána	jál'a-xəjut'ɨ? + послелог n'ána
ABL.DU	jál'a-xəjun'ɨ? + послелог n'ad°	jál'a-xəjut'ɨ? + послелог n'ad°	jál'a-xəjut'ɨ? + послелог n'ad°
PROL.DU	jál'a-xəjun'ɨ? + послелог n'ámna	jál'a-xəjut'ɨ? + послелог n'ámna	jál'a-xəjut'ɨ? + послелог n'ámna

лист 5

[Л. 5]		Pluralis	
	⟨1.⟩	⟨2.⟩	⟨3.⟩
N.	éлоNa	éлода	éлодо
G.	æловéиNa	æловéита	æловéито
D.	æлэNa	æлэта	æлэто
A.	æлоNà	æлотà	æлотò
V.	= Nomin.	éлота	éлото
I.	æлоNá	æлотá	æлотó
	POSS1PL	POSS2PL	POSS3PL
NOM.PL	jále-nà?	jále-dà?	jále-dò?
GEN.PL	jále-ʔnà?	jále-tà?	jále-tò?
DAT.PL	jál'a-xəʔna? (> jal'a°ʔna? [jál'á:ʔneʔ])	jál'a-xəta? (> jal'a°ta? [jál'á:teʔ])	jál'a-xəto? (> jal'a°to? [jál'á:toʔ]/[jál'á:toʔ])
ACC.PL	jále-nà?	jále-dà?	jále-dò?
INSTR.PL + LOC.PL	jál'a-xəʔnanà? (> jal'a°ʔnana? [jál'á:ʔnə̀nàʔ])	jál'a-xəʔnatà? (> jal'a°ʔnata? [jál'á:ʔnetàʔ])	jál'a-xəʔnatò? (> jal'a°ʔnato? [jál'á:ʔnetòʔ])
ABL.PL	jál'a-xə̀t°nà?	jál'a-xə̀t°tà?	jál'a-xə̀t°tò?
PROL.PL	jále-ʔmənà?	jále-ʔmənà?	jále-ʔmənà?

4.2.4. Далее в рукописи SamGr приводится пример основы на *-i* после палатализованного согласного.

Exempel på i (пример основы на *i*)

[4] Ср.: *xəbyi* ‘ханты, остяк’, (уст.) ‘раб, слуга, работник; подчиненный’, ‘иноплеменник’ [Терещенко 1965: 708];

xəbyi (*xəbyi*) (N *yi* ≡ ~ +j +ye), XӨPҮE → yI (XӨPҮE → yI) [Salminen 1998: 272].

В данном случае в рукописи склонение представлено по типу N *yi* ≡.

[л. 5]	Sing.	Plur.	Dual.
N.	<i>chabi</i> 'tjinare' / 'tjänare' / 'слуга'	<i>chabi</i> (p. 21)	<i>chabig</i>
G.	—	<i>chabivèi</i>	<i>chabigè</i>
D.	<i>chabín</i>	<i>chabi</i> ⁸²	<i>chabigà</i>
A.	<i>chabím</i>	<i>chabi</i>	= Nom.
V.	<i>chabèi</i>	<i>chabèi</i>	— —
I.	<i>chabimbòin</i> och (и) <i>chabi</i>	<i>chabi</i>	<i>chabígmboi</i>
L.	<i>chabiβj</i>	<i>chabiβj</i>	<i>chabigéβj</i>

	SG	PL	DU
NOM	<i>xáb'i</i>	<i>xáb'i-ʔ</i>	<i>xáb'i-x^{oʔ}</i>
GEN	<i>xáb'i-ʔ</i>	<i>xáb'i-ʔ/xáb'ijè-ʔ</i>	<i>xáb'i-x^{oʔ}</i>
DAT	<i>xáb'i-n^{oʔ}</i>	<i>xáb'i-x^{oʔ}</i>	<i>xáb'i-x^{oʔ}</i> + послелог <i>n'a^o</i>
ACC	<i>xáb'i-m</i>	<i>xáb'i/xáb'ijè</i>	<i>xáb'i-x^{oʔ}</i>
INSTR +	<i>xáb'i-xàna</i>	<i>xáb'i-xàʔna</i>	<i>xáb'i-x^{oʔ}</i> + послелог <i>n'ána</i>
LOC	(> <i>xáb'i^ona</i> [χəbʲi:nɛ])	(> <i>xáb'i^ona</i> [χəbʲi:ʔnɛ])	
ABL	<i>xáb'i-xád^o</i> (> <i>xáb'iad^o</i> [χəbʲi:d])	<i>xáb'i-xát^o</i> (> <i>xáb'iat^o</i> [χəbʲi:t])	<i>xáb'i-x^{oʔ}</i> + послелог <i>n'ad^o</i>
PROL	<i>xáb'i-w^ona</i>	<i>xáb'i-ʔmàna</i>	<i>xáb'i-x^{oʔ}</i> + послелог <i>n'ámna</i>

[л. 5]	Med Suffixer (с суффиксами)		
	1.	2.	3.
N.	<i>chabín</i> 'min tjinare' /'min tjänare' / 'мой слуга'	<i>chabír</i> 'din tj[inare]' /'din tjänare' / 'твой слуга'	<i>chabidà</i> 'hans tjinare' /'hans tjänare' / 'его слуга'
G.	<i>chabín</i>	<i>chabínd</i>	<i>chabindà</i>
D.	—	—	<i>chabínda</i>
A.	= Nom.	<i>chabímd</i>	<i>chabímdà</i>
V.	<i>chabivèi</i>	= Nom.	= Nom.
I.	<i>chabimbóin</i> och (и) <i>chabín</i>	<i>chabimbóid</i> och (и) <i>chabínd</i>	<i>chabimbóida</i> och (и) <i>chabínda</i> (p. 22)

	POSS1SG	POSS2SG	POSS3SG
NOM.SG	<i>xáb'i-w^o</i>	<i>xáb'i-r^o</i>	<i>xáb'i-dà</i>
GEN.SG	<i>xáb'i-n^o</i>	<i>xáb'i-nt^o</i>	<i>xáb'i-ntà</i>
DAT.SG	<i>xáb'i-xán^o</i> (> <i>xáb'ian^o</i> [χəbʲi:n])	<i>xáb'i-xánt^o</i> (> <i>xáb'iant^o</i> [χəbʲi:nd])	<i>xáb'i-xànta</i> (> <i>xáb'ianta</i> [χəbʲi:ndɛ])
ACC.SG	<i>xáb'i-w^o</i>	<i>xáb'i-mt^o</i>	<i>xáb'i-mtà</i>
INSTR.SG +	<i>xáb'i-xənà^o</i>	<i>xáb'i-xənànt^o</i>	<i>xáb'i-xənàntà</i>
LOC.SG	(> <i>xáb'i^onan^o</i> [χəbʲi:nɛn])	(> <i>xáb'i^onant^o</i> [χəbʲi:nɛnd])	(> <i>xáb'i^onanta</i> [χəbʲi:nɛndà])
ABL.SG	<i>xáb'i-xədàn^o</i>	<i>xáb'i-xədànt^o</i>	<i>xáb'i-xədàntà</i>
PROL.SG	<i>xáb'i-w^onàn^o</i>	<i>xáb'i-w^onànt^o</i>	<i>xáb'i-w^onanta</i>

[л. 5]	Dualis		
	⟨1.⟩	⟨2.⟩	⟨3.⟩
N.	<i>chabígunj</i>	<i>chabíjudj</i>	<i>chabíjudi</i>
G.	—	<i>chabígutj</i>	<i>chabíguti</i>
D.	<i>chabíganj</i>	<i>chabígatj</i>	<i>chabígati</i>
A.	= Nomin.	= Nomin.	= Nomin.
V.	<i>chabígunèi</i>	— —	— —
I.	<i>chabígmbojunj</i> och (и) <i>chabígunj</i>	<i>chabígmbojutj</i> och (и) <i>chabígutj</i>	<i>chabígmbojuti</i> och (и) <i>chabíguti</i>

⁸² Диакритика, обозначающая ударение, написана неразборчиво.

	POSS1DU	POSS2DU	POSS3DU
NOM.DU	<i>xáb'i-xəjun'íʔ</i>	<i>xáb'i-xəjud'íʔ</i>	<i>xáb'i-xəjud'íʔ</i>
GEN.DU	<i>xáb'i-xəjun'íʔ</i>	<i>xáb'i-xəjut'íʔ</i>	<i>xáb'i-xəjut'íʔ</i>
DAT.DU	<i>xáb'i-xəjun'íʔ</i> + послелог <i>n'aʔ</i>	<i>xáb'i-xəjut'íʔ</i> + послелог <i>n'aʔ</i>	<i>xáb'i-xəjut'íʔ</i> + послелог <i>n'aʔ</i>
ACC.DU	<i>xáb'i-xəjun'íʔ</i>	<i>xáb'i-xəjud'íʔ</i>	<i>xáb'i-xəjud'íʔ</i>
INSTR.DU + LOC.DU	<i>xáb'i-xəjun'íʔ</i> + послелог <i>n'ána</i>	<i>xáb'i-xəjut'íʔ</i> + послелог <i>n'ána</i>	<i>xáb'i-xəjut'íʔ</i> + послелог <i>n'ána</i>
ABL.DU	<i>xáb'i-xəjun'íʔ</i> + послелог <i>n'ad^o</i>	<i>xáb'i-xəjut'íʔ</i> + послелог <i>n'ad^o</i>	<i>xáb'i-xəjut'íʔ</i> + послелог <i>n'ad^o</i>
PROL.DU	<i>xáb'i-xəjun'íʔ</i> + послелог <i>n'amna</i>	<i>xáb'i-xəjut'íʔ</i> + послелог <i>n'amna</i>	<i>xáb'i-xəjut'íʔ</i> + послелог <i>n'amna</i>

лист 5 об.

[Л. 5об.]	Pluralis		
	<1.>	<2.>	<3.>
N.	<i>chabínana</i> 'vára tj[inare]' / 'vára tjänare' (‘наши слуги’)	<i>chabínada</i>	<i>chabínado</i>
G.	<i>chabinavéina</i>	<i>chabinavéita</i>	<i>chabinavéito</i>
D.	<i>chabína</i>	<i>chabíta</i>	<i>chabíto</i>
A.	= Nom.	<i>chabínata</i>	<i>chabínato</i>
V.	<i>chabinanéi</i>	= Nomin.	= Nom.
I.	<i>chabínana</i>	= Accus.	= Accus. (p. 23)

Отметим, что в рукописи SamGr формы NOM.PL.1/2/3PL, GEN.PL.1/2/3PL, ACC.PL.1/2/3PL и VOC.PL1/1/3PL от существительного *chabi* ‘tjinare’ / ‘tjänare’ / (‘слуга’) образованы особым способом — с помощью аффикса *-na-* (<на>), который стоит перед посессивными показателями; о разнице в значениях форм с этим показателем и без него см. в следующей таблице ниже. Подробнее о посессивных формах с аффиксом *-на-* (<на>) см. в работе Н. М. Терещенко: «Некоторые существительные, в первую очередь существительные, обозначающие термины родства, образуют лично-притяжательные формы множественного числа особым способом: не изменением звукового состава основы, а суффиксом *-на-* между основой имени и лично-притяжательным формантом: *небянана* ‘наши матери’, *нисянана* ‘наши отцы’» [Терещенко 1966: 382].

	POSS1PL	POSS2PL	POSS3PL
NOM.PL	<i>xáb'i-nə-naʔ</i> 'слуги каждого из нас' (<i>xáb'i-nàʔ/xáb'ijè-naʔ</i>) 'наши слуги')	<i>xáb'i-nə-daʔ</i> 'слуги каждого из вас' (<i>xáb'i-dàʔ/xáb'ijè-daʔ</i>) 'ваши слуги')	<i>xáb'i-nə-doʔ</i> 'слуги каждого из них' (<i>xáb'i-dòʔ/xáb'ijè-doʔ</i>) 'их слуги')
GEN.PL	<i>xáb'i-nə-ʔnaʔ</i> 'слуг каждого из нас' (<i>xáb'i-ʔnàʔ/xáb'ijè-ʔnaʔ</i>) 'наших слуг')	<i>xáb'i-nə-taʔ</i> 'слуг каждого из вас' (<i>xáb'i-tàʔ/xáb'ijè-taʔ</i>) 'ваших слуг')	<i>xáb'i-nə-toʔ</i> 'слуг каждого из них' (<i>xáb'i-tòʔ/xáb'ijè-toʔ</i>) 'их слуг')
DAT.PL	<i>xáb'i-xəʔnaʔ</i> (> <i>xəb'i^onaʔ</i> [xəb'i:ʔneʔ])	<i>xáb'i-xətaʔ</i> (> <i>xəb'i^otaʔ</i> [xəb'i:teʔ])	<i>xáb'i-xətoʔ</i> (> <i>xəb'i^otoʔ</i> [xəb'i:toʔ] / [xəb'i:toʔ])
ACC.PL	<i>xáb'i-nə-naʔ</i> 'слуг каждого из нас' (<i>xáb'i-nàʔ/xáb'ijè-naʔ</i>) 'наших слуг')	<i>xáb'i-nə-daʔ</i> 'слуг каждого из вас' (<i>xáb'i-dàʔ/xáb'ijè-daʔ</i>) 'ваших слуг')	<i>xáb'i-nə-doʔ</i> 'слуг каждого из них' (<i>xáb'i-dòʔ/xáb'ijè-doʔ</i>) 'их слуг')
INSTR.PL + LOC.PL	<i>xáb'i-xəʔnanàʔ</i> (> <i>xəb'i^onaʔ</i> [xəb'i:ʔnənaʔ])	<i>xáb'i-xəʔnatàʔ</i> (> <i>xəb'i^onataʔ</i> [xəb'i:ʔnetàʔ])	<i>xáb'i-xəʔnatòʔ</i> (> <i>xəb'i^onatoʔ</i> [xəb'i:ʔnetòʔ])
ABL.PL	<i>xáb'i-xət^onàʔ</i>	<i>xáb'i-xət^otàʔ</i>	<i>xáb'i-xət^otòʔ</i>
PROL.PL	<i>xáb'i-ʔmənanaʔ</i>	<i>xáb'i-ʔmənataʔ</i>	<i>xáb'i-ʔmənatoʔ</i>

4.2.5. Далее в рукописи SamGr приводится пример основы на -o после твердого согласного.

Exempel på o (пример основы на o)

[5] Ср.: *уано*⁸³ ‘лодка; судно’ [Терещенко 1965: 383];
ngøno (*ηəno*) (N o → u), NGØNO (ΠΘNO) [Salminen 1998: 305].

[л. 5 об.]	Singul.	Plur.	Dual.
N.	<i>anò</i> ‘båt’ (‘лодка’)	<i>anú</i>	<i>anóg</i>
G.	—	<i>anóvei</i>	<i>anogè</i>
D.	<i>anón</i>	<i>anõ</i>	<i>anógnæ</i>
A.	<i>anóm</i>	<i>anù</i>	= Nom.
V.	= Nom.	= Nom.	— —
I.	<i>anombòi</i> och (и) <i>anò</i>	<i>anuvéemboi</i>	<i>anógamboi</i>
L.	<i>anòβj</i>	<i>anúβj</i>	<i>anogéβj</i>

	SG	PL	DU
NOM	<i>ηəno</i>	<i>ηəno-ʔ</i>	<i>ηəno-x^{oʔ}</i>
GEN	<i>ηəno-ʔ</i>	<i>ηənu-ʔ</i>	<i>ηəno-x^{oʔ}</i>
DAT	<i>ηəno-n^{oʔ}</i>	<i>ηəno-x^{oʔ}</i>	<i>ηəno-x^{oʔ}</i> + послелог <i>n'a^a</i>
ACC	<i>ηəno-m</i>	<i>ηənu</i>	<i>ηəno-x^{oʔ}</i>
INSTR +	<i>ηəno-xəna</i>	<i>ηəno-xəʔna</i>	<i>ηəno-x^{oʔ}</i> + послелог <i>n'ána</i>
LOC	(> <i>ηəno^ona</i> [ηəno ^o :nɛ])	(> <i>ηəno^oʔna</i> [ηəno ^o :ʔnɛ])	<i>ηəno-x^{oʔ}</i> + послелог <i>n'ána</i>
ABL	<i>ηəno-xád^o</i> (> <i>ηənoad^o</i> [ηəno ^o :d])	<i>ηəno-xát^o</i> (> <i>ηənoat^o</i> [ηəno ^o :t])	<i>ηəno-x^{oʔ}</i> + послелог <i>n'ad^o</i>
PROL	<i>ηəno-w^ona</i>	<i>ηəno-ʔtəna</i>	<i>ηəno-x^{oʔ}</i> + послелог <i>n'ámna</i>

[л. 5 об.]	<u>Med Suffixer</u> (С суффиксами)		
	(1.)	(2.)	(3.)
N.	<i>anón</i> ‘min båt’ (‘моя лодка’)	<i>anór</i> ‘din båt’ (‘твоя лодка’)	<i>anodà</i>
G.	<i>anón</i>	<i>anónd</i>	<i>anondà</i>
D.	—	—	<i>anónða</i>
A.	= Nom.	<i>anómð</i>	<i>anomdà</i>
V.	— —	= Nom.	= Nom. (p. 24)
I.	<i>anómboin</i> I. (также) <i>anón</i>	<i>anómboid</i> I. (также) <i>anónd</i>	<i>anómboida</i> och (и) <i>anondà</i>

	POSS1SG	POSS2SG	POSS3SG
NOM.SG	<i>ηəno-w^o</i>	<i>ηəno-r^o</i>	<i>ηəno-dà</i>
GEN.SG	<i>ηəno-n^o</i>	<i>ηəno-nt^o</i>	<i>ηəno-ntà</i>
DAT.SG	<i>ηəno-xán^o</i> (> <i>ηənoan^o</i> [ηəno ^o :n])	<i>ηəno-xánt^o</i> (> <i>ηənoant^o</i> [ηəno ^o :nd])	<i>ηəno-xənta</i> (> <i>ηəno^onta</i> [ηəno ^o :ndɛ])
ACC.SG	<i>ηəno-w^o</i>	<i>ηəno-mt^o</i>	<i>ηəno-mtà</i>
INSTR.SG +	<i>ηəno-xənàn^o</i>	<i>ηəno-xənánt^o</i>	<i>ηəno-xənantà</i>
LOC.SG	(> <i>ηəno^onan^o</i> [ηəno ^o :nɛn])	(> <i>ηəno^onant^o</i> [ηəno ^o :nɛnd])	(> <i>ηəno^onanta</i> [ηəno ^o :nɛndà])
ABL.SG	<i>ηəno-xədàn^o</i>	<i>ηəno-xədánt^o</i>	<i>ηəno-xəd^ontà</i>
PROL.SG	<i>ηəno-w^onàn^o</i>	<i>ηəno-w^onánt^o</i>	<i>ηəno-w^onanta</i>

[л. 5 об.]	<u>Dualis</u>		
	(1.)	(2.)	(3.)
N. A. V.	<i>anógjunj</i>	<i>anógjudj</i>	<i>anógjudi</i>
G.	—	<i>anógjutj</i>	<i>anógjuti</i>
D.	<i>anóganj</i>	<i>anógatj</i>	<i>anógati</i>
I.	<i>anógmbojunj</i> och (и) <i>anógjunj</i>	<i>anógmbojutj</i> och (и) <i>anógjutj</i>	<i>anógmbojuti</i> och (и) <i>anógjuti</i>

⁸³ В [Терещенко 1965: 383] не отмечено, что первый гласный — *ǎ*, а не *a*.

	POSS1DU	POSS2DU	POSS3DU
NOM.DU	<i>ηάπο-χάjun'í²</i>	<i>ηάπο-χάjud'í²</i>	<i>ηάπο-χάjud'í²</i>
GEN.DU	<i>ηάπο-χάjun'í²</i>	<i>ηάπο-χάjut'í²</i>	<i>ηάπο-χάjut'í²</i>
DAT.DU	<i>ηάπο-χάjun'í²</i> + послелог <i>n'a²</i>	<i>ηάπο-χάjut'í²</i> + послелог <i>n'a²</i>	<i>ηάπο-χάjut'í²</i> + послелог <i>n'a²</i>
ACC.DU	<i>ηάπο-χάjun'í²</i>	<i>ηάπο-χάjud'í²</i>	<i>ηάπο-χάjud'í²</i>
INSTR.DU + LOC.DU	<i>ηάπο-χάjun'í²</i> + послелог <i>n'ána</i>	<i>ηάπο-χάjut'í²</i> + послелог <i>n'ána</i>	<i>ηάπο-χάjut'í²</i> + послелог <i>n'ána</i>
ABL.DU	<i>ηάπο-χάjun'í²</i> + послелог <i>n'ad°</i>	<i>ηάπο-χάjut'í²</i> + послелог <i>n'ad°</i>	<i>ηάπο-χάjut'í²</i> + послелог <i>n'ad°</i>
PROL.DU	<i>ηάπο-χάjun'í²</i> + послелог <i>n'ámna</i>	<i>ηάπο-χάjut'í²</i> + послелог <i>n'ámna</i>	<i>ηάπο-χάjut'í²</i> + послелог <i>n'ámna</i>

[Л. 5об., л. 6]	Pluralis		
	<1.>	<2.>	<3.>
N.	<i>anína</i> 'vára batar' <'наши лодки'>	<i>anída</i> 'era batar' <'ваши лодки'>	<i>anído</i> 'deras batar' <'их лодки'>
G.	<i>aníveina</i>	<i>aníveita</i>	<i>aníveito</i>
D.	<i>anóna</i>	<i>anóta</i>	<i>anóto</i>
A.	= Nom.	= Nomin.	= Nomin.
лист 6 V.	= Nomin.	= Nomin.	= Nomin.
I.	<i>anuvéimboena</i> ⁸⁴	<i>anuvéimboeta</i>	<i>anuvéimboeto</i> (p. 29)

	POSS1PL	POSS2PL	POSS3PL
NOM.PL	<i>ηάνu-nà²</i>	<i>ηάνu-dà²</i>	<i>ηάνu-dò²</i>
GEN.PL	<i>ηάνu-ṛnà²</i>	<i>ηάνu-tà²</i>	<i>ηάνu-tò²</i>
DAT.PL	<i>ηάπο-χάṛna²</i> (> <i>ηάπο°ṛna²</i> [ηάно°:ṛne²?])	<i>ηάπο-χάta²</i> (> <i>ηάπο°ta²</i> [ηάно°:te²?])	<i>ηάπο-χάto²</i> (> <i>ηάπο°to²</i> [ηάно°:to²?]/[ηάно°:to²?])
ACC.PL	<i>ηάνu-nà²</i>	<i>ηάνu-dà²</i>	<i>ηάνu-dò²</i>
INSTR.PL + LOC.PL	<i>ηάπο-χάṛnanà²</i> (> <i>ηάπο°ṛnana²</i> [ηάно°:ṛneṇà²?])	<i>ηάπο-χάṛnatà²</i> (> <i>ηάπο°ṛnata²</i> [ηάно°:ṛnetà²?])	<i>ηάπο-χάṛnatò²</i> (> <i>ηάπο°ṛnato²</i> [ηάно°:ṛnetò²?])
ABL.PL	<i>ηάπο-χάt°nà²</i>	<i>ηάπο-χάt°tà²</i>	<i>ηάπο-χάt°tò²</i>
PROL.PL	<i>ηάπο-ṛmènanà²</i>	<i>ηάπο-ṛmènatà²</i>	<i>ηάπο-ṛmènatò²</i>

4.2.6. Далее в рукописи SamGr приводится пример основы на -o после палатализованного согласного.

Exempel på o (jo)

(пример основы на -o после палатального или палатализованного согласного)

[6] Ср.: *мярĕ* 1) (б.-з., вост.) 'замша', (кр.-зап.) 'бумага; письмо'; 2) (кр.-зап.) 'бумажный' [Терещенко 1965: 279];

myaryo (N *yo* → *yu*), MYARØ² → *yO* [Salminen 1998: 312].

[Л. 6]	Sing.	Plur.	Dual.
N.	<i>mærjò</i> 'bok' <'книга'>	<i>mærjú</i>	<i>mærjòg</i>
G.	—	<i>mærjuvéi</i>	<i>mærjogè</i>
D.	<i>mærjón</i>	<i>mærjõ</i>	<i>mærjogà</i>
A.	<i>mærjóm</i>	<i>mærjú</i>	= Nom.
V.	= Nom.	= Nom.	— —
I.	<i>mærjómboi</i> och <и> <i>mærjõ</i>	— —	<i>mærjógamboi</i>
L.	<i>mærjõβj</i>	<i>mærjúβj</i>	<i>mærjogõβj</i>

⁸⁴ Отметим, что в рукописи SamGr формы INSTR.PL.POSS1/2/3PL от этого слова образованы от формы GEN.PL (на -vei), а инструментальный показатель выглядит не как -mboi, а как -mboe.

	SG	PL	DU
NOM	<i>m'ár'o</i>	<i>m'ár'o-ʔ</i>	<i>m'ár'o-x^{oʔ}</i>
GEN	<i>m'ár'o-ʔ</i>	<i>m'ár'u-ʔ</i>	<i>m'ár'o-x^{oʔ}</i>
DAT	<i>m'ár'ó-n^{oʔ}</i>	<i>m'ár'o-x^{oʔ}</i>	<i>m'ár'o-x^{oʔ}</i> + послелог <i>n'a^a</i>
ACC	<i>m'ár'o-m</i>	<i>m'ár'u</i>	<i>m'ár'o-x^{oʔ}</i>
INSTR + LOC	<i>m'ár'o-xəna</i> (> <i>m'ar'o^ona</i> [m'är'ó:nɛ])	<i>m'ár'o-xəʔna</i> (> <i>m'ar'o^oʔna</i> [m'är'ó:ʔnɛ])	<i>m'ár'o-x^{oʔ}</i> + послелог <i>n'ána</i>
ABL	<i>m'ár'o-xəd^o</i> (> <i>m'ar'oəd^o</i> [m'är'ó:d])	<i>m'ár'o-xət^o</i> (> <i>m'ar'oət^o</i> [m'är'ó:t])	<i>m'ár'o-x^{oʔ}</i> + послелог <i>n'ad^o</i>
PROL	<i>m'ár'ó-w^ona</i>	<i>m'ár'o-ʔməna</i>	<i>m'ár'o-x^{oʔ}</i> + послелог <i>n'ámna</i>

[л. 6]	<u>Med Suffixer</u> (С суффиксами)		
	<u>Singularis</u>		
	(1.)	(2.)	(3.)
N.	<i>mærxjón</i> 'min bok' ('моя книга')	<i>mærxjór</i> 'din bok' ('твоя книга')	<i>mærxjodà</i> 'hans bok' ('его книга')
G.	<i>mærxjón</i>	<i>mærxjónđ</i>	<i>mærxjondà</i>
D.	—	—	—
A.	= Nom.	<i>mærxjómđ</i>	<i>mærxjomdà</i> (p. 26)
V.	— —	= Nom.	= Nom.
I.	<i>mærxjómboin</i> och (и) <i>mærxjón</i>	<i>mærxjómboid</i> och (и) <i>mærxjónđ</i>	<i>mærxjomboida</i> och (и) <i>mærxjondà</i>

	POSS1SG	POSS2SG	POSS3SG
NOM.SG	<i>m'ár'ó-w^o</i>	<i>m'ár'ó-r^o</i>	<i>m'ár'o-dà</i>
GEN.SG	<i>m'ár'ó-n^o</i>	<i>m'ár'ó-nt^o</i>	<i>m'ár'o-ntà</i>
DAT.SG	<i>m'ár'o-xán^o</i> (> <i>m'ar'oəñ^o</i> [m'är'ó:n])	<i>m'ár'o-xánt^o</i> (> <i>m'ar'oənt^o</i> [m'är'ó:nd])	<i>m'ár'o-xənta</i> (> <i>m'ar'o^onta</i> [m'är'ó:ndɛ])
ACC.SG	<i>m'ár'ó-w^o</i>	<i>m'ár'ó-mt^o</i>	<i>m'ár'o-mtà</i>
INSTR.SG + LOC.SG	<i>m'ár'o-xənan^o</i> (> <i>m'ar'o^onan^o</i> [m'är'ó:nɛn])	<i>m'ár'o-xənant^o</i> (> <i>m'ar'o^onant^o</i> [m'är'ó:nɛnd])	<i>m'ár'o-xənantà</i> (> <i>m'ar'o^onanta</i> [m'är'ó:nɛndà])
ABL.SG	<i>m'ár'o-xədən^o</i>	<i>m'ár'o-xədənt^o</i>	<i>m'ár'o-xəd^ontà</i>
PROL.SG	<i>m'ár'ó-w^onàn^o</i>	<i>m'ár'ó-w^onànt^o</i>	<i>m'ár'ó-w^onanta</i>

[л. 6]	<u>Dualis</u>		
	(1.)	(2.)	(3.)
N. A. V.	<i>mærxjógjunj</i>	<i>mærxjógjudj</i>	<i>mærxjógjudi</i>
G.	—	<i>mærxjógjutj</i>	<i>mærxjogjuti</i> (< <i>mærxjógjuti</i>) ⁸⁵
D.	<i>mærxjóganj</i>	<i>mærxjógatj</i>	<i>mærxjógati</i>
I.	<i>mærxjógmbojunj</i> och (и) <i>mærxjógjunj</i>	<i>mærxjógmbojutj</i> och (и) <i>mærxjógjutj</i>	<i>mærxjógmbojuti</i> och (и) <i>mærxjógjuti</i>

	POSS1DU	POSS2DU	POSS3DU
NOM.DU	<i>m'ár'o-xəjun'í^ʔ</i>	<i>m'ár'o-xəjud'í^ʔ</i>	<i>m'ár'o-xəjud'í^ʔ</i>
GEN.DU	<i>m'ár'o-xəjun'í^ʔ</i>	<i>m'ár'o-xəjut'í^ʔ</i>	<i>m'ár'o-xəjut'í^ʔ</i>
DAT.DU	<i>m'ár'o-xəjun'í^ʔ</i> + послелог <i>n'a^a</i>	<i>m'ár'o-xəjut'í^ʔ</i> + послелог <i>n'a^a</i>	<i>m'ár'o-xəjut'í^ʔ</i> + послелог <i>n'a^a</i>
ACC.DU	<i>m'ár'o-xəjun'í^ʔ</i>	<i>m'ár'o-xəjud'í^ʔ</i>	<i>m'ár'o-xəjud'í^ʔ</i>
INSTR.DU + LOC.DU	<i>m'ár'o-xəjun'í^ʔ</i> + послелог <i>n'ána</i>	<i>m'ár'o-xəjut'í^ʔ</i> + послелог <i>n'ána</i>	<i>m'ár'o-xəjut'í^ʔ</i> + послелог <i>n'ána</i>
ABL.DU	<i>m'ár'o-xəjun'í^ʔ</i> + послелог <i>n'ad^o</i>	<i>m'ár'o-xəjut'í^ʔ</i> + послелог <i>n'ad^o</i>	<i>m'ár'o-xəjut'í^ʔ</i> + послелог <i>n'ad^o</i>
PROL.DU	<i>m'ár'o-xəjun'í^ʔ</i> + послелог <i>n'ámna</i>	<i>m'ár'o-xəjut'í^ʔ</i> + послелог <i>n'ámna</i>	<i>m'ár'o-xəjut'í^ʔ</i> + послелог <i>n'ámna</i>

⁸⁵ Над *o* нависает нижняя «петля» буквы *g* формы N. A. V. *mærxjógjudi*, которая расположена выше, над формой G. *mærxjogjuti*.

[Л. 6]	Pluralis		
	(1.)	(2.)	(3.)
N.	<i>mærjuná</i> ‘våra böcker’ (‘наши книги’)	<i>mærjudá</i> ‘era böcker’ (‘ваши книги’)	<i>mærjudò</i> ‘deras b[öcker]’ (‘их книги’)
G.	<i>mærjuvéina</i>	<i>mærjuvéita</i>	<i>mærjuvéito</i>
D.	<i>mærjóna</i>	<i>mærjóta</i>	<i>mærjúto</i>
A.	= Nom.	= Nom.	= Nom.
V.	—	—	— (p. 27)
I.	<i>mærjuná</i>	<i>mærjutá</i>	<i>mærjutó</i>
	POSS 1 PL	POSS 2 PL	POSS 3 PL
NOM.PL	<i>m'ár'u-nà?</i>	<i>m'ár'u-dá?</i>	<i>m'ár'u-dò?</i>
GEN.PL	<i>m'ár'u-ðná?</i>	<i>m'ár'u-tá?</i>	<i>m'ár'u-tò?</i>
DAT.PL	<i>m'ár'o-xðna?</i> (> <i>m'ár'o^ona?</i> [m'ár'íó:ðne?])	<i>m'ár'o-xðta?</i> (> <i>m'ár'o^ota?</i> [m'ár'íó:te?])	<i>m'ár'o-xðto?</i> (> <i>m'ár'o^oto?</i> [m'ár'íó:to?]/[m'ár'íó:tu?])
ACC.PL	<i>m'ár'u-nà?</i>	<i>m'ár'u-dá?</i>	<i>m'ár'u-dò?</i>
INSTR.PL +	<i>m'ár'o-xðnaná?</i>	<i>m'ár'o-xðnatá?</i>	<i>m'ár'o-xðnatò?</i>
LOC.PL	(> <i>m'ár'o^onaná?</i> [m'ár'íó:ðnēná?])	(> <i>m'ár'o^onata?</i> [m'ár'íó:ðnetá?])	(> <i>m'ár'o^onato?</i> [m'ár'íó:ðnetò?])
ABL.PL	<i>m'ár'o-xðt^oná?</i>	<i>m'ár'o-xðt^otá?</i>	<i>m'ár'o-xðt^otò?</i>
PROL.PL	<i>m'ár'o-ðmānaná?</i>	<i>m'ár'o-ðmānatá?</i>	<i>m'ár'o-ðmānatò?</i>

4.2.7. Далее в рукописи SamGr приводится пример основы на *-u* после твердого согласного.
лист 6 об.

Exempel på u (пример основы на *-u*)

[7] Ср.: *ту* ‘огонь’ [Терещенко 1965: 673]; *tu* (N 1 ≡), *TU* [Salminen 1998: 368, 520].

[Л. 6об.]	Sing.	Plur.	Dual.
N.	<i>tù</i> ‘eld’ (‘огонь’)	<i>tú</i>	<i>túg</i>
G.	—	<i>tuvéi</i>	<i>tugè</i>
D.	<i>tún</i>	<i>tuveǿ</i>	<i>túgnæ</i>
A.	<i>túm</i>	<i>tù</i>	<i>túg</i>
V.	<i>tù</i>	<i>tú</i>	—
I.	<i>tumbòì</i> och (и) <i>tú</i>	<i>tuvéemboi</i>	<i>tugámboi</i>
L.	<i>túβj</i>	<i>túβj</i>	<i>tugéβj</i>
	SG	PL	DU
NOM	<i>tu</i>	<i>tu-?</i>	<i>tú-x^o?</i>
GEN	<i>tu-?</i>	<i>tu-?</i>	<i>tú-x^o?</i>
DAT	<i>tú-n^o?</i>	<i>tú-x^o?</i>	<i>tú-x^o?</i> + послелог <i>n'a?</i>
ACC	<i>tu-m</i>	<i>tu</i>	<i>tú-x^o?</i>
INSTR +	<i>tú-x^oná</i> (> <i>tu^ona</i> [tú:ne])	<i>tú-x^ona</i> (> <i>tu^ona</i> [tú:ne])	<i>tú-x^o?</i> + послелог <i>n'ána</i>
LOC	<i>tú-x^od^o</i> (> <i>tu^od^o</i> [tu:d])	<i>tú-x^ot^o</i> (> <i>tu^ot^o</i> [tu:t])	<i>tú-x^o?</i> + послелог <i>n'ad^o</i>
ABL	<i>tú-x^od^o</i> (> <i>tu^od^o</i> [tu:d])	<i>tú-x^ot^o</i> (> <i>tu^ot^o</i> [tu:t])	<i>tú-x^o?</i> + послелог <i>n'ad^o</i>
PROL	<i>tú-w^oná</i>	<i>tú-ðm^oná</i>	<i>tú-x^o?</i> + послелог <i>n'amna</i>

[Л. 6об.]	Med Suffixer (С суффиксами)		
	(1.)	(2.)	(3.)
N.	<i>tín</i> ‘min eld’ (‘мой огонь’)	<i>túr</i> ‘din eld’ (‘твой огонь’)	<i>tudà</i> ‘hans eld’ (‘его огонь’)
G.	<i>tún</i>	<i>túnd</i>	<i>tundà</i>
D.	—	—	<i>túnda</i>
A.	<i>tín</i>	<i>túmd</i>	<i>tumdà</i> (p. 28)
V.	—	= Nom.	= Nom.
I.	<i>tumbóin</i> och (и) <i>tún</i>	<i>tumbóid</i> och (и) <i>túnd</i>	<i>tumbóida</i> och (и) <i>tundà</i>

	POSS1SG	POSS2SG	POSS3SG
NOM.SG	<i>tú-w°</i>	<i>tú-r°</i>	<i>tú-da</i>
GEN.SG	<i>tú-n°</i>	<i>tú-nt°</i>	<i>tú-nta</i>
DAT.SG	<i>tù-xán° (> tuən° [tu:n])</i>	<i>tù-xánt° (> tuənt° [tu:nd])</i>	<i>tú-x°ntà (> tu°nta [tú:ndə])</i>
ACC.SG	<i>tú-w°</i>	<i>tú-mt°</i>	<i>tú-mta</i>
INSTR.SG + LOC.SG	<i>tú-x°nàn° (> tu°nan° [tú:nən])</i>	<i>tú-x°nànt° (> tu°nant° [tú:nənd])</i>	<i>tú-x°nànta (> tu°nanta [tú:nənda])</i>
ABL.SG	<i>tú-x°dən°</i>	<i>tú-x°dənt°</i>	<i>tú-x°dənta</i>
PROL.SG	<i>tú-w°nàn°</i>	<i>tú-w°nànt°</i>	<i>tú-w°nanta</i>

[Л. 60б.]	<u>Dualis</u>		
	<1.>	<2.>	<3.>
N. A. V.	<i>túgjunj</i>	<i>túgjudj</i>	<i>túgjudi</i>
G.	—	<i>túgjutj</i>	<i>túgjuti</i>
D.	<i>túganj</i>	<i>túgatj</i>	<i>túgati</i>
I.	<i>túgmbojunj</i> och <и> <i>túgjunj</i>	<i>túgmbojutj</i> och <и> <i>túgjutj</i>	<i>túgmbojuti</i> och <и> <i>túgjuti</i>

	POSS1DU	POSS2DU	POSS3DU
NOM.DU	<i>tú-x°jùn'i²</i>	<i>tú-x°jùd'i²</i>	<i>tú-x°jùd'i²</i>
GEN.DU	<i>tú-x°jùn'i²</i>	<i>tú-x°jùt'i²</i>	<i>tú-x°jùt'i²</i>
DAT.DU	<i>tú-x°jùn'i²</i> + послелог <i>n'a²</i>	<i>tú-x°jùt'i²</i> + послелог <i>n'a²</i>	<i>tú-x°jùt'i²</i> + послелог <i>n'a²</i>
ACC.DU	<i>tú-x°jùn'i²</i>	<i>tú-x°jùd'i²</i>	<i>tú-x°jùd'i²</i>
INSTR.DU + LOC.DU	<i>tú-x°jùn'i²</i> + послелог <i>n'ána</i>	<i>tú-x°jùt'i²</i> + послелог <i>n'ána</i>	<i>tú-x°jùt'i²</i> + послелог <i>n'ána</i>
ABL.DU	<i>tú-x°jùn'i²</i> + послелог <i>n'ad°</i>	<i>tú-x°jùt'i²</i> + послелог <i>n'ad°</i>	<i>tú-x°jùt'i²</i> + послелог <i>n'ad°</i>
PROL.DU	<i>tú-x°jùn'i²</i> + послелог <i>n'amna</i>	<i>tú-x°jùt'i²</i> + послелог <i>n'amna</i>	<i>tú-x°jùt'i²</i> + послелог <i>n'amna</i>

[Л. 60б.]	<u>Pluralis</u>		
	<1.>	<2.>	<3.>
N.	<i>tunà</i> 'våra eldar' <'наши огни'>	<i>tudà</i> 'era eldar' <'ваши огни'>	<i>tudò</i> 'deras eldar' <'их огни'>
G.	<i>tuvéina</i>	<i>tuvéita</i>	<i>tuvéito</i>
D.	<i>túna</i>	<i>túta</i>	<i>túto</i>
A.	= Nom.	= Nom.	= Nom.
V.	— —	— —	— — (p. 29)
I.	<i>tuvéimboena</i> ⁸⁶	<i>tuvéimboeta</i>	<i>tuvéimboeto</i>

	POSS1PL	POSS2PL	POSS3PL
NOM.PL	<i>tú-na²</i>	<i>tú-da²</i>	<i>tú-do²</i>
GEN.PL	<i>tú-ʔna²</i>	<i>tú-ta²</i>	<i>tú-to²</i>
DAT.PL	<i>tú-x°ʔnà²</i> (> <i>tu°ʔna²</i> [tú:ʔne²])	<i>tú-x°tà²</i> (> <i>tu°ta²</i> [tú:te²])	<i>tú-x°tò²</i> (> <i>tu°to²</i> [tú:to²]/[tú:to²])
ACC.PL	<i>tú-na²</i>	<i>tú-da²</i>	<i>tú-do²</i>
INSTR.PL + LOC.PL	<i>tú-x°ʔnàna²</i> (> <i>tu°ʔnana²</i> [tú:ʔnəna²])	<i>tú-x°ʔnàta²</i> (> <i>tu°ʔnata²</i> [tú:ʔnetà²])	<i>tú-x°ʔnàto²</i> (> <i>tu°ʔnato²</i> [tú:ʔnetò²])
ABL.PL	<i>tú-x°təna²</i>	<i>tú-x°təta²</i>	<i>tú-x°təto²</i>
PROL.PL	<i>tú-ʔm°nàna²</i>	<i>tú-ʔm°nàta²</i>	<i>tú-ʔm°nàto²</i>

⁸⁶ Отметим, что в рукописи SamGr формы INSTR.PL.POSS1/2/3PL от этого слова образованы от формы GEN.PL (на -vei), а инструментальный показатель выглядит не как -mboi, а как -mboe.

4.2.8. Далее в рукописи SamGr приводится пример основы на *-ū* после палатализованного согласного, однако не отмечена долгота этого гласного.

Exempel på ju

⟨пример основы на *-u* после палатального или палатализованного согласного⟩

[8] Ср.: *nenju*⁸⁷ ‘дочь’ [Терещенко 1965: 301], *ne nju* ‘дочь’, ‘племянница, дочь младшего брата или сестры’, ‘внучка’ [Терещенко 1965: 290] < *ne* ‘женщина’ [Терещенко 1965: 290] + *nju* ‘дитя, ребенок’ [Терещенко 1965: 327];

nye nyú [Salminen 1998: 242, 368, 492, 495] < *nye* (N 1 ≡ ‘), *NYE* [Salminen 1998: 242] + *nyú* (N 1 ≡ ‘), *NYÚ* [Salminen 1998: 368].

[Л. 6об.]	⟨Sing.⟩	Plur.	Dual.
N.	<i>NéNju nienju</i> ‘dotter’ ⟨‘дочь’⟩	<i>nienjú</i> ‘döttrar’ ⟨‘дочери’⟩	<i>nienjug</i>
G.	—	<i>nienjuvéi</i>	<i>nienjugè</i>
D.	<i>nienjun</i>	<i>nienjuvež</i>	<i>nienjugà</i>
A.	<i>nienjum</i>	<i>nienju</i>	= Nom.
V.	<i>nienjív</i>	<i>nienjív</i>	— —
I.	<i>nienjumboin</i> och ⟨и⟩ <i>nienjú</i>	<i>nienjuvéemboi</i>	<i>nienjugamboi</i>
L.	<i>nienjuβj</i>	<i>nienjuβj</i>	<i>nienjugéβj</i>

	SG	PL	DU
NOM	<i>n'e n'ū</i>	<i>n'e n'ū-ʔ</i>	<i>n'e n'ū-x^{oʔ}</i>
GEN	<i>n'e n'ū-ʔ</i>	<i>n'e n'ū-ʔ</i>	<i>n'e n'ū-x^{oʔ}</i>
DAT	<i>n'e n'ū-n^{oʔ}</i>	<i>n'e n'ū-x^{oʔ}</i>	<i>n'e n'ū-x^{oʔ}</i> + послелог <i>n'a^ʔ</i>
ACC	<i>n'e n'ū-m</i>	<i>n'e n'ū</i>	<i>n'e n'ū-x^{oʔ}</i>
INSTR +	<i>n'e n'ū-x^{oʔ}nà</i>	<i>n'e n'ū-x^{oʔ}nà</i>	<i>n'e n'ū-x^{oʔ}</i> + послелог <i>n'ána</i>
LOC	(> <i>n'e n'ū^ona</i> [n'è n'ú:nɛ])	(> <i>n'e n'ū^ona</i> [n'è n'ú:ʔnɛ])	
ABL	<i>n'e n'ū-xá^o</i>	<i>n'e n'ū-xát^o</i>	<i>n'e n'ū-x^{oʔ}</i> + послелог <i>n'ad^o</i>
	(> <i>n'e n'ūá^o</i> [n'è n'ú:d])	(> <i>n'e n'ūát^o</i> [n'è n'ú:t])	
PROL	<i>n'e n'ū-w^onà</i>	<i>n'e n'ū-ʔm^onà</i>	<i>n'e n'ū-x^{oʔ}</i> + послелог <i>n'ámna</i>

лист 7

[Л. 7]	Med Suffixer ⟨С суффиксами⟩		
	[Singularis]		
	⟨1.⟩	⟨2.⟩	⟨3.⟩
N.	<i>nienjuv</i> ‘min d[otter]’ ⟨‘моя дочь’⟩	<i>nienjur</i> ‘din d[otter]’ ⟨‘твоя дочь’⟩	<i>nienjuda</i> ‘hans d[otter]’ ⟨‘его дочь’⟩
G.	<i>nienjun</i>	<i>nienjund</i>	<i>nienjundà</i>
D.	—	—	<i>niénjunda</i> (p. 30)
A.	= Nom.	<i>nienjumd</i>	<i>nienjumda</i>
V.	<i>nienjuvèi</i>	= Nom.	= Nom.
I.	<i>nienjumboin</i> och ⟨и⟩ <i>nienjun</i>	<i>nienjumboid</i> och ⟨и⟩ <i>nienjund</i>	<i>nienjumboida</i> och ⟨и⟩ <i>nienjundá</i>
	POSS1SG	POSS2SG	POSS3SG
NOM.SG	<i>n'e n'ū-w^o</i>	<i>n'e n'ū-r^o</i>	<i>n'e n'ū-da/n'e n'ū-d'a</i>
GEN.SG	<i>n'e n'ū-n^o</i>	<i>n'e n'ū-nt^o</i>	<i>n'e n'ū-nta</i>
DAT.SG	<i>n'e n'ū-xán^o</i>	<i>n'e n'ū-xánt^o</i>	<i>n'e n'ū-x^ontà</i>
	(> <i>n'e n'ūán^o</i> [n'è n'ú:n])	(> <i>n'e n'ūánt^o</i> [n'è n'ú:nd])	(> <i>n'e n'ū^onta</i> [n'è n'ú:ndɛ])
ACC.SG	<i>n'e n'ū-w^o</i>	<i>n'e n'ū-mt^o</i>	<i>n'e n'ū-mta</i>
INSTR.SG +	<i>n'e n'ū-x^onán^o</i>	<i>n'e n'ū-x^onánt^o</i>	<i>n'e n'ū-x^onánta</i>
LOC.SG	(> <i>n'e n'ū^onan^o</i> [n'è n'ú:nɛn])	(> <i>n'e n'ū^onánt^o</i> [n'è n'ú:nɛnd])	(> <i>n'e n'ū^onanta</i> [n'è n'ú:nɛndà])
ABL.SG	<i>n'e n'ū-x^odán^o</i>	<i>n'e n'ū-x^odánt^o</i>	<i>n'e n'ū-x^odánta</i>
PROL.SG	<i>n'e n'ū-w^onán^o</i>	<i>n'e n'ū-w^onánt^o</i>	<i>n'e n'ū-w^onánta</i>

⁸⁷ В словаре Н. М. Терещенко также не отмечена долгота гласного верхнего подъема заднего ряда в этом слове.

[л. 7]	<u>Dualis</u>		
	⟨1.⟩	⟨2.⟩	⟨3.⟩
N. A.	<i>nienjugjunj</i>	<i>nienjugjudj</i>	<i>nienjugjudi</i>
G.	—	<i>nienjugjutj</i>	<i>nienjugjuti</i>
D.	<i>nienjuganj</i>	<i>nienjugatj</i>	<i>nienjugati</i>
V.	<i>nienjugjunèi</i>	= Nom.	= Nomin.
I.	<i>nienjugambojunj</i> och ⟨и⟩ <i>nienjugjunj</i>	<i>nienjugambojutj</i> och ⟨и⟩ <i>nienjugjutj</i>	<i>nienjugambojuti</i> och ⟨и⟩ <i>nienjugjuti</i>

	POSS1DU	POSS2DU	POSS3DU
NOM.DU	<i>n'e n'ú-x°jùn'i?</i>	<i>n'e n'ú-x°jùd'i?</i>	<i>n'e n'ú-x°jùd'i?</i>
GEN.DU	<i>n'e n'ú-x°jùn'i?</i>	<i>n'e n'ú-x°jùt'i?</i>	<i>n'e n'ú-x°jùt'i?</i>
DAT.DU	<i>n'e n'ú-x°jùn'i?</i> + послелог <i>n'a?</i>	<i>n'e n'ú-x°jùt'i?</i> + послелог <i>n'a?</i>	<i>n'e n'ú-x°jùt'i?</i> + послелог <i>n'a?</i>
ACC.DU	<i>n'e n'ú-x°jùn'i?</i>	<i>n'e n'ú-x°jùd'i?</i>	<i>n'e n'ú-x°jùd'i?</i>
INSTR.DU +	<i>n'e n'ú-x°jùn'i?</i> +	<i>n'e n'ú-x°jùt'i?</i> +	<i>n'e n'ú-x°jùt'i?</i> +
LOC.DU	послелог <i>n'ána</i>	послелог <i>n'ána</i>	послелог <i>n'ána</i>
ABL.DU	<i>n'e n'ú-x°jùn'i?</i> + послелог <i>n'ad°</i>	<i>n'e n'ú-x°jùt'i?</i> + послелог <i>n'ad°</i>	<i>n'e n'ú-x°jùt'i?</i> + послелог <i>n'ad°</i>
PROL.DU	<i>n'e n'ú-x°jùn'i?</i> + послелог <i>n'amna</i>	<i>n'e n'ú-x°jùt'i?</i> + послелог <i>n'amna</i>	<i>n'e n'ú-x°jùt'i?</i> + послелог <i>n'amna</i>

[л. 7]	<u>Pluralis</u>		
	⟨1.⟩	⟨2.⟩	⟨3.⟩
N.	<i>nienjuna</i> ‘våra döttrar’ (‘наши дочери’)	<i>nienjuda</i> ‘era döttrar’ (‘ваши дочери’)	<i>nienjudo</i> ‘hans d[öttrar]’ (‘их дочери’)
G.	<i>nienjuveina</i>	<i>nienjuveita</i>	<i>nienjuveito</i>
D.	= Nom.	<i>nienjuta</i>	<i>nienjuto</i> (p. 31)
A.	—	= Nomin.	= Nomin.
V.	<i>nienjunéi</i>	—	—
I.	<i>nienjuvéimboena</i> ⁸⁸	<i>nienjuvéimboeta</i>	<i>nienjuvéimboeto</i>

	POSS1PL	POSS2PL	POSS3PL
NOM.PL	<i>n'e n'ú-na?</i>	<i>n'e n'ú-da?</i>	<i>n'e n'ú-do?</i>
GEN.PL	<i>n'e n'ú-?na?</i>	<i>n'e n'ú-ta?</i>	<i>n'e n'ú-to?</i>
DAT.PL	<i>n'e n'ú-x°?nà?</i> (> <i>n'e n'ú°?na?</i> [nìè n'ú: ?nə?])	<i>n'e n'ú-x°?tà?</i> (> <i>n'e n'ú°?ta?</i> [nìè n'ú: tə?])	<i>n'e n'ú-x°?tò?</i> (> <i>n'e n'ú°?to?</i> [nìè n'ú: to?]/[nìè n'ú: tɔ?])
ACC.PL	<i>n'e n'ú-na?</i>	<i>n'e n'ú-da?</i>	<i>n'e n'ú-do?</i>
INSTR.PL +	<i>n'e n'ú-x°?nàna?</i>	<i>n'e n'ú-x°?nàta?</i>	<i>n'e n'ú-x°?nàto?</i>
LOC.PL	(> <i>n'e n'ú°?nana?</i> [nìè n'ú: ?nənà?])	(> <i>n'e n'ú°?nata?</i> [nìè n'ú: ?nətà?])	(> <i>n'e n'ú°?nato?</i> [nìè n'ú: ?nətò?])
ABL.PL	<i>n'e n'ú-x°?tànna?</i>	<i>n'e n'ú-x°?tàta?</i>	<i>n'e n'ú-x°?tàto?</i>
PROL.PL	<i>n'e n'ú-?m°nàna?</i>	<i>n'e n'ú-?m°nàta?</i>	<i>n'e n'ú-?m°nàto?</i>

4.2.9. Далее в рукописи SamGr приводится пример основы на -°, этот тип основы обозначен там как основа на -ъ.

Exempel på ь

[9] Ср.: *ерв* ‘хозяин’, ‘начальник, командир’, (уст.) ‘чиновник’, (миф.) ‘дух-хозяин водоема, урочища и т. п., «хозяин»’ [Терещенко 1965: 103—104];

yerw° (N $\emptyset \rightarrow o$, N $\emptyset \rightarrow o$), $\ddot{Y}ERW\emptyset$ ($\ddot{Y}ERW\emptyset$) [Salminen 1998: 150, 540].

⁸⁸ Отметим, что в рукописи SamGr формы INSTR.PL.POSS1/2/3PL от этого слова образованы от формы GEN.PL (на -vei), а инструментальный показатель выглядит не как -mboi, а как -mboe.

[л. 7]	Sing.	Plur.	Dual.
N.	<i>ервь</i> 'herre' <'господин'>	<i>ервьь</i>	<i>ервагь</i>
G.	—	<i>ерво́вей</i>	<i>ервагè</i>
D.	<i>ерванъ</i>	<i>ерва̀</i>	<i>ервагà</i>
A.	<i>ервмъ</i>	<i>ервò</i>	= Nom.
V.	<i>ервèи</i>	<i>ервèи</i>	— —
I.	<i>ервмбои och (и) е́рвь</i>	<i>ервò</i>	<i>ерва́гамбои</i>
L.	<i>ервгась</i>	<i>ервгась</i>	<i>ервагèсь</i>

	SG	PL	DU
NOM	<i>jérw^o</i>	<i>jérw^o-ʔ</i>	<i>jérwə-x^{oʔ}</i>
GEN	<i>jérw^o-ʔ</i>	<i>jérwo-ʔ</i>	<i>jérwə-x^{oʔ}</i>
DAT	<i>jérwə-n^{oʔ}</i>	<i>jérwə-x^{oʔ}</i>	<i>jérwə-x^{oʔ}</i> + послелог <i>n'aʔ</i>
ACC	<i>jérw^o-m</i>	<i>jérwo</i>	<i>jérwə-x^{oʔ}</i>
INSTR + LOC	<i>jérw^o-xàna</i>	<i>jérw^o-xàʔna</i>	<i>jérwə-x^{oʔ}</i> + послелог <i>n'ána</i>
ABL	<i>jèrw^o-xád^o</i>	<i>jèrw^o-xát^o</i>	<i>jérwə-x^{oʔ}</i> + послелог <i>n'ad^o</i>
PROL	<i>jèrwú-w^ona</i> [jèrúwne]/[jèrúwne]	<i>jérwo-ʔmàna</i>	<i>jérwə-x^{oʔ}</i> + послелог <i>n'ámna</i>

[л. 7, л. 7об.]	<u>Med Suffixer</u> (С суффиксами)		
	<1.>	<2.>	<3.>
N.	<i>ерв́вь</i> 'min Gerre' <'мой господин'>	<i>эрварь</i> 'din Gerre' <'твой господин'>	<i>эрвода</i> 'hans Gerre' <'мой господин'> (p. 32)
G.	<i>эрваNъ</i>	<i>эрвандъ</i>	<i>эрваNда</i>
D.	<i>эрвгаN</i>	<i>эрвгаNдъ</i>	<i>эрвгаNда</i>
A.	= Nom.	<i>эрвамдъ</i>	<i>эрвамда</i>
лист 7 об.			
V.	<i>ервавèи</i>	<i>эрварь</i>	<i>эрвода</i>
I.	<i>эрвмбои́нъ</i> och (и) <i>эрванъ</i>	<i>эрвмбои́дъ</i> och (и) <i>эрвандъ</i>	<i>эрвмбои́да</i> och (и) <i>эрванда</i>

	POSS1SG	POSS2SG	POSS3SG
NOM.SG	<i>jèrwú-w^o</i> [jèrúw]	<i>jérwə-r^o</i>	<i>jérw^o-dà</i>
GEN.SG	<i>jérwə-n^o</i>	<i>jérwə-ní^o</i>	<i>jérw^o-ntà</i>
DAT.SG	<i>jérw^o-xà^o</i>	<i>jérw^o-xànt^o</i>	<i>jérw^o-xànta</i>
ACC.SG	<i>jèrwú-w^o</i> [jèrúw]	<i>jérwə-mí^o</i>	<i>jérw^o-mìà</i>
INSTR.SG + LOC.SG	<i>jérw^o-xə̀nà^o</i>	<i>jérw^o-xə̀nànt^o</i>	<i>jérw^o-xə̀nantà</i>
ABL.SG	<i>jérw^o-xədà^o</i>	<i>jérw^o-xədànt^o</i>	<i>jérw^o-xəd^ontà</i>
PROL.SG	<i>jèrwú-w^onà^o</i>	<i>jèrwú-w^onànt^o</i>	<i>jèrwú-w^onanta</i>

[л. 7об.]	<u>Dualis</u>		
	<1.>	<2.>	<3.>
N. A.	<i>эрвагаюNъ</i>	<i>эрвагаюдъ</i>	<i>эрвагаюди</i>
G.	—	<i>эрвагають</i>	<i>эрвагаюти</i>
D.	<i>эрвагагаNъ</i>	<i>эрвагагать</i>	<i>эрвагагати</i>
V.	<i>эрвагаюNèи</i>	= Nom.	= Nom.
I.	<i>эрвагагамбоюNъ</i> och (и) <i>эрвагаюNъ</i>	<i>эрвагагамбоють</i> och (и) <i>эрвагають</i>	<i>эрвагагамбоюти</i> och (и) <i>эрвагаюти</i>

	POSS1DU	POSS2DU	POSS3DU
NOM.DU	<i>jérw^o-xàjun'ì?</i>	<i>jérw^o-xàjud'ì?</i>	<i>jérw^o-xàjud'ì?</i>
GEN.DU	<i>jérw^o-xàjun'ì?</i>	<i>jérw^o-xàjut'ì?</i>	<i>jérw^o-xàjut'ì?</i>
DAT.DU	<i>jérw^o-xàjun'ì?</i> + послелог <i>n'a?</i>	<i>jérw^o-xàjut'ì?</i> + послелог <i>n'a?</i>	<i>jérw^o-xàjut'ì?</i> + послелог <i>n'a?</i>
ACC.DU	<i>jérw^o-xàjun'ì?</i>	<i>jérw^o-xàjud'ì?</i>	<i>jérw^o-xàjud'ì?</i>
INSTR.DU + LOC.DU	<i>jérw^o-xàjun'ì?</i> + послелог <i>n'ána</i>	<i>jérw^o-xàjut'ì?</i> + послелог <i>n'ána</i>	<i>jérw^o-xàjut'ì?</i> + послелог <i>n'ána</i>
ABL.DU	<i>jérw^o-xàjun'ì?</i> + послелог <i>n'ad^o</i>	<i>jérw^o-xàjut'ì?</i> + послелог <i>n'ad^o</i>	<i>jérw^o-xàjut'ì?</i> + послелог <i>n'ad^o</i>
PROL.DU	<i>jérw^o-xàjun'ì?</i> + послелог <i>n'amna</i>	<i>jérw^o-xàjut'ì?</i> + послелог <i>n'amna</i>	<i>jérw^o-xàjut'ì?</i> + послелог <i>n'amna</i>

[л. 7об.]	Plural		
	<1.>	<2.>	<3.>
N.	<i>érvona</i> ‘våra gerrar’ <‘наши господа’>	<i>érvoda</i> ‘era g[errar]’ <‘ваши господа’>	<i>érvodo</i> ‘deras gerrar’ <‘их господа’> (p. 33)
G.	<i>ervovéina</i>	<i>ervovéima</i>	<i>ervovéimo</i>
D.	<i>érvgaNa</i>	<i>érvgata</i>	<i>érvgato</i>
A.	<i>ervona</i>	<i>ervota</i>	<i>ervoto</i>
V.	<i>ervonóvvъ</i>	= Nom.	= Nom.
I.	<i>ervoná</i>	<i>ervotá</i>	<i>ervotó</i>

	POSS1PL	POSS2PL	POSS3PL
NOM.PL	<i>jérwo-nà?</i>	<i>jérwo-dà?</i>	<i>jérwo-dò?</i>
GEN.PL	<i>jérwo-?nà?</i>	<i>jérwo-tà?</i>	<i>jérwo-tò?</i>
DAT.PL	<i>jérw^o-xà?na?</i>	<i>jérw^o-xàta?</i>	<i>jérw^o-xàto?</i>
ACC.PL	<i>jérwo-nà?</i>	<i>jérwo-dà?</i>	<i>jérwo-dò?</i>
INSTR.PL + LOC.PL	<i>jérw^o-xà?nanà?</i>	<i>jérw^o-xà?natà?</i>	<i>jérw^o-xà?natò?</i>
ABL.PL	<i>jérw^o-xàt^onà?</i>	<i>jérw^o-xàt^otà?</i>	<i>jérw^o-xàt^otò?</i>
PROL.PL	<i>jérwo-?mànanà?</i>	<i>jérwo-?mànatà?</i>	<i>jérwo-?mànatò?</i>

Далее в рукописи следует текст на шведском про “Vocat. sing.” <VOC.SG> с примерами на ненецком языке: *тогólкода* NOM.SG — *тоголкодóвъ* ‘lårare’ / ‘lårare’ / ‘учитель’ VOC.SG, *тюлице* NOM.SG — *тюлицè* ‘куликъ’ VOC.SG, *мариæ* NOM.SG — *мариæвъ* ‘Мария’ VOC.SG, *весакò* NOM.SG — *весакóвъ* ‘старикъ’ VOC.SG.

4.2.10. Далее в рукописи SamGr приводится парадигма склонения словосочетания, толкуемого как сложное слово: *æнсоéгалава* ‘мое п. [поле]’.

[10] Видимо, здесь идет речь о словосочетании *я*’ (родительный падеж от *я* ‘земля, суша, материк; берег (воды); земля, почва; земля, рыхлое вещество; место, местность, территория; земля, территория, находящаяся в чьем-л. владении; страна; доля, часть’ [Терещенко 1965: 819—820]) + имя существительное *соянжáлва* (от глагола *соянжá(сь)* мн. ‘рождаться, нарождаться; зарастать травой (постоянно)’ [Терещенко 1965: 568]), и в таком случае можно говорить о деназализации *ɲg > g*, представленной в этой позиции в рукописи.

Ср. также: *соябтамбалава я* ‘поле’ [Пырерка, Терещенко 1948: 205] (*соябтамбá(сь)* длит. ‘родить, рождать, рожать’ [Терещенко 1965: 568]);

yah (родительный падеж от *ya* (N 1 *a→o*), ЫА [Salminen 1998: 235, 536]) + *soyangkál^owa* (*soyankál^owa*) (N *a→yi*) — имя существительное от глагола *soyangkø-* (*soyankø-*) (Vi *c ø*, Vi *c ə*) [Salminen 1998: 73, 510].

Как отмечает И. А. Николаева, с помощью суффикса *-ləwa* от глагола может быть образовано имя существительное со значением ‘место, где обычно происходит действие (обозначаемое данным глаголом)’: “a location where the action denoted by the base verb typically/habitually takes place” [Nikolaeva 2014: 31].

[Л. 7об.]	<1.>	<2.>	<3.>
N.	<i>æнсо́эґалава</i> 'мое п. [поле]'	<i>æндсо́эґалава</i> 'твое п. [поле]'	<i>æндасо́эґалава</i> 'его поле'
G.	—	—	—
D.	<i>æнсо́эґалаваНъ</i>	<i>æндсо́эґалаваНъ</i>	<i>æндасо́эґалаваНъ</i>
A.	—мъ	—мъ	—мъ
V.	= Nom.	= Nom.	= Nom.
I.	<i>æнсо́эґалавамбои</i>	<i>æндсо́эґалавамбои</i>	<i>æндасо́эґалавамбои</i> (р. 35)

NOM.SG	<i>já-n°</i> (GEN.SG.POSS1SG) + <i>sójaŋkàl°wà</i> (NOM.SG)	<i>já-nt°</i> (GEN.SG.POSS2SG) + <i>sójaŋkàl°wà</i> (NOM.SG)	<i>já-nta</i> (GEN.SG.POSS3SG) + <i>sójaŋkàl°wà</i> (NOM.SG)
GEN.SG	<i>já-n°</i> (GEN.SG.POSS1SG) + <i>sójaŋkàl°wà-²</i> (GEN.SG)	<i>já-nt°</i> (GEN.SG.POSS2SG) + <i>sójaŋkàl°wà-²</i> (GEN.SG)	<i>já-nta</i> (GEN.SG.POSS3SG) + <i>sójaŋkàl°wà-²</i> (GEN.SG)
DAT.SG	<i>já-n°</i> (GEN.SG.POSS1SG) + <i>sòjaŋkàl°wá-n°²</i> (DAT.SG)	<i>já-nt°</i> (GEN.SG.POSS2SG) + <i>sòjaŋkàl°wá-n°²</i> (DAT.SG)	<i>já-nta</i> (GEN.SG.POSS3SG) + <i>sòjaŋkàl°wá-n°²</i> (DAT.SG)
ACC.SG	<i>já-n°</i> (GEN.SG.POSS1SG) + <i>sójaŋkàl°wá-m</i> (ACC.SG)	<i>já-nt°</i> (GEN.SG.POSS2SG) + <i>sójaŋkàl°wá-m</i> (ACC.SG)	<i>já-nta</i> (GEN.SG.POSS3SG) + <i>sójaŋkàl°wá-m</i> (ACC.SG)
INSTR.SG + LOC.SG	<i>já-n°</i> (GEN.SG.POSS1SG) + <i>sójaŋkàl°wá-x°ná</i> (> <i>sojaŋkàl°wá-na</i>) (INSTR/LOC.SG)	<i>já-nt°</i> (GEN.SG.POSS2SG) + <i>sójaŋkàl°wá-x°ná</i> (> <i>sojaŋkàl°wá-na</i>) (INSTR/LOC.SG)	<i>já-nta</i> (GEN.SG.POSS3SG) + <i>sójaŋkàl°wá-x°ná</i> (> <i>sojaŋkàl°wá-na</i>) (INSTR/LOC.SG)
ABL.SG	<i>já-n°</i> (GEN.SG.POSS1SG) + <i>sójaŋkàl°wá-xàd°</i> (> <i>sojaŋkàl°wá-d°</i>) (ABL.SG)	<i>já-nt°</i> (GEN.SG.POSS2SG) + <i>sójaŋkàl°wá-xàd°</i> (> <i>sojaŋkàl°wá-d°</i>) (ABL.SG)	<i>já-nta</i> (GEN.SG.POSS3SG) + <i>sójaŋkàl°wá-xàd°</i> (> <i>sojaŋkàl°wá-d°</i>) (ABL.SG)
PROL.SG	<i>já-n°</i> (GEN.SG.POSS1SG) + <i>sòjaŋkàl°wá-w°na</i> (PROL.SG)	<i>já-nt°</i> (GEN.SG.POSS2SG) + <i>sòjaŋkàl°wá-w°na</i> (PROL.SG)	<i>já-nta</i> (GEN.SG.POSS3SG) + <i>sòjaŋkàl°wá-w°na</i> (PROL.SG)

[Л. 7об.]	Dualis		
	<1.>	<2.>	<3.>
N. A. V.	<i>æсо́эґалавагъюнь</i>	<i>æсо́эґалавагъюдь</i>	<i>æсо́эґалавагъюдѝ</i>
G.	—	<i>æсо́эґалавагъютъ</i>	<i>æсо́эґалавагъютѝ</i>
D.	<i>æсо́эґалавагъюкаНъ</i>	<i>æсо́эґалавагъюкатъ</i>	<i>æсо́эґалавагъюкатѝ</i>
I.	<i>æсо́эґалавагмбоюНъ</i>	<i>æсо́эґалавагмбоютъ</i>	<i>æсо́эґалавагмбоютѝ</i>

	POSS1DU	POSS2DU	POSS3DU
NOM.DU	<i>ja-²</i> (GEN.SG) + <i>sójaŋkàl°wá-x°jùn'i²</i> (NOM.DU.POSS1DU)	<i>ja-²</i> (GEN.SG) + <i>sójaŋkàl°wá-x°jùd'i²</i> (NOM.DU.POSS2DU)	<i>ja-²</i> (GEN.SG) + <i>sójaŋkàl°wá-x°jùt'i²</i> (NOM.DU.POSS3DU)
GEN.DU	<i>ja-²</i> (GEN.SG) + <i>sójaŋkàl°wá-x°jùn'i²</i> (GEN.DU.POSS1DU)	<i>ja-²</i> (GEN.SG) + <i>sójaŋkàl°wá-x°jùt'i²</i> (GEN.DU.POSS2DU)	<i>ja-²</i> (GEN.SG) + <i>sójaŋkàl°wá-x°jùt'i²</i> (GEN.DU.POSS3DU)
DAT.DU	<i>ja-²</i> (GEN.SG) + <i>sójaŋkàl°wá-x°jùn'i²</i> (GEN.DU.POSS1DU) + послелог <i>n'a²</i>	<i>ja-²</i> (GEN.SG) + <i>sójaŋkàl°wá-x°jùt'i²</i> (GEN.DU.POSS2DU) + послелог <i>n'a²</i>	<i>ja-²</i> (GEN.SG) + <i>sójaŋkàl°wá-x°jùt'i²</i> (GEN.DU.POSS3DU) + послелог <i>n'a²</i>
ACC.DU	<i>ja-²</i> (GEN.SG) + <i>sójaŋkàl°wá-x°jùn'i²</i> (ACC.DU.POSS1DU)	<i>ja-²</i> (GEN.SG) + <i>sójaŋkàl°wá-x°jùd'i²</i> (ACC.DU.POSS2DU)	<i>ja-²</i> (GEN.SG) + <i>sójaŋkàl°wá-x°jùd'i²</i> (ACC.DU.POSS3DU)
INSTR.DU + LOC.DU	<i>ja-²</i> (GEN.SG) + <i>sójaŋkàl°wá-x°jùn'i²</i> (GEN.DU.POSS1DU) + послелог <i>n'ána</i>	<i>ja-²</i> (GEN.SG) + <i>sójaŋkàl°wá-x°jùt'i²</i> (GEN.DU.POSS2DU) + послелог <i>n'ána</i>	<i>ja-²</i> (GEN.SG) + <i>sójaŋkàl°wá-x°jùt'i²</i> (GEN.DU.POSS3DU) + послелог <i>n'ána</i>

ABL.DU	<i>ja</i> ⁻² (GEN.SG) + <i>sójaŋkàl^owà-x^ojùnⁱ?</i> (GEN.DU.POSS1DU) + послелог <i>n'ad^o</i>	<i>ja</i> ⁻² (GEN.SG) + <i>sójaŋkàl^owà-x^ojùtⁱ?</i> (GEN.DU.POSS2DU) + послелог <i>n'ad^o</i>	<i>ja</i> ⁻² (GEN.SG) + <i>sójaŋkàl^owà-x^ojùtⁱ?</i> (GEN.DU.POSS3DU) + послелог <i>n'ad^o</i>
PROL.DU	<i>ja</i> ⁻² (GEN.SG) + <i>sójaŋkàl^owà-x^ojùnⁱ?</i> (GEN.DU.POSS1DU) + послелог <i>n'ámna</i>	<i>ja</i> ⁻² (GEN.SG) + <i>sójaŋkàl^owà-x^ojùtⁱ?</i> (GEN.DU.POSS2DU) + послелог <i>n'ámna</i>	<i>ja</i> ⁻² (GEN.SG) + <i>sójaŋkàl^owà-x^ojùtⁱ?</i> (GEN.DU.POSS3DU) + послелог <i>n'ámna</i>

лист 8

[л. 8]	Pluralis		
	<1.>	<2.>	<3.>
N.	<i>æsoéɣalaviNa</i> 'наши поля'	<i>æsoéɣalaviða</i> 'ваши поля'	<i>æsoéɣalaviðo</i>
G.	<i>æsoéɣalavéiNa</i>	<i>æsoéɣalavéima</i>	<i>æsoéɣalavéito</i>
D.	<i>æsoéɣalavaNa</i>	<i>æsoéɣalavata</i>	<i>æsoéɣalavato</i>
A.	= Nom.	= Nom.	= Nom.
V.	— —	— —	— —
I.	<i>æsoéɣalaviNá</i>	<i>æsoéɣalavimá</i>	<i>æsoéɣalavimó</i>
	POSS1PL	POSS2PL	POSS3PL
NOM.PL	<i>ja</i> ⁻² (GEN.SG) + <i>sójaŋkàl^obⁱ-na?</i> (NOM.PL.POSS1PL)	<i>ja</i> ⁻² (GEN.SG) + <i>sójaŋkàl^obⁱ-da?</i> (NOM.PL.POSS2PL)	<i>ja</i> ⁻² (GEN.SG) + <i>sójaŋkàl^obⁱ-do?</i> (NOM.PL.POSS3PL)
GEN.PL	<i>ja</i> ⁻² (GEN.SG) + <i>sójaŋkàl^obⁱ-?na?</i> (GEN.PL.POSS1PL)	<i>ja</i> ⁻² (GEN.SG) + <i>sójaŋkàl^obⁱ-ta?</i> (GEN.PL.POSS2PL)	<i>ja</i> ⁻² (GEN.SG) + <i>sójaŋkàl^obⁱ-to?</i> (GEN.PL.POSS3PL)
DAT.PL	<i>ja</i> ⁻² (GEN.SG) + <i>sójaŋkàl^owà-x^o?na?</i> (<i>> sójaŋkàl^owa^o?na?</i>) (DAT.PL.POSS1PL)	<i>ja</i> ⁻² (GEN.SG) + <i>sójaŋkàl^owà-x^o?ta?</i> (<i>> sójaŋkàl^owa^o?ta?</i>) (DAT.PL.POSS2PL)	<i>ja</i> ⁻² (GEN.SG) + <i>sójaŋkàl^owà-x^o?to?</i> (<i>> sójaŋkàl^owa^o?to?</i>) (DAT.PL.POSS3PL)
ACC.PL	<i>ja</i> ⁻² (GEN.SG) + <i>sójaŋkàl^obⁱ-na?</i> (ACC.PL.POSS1PL)	<i>ja</i> ⁻² (GEN.SG) + <i>sójaŋkàl^obⁱ-da?</i> (ACC.PL.POSS2PL)	<i>ja</i> ⁻² (GEN.SG) + <i>sójaŋkàl^obⁱ-do?</i> (ACC.PL.POSS3PL)
INSTR.PL + LOC.PL	<i>ja</i> ⁻² (GEN.SG) + <i>sójaŋkàl^owà-x^o?nana?</i> (<i>> sójaŋkàl^owa^o?nana?</i>) (INSTR/LOC.PL.POSS1PL)	<i>ja</i> ⁻² (GEN.SG) + <i>sójaŋkàl^owà-x^o?nata?</i> (<i>> sójaŋkàl^owa^o?nata?</i>) (INSTR/LOC.PL.POSS2PL)	<i>ja</i> ⁻² (GEN.SG) + <i>sójaŋkàl^owà-x^o?nato?</i> (<i>> sójaŋkàl^owa^o?nato?</i>) (INSTR/LOC.PL.POSS3PL)
ABL.PL	<i>ja</i> ⁻² (GEN.SG) + <i>sójaŋkàl^owà-x^o?tana?</i> (ABL.PL.POSS1PL)	<i>ja</i> ⁻² (GEN.SG) + <i>sójaŋkàl^owà-x^o?tata?</i> (ABL.PL.POSS2PL)	<i>ja</i> ⁻² (GEN.SG) + <i>sójaŋkàl^owà-x^o?tato?</i> (ABL.PL.POSS3PL)
PROL.PL	<i>ja</i> ⁻² (GEN.SG) + <i>sójaŋkàl^obⁱ-?m^onana?</i> (PROL.PL.POSS1PL)	<i>ja</i> ⁻² (GEN.SG) + <i>sójaŋkàl^obⁱ-?m^onata?</i> (PROL.PL.POSS2PL)	<i>ja</i> ⁻² (GEN.SG) + <i>sójaŋkàl^obⁱ-?m^onato?</i> (PROL.PL.POSS3PL)

4.2.11. Далее в рукописи SamGr приводится парадигма склонения следующего словосочетания, толкуемого как сложное слово:

Пр. *iæðarma* 'помышление' Singul.

[11] Ср.: *u' yæðarma* 'раздумье' [Терещенко 1965: 130] < *u*⁸⁹ 'ум, разум' [Терещенко 1965: 130] + *yæðarma* 'хождение', 'прогулка' [Терещенко 1965: 830];

yí (N +w+ye'), *Ýí* [Salminen 1998: 275] + *yaderma* (N *a*→*yí*) — отглагольное имя существительное от глагола *yader-* [Salminen 1998: 537].

⁸⁹ В словаре Н. М. Терещенко не отмечена долгота гласного верхнего подъема переднего ряда в этом слове.

[л. 8]			
N.	<i>iNъѣдарма</i> 'мое пом.' <'мое помышление'>	<i>iNдъѣдарма</i> 'твое пом.' <'твое помышление'>	<i>iNдеѣдарма</i> 'его пом.' <'его помышление'> (p. 36)
G.	—	—	—
D.	<i>iNъѣдармаNъ</i>	<i>iNдъѣдармаNъ</i>	<i>iNдеѣдармаNъ</i>
A.	<i>iNъѣдармамъ</i>	<i>iNдъѣдармамъ</i>	<i>iNдеѣдармамъ</i>
V.	= Nom.	= Nom.	= Nom.
I.	<i>iNъѣдармамбоi</i>	<i>iNдъѣдармамбоi</i>	<i>iNдеѣдармамбоi</i>
NOM.SG	<i>jĭ-n°</i> (GEN.SG.POSS1SG) + <i>jádermà</i> (NOM.SG)	<i>jĭ-nt°</i> (GEN.SG.POSS2SG) + <i>jádermà</i> (NOM.SG)	<i>jĭ-nta</i> (GEN.SG.POSS3SG) + <i>jádermà</i> (NOM.SG)
GEN.SG	<i>jĭ-n°</i> (GEN.SG.POSS1SG) + <i>jádermà-ʔ</i> (GEN.SG)	<i>jĭ-nt°</i> (GEN.SG.POSS2SG) + <i>jádermà-ʔ</i> (GEN.SG)	<i>jĭ-nta</i> (GEN.SG.POSS3SG) + <i>jádermà-ʔ</i> (GEN.SG)
DAT.SG	<i>jĭ-n°</i> (GEN.SG.POSS1SG) + <i>jàdermá-n°ʔ</i> (DAT.SG)	<i>jĭ-nt°</i> (GEN.SG.POSS2SG) + <i>jàdermá-n°ʔ</i> (DAT.SG)	<i>jĭ-nta</i> (GEN.SG.POSS3SG) + <i>jàdermá-n°ʔ</i> (DAT.SG)
ACC.SG	<i>jĭ-n°</i> (GEN.SG.POSS1SG) + <i>jádermà-m</i> (ACC.SG)	<i>jĭ-nt°</i> (GEN.SG.POSS2SG) + <i>jádermà-m</i> (ACC.SG)	<i>jĭ-nta</i> (GEN.SG.POSS3SG) + <i>jádermà-m</i> (ACC.SG)
INSTR.SG + LOC.SG	<i>jĭ-n°</i> (GEN.SG.POSS1SG) + <i>jádermà-x°nà</i> (> <i>jaderma°na</i>) (INSTR/LOC.SG)	<i>jĭ-nt°</i> (GEN.SG.POSS2SG) + <i>jádermà-x°nà</i> (> <i>jaderma°na</i>) (INSTR/LOC.SG)	<i>jĭ-nta</i> (GEN.SG.POSS3SG) + <i>jádermà-x°nà</i> (> <i>jaderma°na</i>) (INSTR/LOC.SG)
ABL.SG	<i>jĭ-n°</i> (GEN.SG.POSS1SG) + <i>jáderma-xàd°</i> (> <i>jadermaəd°</i>) (ABL.SG)	<i>jĭ-nt°</i> (GEN.SG.POSS2SG) + <i>jáderma-xàd°</i> (> <i>jadermaəd°</i>) (ABL.SG)	<i>jĭ-nta</i> (GEN.SG.POSS3SG) + <i>jáderma-xàd°</i> (> <i>jadermaəd°</i>) (ABL.SG)
PROL.SG	<i>jĭ-n°</i> (GEN.SG.POSS1SG) + <i>jàdermá-w°na</i> (PROL.SG)	<i>jĭ-nt°</i> (GEN.SG.POSS2SG) + <i>jàdermá-w°na</i> (PROL.SG)	<i>jĭ-nta</i> (GEN.SG.POSS3SG) + <i>jàdermá-w°na</i> (PROL.SG)

Обратим внимание на то, что в этой парадигме не хватает обычно приводимых форм посессивного склонения с указанием на двойственное число обладателя.

[л. 8]			
Plural			
N.	<i>iſiNaѣдармá</i> 'наши пом-ія' <'наши помышления'>	<i>iſiſtaѣдармá</i> 'ваши пом-ія' <'ваши помышления'>	<i>iſiſtoѣдармá</i>
G.	— <i>eíi</i>	— <i>eíi</i>	— <i>eíi</i>
D.	<i>iſiNaѣдармá</i>	<i>iſiſtaѣдармá</i>	<i>iſiſtoѣдармá</i>
A.	<i>iſiNaѣдармí</i>	<i>iſiſtaѣдармí</i>	<i>iſiſtoѣдармí</i>
V.	= Nom.	= Nomin.	= Nomin.
I.	<i>iſiNaѣдармí</i>	<i>iſiſtaѣдармí</i>	<i>iſiſtoѣдармí</i> (p. 37)
NOM.PL	<i>jĭb'e-ʔnàʔ</i> (GEN.PL.POSS1PL) + <i>jádermà-ʔ</i> (NOM.PL)	<i>jĭb'e-tàʔ</i> (GEN.PL.POSS2PL) + <i>jádermà-ʔ</i> (NOM.PL)	<i>jĭb'e-tòʔ</i> (GEN.PL.POSS3PL) + <i>jádermà-ʔ</i> (NOM.PL)
GEN.PL	<i>jĭb'e-ʔnàʔ</i> (GEN.PL.POSS1PL) + <i>jáderm'i-ʔ</i> (GEN.PL)	<i>jĭb'e-tàʔ</i> (GEN.PL.POSS2PL) + <i>jáderm'i-ʔ</i> (GEN.PL)	<i>jĭb'e-tòʔ</i> (GEN.PL.POSS3PL) + <i>jáderm'i-ʔ</i> (GEN.PL)
DAT.PL	<i>jĭb'e-ʔnàʔ</i> (GEN.PL.POSS1PL) + <i>jádermà-x°ʔ</i> (DAT.PL)	<i>jĭb'e-tàʔ</i> (GEN.PL.POSS2PL) + <i>jádermà-x°ʔ</i> (DAT.PL)	<i>jĭb'e-tòʔ</i> (GEN.PL.POSS3PL) + <i>jádermà-x°ʔ</i> (DAT.PL)
ACC.PL	<i>jĭb'e-ʔnàʔ</i> (GEN.PL.POSS1PL) + <i>jáderm'i</i> (ACC.PL)	<i>jĭb'e-tàʔ</i> (GEN.PL.POSS2PL) + <i>jáderm'i</i> (ACC.PL)	<i>jĭb'e-tòʔ</i> (GEN.PL.POSS3PL) + <i>jáderm'i</i> (ACC.PL)
INSTR.PL + LOC.PL	<i>jĭb'e-ʔnàʔ</i> (GEN.PL.POSS1PL) + <i>jádermà-x°ʔnà</i> (> <i>jaderma°ʔna</i>) (INSTR/LOC.PL)	<i>jĭb'e-tàʔ</i> (GEN.PL.POSS2PL) + <i>jádermà-x°ʔnà</i> (> <i>jaderma°ʔna</i>) (INSTR/LOC.PL)	<i>jĭb'e-tòʔ</i> (GEN.PL.POSS3PL) + <i>jádermà-x°ʔnà</i> (> <i>jaderma°ʔna</i>) (INSTR/LOC.PL)

ABL.PL	<i>jīb'e-ḡnà?</i> (GEN.PL.POSS1PL) + <i>jáderma-xàt°</i> (> <i>jadermaæt°</i>) (ABL.PL)	<i>jīb'e-tà?</i> (GEN.PL.POSS2PL) + <i>jáderma-xàt°</i> (> <i>jadermaæt°</i>) (ABL.PL)	<i>jīb'e-tò?</i> (GEN.PL.POSS3PL) + <i>jáderma-xàt°</i> (> <i>jadermaæt°</i>) (ABL.PL)
PROL.PL	<i>jīb'e-ḡnà?</i> (GEN.PL.POSS1PL) + <i>jáderm'i-ḡm°nà</i> (PROL.PL)	<i>jīb'e-tà?</i> (GEN.PL.POSS2PL) + <i>jáderm'i-ḡm°nà</i> (PROL.PL)	<i>jīb'e-tò?</i> (GEN.PL.POSS3PL) + <i>jáderm'i-ḡm°nà</i> (PROL.PL)

4.2.12. Далее в рукописи SamGr приводится парадигма склонения следующего словосочетания, толкуемого как сложное слово:

хартаì 'воля'.

[12] Ср.: *хър* "н 'я сам, я сама' [Терещенко 1965: 754], *хърта* 'ты сам, ты сама' [Терещенко 1965: 751], *хърта* 'он сам, она сама, оно само' [Терещенко 1965: 751]; *хар* "ни 'мы (двое) сами' [Терещенко 1965: 755], *хърти*: *пыдари* 'харти' 'вы (двое) сами', *пыди* 'хърти' 'они (двое) сами' [Терещенко 1965: 752]; *хар* "на" 'мы (многие) сами' [Терещенко 1965: 755], *хърта* " 'вы (многие) сами' [Терещенко 1965: 752], *хърто* 'они (многие) сами' [Терещенко 1965: 752];

+ *и* 'ум, разум' [Терещенко 1965: 130];

xørøq- (~ *xøryiq-*) (*xəraq-* (~ *xəryiq-*)) 'self' (referential adverb, Ref C), XØRØ⁴Q (XƏRƏ⁴Q): *xørøqn°* ~ *xør°qnyih* (*xəraqn°* ~ *xər°qnyih*) 1SG, *xørət°* (*xərat°*) 2SG, *xør°ta* (*xər°ta*) 3SG; *xør°qnyih* (*xər°qnyih*) 1DU, *xør°tyih* (*xər°tyih*) 2DU, *xør°tyih* (*xər°tyih*) 3DU; *xør°qnaq* (*xər°qnaq*) 1PL, *xør°taq* (*xər°taq*) 2PL, *xør°toh* (*xər°toh*) 3PL [Salminen 1998: 29, 320];

yí (N +w+ye '), ÝÍ [Salminen 1998: 275].

[л. 8]	<1.>	<2.>	<3.>
N.	<i>хърныивъ</i> 'min vilja' <'моя воля'>	<i>хъртыиръ</i> 'din vilja' <'твоя воля'>	<i>хартаидѐ</i> 'hans vilja' <'его воля'>
G.	<i>харныiNъ</i>	<i>хъртыiндъ</i>	<i>хартаiNдà</i>
D.	—	—	<i>хартаiNда</i>
A.	= Nomin.	<i>хъртымдъ</i>	<i>хартаимдà</i>
V.	— —	= Nom.	= Nom.
I.	<i>харнымбóiNъ</i> och <и> <i>харныiNъ</i>	<i>хъртымбóiдъ</i> och <и> <i>хъртыiндъ</i>	<i>хартаимбóiда</i> och <и> <i>хартаiNдà</i>
	POSS1SG	POSS2SG	POSS3SG
NOM.SG	<i>xárəḡn°</i> (1SG) + <i>jī-w°</i> (NOM.SG.POSS1SG)	<i>xárət°</i> (2SG) + <i>jī-r°</i> (NOM.SG.POSS2SG)	<i>xár°tà</i> (3SG) + <i>jī-da</i> (NOM.SG.POSS3SG)
GEN.SG	<i>xárəḡn°</i> (1SG) + <i>jī-n°</i> (GEN.SG.POSS1SG)	<i>xárət°</i> (2SG) + <i>jī-nt°</i> (GEN.SG.POSS2SG)	<i>xár°tà</i> (3SG) + <i>jī-nta</i> (GEN.SG.POSS3SG)
DAT.SG	<i>xárəḡn°</i> (1SG) + <i>jī-xàñ°</i> (> <i>jīəñ°</i> [ji:n]) (DAT.SG.POSS1SG)	<i>xárət°</i> (2SG) + <i>jī-xànt°</i> (> <i>jīənt°</i> [ji:nd]) (DAT.SG.POSS2SG)	<i>xár°tà</i> (3SG) + <i>jī-x°ntà</i> (> <i>jī°nta</i> [jí:ndə]) (DAT.SG.POSS3SG)
ACC.SG	<i>xárəḡn°</i> (1SG) + <i>jī-w°</i> (ACC.SG.POSS1SG)	<i>xárət°</i> (2SG) + <i>jī-mt°</i> (ACC.SG.POSS2SG)	<i>xár°tà</i> (3SG) + <i>jī-mta</i> (ACC.SG.POSS3SG)
INSTR.SG + LOC.SG	<i>xárəḡn°</i> (1SG) + <i>jī-x°nàñ°</i> (> <i>jī°nan°</i> [jí:nëñ]) (INSTR/LOC.SG. POSS1SG)	<i>xárət°</i> (2SG) + <i>jī-x°nànt°</i> (> <i>jī°nant°</i> [jí:nënd]) (INSTR/LOC.SG. POSS2SG)	<i>xár°tà</i> (3SG) + <i>jī-x°nànta</i> (> <i>jī°nanta</i> [jí:nëndà]) (INSTR/LOC.SG. POSS3SG)
ABL.SG	<i>xárəḡn°</i> (1SG) + <i>jī-x°dàñ°</i> (ABL.SG.POSS1SG)	<i>xárət°</i> (2SG) + <i>jī-x°dànt°</i> (ABL.SG.POSS2SG)	<i>xár°tà</i> (3SG) + <i>jī-x°dànta</i> (ABL.SG.POSS3SG)
PROL.SG	<i>xárəḡn°</i> (1SG) + <i>jī-w°nàñ°</i> (PROL.SG.POSS1SG)	<i>xárət°</i> (2SG) + <i>jī-w°nànt°</i> (PROL.SG.POSS2SG)	<i>xár°tà</i> (3SG) + <i>jī-w°nànta</i> (PROL.SG.POSS3SG)

Обратим внимание на то, что в этой парадигме не хватает обычно приводимых форм посессивного склонения с указанием на двойственное число обладателя.

[л. 8, л. 8об.]	<u>Pluralis</u>		
	⟨1.⟩	⟨2.⟩	⟨3.⟩
N.	<i>xapNaiviNà</i> ‘våra viljar’ ⟨? ‘наши воли’⟩	<i>xarmaisidà</i> ‘era viljar’ ⟨? ‘ваши воли’⟩	<i>xarpoividò</i> ‘deras viljar’ ⟨? ‘их воли’⟩ (p. 38)
G.	<i>xarнайивеиNa</i>	<i>xarmaisiveima</i>	<i>xarpoiviveimo</i>
D.	<i>xarнайNa</i>	<i>xarmaiNa</i>	<i>xarpoivo</i>
A.	= Nom.	= Nom.	= Nomin.
лист 8 об.			
V.	<i>xapNaiviNà</i>	<i>xarmaisidà</i>	<i>xarpoividò</i>
I.	<i>xapNaiviNá</i>	<i>xarmaisimá</i>	<i>xarpoivimó</i>

	POSS1PL	POSS2PL	POSS3PL
NOM.PL	<i>xár°?nà?</i> (1PL) + <i>jíb'e-nà?</i> (NOM.PL.POSS1PL)	<i>xár°tà?</i> (2PL) + <i>jíb'e-dà?</i> (NOM.PL.POSS2PL)	<i>xár°tò?</i> (3PL) + <i>jíb'e-dò?</i> (NOM.PL.POSS3PL)
GEN.PL	<i>xár°?nà?</i> (1PL) + <i>jíb'e-?nà?</i> (GEN.PL.POSS1PL)	<i>xár°tà?</i> (2PL) + <i>jíb'e-tà?</i> (GEN.PL.POSS2PL)	<i>xár°tò?</i> (3PL) + <i>jíb'e-tò?</i> (GEN.PL.POSS3PL)
DAT.PL	<i>xár°?nà?</i> (1PL) + <i>jí-x°?nà?</i> (> <i>jí°?na?</i> [jí:ʔneʔ]) (DAT.PL.POSS1PL)	<i>xár°tà?</i> (2PL) + <i>jí-x°tà?</i> (> <i>jí°ta?</i> [jí:teʔ]) (DAT.PL.POSS2PL)	<i>xár°tò?</i> (3PL) + <i>jí-x°tò?</i> (> <i>jí°to?</i> [jí:toʔ]/[jí:tuʔ]) (DAT.PL.POSS3PL)
ACC.PL	<i>xár°?nà?</i> (1PL) + <i>jíb'e-nà?</i> (ACC.PL.POSS1PL)	<i>xár°tà?</i> (2PL) + <i>jíb'e-dà?</i> (ACC.PL.POSS2PL)	<i>xár°tò?</i> (3PL) + <i>jíb'e-dò?</i> (ACC.PL.POSS3PL)
INSTR.PL + LOC.PL	<i>xár°?nà?</i> (1PL) + <i>jí-x°?nàna?</i> (> <i>jí°?nana?</i> [jí:ʔnënáʔ]) (INSTR/LOC.PL.POSS1PL)	<i>xár°tà?</i> (2PL) + <i>jí-x°?nàta?</i> (> <i>jí°?nata?</i> [jí:ʔnetáʔ]) (INSTR/LOC.PL.POSS2PL)	<i>xár°tò?</i> (3PL) + <i>jí-x°?nàto?</i> (> <i>jí°?nato?</i> [jí:ʔnetòʔ]) (INSTR/LOC.PL.POSS3PL)
ABL.PL	<i>xár°?nà?</i> (1PL) + <i>jí-x°?nàna?</i> (ABL.PL.POSS1PL)	<i>xár°tà?</i> (2PL) + <i>jí-x°?nàta?</i> (ABL.PL.POSS2PL)	<i>xár°tò?</i> (3PL) + <i>jí-x°?nàto?</i> (ABL.PL.POSS3PL)
PROL.PL	<i>xár°?nà?</i> (1PL) + <i>jíb'e-?mànanà?</i> (PROL.PL.POSS1PL)	<i>xár°tà?</i> (2PL) + <i>jíb'e-?mànatà?</i> (PROL.PL.POSS2PL)	<i>xár°tò?</i> (3PL) + <i>jíb'e-?mànatò?</i> (PROL.PL.POSS3PL)

Далее в рукописи следует следующий подзаголовок:

“Andra Deklination” ⟨«Второе (другое) склонение»⟩.

Под ним расположен текст на шведском языке с примерами на ненецком — формами именительного и родительного падежей единственного числа: *mibè* NOM.SG ‘tand’ ⟨‘зуб’⟩ — *mibæ* GEN.SG; *Nicè* NOM.SG ‘fader’ ⟨‘отец’⟩ GEN.SG — *Nicæ*; *NæNъ* NOM.SG ‘bröd’ ⟨‘хлеб’⟩ — *NæNæ* GEN.SG.

4.2.13. Далее в рукописи SamGr приводится пример основы на *-a* после палатального согласного, однако это имя рассматривается как пример основы на *-e*.

Exempel på e

⟨пример основы на *-e*⟩

[13] Ср.: *уая* ‘кожа (человека)’, ‘тело’ [Терещенко 1965: 391];
ngaya (*ηaya*) (N *ya*→*yø*, N *ya*→*yə*), NGAÿA (JAÿA) [Salminen 1998: 236].

[л. 8об.]	Sing.	Plur.	Dual.
N.	<i>aè</i> ‘kropp’ ⟨‘тело’⟩	<i>aæ</i> ‘kroppar’ ⟨‘тела’⟩	<i>aægъ</i>
G.	<i>aæ</i>	<i>aævéi</i>	<i>aægè</i>
D.	<i>aéNъ</i>	<i>aæ</i>	<i>aægà</i>
A.	<i>aémъ</i>	<i>ai</i>	= Nom.
V.	= Nom.	= Nom.	— — (p. 39)
I.	<i>aemboi</i> & <i>aæ</i>	<i>aævéemboi</i>	<i>aægamboi</i>
L.	<i>aæсь</i>	<i>aæсь</i>	<i>aægесь</i>

	SG	PL	DU
NOM	<i>ηάја</i>	<i>ηάја-ʔ</i>	<i>ηάја-х^{oʔ}</i>
GEN	<i>ηάја-ʔ</i>	<i>ηάј^o-ʔ</i>	<i>ηάја-х^{oʔ}</i>
DAT	<i>ηάја-п^{oʔ}</i>	<i>ηάја-х^{oʔ}</i>	<i>ηάја-х^{oʔ}</i> + послелог <i>п'а^ʔ</i>
ACC	<i>ηάја-т</i>	<i>ηάј^o</i>	<i>ηάја-х^{oʔ}</i>
INSTR + LOC	<i>ηάја-хəпa</i> (> <i>ηaja^ona</i> [ηάја:пə])	<i>ηάја-хəʔna</i> (> <i>ηaja^oʔna</i> [ηάја:ʔпə])	<i>ηάја-х^{oʔ}</i> + послелог <i>п'ána</i>
ABL	<i>ηάја-хəд^o</i> (> <i>ηajaəд^o</i> [ηάја:d])	<i>ηάја-хəт^o</i> (> <i>ηajaəт^o</i> [ηάја:t])	<i>ηάја-х^{oʔ}</i> + послелог <i>п'ad^o</i>
PROL	<i>ηάја-п^ona</i>	<i>ηάј^o-ʔтəпa</i>	<i>ηάја-х^{oʔ}</i> + послелог <i>п'ámna</i>

[Л. 8об.]	Med Suffixer <С суффиксами>		
	<1.>	<2.>	<3.>
N.	<i>аэсь</i> 'min kropp' ('мое тело')	<i>аэрь</i> 'din kropp' ('твое тело')	<i>аэдà</i> 'hans kropp' ('его тело')
G.	<i>аэNь</i>	<i>аэNдь</i>	<i>аэNда</i>
D.	—	—	<i>аэNда</i>
A.	= Nom.	<i>аэмдь</i>	<i>аэмда</i>
V.	— —	= Nom.	= Nom.
I.	<i>аэмбóиNь</i> och <и> <i>аэNь</i>	<i>аэмбóидь</i> och <и> <i>аэндь</i>	<i>аэмбóида</i> och <и> <i>аэNда</i>

	POSS1SG	POSS2SG	POSS3SG
NOM.SG	<i>ηάја-п^o</i>	<i>ηάја-р^o</i>	<i>ηάја-дà</i>
GEN.SG	<i>ηάја-п^o</i>	<i>ηάја-пт^o</i>	<i>ηάја-птà</i>
DAT.SG	<i>ηάја-хəп^o</i> (> <i>ηajaəп^o</i> [ηάја:n])	<i>ηάја-хəпт^o</i> (> <i>ηajaəпт^o</i> [ηάја:нд])	<i>ηάја-хəптà</i> (> <i>ηaja^oпта</i> [ηάја:нде])
ACC.SG	<i>ηάја-п^o</i>	<i>ηάја-пт^o</i>	<i>ηάја-птà</i>
INSTR.SG + LOC.SG	<i>ηάја-хəпəп^o</i> (> <i>ηaja^oпəп^o</i> [ηάја:nəп])	<i>ηάја-хəпəпт^o</i> (> <i>ηaja^oпəпт^o</i> [ηάја:nəпд])	<i>ηάја-хəпəптà</i> (> <i>ηaja^oпəпта</i> [ηάја:nəпдà])
ABL.SG	<i>ηάја-хəдəп^o</i>	<i>ηάја-хəдəпт^o</i>	<i>ηάја-хəдəптà</i>
PROL.SG	<i>ηάја-п^oпəп^o</i>	<i>ηάја-п^oпəпт^o</i>	<i>ηάја-п^oпəпта</i>

[Л. 8об.]	Dualis		
	<1.>	<2.>	<3.>
N. A. V.	<i>аэгыонь</i>	<i>аэгыодь</i>	<i>аэгыоди</i>
G.	—	<i>аэгыоть</i>	<i>аэгыоти</i> (p.40)
D.	<i>аэгаNь</i>	<i>аэгать</i>	<i>аэгати</i>
I.	<i>аэгамбóюNь</i> och <и> <i>аэгыонь</i>	<i>аэгамбóють</i> och <и> <i>аэгыоть</i>	<i>аэгамбóюти</i> och <и> <i>аэгыоти</i>

	POSS1DU	POSS2DU	POSS3DU
NOM.DU	<i>ηάја-хəјун'и^ʔ</i>	<i>ηάја-хəјуд'и^ʔ</i>	<i>ηάја-хəјуд'и^ʔ</i>
GEN.DU	<i>ηάја-хəјун'и^ʔ</i>	<i>ηάја-хəјут'и^ʔ</i>	<i>ηάја-хəјут'и^ʔ</i>
DAT.DU	<i>ηάја-хəјун'и^ʔ</i> + послелог <i>п'а^ʔ</i>	<i>ηάја-хəјут'и^ʔ</i> + послелог <i>п'а^ʔ</i>	<i>ηάја-хəјут'и^ʔ</i> + послелог <i>п'а^ʔ</i>
ACC.DU	<i>ηάја-хəјун'и^ʔ</i>	<i>ηάја-хəјуд'и^ʔ</i>	<i>ηάја-хəјуд'и^ʔ</i>
INSTR.DU + LOC.DU	<i>ηάја-хəјун'и^ʔ</i> + послелог <i>п'ána</i>	<i>ηάја-хəјут'и^ʔ</i> + послелог <i>п'ána</i>	<i>ηάја-хəјут'и^ʔ</i> + послелог <i>п'ána</i>
ABL.DU	<i>ηάја-хəјун'и^ʔ</i> + послелог <i>п'ad^o</i>	<i>ηάја-хəјут'и^ʔ</i> + послелог <i>п'ad^o</i>	<i>ηάја-хəјут'и^ʔ</i> + послелог <i>п'ad^o</i>
PROL.DU	<i>ηάја-хəјун'и^ʔ</i> + послелог <i>п'ámna</i>	<i>ηάја-хəјут'и^ʔ</i> + послелог <i>п'ámna</i>	<i>ηάја-хəјут'и^ʔ</i> + послелог <i>п'ámna</i>

[л. 8об.]	Plural		
	<1.>	<2.>	<3.>
N.	<i>aæNa</i> ‘våra kroppar’ <‘наши тела’>	<i>áæða</i> ‘era k[r]oppar’ <‘ваши тела’>	<i>áæðo</i> ‘deras kroppar’ <‘их тела’>
G.	<i>aævéiNa</i>	<i>aævéima</i>	<i>aævéimo</i>
D.	<i>aæNa</i>	<i>aæma</i>	<i>aæmo</i>
A.	= Nom.	= Nom.	= Nom.
V.	— —	— —	— —
I.	<i>aævéemboeNa</i> ⁹⁰	<i>aævéemboeta</i>	<i>aævéemboeto</i>
	POSS1PL	POSS2PL	POSS3PL
NOM.PL	<i>ηáj°-ná?</i>	<i>ηáj°-dà?</i>	<i>ηáj°-dò?</i>
GEN.PL	<i>ηáj°-ʔnà?</i>	<i>ηáj°-tà?</i>	<i>ηáj°-tò?</i>
DAT.PL	<i>ηája-xəʔna?</i> (> <i>ηaja°ʔna?</i> [ηájá:ʔneʔ])	<i>ηája-xəta?</i> (> <i>ηaja°ta?</i> [ηájá:teʔ])	<i>ηája-xəto?</i> (> <i>ηaja°to?</i> [ηájá:toʔ]/[ηájá:toʔ])
ACC.PL	<i>ηáj°-ná?</i>	<i>ηáj°-dà?</i>	<i>ηáj°-dò?</i>
INSTR.PL +	<i>ηája-xəʔnanà?</i>	<i>ηája-xəʔnatà?</i>	<i>ηája-xəʔnatò?</i>
LOC.PL	(> <i>ηaja°ʔnana?</i> [ηájá:ʔnēnàʔ])	(> <i>ηaja°ʔnata?</i> [ηájá:ʔnetàʔ])	(> <i>ηaja°ʔnato?</i> [ηájá:ʔnetòʔ])
ABL.PL	<i>ηája-xət°nà?</i>	<i>ηája-xət°tà?</i>	<i>ηája-xət°tò?</i>
PROL.PL	<i>ηáj°-ʔmənənà?</i>	<i>ηáj°-ʔmənətà?</i>	<i>ηáj°-ʔmənətò?</i>

4.2.14. Далее в рукописи SamGr в очередной раз приводится пример основы на *-a* после палатализованного согласного, однако это имя рассматривается как пример основы на *-e* после мягкого согласного.

Exempel på *e*

[14] Ср.: *нися*⁹¹ ‘отец’ [Терещенко 1965: 315];

nyísyá (N *ya*→*yø*, N *ya*→*yə*), NYÍSYA [Salminen 1998: 235].

[л. 8об., л. 9]	Sing.	Plur.	Dual.
N.	<i>Nicè</i> ‘fader’ <‘отец’>	<i>Nicé</i> ‘fäder’ <‘отцы’>	<i>Nicægg</i>
G.	<i>Nicæ</i>	<i>Nicévi</i>	<i>Nicæggè</i>
D.	<i>NicæNъ</i>	<i>Nicæ</i>	<i>NicægNæ</i>
лист 9			
A.	<i>Nicémъ</i>	<i>Nicъ</i>	= Nom. (p. 41)
V.	<i>Nicóвъ</i>	<i>Nicóvvъ</i>	— —
I.	<i>NicemboiNъ</i> och <и> <i>Nicæ</i>	<i>Nicъ</i>	<i>Nicægamboi</i>
L.	<i>Nicæсь</i>	<i>Nicæсь</i>	<i>Nicæggéсь</i>
	SG	PL	DU
NOM	<i>n'ís'a</i>	<i>n'ís'a-ʔ</i>	<i>n'ís'a-x°ʔ</i>
GEN	<i>n'ís'a-ʔ</i>	<i>n'ís'°-ʔ</i>	<i>n'ís'a-x°ʔ</i>
DAT	<i>n'ís'á-n°ʔ</i>	<i>n'ís'a-x°ʔ</i>	<i>n'ís'a-x°ʔ</i> + послелог <i>n'a?</i>
ACC	<i>n'ís'a-m</i>	<i>n'ís'°</i>	<i>n'ís'a-x°ʔ</i>
INSTR +	<i>n'ís'a-xəna</i>	<i>n'ís'a-xəʔna</i>	<i>n'ís'a-x°ʔ</i> + послелог <i>n'ána</i>
LOC	(> <i>n'ís'a°na</i> [n'i:s'á:ne])	(> <i>n'ís'a°na</i> [n'i:s'á:ʔne])	
ABL	<i>n'ís'a-xəd°</i> (> <i>n'ís'aəd°</i> [n'i:s'á:d])	<i>n'ís'a-xət°</i> (> <i>n'ís'aət°</i> [n'i:s'á:t])	<i>n'ís'a-x°ʔ</i> + послелог <i>n'ad°</i>
PROL	<i>n'ís'á-w°na</i>	<i>n'ís'°-ʔmənna</i>	<i>n'ís'a-x°ʔ</i> + послелог <i>n'amna</i>

⁹⁰ Отметим, что в рукописи SamGr формы INSTR.PL.POSS1/2/3PL от этого слова, видимо, образованы от формы GEN.PL (на *-vei*), а инструментальный показатель выглядит не как *-mboi*, а как *-mboe*.

⁹¹ В словаре Н. М. Терещенко не отмечена долгота гласного первого слога в этом слове.

[л. 9]	<u>Med Suffixer</u> (С суффиксами)		
	(1.)	(2.)	(3.)
N.	<i>Nicáwv</i> 'min fa[de]r' (‘мой отец’)	<i>Nicérv</i> 'din fa[de]r' (‘твой отец’)	<i>Nicedà</i> 'hans fa[de]r' (‘его отец’)
G.	<i>NicéNv</i>	<i>NiceNðv</i>	<i>NiceNðà</i>
D.	<i>NicáNv</i>	<i>NicáNðv</i>	<i>NicáNða</i>
A.	= Nom.	<i>Nicémðv</i>	<i>Nicémðà</i>
V.	<i>Nicèkèi</i>	= Nom.	= Nom.
I.	<i>NicemboiNv</i> och (и) <i>NicéNv</i>	<i>Nicemboiðv</i> och (и) <i>NicéNðv</i>	<i>Nicemboída</i> och (и) <i>NiceNðà</i>

	POSS1SG	POSS2SG	POSS3SG
NOM.SG	<i>n'ís'a-w°</i>	<i>n'ís'a-r°</i>	<i>n'ís'a-dà</i>
GEN.SG	<i>n'ís'a-n°</i>	<i>n'ís'a-nt°</i>	<i>n'ís'a-ntà</i>
DAT.SG	<i>n'ís'a-xə̀n°</i> (> <i>n'ís'aə̀n°</i> [nì:s'á:n])	<i>n'ís'a-xə̀nt°</i> (> <i>n'ís'aə̀nt°</i> [nì:s'á:nd])	<i>n'ís'a-xə̀ntà</i> (> <i>n'ís'a°ntà</i> [nì:s'á:ndə])
ACC.SG	<i>n'ís'a-w°</i>	<i>n'ís'a-mt°</i>	<i>n'ís'a-mtà</i>
INSTR.SG + LOC.SG	<i>n'ís'a-xə̀nà°</i> (> <i>n'ís'a°nan°</i> [nì:s'á:nə̀n])	<i>n'ís'a-xə̀nànt°</i> (> <i>n'ís'a°nant°</i> [nì:s'á:nə̀nd])	<i>n'ís'a-xə̀nàntà</i> (> <i>n'ís'a°nanta</i> [nì:s'á:nə̀ndà])
ABL.SG	<i>n'ís'a-xə̀də̀n°</i>	<i>n'ís'a-xə̀də̀nt°</i>	<i>n'ís'a-xə̀d°ntà</i>
PROL.SG	<i>n'ís'a-w°nà°</i>	<i>n'ís'a-w°nànt°</i>	<i>n'ís'a-w°nàntà</i>

[л. 9]	<u>Dualis</u>		
	(1.)	(2.)	(3.)
N. A.	<i>Nicáəgyuonv</i>	<i>Nicáəgyuodv</i>	<i>Nicáəgyuodi</i> (p. 42)
G.	—	<i>Nicáəgyuotv</i>	<i>Nicáəgyuomi</i>
D.	<i>Nicáəgyukav</i>	<i>Nicáəgyukatv</i>	<i>Nicáəgyukami</i>
V.	<i>NicəgyuNèi</i>	= Nom.	= Nom.
I.	<i>Nicáəgmboiuv</i> och (и) <i>Nicáəgyuonv</i>	<i>Nicáəgmboiutv</i> och (и) <i>Nicáəgyuomi</i>	<i>Nicáəgmboiomi</i> och (и) <i>Nicáəgyuomi</i>

	POSS1DU	POSS2DU	POSS3DU
NOM.DU	<i>n'ís'a-xə̀jun'í?</i>	<i>n'ís'a-xə̀jud'í?</i>	<i>n'ís'a-xə̀jud'í?</i>
GEN.DU	<i>n'ís'a-xə̀jun'í?</i>	<i>n'ís'a-xə̀jut'í?</i>	<i>n'ís'a-xə̀jut'í?</i>
DAT.DU	<i>n'ís'a-xə̀jun'í?</i> + послелог <i>n'a?</i>	<i>n'ís'a-xə̀jut'í?</i> + послелог <i>n'a?</i>	<i>n'ís'a-xə̀jut'í?</i> + послелог <i>n'a?</i>
ACC.DU	<i>n'ís'a-xə̀jun'í?</i>	<i>n'ís'a-xə̀jud'í?</i>	<i>n'ís'a-xə̀jud'í?</i>
INSTR.DU + LOC.DU	<i>n'ís'a-xə̀jun'í?</i> + послелог <i>n'ána</i>	<i>n'ís'a-xə̀jut'í?</i> + послелог <i>n'ána</i>	<i>n'ís'a-xə̀jut'í?</i> + послелог <i>n'ána</i>
ABL.DU	<i>n'ís'a-xə̀jun'í?</i> + послелог <i>n'ad°</i>	<i>n'ís'a-xə̀jut'í?</i> + послелог <i>n'ad°</i>	<i>n'ís'a-xə̀jut'í?</i> + послелог <i>n'ad°</i>
PROL.DU	<i>n'ís'a-xə̀jun'í?</i> + послелог <i>n'amna</i>	<i>n'ís'a-xə̀jut'í?</i> + послелог <i>n'amna</i>	<i>n'ís'a-xə̀jut'í?</i> + послелог <i>n'amna</i>

[л. 9]	<u>Pluralis</u>		
	(1.)	(2.)	(3.)
N.	<i>NicéNaNa</i> 'våra fäder' (‘наши отцы’)	<i>NicéNada</i> 'era fäder' (‘ваши отцы’)	<i>NicéNado</i> 'deras fäder' (‘их отцы’)
G.	<i>NiceNavéiNa</i>	<i>NiceNavéiMa</i>	<i>NiceNavéiMo</i>
D.	<i>NicáNa</i>	<i>NicáMa</i>	<i>NicáMo</i>
A.	<i>NiceNa</i>	<i>Niceda</i>	<i>Nicedo</i>
V.	<i>NiceNaNéi</i>	= Nom.	= Nom.
I.	= Accus.	<i>Nicema</i>	<i>Nicemo</i>

	POSS1PL	POSS2PL	POSS3PL
NOM.PL	<i>n'ĩs'a-nə-na?</i> 'отцы каждого из нас'	<i>n'ĩs'a-nə-da?</i> 'отцы каждого из вас'	<i>n'ĩs'a-nə-do?</i> 'отцы каждого из них'
GEN.PL	<i>n'ĩs'a-nə-ʔna?</i> 'отцов каждого из нас' (<i>n'ĩs'ʰo-ʔnà?</i> 'наших отцов')	<i>n'ĩs'a-nə-ta?</i> 'отцов каждого из вас' (<i>n'ĩs'ʰo-tà?</i> 'ваших отцов')	<i>n'ĩs'a-nə-to?</i> 'отцов каждого из них' (<i>n'ĩs'ʰo-tò?</i> 'их отцов')
DAT.PL	<i>n'ĩs'a-xəʔna?</i> (<i>> n'ĩs'aʰoʔna?</i> [nĩ:sá:ʔneʔ])	<i>n'ĩs'a-xəta?</i> (<i>> n'ĩs'aʰota?</i> [nĩ:sá:teʔ])	<i>n'ĩs'a-xəto?</i> (<i>> n'ĩs'aʰoto?</i> [nĩ:sá:toʔ]/[nĩ:sá:tuʔ])
ACC.PL	<i>n'ĩs'ʰo-nà?</i> 'наших отцов' (<i>n'ĩs'a-nə-na?</i> 'отцов каждого из нас')	<i>n'ĩs'ʰo-dà?</i> 'ваших отцов' (<i>n'ĩs'a-nə-da?</i> 'отцов каждого из вас')	<i>n'ĩs'ʰo-dò?</i> 'их отцов' (<i>n'ĩs'a-nə-do?</i> 'отцов каждого из них')
INSTR.PL + LOC.PL	<i>n'ĩs'a-xəʔnanà?</i> (<i>> n'ĩs'aʰoʔnana?</i> [nĩ:sá:ʔnənàʔ])	<i>n'ĩs'a-xəʔnatà?</i> (<i>> n'ĩs'aʰoʔnata?</i> [nĩ:sá:ʔnetàʔ])	<i>n'ĩs'a-xəʔnatò?</i> (<i>> n'ĩs'aʰoʔnato?</i> [nĩ:sá:ʔnetòʔ])
ABL.PL	<i>n'ĩs'a-xəʔnà?</i>	<i>n'ĩs'a-xəʔtà?</i>	<i>n'ĩs'a-xəʔtò?</i>
PROL.PL	<i>n'ĩs'ʰo-ʔmənana?</i>	<i>n'ĩs'ʰo-ʔmənata?</i>	<i>n'ĩs'ʰo-ʔmənato?</i>

И. А. Николаева пишет об аффиксе *-nə-* как о непродуктивном суффиксе с условным значением 'respective; to each other; personal', с помощью которого образуются формы двойственного и множественного чисел от имен существительных, относящихся к небольшому закрытому списку терминов родства и некоторых имен, обозначающих людей ("a closed class of kinship terms and other relational nouns denoting humans") [Nikolaeva 2014: 31]: *n'ĩs'a* 'father' > *n'ĩs'a-nə-naq* (PL.1PL) 'our (respective) fathers', *n'ĩs'a-nə-n'i* 'my ancestors' [там же]. См. об этом подробнее в [Salminen 1998: 19—20], а также [Терещенко 1965: 881]: «Некоторые существительные, в первую очередь существительные, обозначающие термины родства, образуют форму винительного падежа множественного числа, а следовательно, и лично-притяжательные формы основного, родительного, винительного, продольного падежей множественного числа, не изменением звукового состава основы, а путем вставки между основой имени и лично-притяжательным формантом суффикса *-na*. Например: ⟨...⟩ *нисяна*” 'наши отцы'. Можно полагать, что здесь перед нами более старый способ образования формы множественного числа». См. также выше в п. 4.2.4.

4.2.15. Далее в рукописи SamGr приводится пример основы на *-o* после палатального согласного, это имя рассматривается как пример основы на *-ь* после мягкого согласного.

Exempel på ь

[15] Ср.: *мърць* 'плечо' [Терещенко 1965: 238];

mør̥cyʰ (*mər̥cyʰ*) (N *yø*≡~→*yø*~→*ye*, N *yə*≡~→*yø*~→*ye*), MØRSYØ (MØRSYƏ) [Salminen 1998: 153, 484].

Судя по формам, в рукописи представлен тип N *yø*→*yø* (N *yə*→*yø*).

[л. 9, л. 9об.]	Sing.	Plur.	Dual.
N.	<i>márzь</i> 'плечо'	<i>marzə́</i>	<i>marzə́gь</i>
G.	<i>marzə́</i>	<i>marzə́veí</i> (p. 43)	<i>marzə́gə́</i>
D.	<i>márzə́Nь</i>	<i>marzə́</i>	<i>marzə́gə́Na</i>
A.	<i>márzə́mь</i>	<i>marzə́</i>	= Nom.
V.	= Nom.	= Nom.	— —
I.	<i>márzə́mboi</i> och ⟨и⟩ <i>marzə́</i>	<i>marzə́</i>	<i>marzə́gamboi</i>
лист 9 об.			
L.	<i>marzə́сь</i>	<i>marzə́сь</i>	<i>marzə́gə́сь</i>

	SG	PL	DU
NOM	<i>márc'ʰo</i>	<i>márc'ʰo-ʔ</i>	<i>márc'ə-xʰoʔ</i>
GEN	<i>márc'ʰo-ʔ</i>	<i>márc'o-ʔ</i>	<i>márc'ə-xʰoʔ</i>
DAT	<i>márc'ə-nʰoʔ</i>	<i>márc'ə-xʰoʔ</i>	<i>márc'ə-xʰoʔ</i> + послелог <i>n'aʔ</i>
ACC	<i>márc'ʰo-m</i>	<i>márc'o</i>	<i>márc'ə-xʰoʔ</i>
INSTR + LOC	<i>márc'ʰo-xəna</i>	<i>márc'ʰo-xəʔna</i>	<i>márc'ə-xʰoʔ</i> + послелог <i>n'ána</i>
ABL	<i>márc'ʰo-xədʰo</i>	<i>márc'ʰo-xəʰo</i>	<i>márc'ə-xʰoʔ</i> + послелог <i>n'adʰo</i>
PROL	<i>márc'ú-wʰona</i>	<i>márc'o-ʔməna</i>	<i>márc'ə-xʰoʔ</i> + послелог <i>n'ámna</i>

[Л. 9об.]	<u>Med Suffixer</u> (с суффиксами)		
	<1.>	<2.>	<3.>
N.	<i>марзюовъ</i> 'min axel' ('мое плечо')	<i>мáрзæръ</i> 'din axel' ('твое плечо')	<i>мáрзæда</i> 'hans axel' ('его плечо')
G.	<i>мáрзæNъ</i>	<i>мáрзæNðъ</i>	<i>мáрзæNða</i>
D.	<i>мáрзъгаNъ</i>	<i>мáрзъгаNðъ</i>	<i>мáрзъгаNða</i>
A.	= Nom.	<i>мáрзæмðъ</i>	<i>мáрзæмда</i>
V.	— —	= Nom.	= Nom.
I.	<i>мáрзæмðoiNъ</i> och (и) <i>мáрзæNъ</i>	<i>мáрзæмðoiðъ</i> och (и) <i>мáрзæNðъ</i>	<i>мáрзæмðoiða</i> och (и) <i>мáрзæNða</i> (p. 44)

	POSS1SG	POSS2SG	POSS3SG
NOM.SG	<i>márc'ú-w°</i>	<i>márc'ə-r°</i>	<i>márc'°-dà</i>
GEN.SG	<i>márc'ə-n°</i>	<i>márc'ə-nt°</i>	<i>márc'°-ntà</i>
DAT.SG	<i>márc'°-xàñ°</i>	<i>márc'°-xànt°</i>	<i>márc'°-xànta</i>
ACC.SG	<i>márc'ú-w°</i>	<i>márc'ə-mt°</i>	<i>márc'°-mtà</i>
INSTR.SG + LOC.SG	<i>márc'°-xàñàñ°</i>	<i>márc'°-xàñànt°</i>	<i>márc'°-xàñantà</i>
ABL.SG	<i>márc'°-xàdàñ°</i>	<i>márc'°-xàdànt°</i>	<i>márc'°-xàdàntà</i>
PROL.SG	<i>márc'ú-w°nàñ°</i>	<i>márc'ú-w°nànt°</i>	<i>márc'ú-w°nanta</i>

[Л. 9об.]	<u>Dualis</u>		
	<1.>	<2.>	<3.>
N. A. V.	<i>мáрзъгаюнь</i>	<i>мáрзъгаюðъ</i>	<i>мáрзъгаюði</i>
G.	—	<i>мáрзъгають</i>	<i>мáрзъгаюti</i>
D.	<i>марзъгагаNъ</i>	<i>марзъгагатъ</i>	<i>марзъгагати</i>
I.	<i>мáрзæгамбоюNъ</i> och (и) <i>мáрзъгаюнь</i>	<i>мáрзæгамоютъ</i> och (и) <i>мáрзъгають</i>	<i>мáрзæгамбоюti</i> och (и) <i>мáрзъгаюti</i>

	POSS1DU	POSS2DU	POSS3DU
NOM.DU	<i>márc'°-xàjun'ì?</i>	<i>márc'°-xàjud'ì?</i>	<i>márc'°-xàjud'ì?</i>
GEN.DU	<i>márc'°-xàjun'ì?</i>	<i>márc'°-xàjut'ì?</i>	<i>márc'°-xàjut'ì?</i>
DAT.DU	<i>márc'°-xàjun'ì?</i> + послелог <i>n'a?</i>	<i>márc'°-xàjut'ì?</i> + послелог <i>n'a?</i>	<i>márc'°-xàjut'ì?</i> + послелог <i>n'a?</i>
ACC.DU	<i>márc'°-xàjun'ì?</i>	<i>márc'°-xàjud'ì?</i>	<i>márc'°-xàjud'ì?</i>
INSTR.DU + LOC.DU	<i>márc'°-xàjun'ì?</i> + послелог <i>n'ána</i>	<i>márc'°-xàjut'ì?</i> + послелог <i>n'ána</i>	<i>márc'°-xàjut'ì?</i> + послелог <i>n'ána</i>
ABL.DU	<i>márc'°-xàjun'ì?</i> + послелог <i>n'ad°</i>	<i>márc'°-xàjut'ì?</i> + послелог <i>n'ad°</i>	<i>márc'°-xàjut'ì?</i> + послелог <i>n'ad°</i>
PROL.DU	<i>márc'°-xàjun'ì?</i> + послелог <i>n'ámna</i>	<i>márc'°-xàjut'ì?</i> + послелог <i>n'ámna</i>	<i>márc'°-xàjut'ì?</i> + послелог <i>n'ámna</i>

[Л. 9об.]	<u>Plur.</u>		
	<1.>	<2.>	<3.>
N.	<i>мáрзoNa</i> 'våra axlar' («наши плечи»)	<i>мáрзoða</i> 'era axlar' («ваши плечи»)	<i>мáрзoðo</i>
G.	<i>мáрзoveiNa</i>	<i>мáрзoveiita</i>	<i>мáрзoveiito</i>
D.	<i>мáрзъгаNa</i>	<i>мáрзъгата</i>	<i>мáрзъгато</i>
A.	= Nomin.	= Nom.	= Nom.
V.	— —	— —	— —
I.	<i>марзoNá</i>	<i>марзoтá</i>	<i>марзoтó</i> (p. 45)

	POSS1PL	POSS2PL	POSS3PL
NOM.PL	<i>márc'o-nà?</i>	<i>márc'o-dà?</i>	<i>márc'o-dò?</i>
GEN.PL	<i>márc'o-?nà?</i>	<i>márc'o-tà?</i>	<i>márc'o-tò?</i>
DAT.PL	<i>márc'°-xà?na?</i>	<i>márc'°-xàta?</i>	<i>márc'°-xàto?</i>
ACC.PL	<i>márc'o-nà?</i>	<i>márc'o-dà?</i>	<i>márc'o-dò?</i>
INSTR.PL + LOC.PL	<i>márc'°-xà?nanà?</i>	<i>márc'°-xà?natà?</i>	<i>márc'°-xà?natò?</i>
ABL.PL	<i>márc'°-xàt°nà?</i>	<i>márc'°-xàt°tà?</i>	<i>márc'°-xàt°tò?</i>
PROL.PL	<i>márc'o-?mànanà?</i>	<i>márc'o-?mànatà?</i>	<i>márc'o-?mànatò?</i>

Далее в рукописи следует текст на шведском языке со следующими примерами на ненецком:

1) о форме вокатива единственного числа — *mádiibe* NOM.SG — *mádibei* VOC.SG ‘кудесник’, *Neveè* NOM.SG — *Nevoé* VOC.SG ‘muder’ (‘грязь?’);

2) о форме генитива единственного числа с аффиксом *-ge* — *è* NOM.SG — *εge* GEN.SG ‘пята’ (‘нога’), *nè* NOM.SG — *nege* GEN.SG ‘ладонь’, *cè* NOM.SG — *cege* GEN.SG (перевод неразборчив);

3) о форме вокатива множественного числа — *NáNь* ‘bröd’ (‘хлеб’) NOM.SG — *NáNNь* VOC.PL;

4) о форме генитива единственного числа — *cèi* NOM.SG — *ceæ* GEN.SG ‘hjerta’ / ‘hjärta’ (‘сердце’), *náidy* NOM.SG — *náide* GEN.SG ‘щека’.

4.2.16. Далее в рукописи SamGr снова приводится пример основы на *-°* после палатального согласного, однако это имя рассматривается как пример основы на *-i*, т. е. *-ij*).

Exempel på *i*

[16] Ср.: *cei* ‘сердце’, (перен.) ‘середина чего-л.’, (перен.) ‘сердце (важнейший центр, имеющий существенное значение для чего-л.’ [Терещенко 1965: 542];

syey° (N *yø*≡, N *yə*≡), SYEYØ¹ (SYEYΘ¹) [Salminen 1998: 166].

[л. 9об., л.10]	Sing.	Plur.	Dual.
N.	<i>cèi</i> ‘hjerta’ / ‘hjärta’ / (‘сердце’)	<i>cèi</i> ‘hjertan’ (‘сердиá’)	<i>ceægь</i>
G.	<i>céæ</i>	<i>céævei</i> (p. 46)	<i>ceæge</i>
D.	<i>céæNь</i>	<i>ceæ</i>	<i>ceægNæ</i>
A.	<i>céimь</i>	= Nom.	= Nom.
лист 10			
V.	<i>cèi</i>	<i>cèi</i>	<i>ceægь</i>
I.	<i>céimboi</i> och (и) <i>céæ</i>	<i>ceævéemboi</i>	<i>ceægamboi</i>
L.	<i>céæсь</i>	<i>céæсь</i>	<i>ceægэсь</i>

	SG	PL	DU
NOM	<i>s'ej°</i>	<i>s'ej°-??</i>	<i>s'ejə-x°?</i>
GEN	<i>s'ej°-?</i>	<i>s'ej°-?</i>	<i>s'ejə-x°?</i>
DAT	<i>s'ejə-n°?</i>	<i>s'ejə-x°?</i>	<i>s'ejə-x°?</i> + послелог <i>n'a'</i>
ACC	<i>s'ej°-m</i>	<i>s'ej°</i>	<i>s'ejə-x°?</i>
INSTR + LOC	<i>s'ej°-xəna</i>	<i>s'ej°-xə?na</i>	<i>s'ejə-x°?</i> + послелог <i>n'ána</i>
ABL	<i>s'ej°-xəd°</i>	<i>s'ej°-xət°</i>	<i>s'ejə-x°?</i> + послелог <i>n'ad°</i>
PROL	<i>s'ejú-w°na</i>	<i>s'ej°-?məna</i>	<i>s'ejə-x°?</i> + послелог <i>n'amna</i>

[л. 10]	Med Suffixer (С суффиксами)		
	⟨1.⟩	⟨2.⟩	⟨3.⟩
N.	<i>cejó</i> ‘mitt hjerta’ / ‘hjärta’ / (‘мое сердце’)	<i>céæpь</i> ‘ditt h[jerta]’ / ‘hjärta’ / (‘твое сердце’)	<i>cèida</i>
G.	<i>céæNь</i>	<i>céæндь</i>	<i>céænda</i>
D.	<i>céigaNь</i>	<i>céigaNdь</i>	<i>céigaNda</i>
A.	= Nom.	<i>céæмдь</i>	<i>céæmda</i>

V.	— —	= Nom.	<i>céida</i>
I.	<i>céimboiN</i> och ⟨и⟩ <i>céæNъ</i>	<i>céimboid</i> och ⟨и⟩ <i>céæNдь</i>	<i>céimboida</i> och ⟨и⟩ <i>céæNда</i> (p. 47)
	POSS1SG	POSS2SG	POSS3SG
NOM.SG	<i>s'èjú-w°</i>	<i>s'èjə-r°</i>	<i>s'èj°-dà</i>
GEN.SG	<i>s'èjə-n°</i>	<i>s'èjə-nt°</i>	<i>s'èj°-ntà</i>
DAT.SG	<i>s'èj°-xə̀n°</i>	<i>s'èj°-xə̀nt°</i>	<i>s'èj°-xə̀nta</i>
ACC.SG	<i>s'èjú-w°</i>	<i>s'èjə-mt°</i>	<i>s'èj°-mtà</i>
INSTR.SG + LOC.SG	<i>s'èj°-xə̀nà̀n°</i>	<i>s'èj°-xə̀nà̀nt°</i>	<i>s'èj°-xə̀nà̀ntà</i>
ABL.SG	<i>s'èj°-xə̀də̀n°</i>	<i>s'èj°-xə̀də̀nt°</i>	<i>s'èj°-xə̀d°ntà</i>
PROL.SG	<i>s'èjú-w°nà̀n°</i>	<i>s'èjú-w°nà̀nt°</i>	<i>s'èjú-w°nà̀nta</i>
		<u>Dualis</u>	
[Л. 10]	⟨1.⟩	⟨2.⟩	⟨3.⟩
N. A. V.	<i>сэæгыюнь</i>	<i>сэæгыюдь</i>	<i>сэæгыюди</i>
G.	—	<i>сэæгыютъ</i>	<i>сэæгыюти</i>
D.	<i>сэæгаNъ</i>	<i>сэæгатъ</i>	<i>сэæгати</i>
I.	<i>сэæгамбоюNъ</i> och ⟨и⟩ <i>сэæгыюнь</i>	<i>сэæгамбоютъ</i> och ⟨и⟩ <i>сэæгыютъ</i>	<i>сэæгамбоюти</i> och ⟨и⟩ <i>сэæгыюти</i>
	POSS1DU	POSS2DU	POSS3DU
NOM.DU	<i>s'èj°-xə̀jun'í²</i>	<i>s'èj°-xə̀jud'í²</i>	<i>s'èj°-xə̀jud'í²</i>
GEN.DU	<i>s'èj°-xə̀jun'í²</i>	<i>s'èj°-xə̀jut'í²</i>	<i>s'èj°-xə̀jut'í²</i>
DAT.DU	<i>s'èj°-xə̀jun'í²</i> + послелог <i>n'a²</i>	<i>s'èj°-xə̀jut'í²</i> + послелог <i>n'a²</i>	<i>s'èj°-xə̀jut'í²</i> + послелог <i>n'a²</i>
ACC.DU	<i>s'èj°-xə̀jun'í²</i>	<i>s'èj°-xə̀jud'í²</i>	<i>s'èj°-xə̀jud'í²</i>
INSTR.DU + LOC.DU	<i>s'èj°-xə̀jun'í²</i> + послелог <i>n'ána</i>	<i>s'èj°-xə̀jut'í²</i> + послелог <i>n'ána</i>	<i>s'èj°-xə̀jut'í²</i> + послелог <i>n'ána</i>
ABL.DU	<i>s'èj°-xə̀jun'í²</i> + послелог <i>n'ad°</i>	<i>s'èj°-xə̀jut'í²</i> + послелог <i>n'ad°</i>	<i>s'èj°-xə̀jut'í²</i> + послелог <i>n'ad°</i>
PROL.DU	<i>s'èj°-xə̀jun'í²</i> + послелог <i>n'ámna</i>	<i>s'èj°-xə̀jut'í²</i> + послелог <i>n'ámna</i>	<i>s'èj°-xə̀jut'í²</i> + послелог <i>n'ámna</i>
		<u>Plural</u>	
[Л. 10]	⟨1.⟩	⟨2.⟩	⟨3.⟩
N.	<i>céæNa</i> 'vára hjertan' (‘наши сердца’)	<i>céæda</i> 'era hj[ertan]' (‘ваши сердца’)	<i>céædo</i> 'deras hjertan' (‘их сердца’)
G.	<i>céæveiNa</i>	<i>céæveiita</i>	<i>céæveiito</i>
D.	<i>céægaNa</i>	<i>céægata</i>	<i>céægato</i>
A.	= Nom.	= Nom.	= Nom.
V.	— —	— —	— —
I.	— —	<i>céæta</i>	<i>céæto</i>
	POSS1PL	POSS2PL	POSS3PL
NOM.PL	<i>s'èj°-nà²</i>	<i>s'èj°-dà²</i>	<i>s'èj°-dò²</i>
GEN.PL	<i>s'èj°-ʔnà²</i>	<i>s'èj°-tà²</i>	<i>s'èj°-tò²</i>
DAT.PL	<i>s'èj°-xə̀ʔna²</i>	<i>s'èj°-xə̀ta²</i>	<i>s'èj°-xə̀to²</i>
ACC.PL	<i>s'èj°-nà²</i>	<i>s'èj°-dà²</i>	<i>s'èj°-dò²</i>
INSTR.PL + LOC.PL	<i>s'èj°-xə̀ʔnanà²</i>	<i>s'èj°-xə̀ʔnatà²</i>	<i>s'èj°-xə̀ʔnatò²</i>
ABL.PL	<i>s'èj°-xə̀t°nà²</i>	<i>s'èj°-xə̀t°tà²</i>	<i>s'èj°-xə̀t°tò²</i>
PROL.PL	<i>s'èj°-ʔmənà²</i>	<i>s'èj°-ʔmənà²</i>	<i>s'èj°-ʔmənà²</i>

4.2.17. Далее в рукописи SamGr приводится пример основы на $-i^\circ$ после твердого согласного, это имя рассматривается как пример основы на $-bi$.

Exempel på bi

[17] Ср.: *пайды* ‘щека’ [Терещенко 1965: 435];

$pa_j^\circ di^\circ$ (N $e\sim i\theta$, N $e\sim i\theta$), PAÿØTE~IØ (PAÿØTE~IØ) [Salminen 1998: 57, 501].

[Л. 10]	Sing.	Plur.	Dual.
N.	<i>páidy</i> ‘щека’	<i>paidý</i> (p. 48)	<i>páideg</i>
G.	<i>páide</i>	<i>paidyvéi</i>	<i>paidegè</i>
D.	<i>páiden</i>	<i>páidē</i>	<i>páidegnā</i>
A.	<i>páidym</i>	<i>páidy</i>	= Nom.
V.	= Nom.	= Nom.	— —
I.	<i>páidemboi</i> & <i>páidē</i>	— —	<i>páidegamboi</i>
L.	<i>páideβj</i>	<i>páideβj</i>	<i>paidegēβj</i>

	SG	PL	DU
NOM	$pa_j^\circ di^\circ$	$pa_j^\circ di^\circ\text{-}?$	$pa_j^\circ de\text{-}x^\circ?$
GEN	$pa_j^\circ di^\circ\text{-}?$	$pa_j^\circ di^\circ\text{-}?$	$pa_j^\circ de\text{-}x^\circ?$
DAT	$pa_j^\circ dè\text{-}n^\circ?$	$pa_j^\circ de\text{-}x^\circ?$	$pa_j^\circ de\text{-}x^\circ?$ + послелог $n'a?$
ACC	$pa_j^\circ di^\circ\text{-}m$	$pa_j^\circ di^\circ$	$pa_j^\circ de\text{-}x^\circ?$
INSTR +	$pa_j^\circ dè\text{-}x^\circ nà$	$pa_j^\circ dè\text{-}x^\circ nà$	$pa_j^\circ de\text{-}x^\circ?$ + послелог $n'ána$
LOC	(> $pa_j^\circ de^\circ na$ [pàjdé:nɛ])	(> $pa_j^\circ de^\circ na$ [pàjdé:ʔnɛ])	
ABL	$pa_j^\circ de\text{-}x^\circ d^\circ$	$pa_j^\circ de\text{-}x^\circ t^\circ$	$pa_j^\circ de\text{-}x^\circ?$ + послелог $n'ad^\circ$
	(> $pa_j^\circ de^\circ ad^\circ$ [pàjdé:d])	(> $pa_j^\circ de^\circ t^\circ$ [pàjdé:t])	
PROL	$pa_j^\circ dè\text{-}w^\circ na$	$pa_j^\circ dè\text{-}ʔm^\circ nà$	$pa_j^\circ de\text{-}x^\circ?$ + послелог $n'ámna$

[Л. 10, л. 10об.]	<u>Med Suffixer</u> (С суффиксами)		
	(1.)	(2.)	(3.)
N.	<i>páidev</i>	<i>páider</i>	<i>páideda</i>
	‘min kind’ (‘моя щека’)	‘din kind’ (‘твоя щека’)	‘hans kind’ (‘его щека’)
G.	<i>páiden</i>	<i>páidend</i>	<i>páidenda</i>
лист 10 об.			
D.	<i>páidegan</i>	<i>páidegand</i>	<i>páideganda</i>
A.	<i>páidev</i>	<i>páidemd</i>	<i>páidemda</i>
V.	—	<i>páider</i>	<i>páideda</i>
I.	<i>páidemboin</i>	<i>páidemboid</i>	<i>páidemboida</i>
	och (и) <i>páiden</i>	och (и) <i>páidend</i>	och (и) <i>páidendâ</i> (p. 49)

	POSS1SG	POSS2SG	POSS3SG
NOM.SG	$pa_j^\circ dè\text{-}w^\circ$	$pa_j^\circ dè\text{-}r^\circ$	$pa_j^\circ dè\text{-}da$
GEN.SG	$pa_j^\circ dè\text{-}n^\circ$	$pa_j^\circ dè\text{-}nt^\circ$	$pa_j^\circ dè\text{-}nta$
DAT.SG	$pa_j^\circ de\text{-}x^\circ n^\circ$	$pa_j^\circ de\text{-}x^\circ nt^\circ$	$pa_j^\circ dè\text{-}x^\circ n^\circ ta$
	(> $pa_j^\circ de^\circ n^\circ$ [pàjdé:n])	(> $pa_j^\circ de^\circ nt^\circ$ [pàjdé:nd])	(> $pa_j^\circ de^\circ n^\circ ta$ [pàjdé:ndɛ])
ACC.SG	$pa_j^\circ dè\text{-}w^\circ$	$pa_j^\circ dè\text{-}mt^\circ$	$pa_j^\circ dè\text{-}mta$
INSTR.SG +	$pa_j^\circ dè\text{-}x^\circ n^\circ n^\circ$	$pa_j^\circ dè\text{-}x^\circ n^\circ nt^\circ$	$pa_j^\circ dè\text{-}x^\circ n^\circ n^\circ ta$
LOC.SG	(> $pa_j^\circ de^\circ nan^\circ$ [pàjdé:nɛn])	(> $pa_j^\circ de^\circ n^\circ nt^\circ$ [pàjdé:nɛnd])	(> $pa_j^\circ de^\circ n^\circ n^\circ ta$ [pàjdé:nɛndâ])
ABL.SG	$pa_j^\circ dè\text{-}x^\circ d^\circ n^\circ$	$pa_j^\circ dè\text{-}x^\circ d^\circ nt^\circ$	$pa_j^\circ dè\text{-}x^\circ d^\circ n^\circ ta$
PROL.SG	$pa_j^\circ dè\text{-}w^\circ n^\circ n^\circ$	$pa_j^\circ dè\text{-}w^\circ n^\circ nt^\circ$	$pa_j^\circ dè\text{-}w^\circ n^\circ n^\circ ta$

[Л. 10об.]	<u>Dualis</u>		
	<1.>	<2.>	<3.>
N. A. V.	<i>páidegjunj</i>	<i>páidegjudj</i>	<i>páidegjudi</i>
G.	—	<i>páidegjutj</i>	<i>páidegjuti</i>
D.	<i>páidegnj</i>	<i>páidegtj</i>	<i>páidegti</i>
I.	<i>páidegmbojunj</i> och <и> <i>páidegjunj</i>	<i>páidegmbojutj</i> och <и> <i>páidegjutj</i>	<i>páidegmbojuti</i> och <и> <i>páidegjuti</i>

	POSS1DU	POSS2DU	POSS3DU
NOM.DU	<i>páj°dè-x°jùn'i?</i>	<i>páj°dè-x°jùd'i?</i>	<i>páj°dè-x°jùd'i?</i>
GEN.DU	<i>páj°dè-x°jùn'i?</i>	<i>páj°dè-x°jùt'i?</i>	<i>páj°dè-x°jùt'i?</i>
DAT.DU	<i>páj°dè-x°jùn'i?</i> + послелог <i>n'a?</i>	<i>páj°dè-x°jùt'i?</i> + послелог <i>n'a?</i>	<i>páj°dè-x°jùt'i?</i> + послелог <i>n'a?</i>
ACC.DU	<i>páj°dè-x°jùn'i?</i>	<i>páj°dè-x°jùd'i?</i>	<i>páj°dè-x°jùd'i?</i>
INSTR.DU + LOC.DU	<i>páj°dè-x°jùn'i?</i> + послелог <i>n'ána</i>	<i>páj°dè-x°jùt'i?</i> + послелог <i>n'ána</i>	<i>páj°dè-x°jùt'i?</i> + послелог <i>n'ána</i>
ABL.DU	<i>páj°dè-x°jùn'i?</i> + послелог <i>n'ad°</i>	<i>páj°dè-x°jùt'i?</i> + послелог <i>n'ad°</i>	<i>páj°dè-x°jùt'i?</i> + послелог <i>n'ad°</i>
PROL.DU	<i>páj°dè-x°jùn'i?</i> + послелог <i>n'amna</i>	<i>páj°dè-x°jùt'i?</i> + послелог <i>n'amna</i>	<i>páj°dè-x°jùt'i?</i> + послелог <i>n'amna</i>

[Л. 10об.]	<u>Plural</u>		
	<1.>	<2.>	<3.>
N.	<i>páidynd</i> ‘våra kinder’ <‘наши щеки’>	<i>páidynda</i> ‘era kinder’ <‘ваши щеки’>	<i>páidydo</i>
G.	<i>páidyvéina</i>	<i>páidyvéita</i>	<i>paidyvéito</i>
D.	<i>paidenà</i>	<i>paidetà</i>	<i>paidetò</i>
A.	= Nom.	<i>páidyta</i>	<i>páidyto</i>
V.	— —	= Nom.	= Nom.
I.	— —	= Accus.	= Accus. (p. 50)

	POSS1PL	POSS2PL	POSS3PL
NOM.PL	<i>páj°dì°-na?</i>	<i>páj°dì°-da?</i>	<i>páj°dì°-do?</i>
GEN.PL	<i>páj°dì°-?na?</i>	<i>páj°dì°-?ta?</i>	<i>páj°dì°-?to?</i>
DAT.PL	<i>páj°dè-x°?nà?</i> (> <i>páj°de°?na?</i> [pàjdé:ʔneʔ])	<i>páj°dè-x°?tà?</i> (> <i>páj°de°?ta?</i> [pàjdé:teʔ])	<i>páj°dè-x°?tò?</i> (> <i>páj°de°?to?</i> [pàjdé:toʔ]/[pàjdé:toʔ])
ACC.PL	<i>páj°dì°-na?</i>	<i>páj°dì°-da?</i>	<i>páj°dì°-do?</i>
INSTR.PL + LOC.PL	<i>páj°dè-x°?nàna?</i> (> <i>páj°de°?nana?</i> [pàjdé:ʔnènaʔ])	<i>páj°dè-x°?nàta?</i> (> <i>páj°de°?nata?</i> [pàjdé:ʔnetàʔ])	<i>páj°dè-x°?nàto?</i> (> <i>páj°de°?nato?</i> [pàjdé:ʔnetòʔ])
ABL.PL	<i>páj°dè-x°?tàna?</i>	<i>páj°dè-x°?tàta?</i>	<i>páj°dè-x°?tàto?</i>
PROL.PL	<i>páj°dè-ʔm°nàna?</i>	<i>páj°dè-ʔm°nàta?</i>	<i>páj°dè-ʔm°nàto?</i>

Далее в рукописи следует текст на шведском языке со следующими ненецкими примерами — формами генитива единственного числа: *cæ* NOM.SG — *cæð* GEN.SG ‘ansigte’ / ‘ansikte’ / <‘лицо’>, *i* NOM.SG — *id* GEN.SG ‘vatten’ <‘вода’>, *Nim* NOM.SG — *Nieð* GEN.SG ‘namn’ <‘имя’>, *ind* NOM.SG — *indað* GEN.SG ‘ande’ <‘дух’>, *mí* NOM.SG — *míN* GEN.SG ‘mage’ <‘брюхо’, ‘желудок’>, *Nvm* NOM.SG — *Nvveð* GEN.SG ‘himmel’ <‘небо’>.

4.2.18. Далее в рукописи SamGr приводится пример основы на «глухой», «ненализ(ир)ованный» гортанный смычный согласный -ʔ, это имя рассматривается как пример основы на -æ, то есть на гласный -a после палатализованного согласного.

Exempel på æ

[18] Ср.: ся''(д) 'лицо' [Терещенко 1965: 608];
 suaq (N t+o), SYAT [Salminen 1998: 324].

[л. 10об.]	Sing.	Plur.	Dual.
N.	<i>cæ</i> 'ansigte' / 'ansikte' / <'лицо'>	<i>cæðð</i> 'ansigten' <'лица'>	<i>cǽкъ</i>
G.	<i>cæð</i>	<i>cæðovéi</i>	<i>cǽке</i>
D.	<i>cǽтъ</i>	<i>cǽкъ</i>	<i>cǽкNæ</i>
A.	<i>cæðмъ</i>	<i>cæðð</i>	= Nom.
V.	= Nom.	= Nom.	— —
I.	<i>cæ̀nði</i> och <и> <i>cǽð</i>	<i>cæ̀ðó</i>	= Dat.
L.	<i>cǽðгасъ</i>	<i>cǽðгасъ</i> (p. 51)	<i>cǽкасъ</i>

	SG	PL	DU
NOM	<i>s'áʔ</i>	<i>s'ádʔ</i>	<i>s'ákʔ</i>
GEN	<i>s'ad-ʔ</i>	<i>s'ádo-ʔ</i>	<i>s'ákʔ</i>
DAT	<i>s'átʔ</i>	<i>s'ákʔ</i>	<i>s'ákʔ</i> + послелог <i>n'aʔ</i>
ACC	<i>s'ad-m</i>	<i>s'ádo</i>	<i>s'ákʔ</i>
INSTR + LOC	<i>s'ákʔnà</i>	<i>s'ákʔnà</i>	<i>s'ákʔ</i> + послелог <i>n'ána</i>
ABL	<i>s'ákæð</i>	<i>s'ákæt</i>	<i>s'ákʔ</i> + послелог <i>n'ad</i>
PROL	<i>s'áʔ-mʔnà</i>	<i>s'ádo-ʔmèna</i>	<i>s'ákʔ</i> + послелог <i>n'ámna</i>

[л. 10об., л. 11]	Med Suffixer <C суффиксами>		
	<1.>	<2.>	<3.>
N.	<i>cǽмъ</i> 'min ansigte' '/min ansikte' / <'мое лицо'>	<i>cǽль</i> 'din ans[igte]' '/din ansikte' / <'твое лицо'>	<i>cǽта</i> 'hans ansigte' '/hans ansikte' / <'его лицо'>
G.	<i>cǽNъ</i>	<i>cǽтъ</i>	—
D.	<i>cǽкамъ</i>	<i>cǽкаNð</i>	<i>cǽкаNða</i>
лист 11			
A.	<i>cǽмъ</i>	<i>cǽль</i>	<i>cǽта</i>
V.	—	—	—
I.	<i>cæ̀nóinъ</i>	<i>cæ̀nóidъ</i>	<i>cæ̀nóida</i>

	POSS1SG	POSS2SG	POSS3SG
NOM.SG	<i>s'áʔ-m</i>	<i>s'áʔ-l</i>	<i>s'áta</i>
GEN.SG	<i>s'áʔ-n</i>	<i>s'áʔ-nt</i>	<i>s'áʔ-nta</i>
DAT.SG	<i>s'ákæn</i>	<i>s'ákænt</i>	<i>s'ákʔntà</i>
ACC.SG	<i>s'áʔ-m</i>	<i>s'áʔ-mt</i>	<i>s'áʔ-mta</i>
INSTR.SG + LOC.SG	<i>s'ákʔnàn</i>	<i>s'ákʔnànt</i>	<i>s'ákʔnànta</i>
ABL.SG	<i>s'ákʔdæn</i>	<i>s'ákʔdænt</i>	<i>s'ákʔdænta</i>
PROL.SG	<i>s'áʔ-mʔnàn</i>	<i>s'áʔ-mʔnànt</i>	<i>s'áʔ-mʔnànta</i>

[л. 11]	Dual.		
	<1.>	<2.>	<3.>
N. A. V.	<i>cǽкьюнь</i>	<i>cǽкьюð</i>	<i>cǽкьюði</i>
G. I.	—	<i>cǽкьють</i>	<i>cǽкьюti</i>
D.	<i>cǽкаNъ</i>	<i>cǽкать</i>	<i>cǽкати</i>

	POSS1DU	POSS2DU	POSS3DU
NOM.DU	<i>s'ák°jùn'i?</i>	<i>s'ák°jùd'i?</i>	<i>s'ák°jùd'i?</i>
GEN.DU	<i>s'ák°jùn'i?</i>	<i>s'ák°jùt'i?</i>	<i>s'ák°jùt'i?</i>
DAT.DU	<i>s'ák°jùn'i?</i> + послелог <i>n'a?</i>	<i>s'ák°jùt'i?</i> + послелог <i>n'a?</i>	<i>s'ák°jùt'i?</i> + послелог <i>n'a?</i>
ACC.DU	<i>s'ák°jùn'i?</i>	<i>s'ák°jùd'i?</i>	<i>s'ák°jùd'i?</i>
INSTR.DU + LOC.DU	<i>s'ák°jùn'i?</i> + послелог <i>n'ána</i>	<i>s'ák°jùt'i?</i> + послелог <i>n'ána</i>	<i>s'ák°jùt'i?</i> + послелог <i>n'ána</i>
ABL.DU	<i>s'ák°jùn'i?</i> + послелог <i>n'ad°</i>	<i>s'ák°jùt'i?</i> + послелог <i>n'ad°</i>	<i>s'ák°jùt'i?</i> + послелог <i>n'ad°</i>
PROL.DU	<i>s'ák°jùn'i?</i> + послелог <i>n'amna</i>	<i>s'ák°jùt'i?</i> + послелог <i>n'amna</i>	<i>s'ák°jùt'i?</i> + послелог <i>n'amna</i>

[л. 11]	Plural		
	<1.>	<2.>	<3.>
N.	<i>cæðoNa</i> 'våra ansigten' <'наши лица'>	<i>cæðoda</i> 'era a[nsigten]' <'ваши лица'>	<i>cæðodo</i> 'deras ans[igten]' <'их лица'> (p. 52)
G.	<i>cæðovéiNa</i>	<i>cæðovéima</i>	<i>cæðovéimo</i>
D.	<i>cækaNa</i>	<i>cækata</i>	<i>cækato</i>
A.	<i>cæðoNà</i>	<i>cæðoda</i>	<i>cæðodo</i>
V.	= Nom.	= Nom.	= Nom.
I.	<i>cæðoNá</i>	<i>cæðomá</i>	<i>cæðomó</i>

	POSS1PL	POSS2PL	POSS3PL
NOM.PL	<i>s'ádo-nà?</i>	<i>s'ádo-dà?</i>	<i>s'ádo-dò?</i>
GEN.PL	<i>s'ádo-?nà?</i>	<i>s'ádo-tà?</i>	<i>s'ádo-tò?</i>
DAT.PL	<i>s'ák°?nà?</i>	<i>s'ák°tà?</i>	<i>s'ák°tò?</i>
ACC.PL	<i>s'ádo-nà?</i>	<i>s'ádo-dà?</i>	<i>s'ádo-dò?</i>
INSTR.PL + LOC.PL	<i>s'ák°?nàna?</i>	<i>s'ák°?nàta?</i>	<i>s'ák°?nàto?</i>
ABL.PL	<i>s'ák°tèna?</i>	<i>s'ák°tèta?</i>	<i>s'ák°tèto?</i>
PROL.PL	<i>s'ádo-?mènanà?</i>	<i>s'ádo-?mènatà?</i>	<i>s'ádo-?mènatò?</i>

4.2.19. Далее в рукописи SamGr приводится очередной пример основы на «глухой», «ненализ(ир)ованный» гортанный смычный согласный -ʔ, это имя рассматривается как пример основы на -i, т. е. на гласный -i после палатального согласного.

Exempel på i

[19] Ср.: *u*ʔ(ð) 'вода' [Терещенко 1965: 152];
yiq (N *t+ye*), ЫИТ [Salminen 1998: 329].

[л. 11]	Sing.	Plur.	Dual.
N.	<i>i</i> 'vatten' <'вода'>	<i>id</i>	<i>ik</i>
G.	<i>id</i>	<i>idivéi</i>	<i>ikè</i>
D.	<i>it</i>	<i>ik</i>	<i>iknæ</i>
A.	<i>idm</i>	<i>idì</i>	= Nom.
V.	= Nom.	= Nom.	— —
I.	<i>ipòì och</i> <и> <i>id</i>	<i>idì</i>	= Dat.
L.	<i>idgaßj</i>	<i>idgaßj</i>	<i>ikéßj</i> (p. 53)

	SG	PL	DU
NOM	<i>jiʔ</i>	<i>jid°ʔ</i>	<i>jik°ʔ</i>
GEN	<i>jid-ʔ</i>	<i>jid'e-ʔ</i>	<i>jik°ʔ</i>
DAT	<i>jit°ʔʔ</i>	<i>jik°ʔ</i>	<i>jik°ʔ</i> + послелог <i>n'aʔ</i>
ACC	<i>jid-m</i>	<i>jid'e</i>	<i>jik°ʔ</i>
INSTR + LOC	<i>jik°nà</i>	<i>jik°ʔnà</i>	<i>jik°ʔ</i> + послелог <i>n'ána</i>
ABL	<i>jikəd°</i>	<i>jikət°</i>	<i>jik°ʔ</i> + послелог <i>n'ad°</i>
PROL	<i>jiʔ-m°nà</i>	<i>jid'e-ʔmàna</i>	<i>jik°ʔ</i> + послелог <i>n'ámna</i>

[л. 11]	Med Suffixer (С суффиксами)		
	<1.>	<2.>	<3.>
N.	<i>im</i> 'min vatten' <'моя вода'>	<i>il</i> 'din vatten' <'твоя вода'>	<i>itè</i> 'hans vatten' <'его вода'>
G.	<i>in</i>	<i>it</i>	<i>ite</i>
D.	<i>ikan</i>	<i>ikand</i>	<i>ikanda</i>
A.	= Nom.	<i>it</i>	= Nom.
V.	— —	= Nom.	— —
I.	<i>ipóin</i>	<i>ipóid</i>	<i>ipóida</i>

	POSS1SG	POSS2SG	POSS3SG
NOM.SG	<i>jiʔ-m°</i>	<i>jiʔ-l°</i>	<i>jita/jit'a</i>
GEN.SG	<i>jiʔ-n°</i>	<i>jiʔ-nt°</i>	<i>jiʔ-nta</i>
DAT.SG	<i>jikən°</i>	<i>jikənt°</i>	<i>jik°ntà</i>
ACC.SG	<i>jiʔ-m°</i>	<i>jiʔ-mt°</i>	<i>jiʔ-mta</i>
INSTR.SG + LOC.SG	<i>jik°nàn°</i>	<i>jik°nànt°</i>	<i>jik°nànta</i>
ABL.SG	<i>jik°dàn°</i>	<i>jik°dànt°</i>	<i>jik°dànta</i>
PROL.SG	<i>jiʔ-m°nàn°</i>	<i>jiʔ-m°nànt°</i>	<i>jiʔ-m°nànta</i>

[л. 11]	Dual.		
	<1.>	<2.>	<3.>
N. A. V.	<i>ikjunj</i>	<i>ikjudj</i>	<i>ikjudi</i>
G. I.	—	<i>ikjutj</i>	<i>ikjuti</i>
D.	<i>ikanj</i>	<i>ikatj</i>	<i>ikati</i>

	POSS1DU	POSS2DU	POSS3DU
NOM.DU	<i>jik°jùn'iʔ</i>	<i>jik°jùd'iʔ</i>	<i>jik°jùd'iʔ</i>
GEN.DU	<i>jik°jùn'iʔ</i>	<i>jik°jùt'iʔ</i>	<i>jik°jùt'iʔ</i>
DAT.DU	<i>jik°jùn'iʔ</i> + послелог <i>n'aʔ</i>	<i>jik°jùt'iʔ</i> + послелог <i>n'aʔ</i>	<i>jik°jùt'iʔ</i> + послелог <i>n'aʔ</i>
ACC.DU	<i>jik°jùn'iʔ</i>	<i>jik°jùd'iʔ</i>	<i>jik°jùd'iʔ</i>
INSTR.DU + LOC.DU	<i>jik°jùn'iʔ</i> + послелог <i>n'ána</i>	<i>jik°jùt'iʔ</i> + послелог <i>n'ána</i>	<i>jik°jùt'iʔ</i> + послелог <i>n'ána</i>
ABL.DU	<i>jik°jùn'iʔ</i> + послелог <i>n'ad°</i>	<i>jik°jùt'iʔ</i> + послелог <i>n'ad°</i>	<i>jik°jùt'iʔ</i> + послелог <i>n'ad°</i>
PROL.DU	<i>jik°jùn'iʔ</i> + послелог <i>n'ámna</i>	<i>jik°jùt'iʔ</i> + послелог <i>n'ámna</i>	<i>jik°jùt'iʔ</i> + послелог <i>n'ámna</i>

лист 11об.

[л. 11об.]	Plur.		
	⟨1.⟩	⟨2.⟩	⟨3.⟩
N.	<i>idinà</i> ‘våra vatten’ ⟨‘наши воды’⟩	<i>ididà</i> ‘era vatten’ ⟨‘ваши воды’⟩	<i>ididò</i> ‘deras vatten’ ⟨‘их воды’⟩ (p. 55)
G.	<i>idivéina</i>	<i>idivéita</i>	<i>idivéito</i>
D.	<i>ikana</i>	<i>íkata</i>	<i>íkato</i>
A.	= Nom.	= Nom.	= Nom.
V.	— —	— —	— —
I.	— —	<i>iditá</i>	<i>iditó</i>

	POSS1PL	POSS2PL	POSS3PL
NOM.PL	<i>jíd'e-nà?</i>	<i>jíd'e-dà?</i>	<i>jíd'e-dò?</i>
GEN.PL	<i>jíd'e-ʔnà?</i>	<i>jíd'e-tà?</i>	<i>jíd'e-tò?</i>
DAT.PL	<i>jík°ʔnà?</i>	<i>jík°tà?</i>	<i>jík°tò?</i>
ACC.PL	<i>jíd'e-nà?</i>	<i>jíd'e-dà?</i>	<i>jíd'e-dò?</i>
INSTR.PL + LOC.PL	<i>jík°ʔnàna?</i>	<i>jík°ʔnàta?</i>	<i>jík°ʔnàto?</i>
ABL.PL	<i>jík°tàna?</i>	<i>jík°tàta?</i>	<i>jík°tàto?</i>
PROL.PL	<i>jíd'e-ʔmànanà?</i>	<i>jíd'e-ʔmànatà?</i>	<i>jíd'e-ʔmànatò?</i>

4.2.20. Далее в рукописи SamGr приводится пример двусложной основы на «глухой», «неназализ(ир)ованный» гортанный смычный согласный -ʔ, это имя рассматривается как пример основы на -ʔ.

Exemp. på ʔ

[20] Ср.: *инд*''(д)⁹² ‘дыхание’, ‘вдох’, ‘пар (от дыхания, от кипения)’, ‘испарение’, ‘воздух’ [Терещенко 1965: 143—144];

yínt°q (N *t+ye ~ +o*), Ў́И́НТӨ́Т (Ў́И́НТӨ́Т) [Salminen 1998: 322, 542].

В рукописи склонение этого слова идет по типу N *t+o*.

[л. 11об.]	Sing.	Plur.	Dual.
N.	<i>ind</i> ‘ande’ ⟨‘дыхание’⟩	<i>indad</i>	<i>indak</i>
G.	<i>indad</i>	<i>indadovéi</i>	<i>indakè</i>
D.	<i>indat</i>	<i>indak</i>	<i>indaknæ</i>
A.	<i>indadm</i>	<i>indado</i>	= Nom.
V.	<i>indèi</i>	<i>indéi</i>	— —
I.	<i>indapoi</i> och ⟨и⟩ <i>indad</i>	<i>indadó</i>	= Dat.
L.	<i>indadgaβj</i>	<i>indadgaβj</i>	<i>indakéβj</i> (p. 55)

	SG	PL	DU
NOM	<i>jínt°ʔ</i>	<i>jíntəd°ʔ</i>	<i>jíntək°ʔ</i>
GEN	<i>jínt°d-ʔ</i>	<i>jínt°dò-ʔ / jínt°d'è-ʔ</i>	<i>jíntək°ʔ</i>
DAT	<i>jíntət°ʔ</i>	<i>jíntək°ʔ</i>	<i>jíntək°ʔ</i> + послелог <i>n'a?</i>
ACC	<i>jínt°d-m</i>	<i>jínt°dò / jínt°d'è</i>	<i>jíntək°ʔ</i>
INSTR + LOC	<i>jínt°kàna</i>	<i>jínt°kàʔna</i>	<i>jíntək°ʔ</i> + послелог <i>n'ána</i>
ABL	<i>jínt°kàd°</i>	<i>jínt°kàt°</i>	<i>jíntək°ʔ</i> + послелог <i>n'ad°</i>
PROL	<i>jínt°ʔ-màna</i>	<i>jínt°dò-ʔm°nà / jínt°d'è-ʔm°nà</i>	<i>jíntək°ʔ</i> + послелог <i>n'amna</i>

⁹² В словаре Н. М. Терещенко не отмечена долгота гласного в этом слове.

[Л. 11об.]	<u>Med Suffixer</u> (С суффиксами)		
	<1.>	<2.>	<3.>
N.	<i>indam</i> ‘min ande’ <‘мое дыхание’>	<i>indal</i> ‘din ande’ <‘твое дыхание’>	<i>indata</i> ‘hans ande’ <‘его дыхание’>
G.	<i>indan</i>	<i>indat</i>	—
D.	<i>indakan</i>	<i>indakand</i>	<i>indakanda</i>
A.	= Nom.	= Gen.	= Nom. & Gen.
V.	<i>indamèi</i>	= Nom.	— —
I.	<i>indapoin</i>	<i>indapoid</i>	<i>indapoida</i>

	POSS1SG	POSS2SG	POSS3SG
NOM.SG	<i>jíntəʔ-m°</i>	<i>jíntəʔ-l°</i>	<i>jínt°tə</i>
GEN.SG	<i>jíntəʔ-n°</i>	<i>jíntəʔ-nt°</i>	<i>jínt°ʔ-ntə</i>
DAT.SG	<i>jínt°kə̀n°</i>	<i>jínt°kə̀nt°</i>	<i>jínt°kə̀ntə</i>
ACC.SG	<i>jíntəʔ-m°</i>	<i>jíntəʔ-mt°</i>	<i>jínt°ʔ-mtə</i>
INSTR.SG + LOC.SG	<i>jínt°kə̀nà̀n°</i>	<i>jínt°kə̀nà̀nt°</i>	<i>jínt°kə̀nà̀ntə</i>
ABL.SG	<i>jínt°kə̀də̀n°</i>	<i>jínt°kə̀də̀nt°</i>	<i>jínt°kə̀d°ntə</i>
PROL.SG	<i>jínt°ʔ-mə̀nà̀n°</i>	<i>jínt°ʔ-mə̀nà̀nt°</i>	<i>jínt°ʔ-mə̀nà̀ntə</i>

[Л. 11об.]	<u>Dual.</u>		
	<1.>	<2.>	<3.>
N. A.	<i>indakajunj</i>	<i>indakajudj</i>	<i>indakajudi</i>
G. I.	—	<i>indakajutj</i>	<i>indakajuti</i>
D.	<i>indkanj</i>	<i>indkatj</i>	<i>indkati</i>
V.	<i>indakajunèi</i>	<i>indakajudj</i>	= Nomin.

	POSS1DU	POSS2DU	POSS3DU
NOM.DU	<i>jínt°kə̀jun’iʔ</i>	<i>jínt°kə̀jud’iʔ</i>	<i>jínt°kə̀jud’iʔ</i>
GEN.DU	<i>jínt°kə̀jun’iʔ</i>	<i>jínt°kə̀jut’iʔ</i>	<i>jínt°kə̀jut’iʔ</i>
DAT.DU	<i>jínt°kə̀jun’iʔ</i> + послелог <i>n’aʔ</i>	<i>jínt°kə̀jut’iʔ</i> + послелог <i>n’aʔ</i>	<i>jínt°kə̀jut’iʔ</i> + послелог <i>n’aʔ</i>
ACC.DU	<i>jínt°kə̀jun’iʔ</i>	<i>jínt°kə̀jud’iʔ</i>	<i>jínt°kə̀jud’iʔ</i>
INSTR.DU + LOC.DU	<i>jínt°kə̀jun’iʔ</i> + послелог <i>n’ána</i>	<i>jínt°kə̀jut’iʔ</i> + послелог <i>n’ána</i>	<i>jínt°kə̀jut’iʔ</i> + послелог <i>n’ána</i>
ABL.DU	<i>jínt°kə̀jun’iʔ</i> + послелог <i>n’ad°</i>	<i>jínt°kə̀jut’iʔ</i> + послелог <i>n’ad°</i>	<i>jínt°kə̀jut’iʔ</i> + послелог <i>n’ad°</i>
PROL.DU	<i>jínt°kə̀jun’iʔ</i> + послелог <i>n’ámna</i>	<i>jínt°kə̀jut’iʔ</i> + послелог <i>n’ámna</i>	<i>jínt°kə̀jut’iʔ</i> + послелог <i>n’ámna</i>

[Л. 11об.]	<u>Plur.</u>		
	<1.>	<2.>	<3.>
N.	<i>indadona</i> ‘våra andar’ <‘наши дыхания’>	<i>indadoda</i> ‘era andar’ <‘ваши дыхания’>	<i>indadodò</i> ‘deras andar’ <‘их дыхания’> (p. 56)
G.	<i>indadovéina</i>	<i>indadovéita</i>	<i>indadovéito</i>
D.	<i>indakana</i>	<i>indakata</i>	<i>indakato</i>
A.	= Nom.	= Nom.	= Nom.
V.	<i>indadonéi</i>	— —	— —
I.	<i>indadoná</i>	<i>indadotá</i>	<i>indadotó</i>

	POSS1PL	POSS2PL	POSS3PL
NOM.PL	<i>jínt°dò-na?/jínt°d'è-na?</i>	<i>jínt°dò-da?/jínt°d'è-da?</i>	<i>jínt°dò-do?/jínt°d'è-do?</i>
GEN.PL	<i>jínt°dò-?na?/jínt°d'è-?na?</i>	<i>jínt°dò-ta?/jínt°d'è-ta?</i>	<i>jínt°dò-to?/jínt°d'è-to?</i>
DAT.PL	<i>jínt°kà?na?</i>	<i>jínt°kàta?</i>	<i>jínt°kàto?</i>
ACC.PL	<i>jínt°dò-na?/jínt°d'è-na?</i>	<i>jínt°dò-da?/jínt°d'è-da?</i>	<i>jínt°dò-do?/jínt°d'è-do?</i>
INSTR.PL + LOC.PL	<i>jínt°kà?nanà?</i>	<i>jínt°kà?natà?</i>	<i>jínt°kà?natò?</i>
ABL.PL	<i>jínt°kàt°nà?</i>	<i>jínt°kàt°tà?</i>	<i>jínt°kàt°tò?</i>
PROL.PL	<i>jínt°dò-?m°nàna?/ jínt°d'è-?m°nàna?</i>	<i>jínt°dò-?m°nàta?/ jínt°d'è-?m°nàta?</i>	<i>jínt°dò-?m°nàto?/ jínt°d'è-?m°nàto?</i>

4.2.21. Далее в рукописи SamGr приводится пример основы на сонорный носовой губной согласный *m* (N *m+ye*), однако это имя рассматривается как пример основы на -ь.

Exemp. på ь

[21] Ср.: *ним'* (зап.) 'имя' [Терещенко 1965: 313] ~ *нюм'* (б.-з., вост.) 'имя' [Терещенко 1965: 331]; (зап.) *nyim* (N *m+ye*), NYIM [Salminen 1998: 289, 493] ~ (центр., вост.) *nyum* (N *m+ye*), NYUM [Salminen 1998: 292, 494].

лист 12

[Л. 12]	Sing.	Plur.	Dual.
N.	<i>ním</i> 'namn' <'имя'>	<i>nív</i>	<i>nímg</i>
G.	<i>nív</i>	<i>nivivéi</i>	<i>nimgè</i>
D.	<i>nímd</i>	<i>nímg</i>	<i>nímgnaè</i>
A.	= Nom.	<i>nivi</i> ⁹³	= Nom.
V.	— —	= Nom.	— —
I.	<i>nimbòi och</i> <и> <i>nív</i>	<i>nív</i>	= Dat.
L.	<i>nívgaβj</i>	<i>nívgaβj</i>	<i>nimgéβj</i> (p. 57)

	SG	PL	DU
NOM	<i>n'um</i>	<i>n'úw°?</i>	<i>n'úm-k°?</i>
GEN	<i>n'uw-?</i>	<i>n'úb'e-?</i>	<i>n'úm-k°?</i>
DAT	<i>n'úm-t°?</i>	<i>n'úm-k°?</i>	<i>n'úm-k°?</i> + послелог <i>n'a'</i>
ACC	<i>n'uw-m/n'um</i>	<i>n'úb'e</i>	<i>n'úm-k°?</i>
INSTR + LOC	<i>n'úm-k°nà</i>	<i>n'úm-k°?nà</i>	<i>n'úm-k°?</i> + послелог <i>n'ána</i>
ABL	<i>n'úm-kad°</i>	<i>n'úm-kat°</i>	<i>n'úm-k°?</i> + послелог <i>n'ad°</i>
PROL	<i>n'úm°nà</i> (< <i>n'úm-m°nà</i> >)	<i>n'úb'e-?màna</i>	<i>n'úm-k°?</i> + послелог <i>n'amna</i>

[Л. 12]	Med Suffixer <С суффиксами>		
	<1.>	<2.>	<3.>
N.	<i>nímm</i> 'mitt namn' <'мое имя'>	<i>níml</i> 'ditt namn' <'твое имя'>	<i>nímdè</i> 'hans namn' <'его имя'>
G.	<i>nímn</i>	<i>nímd</i>	<i>nímde</i>
D.	<i>nímgan</i>	<i>nímgand</i>	<i>nímganda</i>
A.	= Nom.	= Nom.	= Nom.
V.	— —	— —	— —
I.	<i>nimbóin</i>	<i>nimbóid</i>	<i>nimbóida</i>

⁹³ Обращаем внимание на западную диалектную черту: зап. /w/ вместо центр., вост. /b/.

	POSS1SG	POSS2SG	POSS3SG
NOM.SG	<i>n'úm^o</i> (< <i>n'úm-m^o</i>)	<i>n'úm-l^o</i>	<i>n'úm-ta/n'úm-t'a</i>
GEN.SG	<i>n'úm-n^o</i>	<i>n'úm-nt^o</i>	<i>n'úm-nta</i>
DAT.SG	<i>n'úm-kən^o</i>	<i>n'úm-kənt^o</i>	<i>n'úm-k^ontà</i>
ACC.SG	<i>n'úm^o</i> (< <i>n'úm-m^o</i>)	<i>n'úmt^o</i> (< <i>n'úm-mt^o</i>)	<i>n'úmta</i> (< <i>n'úm-mta</i>)
INSTR.SG + LOC.SG	<i>n'úm-k^onàn^o</i>	<i>n'úm-k^onànt^o</i>	<i>n'úm-k^onànta</i>
ABL.SG	<i>n'úm-k^odən^o</i>	<i>n'úm-k^odənt^o</i>	<i>n'úm-k^odənta</i>
PROL.SG	<i>n'úm^onàn^o</i> (< <i>n'úm-m^onàn^o</i>)	<i>n'úm^onànt^o</i> (< <i>n'úm-m^onànt^o</i>)	<i>n'úm^onànta</i> (< <i>n'úm-m^onànta</i>)

[л. 12]		<u>Dual</u>	
	<1.>	<2.>	<3.>
N. A. V.	<i>nímgjunj</i>	<i>nímgjudj</i>	<i>nímgjudi</i>
G. I.	—	<i>nímgjutj</i>	<i>nímgjuti</i>
D.	<i>nímganj</i>	<i>nímgatj</i>	<i>nímgati</i>

	POSS1DU	POSS2DU	POSS3DU
NOM.DU	<i>n'úm-k^ojùn'i[?]</i>	<i>n'úm-k^ojùd'i[?]</i>	<i>n'úm-k^ojùd'i[?]</i>
GEN.DU	<i>n'úm-k^ojùn'i[?]</i>	<i>n'úm-k^ojùt'i[?]</i>	<i>n'úm-k^ojùt'i[?]</i>
DAT.DU	<i>n'úm-k^ojùn'i[?]</i> + послелог <i>n'a[?]</i>	<i>n'úm-k^ojùt'i[?]</i> + послелог <i>n'a[?]</i>	<i>n'úm-k^ojùt'i[?]</i> + послелог <i>n'a[?]</i>
ACC.DU	<i>n'úm-k^ojùn'i[?]</i>	<i>n'úm-k^ojùd'i[?]</i>	<i>n'úm-k^ojùd'i[?]</i>
INSTR.DU + LOC.DU	<i>n'úm-k^ojùn'i[?]</i> + послелог <i>n'ána</i>	<i>n'úm-k^ojùt'i[?]</i> + послелог <i>n'ána</i>	<i>n'úm-k^ojùt'i[?]</i> + послелог <i>n'ána</i>
ABL.DU	<i>n'úm-k^ojùn'i[?]</i> + послелог <i>n'ad^o</i>	<i>n'úm-k^ojùt'i[?]</i> + послелог <i>n'ad^o</i>	<i>n'úm-k^ojùt'i[?]</i> + послелог <i>n'ad^o</i>
PROL.DU	<i>n'úm-k^ojùn'i[?]</i> + послелог <i>n'ámna</i>	<i>n'úm-k^ojùt'i[?]</i> + послелог <i>n'ámna</i>	<i>n'úm-k^ojùt'i[?]</i> + послелог <i>n'ámna</i>

[л. 12]		<u>Plural</u>	
	<1.>	<2.>	<3.>
N.	<i>nivinà</i> 'vára namn' <'наши имена'>	<i>nividà</i> 'era namn' <'ваши имена'>	<i>nividò</i> 'deras namn' <'их имена'> (p. 58)
G.	<i>nivivéina</i>	<i>nivivéita</i>	<i>nivivéito</i>
D.	<i>nímgana</i>	<i>nímgata</i>	<i>nímgato</i>
A.	= Nom.	= Nom.	= Nom.
V.	— —	— —	— —
I.	<i>niviná</i>	<i>nivítá</i>	<i>nivító</i>

	POSS1PL	POSS2PL	POSS3PL
NOM.PL	<i>n'úb'e-nà[?]</i>	<i>n'úb'e-dà[?]</i>	<i>n'úb'e-dò[?]</i>
GEN.PL	<i>n'úb'e-?nà[?]</i>	<i>n'úb'e-tà[?]</i>	<i>n'úb'e-tò[?]</i>
DAT.PL	<i>n'úm-k^o?nà[?]</i>	<i>n'úm-k^otà[?]</i>	<i>n'úm-k^otò[?]</i>
ACC.PL	<i>n'úb'e-nà[?]</i>	<i>n'úb'e-dà[?]</i>	<i>n'úb'e-dò[?]</i>
INSTR.PL + LOC.PL	<i>n'úm-k^o?nàna[?]</i>	<i>n'úm-k^o?nàta[?]</i>	<i>n'úm-k^o?nàto[?]</i>
ABL.PL	<i>n'úm-k^otàna[?]</i>	<i>n'úm-k^otàta[?]</i>	<i>n'úm-k^otàto[?]</i>
PROL.PL	<i>n'úb'e-?mànanà[?]</i>	<i>n'úb'e-?mànatà[?]</i>	<i>n'úb'e-?mànatò[?]</i>

4.2.22. Далее в рукописи SamGr приводится пример основы на сонорный носовой губной согласный *m* (N *m+o*): *Núm* ‘Gud’ ⟨‘Бог’⟩.

[22] Ср.: *нум* ‘небо’, ‘погода’, ‘высшее божество, Бог’ [Терещенко 1965: 320];

*N- num*⁹⁴ (N *m+o*), NUM [Salminen 1998: 291, 490].

В рукописи словоизменительные формы абсолютного склонения для этого имени размещены в строку (с комментариями на шведском), а не в парадигматической таблице, однако ниже мы также приведем эти данные в табличном виде для удобства сравнения:

“Singul. N. *núm*. G. *nív*. D. *númd*. A. *nívmt*. V. *numèi*. I. *numbóin* och ⟨и⟩ *nív*. L. *núvgaβj* ⟨...⟩

Dual. N. A. V. *númg*. G. *numgè*. D. *númgñæ*. I. *númgamboi*. L. *numgèβj*.

Plur. N. *nív*. G. *nuvéi* (p. 59). D. *númg*. A. *nuvò*. V. *nuvéi*. I. *nuvó*. L. *núvgaβj*” [л. 12].

[л. 12]	Singul.	Plur.	Dual.
N.	<i>núm</i> ‘Gud’ ⟨‘Бог’⟩	<i>nív</i>	<i>númg</i>
G.	<i>nív</i>	<i>nuvéi</i> (p. 59)	<i>numgè</i>
D.	<i>númd</i>	<i>númg</i>	<i>númgñæ</i>
A.	<i>nívmt</i>	<i>nuvò</i>	= Nom.
V.	<i>numèi</i>	<i>nuvéi</i>	— —
I.	<i>numbóin</i> och ⟨и⟩ <i>nív</i>	<i>nuvó</i>	<i>númgamboi</i>
L.	<i>núvgaβj</i>	<i>núvgaβj</i>	<i>numgèβj</i>

	SG	PL	DU
NOM	<i>num</i>	<i>núw^o?</i>	<i>núm-k^o?</i>
GEN	<i>nuw-[?]</i>	<i>núwo-[?]</i>	<i>núm-k^o?</i>
DAT	<i>núm-t^o?</i>	<i>núm-k^o?</i>	<i>núm-k^o?</i> + послелог <i>n'a^a</i>
ACC	<i>nuw-m</i>	<i>núwo</i>	<i>núm-k^o?</i>
INSTR + LOC	<i>núm-k^onà</i>	<i>núm-k^o?nà</i>	<i>núm-k^o?</i> + послелог <i>n'ána</i>
ABL	<i>núm-kəd^o</i>	<i>núm-kət^o</i>	<i>núm-k^o?</i> + послелог <i>n'ad^o</i>
PROL	<i>núm^onà</i> (< <i>núm-m^onà</i>)	<i>núwo-?màna</i>	<i>núm-k^o?</i> + послелог <i>n'ámna</i>

[л. 12, л. 12об.]	<u>Med Suffixer</u> (С суффиксами)		
	⟨1.⟩	⟨2.⟩	⟨3.⟩
N.	<i>númm</i> ‘min gud’ ⟨‘мой бог’⟩	<i>núml</i> ‘din gud’ ⟨‘твой бог’⟩	<i>numdà</i> ‘hans gud’ ⟨‘его бог’⟩
G.	<i>númn</i>	<i>númd</i>	—
лист 12об.			
D.	<i>númgan</i>	<i>númgand</i>	<i>númganda</i>
A.	<i>númm</i>	<i>númd</i>	<i>numdà</i>
V.	<i>nummèi</i>	<i>núml</i>	—
I.	<i>numbóin</i>	<i>numbóid</i>	<i>numbóida</i>

	POSS1SG	POSS2SG	POSS3SG
NOM.SG	<i>núm^o</i> (< <i>núm-m^o</i>)	<i>núm-l^o</i>	<i>núm-ta</i>
GEN.SG	<i>núm-n^o</i>	<i>núm-nt^o</i>	<i>núm-nta</i>
DAT.SG	<i>núm-kən^o</i>	<i>núm-kənt^o</i>	<i>núm-k^ontà</i>
ACC.SG	<i>núm^o</i> (< <i>núm-m^o</i>)	<i>númt^o</i> (< <i>núm-mt^o</i>)	<i>númta</i> (< <i>núm-mta</i>)
INSTR.SG + LOC.SG	<i>núm-k^onàn^o</i>	<i>núm-k^onànt^o</i>	<i>núm-k^onànta</i>
ABL.SG	<i>núm-k^odən^o</i>	<i>núm-k^odənt^o</i>	<i>núm-k^odənta</i>
PROL.SG	<i>núm^onàn^o</i> (< <i>núm-m^onàn^o</i>)	<i>núm^onànt^o</i> (< <i>núm-m^onànt^o</i>)	<i>núm^onànta</i> (< <i>núm-m^onànta</i>)

⁹⁴ В работе [Salminen 1998] символ *u* с подчеркиванием обозначает, что в данном случае, скорее всего, представлен нейтральный по длительности гласный *u*, но возможно, что и долгий *ū* [Salminen 1998: 18].

[Л. 12об.]	<u>Dual.</u>		
	<1.>	<2.>	<3.>
N. A.	<i>númgajunj</i>	<i>númgajudj</i>	<i>númgajudi</i>
G.	—	<i>númgajutj</i>	<i>númgajudi</i>
D.	<i>númgaganj</i>	<i>númgagatj</i>	<i>númgagati</i>
V.	<i>numgajunèi</i>	= Nom.	= Nom.
I.	<i>númgambojunj</i>	<i>númgambojutj</i>	<i>númgambojuti</i> (p. 60)
	POSS1DU	POSS2DU	POSS3DU
NOM.DU	<i>núm-k°jùn'i²</i>	<i>núm-k°jùd'i²</i>	<i>núm-k°jùd'i²</i>
GEN.DU	<i>núm-k°jùn'i²</i>	<i>núm-k°jùt'i²</i>	<i>núm-k°jùt'i²</i>
DAT.DU	<i>núm-k°jùn'i²</i> + послелог <i>n'a²</i>	<i>núm-k°jùt'i²</i> + послелог <i>n'a²</i>	<i>núm-k°jùt'i²</i> + послелог <i>n'a²</i>
ACC.DU	<i>núm-k°jùn'i²</i>	<i>núm-k°jùd'i²</i>	<i>núm-k°jùd'i²</i>
INSTR.DU + LOC.DU	<i>núm-k°jùn'i²</i> + послелог <i>n'ána</i>	<i>núm-k°jùt'i²</i> + послелог <i>n'ána</i>	<i>núm-k°jùt'i²</i> + послелог <i>n'ána</i>
ABL.DU	<i>núm-k°jùn'i²</i> + послелог <i>n'ad°</i>	<i>núm-k°jùt'i²</i> + послелог <i>n'ad°</i>	<i>núm-k°jùt'i²</i> + послелог <i>n'ad°</i>
PROL.DU	<i>núm-k°jùn'i²</i> + послелог <i>n'ámna</i>	<i>núm-k°jùt'i²</i> + послелог <i>n'ámna</i>	<i>núm-k°jùt'i²</i> + послелог <i>n'ámna</i>

[Л. 12об.]	<u>Plural</u>		
	<1.>	<2.>	<3.>
N.	<i>nuvonà</i> 'vára gudar' <'наши боги'>	<i>nuvodà</i> 'era gudar' <'ваши боги'>	<i>nuvodò</i> 'deras gudar'
G.	<i>nuvonéina</i>	<i>nuvonéita</i>	<i>nuvonéito</i>
D.	<i>númtana</i>	<i>númtata</i>	<i>númtato</i>
A.	= Nom.	= Nom.	= Nom.
V.	<i>nuvonóvv</i>	— —	— —
I.	<i>nuvoná</i>	<i>nuvotá</i>	<i>nuvotó</i>
	POSS1PL	POSS2PL	POSS3PL
NOM.PL	<i>núwo-nà²</i>	<i>núwo-dà²</i>	<i>núwo-dò²</i>
GEN.PL	<i>núwo-ʔnà²</i>	<i>núwo-tà²</i>	<i>núwo-tò²</i>
DAT.PL	<i>núm-k°ʔnà²</i>	<i>núm-k°tà²</i>	<i>núm-k°tò²</i>
ACC.PL	<i>núwo-nà²</i>	<i>núwo-dà²</i>	<i>núwo-dò²</i>
INSTR.PL + LOC.PL	<i>núm-k°ʔnàna²</i>	<i>núm-k°ʔnàta²</i>	<i>núm-k°ʔnàto²</i>
ABL.PL	<i>núm-k°təna²</i>	<i>núm-k°təta²</i>	<i>núm-k°təto²</i>
PROL.PL	<i>núwo-ʔmənənà²</i>	<i>núwo-ʔmənətà²</i>	<i>núwo-ʔmənətò²</i>

4.2.23. Далее в рукописи SamGr приводится пример основы на «звонкий», «назализ(ир)ованный» гортанный смычный согласный -ʔ (N *n+o*), однако основа этого имени рассматривается как основа на -*yi*.

Exempel på yi mi (NB! отступ в рукописи)

[23] Ср.: *mi* '(н) 'сытость' [Терещенко 1965: 266];

mih (N *n+o*), MIN [Salminen 1998: 268, 486].

[Л. 12об.]	Sing.	Plur.	Dual.
N.	<i>mý</i> 'mage', 'брюхо'	<i>mýn</i>	<i>mýng</i>
G.	<i>mýn</i>	<i>mýnovéi</i>	<i>mýngè</i>
D.	<i>mýnd</i>	<i>mýgg</i>	<i>mýngnæ</i>
A.	<i>mýnm</i>	<i>mýnò</i>	= Nom.
V.	= Nom.	= Nom.	— —
I.	<i>mýmbòì och</i> <и> <i>mýn</i>	<i>mýnó</i>	<i>mýngamboi</i>
L.	<i>mýngaβj</i>	<i>mýngaβj</i>	<i>mýngaβj</i> (p. 61)

	SG	PL	DU
NOM	<i>mi^ʔ</i>	<i>mín^{oʔ}</i>	<i>míŋ-k^{oʔ}</i>
GEN	<i>min-^ʔ</i>	<i>míno-^ʔ</i>	<i>míŋ-k^{oʔ}</i>
DAT	<i>mín-t^{oʔ}</i>	<i>míŋ-k^{oʔ}</i>	<i>míŋ-k^{oʔ}</i> + послелог <i>n'a^ʔ</i>
ACC	<i>mi-m</i> (< <i>min-m</i>)	<i>míno</i>	<i>míŋ-k^{oʔ}</i>
INSTR + LOC	<i>míŋ-k^onà</i>	<i>míŋ-k^{oʔ}nà</i>	<i>míŋ-k^{oʔ}</i> + послелог <i>n'ána</i>
ABL	<i>míŋ-kəd^o</i>	<i>míŋ-kət^o</i>	<i>míŋ-k^{oʔ}</i> + послелог <i>n'ad^o</i>
PROL	<i>mím^onà</i> (< <i>mín-m^onà</i>)	<i>míno-ʔmàna</i>	<i>míŋ-k^{oʔ}</i> + послелог <i>n'ámna</i>

[Л. 12об.]	<u>Med Suffixer</u> (С суффиксами)		
	<1.>	<2.>	<3.>
N.	<i>mým</i> 'min mage'	<i>mýl</i> 'din mage'	<i>mydà</i> 'hans mage'
G.	<i>mýn</i>	<i>mýnd</i>	<i>myndà</i>
D.	<i>mýgan</i>	<i>mýgand</i>	<i>mýgunda</i>
A.	= Nom.	= Nom.	= Nom.
V.	— —	— —	— —
I.	<i>mymbóin</i> och (и) <i>mýn</i>	<i>mymbóid</i> och (и) <i>mýnd</i>	<i>mymbóida</i> och (и) <i>myndà</i>

	POSS1SG	POSS2SG	POSS3SG
NOM.SG	<i>mím^o</i> (< <i>mín-m^o</i>)	<i>mí-l^o</i> (< <i>mín-l^o</i>)	<i>mín-ta</i>
GEN.SG	<i>mín^o</i> (< <i>mín-n^o</i>)	<i>mínt^o</i> (< <i>mín-nt^o</i>)	<i>mínta</i> (< <i>mín-nta</i>)
DAT.SG	<i>míŋ-kən^o</i>	<i>míŋ-kənt^o</i>	<i>míŋ-k^onà</i>
ACC.SG	<i>mím^o</i> (< <i>mín-m^o</i>)	<i>mímt^o</i> (< <i>mín-mt^o</i>)	<i>mímta</i> (< <i>mín-mta</i>)
INSTR.SG + LOC.SG	<i>míŋ-k^onàn^o</i>	<i>míŋ-k^onànt^o</i>	<i>míŋ-k^onànta</i>
ABL.SG	<i>míŋ-k^odən^o</i>	<i>míŋ-k^odənt^o</i>	<i>míŋ-k^odənta</i>
PROL.SG	<i>mím^onàn^o</i> (< <i>mín-m^onàn^o</i>)	<i>mím^onànt^o</i> (< <i>mín-m^onànt^o</i>)	<i>mím^onànta</i> (< <i>mín-m^onànta</i>)

[Л. 12об.]	<u>Dual.</u>		
	<1.>	<2.>	<3.>
N. A. V.	<i>mýgjunj</i>	<i>mýgjudj</i>	<i>mýgjudi</i>
G. I.	—	<i>mýgjutj</i>	<i>mýgjuti</i>
D.	<i>mýganj</i>	<i>mýgatj</i>	<i>mýgati</i>

	POSS1DU	POSS2DU	POSS3DU
NOM.DU	<i>míŋ-k^ojùn'i^ʔ</i>	<i>míŋ-k^ojùd'i^ʔ</i>	<i>míŋ-k^ojùd'i^ʔ</i>
GEN.DU	<i>míŋ-k^ojùn'i^ʔ</i>	<i>míŋ-k^ojùt'i^ʔ</i>	<i>míŋ-k^ojùt'i^ʔ</i>
DAT.DU	<i>míŋ-k^ojùn'i^ʔ</i> + послелог <i>n'a^ʔ</i>	<i>míŋ-k^ojùt'i^ʔ</i> + послелог <i>n'a^ʔ</i>	<i>míŋ-k^ojùt'i^ʔ</i> + послелог <i>n'a^ʔ</i>
ACC.DU	<i>míŋ-k^ojùn'i^ʔ</i>	<i>míŋ-k^ojùd'i^ʔ</i>	<i>míŋ-k^ojùd'i^ʔ</i>
INSTR.DU + LOC.DU	<i>míŋ-k^ojùn'i^ʔ</i> + послелог <i>n'ána</i>	<i>míŋ-k^ojùt'i^ʔ</i> + послелог <i>n'ána</i>	<i>míŋ-k^ojùt'i^ʔ</i> + послелог <i>n'ána</i>
ABL.DU	<i>míŋ-k^ojùn'i^ʔ</i> + послелог <i>n'ad^o</i>	<i>míŋ-k^ojùt'i^ʔ</i> + послелог <i>n'ad^o</i>	<i>míŋ-k^ojùt'i^ʔ</i> + послелог <i>n'ad^o</i>
PROL.DU	<i>míŋ-k^ojùn'i^ʔ</i> + послелог <i>n'ámna</i>	<i>míŋ-k^ojùt'i^ʔ</i> + послелог <i>n'ámna</i>	<i>míŋ-k^ojùt'i^ʔ</i> + послелог <i>n'ámna</i>

Здесь необходимо отметить, что в рукописи листы 13 и 14 об. являются пустыми, а на листах 13 об. и 14 представлена сводная таблица именных словоизменительных аффиксов для разных типов основ. Для удобства мы приводим эту таблицу ниже, в конце статьи, а здесь продолжаем анализ парадигматических таблиц для рассматриваемого выше имени [23].

лист 15

[Л. 15]	Plural		
	<1.>	<2.>	<3.>
N.	<i>mynonà</i> ‘våra magor’	<i>mynodà</i> ‘era magor’	<i>mynodò</i> ‘deras magor’ (p. 62)
G.	<i>mynovéina</i>	<i>mynovéita</i>	<i>mynovéito</i>
D.	<i>mýgana</i>	<i>mýgata</i>	<i>mýgato</i>
A.	= Nom.	= Nom.	= Nom.
V.	— —	— —	— —
I.	<i>mynoná</i>	<i>mynotá</i>	<i>mynotó</i>

	POSS1PL	POSS2PL	POSS3PL
NOM.PL	<i>míno-nà?</i>	<i>míno-dà?</i>	<i>míno-dò?</i>
GEN.PL	<i>míno-ʔnà?</i>	<i>míno-tà?</i>	<i>míno-tò?</i>
DAT.PL	<i>míŋ-kʰnà?</i>	<i>míŋ-kʰtà?</i>	<i>míŋ-kʰtò?</i>
ACC.PL	<i>míno-nà?</i>	<i>míno-dà?</i>	<i>míno-dò?</i>
INSTR.PL + LOC.PL	<i>míŋ-kʰnàna?</i>	<i>míŋ-kʰnàta?</i>	<i>míŋ-kʰnàto?</i>
ABL.PL	<i>míŋ-kʰtəna?</i>	<i>míŋ-kʰtəta?</i>	<i>míŋ-kʰtəto?</i>
PROL.PL	<i>míno-ʔmənənà?</i>	<i>míno-ʔmənətà?</i>	<i>míno-ʔmənətò?</i>

4.2.24. Далее архим. Вениамин переходит к анализу словоизменительных парадигм имен прилагательных.

О категориях имени прилагательного как части речи в тундровом ненецком языке см. подробно в работах Н. М. Терещенко: «В ненецком языке отсутствует какой-либо морфологический показатель, который служил бы для оформления имени прилагательного как особой части речи» [Терещенко 1947: 38]; «Основными признаками имени прилагательного являются следующие: а) Определение, выраженное именем прилагательным, согласуется с определяемым словом в числе. <...> в) Ограниченность самостоятельного изменения по падежам и по числам. г) Редкое употребление в лично-притяжательных и лично-предназначительных формах» [там же: 884—885]; см. также [Терещенко 1966: 382—383]⁹⁵.

В рукописи SamGг приводятся парадигмы словоизменения следующих имен прилагательных:

[24] arkà

ср.: *ŋarka* ‘большой, крупный; рослый’, ‘взрослый, старший’, ‘важный; значительный, великий’ [Терещенко 1965: 385—386];

ngarka (*ŋarka*) (N *a*→*i* (~ →*ə*), N *a*→*i* (~ →*ə*)), NGAR XA [Salminen 1998: 183]; в данном случае в рукописи склонение идет по типу N *a*→*ə* (N *a*→*ə*);

[25] æganə ‘особенный’

ср.: *ŋyŋə* ‘отдельный, обособленный’, ‘отличный, отличающийся от кого-чего-л.; различный, особенный, особый; непохожий на кого-что-л.’, ‘лишний, запасный (в данный момент)’, ‘употребляется при образовании числительных второго десятка’ [Терещенко 1965: 846];

yøŋkʰnyə (*yəŋkʰnyə*) (N *yə*→*yʷi*), YØNXA→Ø N(∼T)yA (YØNXA→Ø N(∼T)yA) [Salminen 1998: 233, 536];

[26] nɪpʒə ‘hög’ (‘высокий’)

ср.: *nɪpʒə* ‘высокий’, ‘высота, возвышенность’ [Терещенко 1965: 469];

pyircyə (N *yə*→*yø*, N *yə*→*yə*), PYIR XyA [Salminen 1998: 231];

[27] vəi ‘clar.’

ср.: *vəi* (б.-з., зап.) ‘злой, злонамеренный, недобрый, лихой’ [Терещенко 1965: 37];

W- way° (N *yø*≡, N *yə*≡), WYÏØ (WYÏØ) [Salminen 1998: 157, 525].

⁹⁵ Ср.: “<...> Tundra Nenets adjectives are identical to nouns with respect to their inflectional properties. However, they can be classified as a separate category on the basis of derivational, syntactic and (partly) semantic criteria. <...> In null-headed NPs adjectives assume head properties and take nominal inflections identical to that found on nouns, i. e. case, number and possessive” [Nikolaeva 2014: 41].

[л. 15]	<i>a</i>	<i>æ</i>	<i>e</i>	<i>i</i>
<u>Sing.</u>				
N.	<i>arkà</i> ... ('большой')	<i>æganæ</i> 'особенный' ...	<i>nipzè</i> 'hög' ('высокий')	<i>vài</i> 'clar.' ('злой')
G.	—	—	<i>nipzæ</i>	<i>váæ</i> (p. 67)
D.	<i>arkán</i>	<i>æganæen</i>	<i>nipzæNь</i>	<i>váæn</i>
A.	<i>arkám</i>	<i>æganæm</i> (p. 66)	<i>nipzæмь</i>	<i>váim</i>
V.	<i>arkón</i>	<i>ægaNós</i>	<i>nipzei</i>	<i>vaèi</i>
I.	<i>arkambòì & arkâ</i>	<i>-Næmboi & -Næ</i>	<i>nipzæmboi & -æ</i>	<i>váimboi & váæ</i>
L.	<i>arkàβj</i>	<i>ægaNæсь</i>	<i>nipzæсь</i>	<i>váæсь</i>

SG	<i>-Ca</i> (N <i>a</i> → <i>ə</i>)	<i>-C'a</i> (N <i>ya</i> → <i>yi</i>)	<i>-C'a</i> (N <i>ya</i> → <i>yə</i>)	<i>-C'°</i> (N <i>yə</i> ≡)
NOM.SG	<i>járka</i>	<i>jəŋk°n'á</i>	<i>p'irc'a</i>	<i>wáj°</i>
GEN.SG	<i>járka-ʔ</i>	<i>jəŋk°n'á-ʔ</i>	<i>p'irc'a-ʔ</i>	<i>wáj°-ʔ</i>
DAT.SG	<i>járká-n°ʔ</i>	<i>jəŋk°n'á-n°ʔ</i>	<i>p'irc'á-n°ʔ</i>	<i>wájə-n°ʔ</i>
ACC.SG	<i>járka-m</i>	<i>jəŋk°n'á-m</i>	<i>p'irc'a-m</i>	<i>wáj°-m</i>
INSTR.SG + LOC.SG	<i>járka-xəna</i> (> <i>járka'na</i> [járká:ne])	<i>jəŋk°n'á-x°na</i> (> <i>jəŋk°n'á'na</i> [jəŋkəni'á:ne])	<i>p'irc'a-xəna</i> (> <i>p'irc'a'na</i> [p'irts'á:ne])	<i>wáj°-xəna</i>
ABL.SG	<i>járka-xəd°</i> (> <i>járkaəd°</i> [járká:d])	<i>jəŋk°n'á-xəd°</i> (> <i>jəŋk°n'áəd°</i> [jəŋkəni'á:d])	<i>p'irc'a-xəd°</i> (> <i>p'irc'aəd°</i> [p'irts'á:d])	<i>wáj°-xəd°</i>
PROL.SG	<i>járká-w°na</i>	<i>jəŋk°n'á-w°na</i>	<i>p'irc'á-w°na</i>	<i>wájúw°na</i>

[л. 15, л. 15об.]	<u>Dual.</u>			
N.	<i>arkág</i>	<i>æganáeg</i>	<i>nipzáeg</i>	<i>váæg</i>
G.	<i>arkagè</i>	<i>æganægè</i>	<i>nipzægè</i>	<i>vaægè</i>
D.	<i>arkágnæ</i>	<i>æganáegnæ</i>	<i>nipzáegnæ</i>	<i>vaægnæ</i>
A.	<i>arkág</i>	= Nomin.	= Nomin.	= Nom.
лист 15об.				
V.	<i>arkág</i>	<i>æganáeg</i>	<i>nipzáeg</i>	<i>váæg</i>
I.	<i>arkágamboi</i>	<i>æganáegamboi</i>	<i>nipzáegamboi</i>	<i>váægamboi</i>
L.	<i>arkágeβj</i>	<i>æganægéβj</i>	<i>nipzægéсь</i>	<i>vaægéсь</i>

DU	<i>-Ca</i> (N <i>a</i> → <i>ə</i>)	<i>-C'a</i> (N <i>ya</i> → <i>yi</i>)	<i>-C'a</i> (N <i>ya</i> → <i>yə</i>)	<i>-C'°</i> (N <i>yə</i> ≡)
NOM.DU	<i>járka-x°ʔ</i>	<i>jəŋk°n'á-x°ʔ</i>	<i>p'irc'a-x°ʔ</i>	<i>wájə-x°ʔ</i>
GEN.DU	<i>járka-x°ʔ</i>	<i>jəŋk°n'á-x°ʔ</i>	<i>p'irc'a-x°ʔ</i>	<i>wájə-x°ʔ</i>
DAT.DU	<i>járka-x°ʔ</i> + послелог <i>n'aʔ</i>	<i>jəŋk°n'á-x°ʔ</i> + послелог <i>n'aʔ</i>	<i>p'irc'a-x°ʔ</i> + послелог <i>n'aʔ</i>	<i>wájə-x°ʔ</i> + послелог <i>n'aʔ</i>
ACC.DU	<i>járka-x°ʔ</i>	<i>jəŋk°n'á-x°ʔ</i>	<i>p'irc'a-x°ʔ</i>	<i>wájə-x°ʔ</i>
INSTR.DU + LOC.DU	<i>járka-x°ʔ</i> + послелог <i>n'ána</i>	<i>jəŋk°n'á-x°ʔ</i> + послелог <i>n'ána</i>	<i>p'irc'a-x°ʔ</i> + послелог <i>n'ána</i>	<i>wájə-x°ʔ</i> + послелог <i>n'ána</i>
ABL.DU	<i>járka-x°ʔ</i> + послелог <i>n'ad°</i>	<i>jəŋk°n'á-x°ʔ</i> + послелог <i>n'ad°</i>	<i>p'irc'a-x°ʔ</i> + послелог <i>n'ad°</i>	<i>wájə-x°ʔ</i> + послелог <i>n'ad°</i>
PROL.DU	<i>járka-x°ʔ</i> + послелог <i>n'ámna</i>	<i>jəŋk°n'á-x°ʔ</i> + послелог <i>n'ámna</i>	<i>p'irc'a-x°ʔ</i> + послелог <i>n'ámna</i>	<i>wájə-x°ʔ</i> + послелог <i>n'ámna</i>

[Л. 15об.]	Plur.			
N.	<i>arká</i>	<i>æganæ</i>	<i>nipzé</i>	<i>váí</i>
G.	<i>arkavéi</i>	<i>æganavéi</i>	<i>nipzævéi</i>	<i>vaævéi</i>
D.	<i>arkǎ</i>	<i>æganǎ</i>	<i>nipzǎ</i>	<i>vǎǎ</i>
A.	<i>ark</i>	<i>ægani</i>	<i>nípzь</i>	<i>vái</i>
V.	<i>arkónv</i>	<i>æganónv</i>	<i>nipzeí</i>	<i>vaí</i>
I.	<i>ark</i>	<i>ægani</i>	<i>nípzь</i>	<i>vái</i>
L.	<i>arkáβj</i>	<i>æganæсь</i>	<i>nipzэсь</i>	<i>váæсь</i>

PL	-Ca (N a→ə)	-C'a (N ya→yi)	-C'a (N ya→yə)	-C'° (N yə≡)
NOM.PL	<i>járka-ʔ</i>	<i>jəŋk°n'ə-ʔ</i>	<i>p'irc'a-ʔ</i>	<i>wáj°-ʔ</i>
GEN.PL	<i>járk°-ʔ (/járki-ʔ)</i>	<i>jəŋk°n'i-ʔ</i>	<i>p'irc'°-ʔ</i>	<i>wáj°-ʔ</i>
DAT.PL	<i>járka-x°ʔ</i>	<i>jəŋk°n'ə-x°ʔ</i>	<i>p'irc'a-x°ʔ</i>	<i>wájə-x°ʔ</i>
ACC.PL	<i>járk° (/járki)</i>	<i>jəŋk°n'i</i>	<i>p'irc'°</i>	<i>wáj°</i>
INSTR.PL + LOC.PL	<i>járka-xəʔna</i> (> <i>járka°ʔna</i> [járká:ʔne])	<i>jəŋk°n'ə-x°ʔna</i> (> <i>jəŋk°n'a°ʔna</i> [jəŋkən'á:ʔne])	<i>p'irc'a-xəʔna</i> (> <i>p'irc'a°ʔna</i> [p'irts'á:ʔne])	<i>wáj°-xəʔna</i>
ABL.PL	<i>járka-xət°</i> (> <i>járkaət°</i> [járká:t])	<i>jəŋk°n'a-xət°</i> (> <i>jəŋk°n'aət°</i> [jəŋkən'á:t])	<i>p'irc'a-xət°</i> (> <i>p'irc'aət°</i> [p'irts'á:t])	<i>wáj°-xət°</i>
PROL.PL	<i>járk°-ʔmàna</i> (/járki-ʔmàna)	<i>jəŋk°n'i-ʔmàna</i>	<i>p'irc'°-ʔmàna</i>	<i>wáj°-ʔmàna</i>

4.2.25. Далее в рукописи SamGr приводятся парадигмы словоизменения следующих слов:

[28] *sovò* 'god' <'хороший'>

ср.: *sáwa* 'хороший, приятный', 'добро, доброта', 'хорошо, приятно' [Терещенко 1965: 517—518];
səwa (*səwa*) (N a→yi), SØWA (SØWA) [Salminen 1998: 225];

[29] *æník* 'кроткий'

ср.: *я́ник* 'тихий, спокойный, смирный (о человеке и животном)' [Терещенко 1965: 843];
yənyik° (*yənyik°*) (N ə≡, N ə≡), YØNA→yIQXØ (YØNA→yIQXØ) [Salminen 1998: 61];

[30] *varý* 'крайний'

ср.: *вары* 'крайний, находящийся на краю' [Терещенко 1965: 49];
wari° (N e~iə, N e~iə), WARØ→E~IØ (WARØ→E~IØ) [Salminen 1998: 58, 525];

[31] *mál* (... *тjоkvczè*) 'all' <'весь, вся, всё, все'>

ср.: *мал'* 'весь, вся, всё, все' [Терещенко 1965: 225];
mal°h, MALØH (MALØH) [Salminen 1998: 256, 485].

[Л. 15об.]	På o	På ...	På ы	...
Sing.				
N.	<i>sovò</i> 'god' <'хороший'>	<i>æník</i> 'кроткий'	<i>varý</i> 'крайний'	<i>mál ... тjоkvczè</i> 'all' <'весь, вся, всё, все'>
G.	—	—	<i>varýe</i>	<i>mál</i>
D.	<i>sovón</i>	<i>æníkan</i>	<i>varín</i>	<i>málan</i>
A.	<i>sovóm</i>	<i>æníkm</i>	<i>varým</i>	<i>málm</i>
V.	<i>sovón</i>	<i>ænikèi</i>	<i>varýei</i>	= Nom.
I.	<i>sovombòi & sovò</i>	<i>ænikamboi & æník</i>	<i>varamboi & varýe</i>	<i>málmboi</i>
L.	<i>sovóβj</i>	<i>ænikacь</i>	<i>varýeβj</i>	<i>málgaβj</i>

SG	-Ca (-wa) (N a→yi)	-C° (N ə≡)	-Ci° (N e~iə)	-C°
NOM.SG	<i>səwa</i>	<i>jən'ik°</i>	<i>wari°</i>	<i>mál°</i>
GEN.SG	<i>səwa-ʔ</i>	<i>jən'ik°-ʔ</i>	<i>wari°-ʔ</i>	<i>mál°ʔ</i>
DAT.SG	<i>səwá-n°ʔ</i>	<i>jən'ikə-n°ʔ</i>	<i>waré-n°ʔ</i>	<i>málən°ʔ</i>

ACC.SG	<i>sáwa-m</i>	<i>jàn'ík°-m</i>	<i>wàrí°-m</i>	<i>mál°m</i>
INSTR.SG + LOC.SG	<i>sáwa-xàna</i> (> <i>səwa°na</i> [səwó:nɛ])	<i>jàn'íkə-x°na</i>	<i>wáre-xàna</i> (> <i>ware°na</i> [wðré:nɛ])	<i>mál°-xàna</i>
ABL.SG	<i>sáwa-xàd°</i> (> <i>səwaəd°</i> [səwó:d])	<i>jàn'íkə-xàd°</i>	<i>wáre-xàd°</i> (> <i>wareəd°</i> [wðré:d])	<i>mál°-xàd°</i>
PROL.SG	<i>sàwá-w°na</i>	<i>jàn'ikú-w°na</i>	<i>wàré-w°na</i>	<i>málú-w°na</i>

[Л. 15об.]	<u>Dual.</u>		
N.	<i>sovóg</i>	<i>ænikag</i>	<i>varég</i>
G.	<i>sovogè</i>	<i>ænikagè</i>	<i>varegè</i>
D.	<i>sovógnæ</i>	<i>ænikagnæ</i>	<i>varégnæ</i>
A.	= Nom.	= Nom.	= Nom.
V.	— —	— —	— —
I.	<i>sovógamboi</i>	<i>ænikgamboi</i>	<i>varégamboi</i>
L.	<i>sovógeβj</i>	<i>ænikagéβj</i>	<i>varegéβj</i>

DU	-Ca (-wa) (N a→yi)	-C° (N ə≡)	-Ci° (N e~iə)
NOM.DU	<i>sáwa-x°?</i>	<i>jàn'íkə-x°?</i>	<i>wáre-x°?</i>
GEN.DU	<i>sáwa-x°?</i>	<i>jàn'íkə-x°?</i>	<i>wáre-x°?</i>
DAT.DU	<i>sáwa-x°?</i> + послелог <i>n'a?</i>	<i>jàn'íkə-x°?</i> + послелог <i>n'a?</i>	<i>wáre-x°?</i> + послелог <i>n'a?</i>
ACC.DU	<i>sáwa-x°?</i>	<i>jàn'íkə-x°?</i>	<i>wáre-x°?</i>
INSTR.DU + LOC.DU	<i>sáwa-x°?</i> + послелог <i>n'ána</i>	<i>jàn'íkə-x°?</i> + послелог <i>n'ána</i>	<i>wáre-x°?</i> + послелог <i>n'ána</i>
ABL.DU	<i>sáwa-x°?</i> + послелог <i>n'ad°</i>	<i>jàn'íkə-x°?</i> + послелог <i>n'ad°</i>	<i>wáre-x°?</i> + послелог <i>n'ad°</i>
PROL.DU	<i>sáwa-x°?</i> + послелог <i>n'amna</i>	<i>jàn'íkə-x°?</i> + послелог <i>n'amna</i>	<i>wáre-x°?</i> + послелог <i>n'amna</i>

[Л. 15об.]	<u>Plur.</u>			
N.	<i>sovú</i>	<i>ænikk</i>	<i>varý</i>	<i>máll ...</i>
G.	<i>sovovéi</i>	<i>ænikavii</i> (p. 68)	<i>varývei</i>	<i>malavéi</i>
D.	<i>sovõ</i>	<i>ænikà</i>	<i>varè</i>	<i>málnando</i>
A.	<i>sovù</i> ⁹⁶	= Nom.	<i>varý</i>	= Nom.
V.	<i>sovónv</i>	<i>ænikéi</i>	<i>varýei</i>	— —
I.	<i>sovú</i>	= Nom.	= Nom.	<i>málamboju</i>
L.	<i>sovóβj</i>	<i>ænikkaβj</i>	<i>varýeβj</i> (p. 69)	<i>mállgaβj</i>

PL	-Ca (-wa) (N a→yi)	-C° (N ə≡)	-Ci° (N e~iə)	-C°
NOM.PL	<i>sáwa-?</i>	<i>jàn'ík°-?</i>	<i>wàrí°-?</i>	<i>mál°?</i>
GEN.PL	<i>sáb'i-?</i>	<i>jàn'ík°-?</i>	<i>wàrí°-?</i>	<i>mál°?</i>
DAT.PL	<i>sáwa-x°?</i>	<i>jàn'íkə-x°?</i>	<i>wáre-x°?</i>	<i>málə-x°?</i>
ACC.PL	<i>sáb'i</i>	<i>jàn'ík°</i>	<i>wàrí°</i>	<i>mál°</i>
INSTR.PL + LOC.PL	<i>sáwa-xà?na</i> (> <i>səwa°?na</i> [səwó:ʔnɛ])	<i>jàn'íkə-x°?na</i>	<i>wáre-xà?na</i> (> <i>ware°?na</i> [wðré:ʔnɛ])	<i>mál°-xà?na</i>
ABL.PL	<i>sáwa-xàt°</i> (> <i>səwaət°</i> [səwó:t])	<i>jàn'íkə-xàt°</i>	<i>wáre-xàt°</i> (> <i>wareət°</i> [wðré:t])	<i>mál°-xàt°</i>
PROL.PL	<i>sáb'i-?màna</i>	<i>jàn'ík°-?màna</i>	<i>wáre-?màna / wàrí°-?màna</i>	<i>mál°-?màna</i>

⁹⁶ Как можно судить, в рукописи склонение этого слова, видимо, идет по типу N a→u.

4.2.26. Об именах числительных как части речи в тундровом ненецком языке см. подробно в работах Н. М. Терещенко: «Количественные числительные в основном склоняются так же, как и другие имена. (...) От склонения других имен склонение числительных отличается тем, что числительные (за исключением числительного *сидя* ‘два’) не образуют форм двойственного числа и лишь в очень ограниченной степени образуют формы множественного числа» [Терещенко 1947: 135—136]; «Употребляясь в предложении самостоятельно, количественные числительные склоняются как существительные с аналогичным строением основы» [Терещенко 1965: 888] (там же см. таблицу с примерами склонения имен числительных); см. также [Терещенко 1966: 383]⁹⁷.

Далее в рукописи SamGr приводятся парадигмы словоизменения следующих имен числительных:

[32] *opòì, óp* ‘1’

ср.: 1) *уопой* (числ. колич.) ‘один, одна, одно’ [Терещенко 1965: 398];

ngorou^o (*норору*) (N 0~j̄ø, ~yø≡; N 0~j̄ə, ~yə≡), NGOP0←MPO+ÿ(Ø) (NGOP0←MPO+ÿ(Θ)) [Salminen 1998: 168, 498];

2) *уб* ‘один, одна, одно’, ‘раз (при счете)’, ‘единственный’ [Терещенко 1965: 394];

ngob (*уб*) (N p+o), NGOP [Salminen 1998: 237, 498];

[33] *óleri* ‘1’

ср.: *уолери* (б.-з.) ‘один-единственный’ [Терещенко 1965: 398], *уо’лери* ‘единственный’ [Терещенко 1965: 401];

ngoqlyeryi (*ноқлыерйи*) (N yi≡), NGOQLYE RYI [Salminen 1998: 274, 498];

[34] *sidè* ‘2’

ср.: *сидя* ‘два, две, двое’ [Терещенко 1965: 557];

syidyá (N ya→ø ~ →yi, N ya→ə ~ →yi), SYITYA [Salminen 1998: 232];

[35] *næér* ‘3’

ср.: *няхя́р* ‘три’ [Терещенко 1965: 361];

nyax^or (N r+o), NYAXØR (NYAXØR) [Salminen 1998: 342];

[36] *tét* ‘4’

ср.: *тет* ‘четыре’ [Терещенко 1965: 651];

tyet^o (N ø≡ ~ →ye, N ə≡ ~ →ye), TYEQTØ (TYEQTΘ) [Salminen 1998: 137].

лист 16

[л. 16]					
N.	<i>opòì l. óp ...</i>	<i>óleri</i> ‘1’	<i>sidè</i> ‘2’	<i>næér</i> ‘3’	<i>tét</i> ‘4’
G.	<i>opóæ</i>	—	<i>sidæ</i>	<i>nærk</i>	<i>téta</i>
D.	<i>opóæp</i>	<i>ólerin</i>	<i>sidén</i>	<i>nært</i>	<i>tétan</i>
A.	<i>opóim</i>	<i>ólerim</i>	<i>sidém</i>	<i>nærm</i>	<i>tétm</i>
I.	<i>opóimboi</i>	<i>ólerimboi</i>	<i>sidembòì</i>	<i>nærpøi</i>	<i>tétmboi</i>
L.	<i>opóäβj</i>	<i>óleriβj</i>	<i>sidæβj</i>	<i>nærkaβj</i>	<i>tétaβj</i>
NOM.SG	<i>ηòpój^o/ηob</i>	<i>ηóʔl'er'ì</i>	<i>s'id'a</i>	<i>n'áx^or</i> (> <i>n'a^or</i>)	<i>t'ét^o</i>
GEN.SG	<i>ηòpój^o-ʔ</i>	<i>ηóʔl'er'ì-ʔ</i>	<i>s'id'a-ʔ</i>	<i>n'áx^or-ʔ</i> (> <i>n'a^or-ʔ</i>)	<i>t'ét^o-ʔ</i>
DAT.SG	<i>ηòpójə-n^o</i>	<i>ηóʔl'er'ì-n^o</i>	<i>s'id'á-n^o</i>	<i>n'áxər-t^o</i> (> <i>n'aər-t^o</i>)	<i>t'étə-n^o</i>
ACC.SG	<i>ηòpój^o-m</i>	<i>ηóʔl'er'ì-m</i>	<i>s'id'a-m</i>	<i>n'áx^or-m</i> (> <i>n'a^or-m</i>)	<i>t'ét^o-m</i>
INSTR.SG +	<i>ηòpój^o-xəna</i>	<i>ηóʔl'er'ì-x^onà</i>	<i>s'id'a-xəna</i>	<i>n'áx^or-kəna</i>	<i>t'ét^o-xəna</i>
LOC.SG		(> <i>ηoʔl'er'ì^ona</i> [ηòʔl'ər'ì:nɛ])	(> <i>s'id'a^ona</i> [s'ìd'á:nɛ])	(> <i>n'a^orkəna</i>)	
ABL.SG	<i>ηòpój^o-xəd^o</i>	<i>ηóʔl'er'ì-xəd^o</i> (> <i>ηoʔl'er'ìəd^o</i> [ηòʔl'ər'ì:d])	<i>s'id'a-xəd^o</i> (> <i>s'id'aəd^o</i> [s'ìd'á:d])	<i>n'áx^or-kəd^o</i> (> <i>n'a^orkəd^o</i>)	<i>t'ét^o-xəd^o</i>
PROL.SG	<i>ηòpój^o-wəna</i>	<i>ηóʔl'er'ì-wəna</i>	<i>s'id'á-wəna</i>	<i>n'áx^or-məna</i>	<i>t'étú-wəna</i>

4.2.27. Ниже мы приводим сводную таблицу именных словоизменительных аффиксов, присоединяемых к разным типам основ, из рукописи SamGr (см. листы 13об. и 14).

⁹⁷ Ср.: “Numerals are not distinct from nouns and adjectives in their inflectional properties, but have certain derivational peculiarities, as well as distinct semantics and syntax. Cardinal numerals take nominal inflections when used in null-headed NPs (...) and are unchangeable when used adnominally (...)” [Nikolaeva 2014: 52].

лист 13об.

[л. 13об.]		Deklination								
Sing.	<i>a</i>	<i>æ</i>	<i>e</i>	<i>i</i>	<i>o</i>	<i>o</i>	<i>v</i>	<i>ю</i>	<i>ь</i>	<i>e</i>
N.	<i>à</i>	<i>æ</i>	<i>è</i>	<i>ì</i>	<i>ò</i>	<i>ò</i>	<i>ỳ</i>	<i>ю</i>	(<i>в</i>) <i>ь</i>	<i>è</i>
G.	—	—	—	—	—	—	—	—	—	<i>æ</i>
D.	<i>’нъ</i>	<i>–нъ</i>	<i>’нъ</i>	<i>’нъ</i>	<i>’нъ</i>	<i>’нъ</i>	<i>’нъ</i>	<i>–Nъ</i>	<i>–анъ</i>	<i>’нъ</i>
A.	<i>’мъ</i>	<i>–мъ</i>	<i>’мъ</i>	<i>’мъ</i>	<i>’мъ</i>	<i>’мъ</i>	<i>’мъ</i>	<i>–мъ</i>	<i>–мъ</i>	<i>’мъ</i>
V.	<i>à</i>	<i>óвъ</i>	<i>è</i>	<i>èi</i>	<i>ò</i>	<i>ò</i>	<i>ỳ</i>	<i>óвъ</i>	<i>èi</i>	<i>è</i>
I.	<i>-мбòi l. á</i>	<i>-мбоi & æ</i>	<i>-мбòi & è</i>	<i>-мбòi & ì</i>	<i>-мбòi & ò</i>	<i>’мбоi & ó</i>	<i>-мбòi & ỳ</i>	<i>-мбоi & ю</i>	<i>-мбòi & ь</i>	<i>-мбòi & æ</i>
L.	<i>’сь</i>	<i>’сь</i>	<i>’сь</i>	<i>’сь</i>	<i>’сь</i>	<i>’сь</i>	<i>’сь</i>	<i>–сь</i>	<i>–гась</i>	<i>–æсь</i>
Dual.										
N.	<i>’гъ</i>	<i>–гъ</i>	<i>’гъ</i>	<i>’гъ</i>	<i>’гъ</i>	<i>’гъ</i>	<i>–гъ</i>	<i>–гъ</i>	<i>–áгъ</i>	<i>–æгъ</i>
G.	<i>–гè</i>	<i>–гè</i>	<i>–гè</i>	<i>–гè</i>	<i>–гè</i>	<i>–гè</i>	<i>–гè</i>	<i>–гè</i>	<i>–агè</i>	<i>–æгè</i>
D.	<i>’гаNæ</i>	<i>–га</i>	<i>’гNæ</i>	<i>–га</i>	<i>’гNæ</i>	<i>–га</i>	<i>’гNæ</i>	<i>–га</i>	<i>–ага</i>	<i>–æга</i>
A.	<i>’гъ</i>	<i>–гъ</i>	<i>’гъ</i>	<i>’гъ</i>	<i>’гъ</i>	<i>’гъ</i>	<i>–гъ</i>	<i>’гъ</i>	<i>–áгъ</i>	<i>–æгъ</i>
V.	<i>’гъ</i>	<i>–гъ</i>	<i>’гъ</i>	<i>’гъ</i>	<i>’гъ</i>	<i>’гъ</i>	<i>–гъ</i>	<i>’гъ</i>	<i>–áгъ</i>	<i>–æгъ</i>
I.	<i>’гаNæ</i>	<i>–гамбоi</i>	<i>’гамбоi</i>	<i>’гмбоi</i>	<i>’гамбоi</i>	<i>’гамбоi</i>	<i>–гамбоi</i>	<i>–гамбоi</i>	<i>áгамбоi</i>	<i>æгамбоi</i>
L.	<i>’гесь</i>	<i>–гесь</i>	<i>’гесь</i>	<i>–гесь</i>	<i>–гесь</i>	<i>–гесь</i>	<i>–гесь</i>	<i>–гесь</i>	<i>–агесь</i>	<i>–æгесь</i>
Plur.										
N.	<i>á</i>	<i>æ</i>	<i>é</i>	<i>í</i>	<i>ý</i>	<i>ю</i>	<i>ý</i>	<i>ю</i>	(<i>вв</i>) <i>ь</i>	<i>æ</i>
G.	<i>–вèi</i>	<i>–вèi</i>	<i>овèi</i>	<i>–вèi</i>	<i>óвèi</i>	<i>ювèi</i>	<i>–вèi</i>	<i>–вèi</i>	<i>–óвèi</i>	<i>–æвèi</i>
D.	<i>á</i>	<i>–вæ</i>	<i>é</i>	<i>í</i>	<i>ó</i>	<i>ó</i>	<i>–вæ</i>	<i>–вæ</i>	<i>à</i>	<i>æ</i>
A.	<i>ì</i>	<i>i</i>	<i>ò</i>	<i>ì</i>	<i>ỳ</i>	<i>ю</i>	<i>ỳ</i>	<i>ю</i>	<i>ò</i>	<i>i</i>
V.	<i>á</i>	<i>óввъ</i>	<i>é</i>	<i>éi</i>	<i>ý</i>	<i>ю</i>	<i>ý</i>	<i>óввъ</i>	<i>éi</i>	<i>æ</i>
I.	<i>í</i>	<i>í</i>	<i>ó</i>	<i>í</i>	<i>ввèмбоi</i>	<i>ю</i>	<i>–ввèмбоi</i>	<i>–ввèмбоi</i>	<i>ó</i>	<i>–æввèмбоi</i>
L.	<i>’сь</i>	<i>’сь</i>	<i>’сь</i>	<i>’сь</i>	<i>ýсь</i>	<i>юсь</i>	<i>’сь</i>	<i>–сь</i>	<i>–вгась</i>	<i>–æсь</i>
Ex.:	<i>удà</i> ‘рука’	<i>NéNæ</i> ‘сестра’	<i>ælè</i> ‘день’	<i>хаbì</i> ‘слуга’	<i>aNò</i> ‘лодка’	<i>мæpò</i> ‘книга’	<i>mù</i> ‘огонь’	<i>NéNю</i> ‘дочь’	<i>epвъ</i> ‘господинь’	<i>аè</i> ‘тѣло’

лист 14

[л. 14]										
Sing.	<i>ε</i>	<i>ь</i>	<i>i</i>	<i>ы</i>	<i>ь</i>	<i>æ</i>	<i>i</i>	<i>ь</i>	<i>ы</i>	
N.	<i>è</i>	<i>ь</i>	<i>i</i>	<i>ы</i>	<i>ь</i>	<i>æ</i>	<i>i</i>	(<i>o</i>) <i>ь</i>	<i>m</i>	<i>ы</i>
G.	<i>æ</i>	<i>æ</i>	<i>æ</i>	<i>e</i>	<i>’дъ</i>	<i>’дъ</i>	<i>’дъ</i>	<i>–адъ</i>	<i>v</i>	<i>’нъ</i>
D.	<i>–án[.]</i>	<i>–æнъ</i>	<i>–æнъ</i>	<i>–енъ</i>	<i>’тъ</i>	<i>’тъ</i>	<i>–атъ</i>	<i>–d</i>	<i>’ндъ</i>	
A.	<i>’м[.]</i>	<i>–æмъ</i>	<i>–мъ</i>	<i>–мъ</i>	<i>’дмъ</i>	<i>’дмъ</i>	<i>–адмъ</i>	<i>m</i>	<i>–имъ</i>	
V.	<i>óв[.]</i>	<i>ь</i>	<i>i</i>	<i>ы</i>	<i>æ</i>	<i>i</i>	<i>–èi</i>	<i>m</i>	<i>ы</i>	
I.	<i>-мб[.] æ</i>	<i>-æмбоi & æ</i>	<i>-мбоi & è</i>	<i>-ембòi & é</i>	<i>-noi & ’дъ</i>	<i>-nòì & ’дъ</i>	<i>-anoi & -адъ</i>	<i>boi & v</i>	<i>-мбòi & -нъ</i>	
L.	<i>–æc[.]</i>	<i>–æсь</i>	<i>–æсь</i>	<i>–есь</i>	<i>’дгась</i>	<i>’дгась</i>	<i>–адгась</i>	<i>–vgaβj</i>	<i>–нгась</i>	
Dual.										
N.	<i>–æг[.]</i>	<i>–æгъ</i>	<i>–æгъ</i>	<i>–егъ</i>	<i>’къ</i>	<i>–къ</i>	<i>–акъ</i>	<i>–g</i>	<i>–нгъ</i>	
G.	<i>–æг[.]</i>	<i>–æгè</i>	<i>–æгè</i>	<i>–егè</i>	<i>’ке</i>	<i>–кè</i>	<i>–акè</i>	<i>–гè</i>	<i>–нгè</i>	
D.	<i>–æг[.]</i>	<i>–æгNæ</i>	<i>–æгNæ</i>	<i>–егNæ</i>	<i>’кNæ</i>	<i>’кNæ</i>	<i>–акNæ</i>	<i>–гNæ</i>	<i>–нгNæ</i>	
A.	<i>–æг[.]</i>	<i>–æгъ</i>	<i>–æгъ</i>	<i>–егъ</i>	<i>’къ</i>	<i>–къ</i>	<i>–акъ</i>	<i>–g</i>	<i>–нгъ</i>	
V.	<i>–æг[.]</i>	<i>–æгъ</i>	<i>–æгъ</i>	<i>–егъ</i>	<i>–къ</i>	<i>–къ</i>	<i>–акъ</i>	<i>–g</i>	<i>–нгъ</i>	
I.	<i>æгамб[oi]</i>	<i>–æгамбоi</i>	<i>–æгамбоi</i>	<i>–егамбоi</i>	<i>’кNæ</i>	<i>’кNæ</i>	<i>–акNæ</i>	<i>–гNæ</i>	<i>–нгамбоi</i>	
L.	<i>–æгèc[.]</i>	<i>–æгèсь</i>	<i>–æгèсь</i>	<i>–егèсь</i>	<i>’кесь</i>	<i>–кесь</i>	<i>–акесь</i>	<i>–гeβj</i>	<i>–нгèсь</i>	

Plur.										
N.	é	ǣ	i	íi	’ дъ	– дъ	– адъ	v	’ нъ	
G.	– véi	– ovéi	– ævei	– véi	– доvéi	– ðivéi	– адовéi	vívéi	– новéi	véi
D.	ǣ	ǣ	ǣ	ě	’ къ	– къ	– акъ	– gg	– гъ	
A.	ь	ò	i	ы	– ðò	– ðì	– адо	vì	– нò	vò
V.	óvvь	ǣ	i	íi	’ дъ	– дъ	– éi	v	– нъ	vèi
I.	ь	ó	– ævéмбоi	íi	– дó	– ðì	– адó	vì	– нó	vó
L.	– ǣсь	óсь	– æсь	– есь	’ ðгась	– ðгась	– адгась	vgaßj	– нгась	
Ex.:	Nicè ‘отец’	mápzь ‘плечо’	cēi ‘сердце’	náidy ‘щека’	cérь ‘соль’	cǣ (l. цǣ) ‘лице’	i ‘вода’	indь ‘дух’	Nímь ‘имя’	мы ‘брюхо’
								Nvmь ‘богъ’		

Таким образом, рукопись “Samojedische Grammatik” («Грамматика самоедского языка») оказывается ценным источником сведений о системе именного склонения западных диалектов тундрового ненецкого языка в I половине XIX в. Благодаря ему мы можем выявить не только особенности передачи данного материала автором грамматики, но и специфические диалектные черты, которые были присущи западным ненецким идиомам на этом хронологическом этапе, а также сопоставить эти архивные данные о системе именного словоизменения с аналогичным материалом по современным западным диалектам и тундровому ненецкому литературному языку. Перечислим здесь некоторые из этих особенностей.

1) В падежной системе, зафиксированной и проинтерпретированной архим. Вениамином, отсутствуют два падежа, в настоящее время представленные во всех диалектах тундрового ненецкого языка, в том числе и в западных: аблатив («отложительный» падеж) и пролатив («продольный» падеж), — однако этот факт не означает, что в XIX в. эти падежи в действительности отсутствовали в западных ненецких диалектах.

2) Яркой особенностью падежной системы рукописи SamGr является выделение двух самостоятельных падежей с различающимися формами: инструментал/инструменталиса (творительного падежа) и локатива (местного падежа), — тогда как в современном тундровом ненецком литературном языке эти два падежных значения слиты в единой форме («местно-творительного падежа»).

3) Формы аккузатива и датива единственного числа, зафиксированные в рукописи SamGr, не отличаются значительно от аналогичных форм в современном тундровом ненецком литературном языке и западных ненецких диалектах. Большинство форм аккузатива множественного числа, представленных в рукописи SamGr, образуются по тем же моделям и с теми же чередованиями, что характерны для этих слов в современном тундровом ненецком литературном языке.

4) Интерес представляет показатель родительного падежа множественного числа *-véi/-véi* (<-wej^o>), последовательно отмечаемый в рукописи.

5) В современном тундровом ненецком литературном языке представлен синкретизм форм номинатива, генитива и аккузатива двойственного числа, тогда как в рукописи этот синкретизм охватывает только формы номинатива и аккузатива двойственного числа, а форма генитива дуалиса отличается от них.

6) Интерес представляет также отсутствие синкретизма посессивных падежных форм с указанием на обладателя второго и третьего лиц двойственного числа (POSS2DU и POSS3DU) в рукописи: различие заключается в конечных буквах — *ь* и *i* соответственно; какое произношение за этим стояло в действительности, не ясно.

Подробный анализ посессивных форм из рукописи “Samojedische Grammatik” («Грамматика самоедского языка») архимандрита Вениамина (Смирнова) мы планируем провести в последующих работах.

Сокращения

Языки и диалекты

Т ненец. — тундровый ненецкий язык
вост. — восточные диалекты

кр.-вост. — крайневосточные диалекты
 тайм. — таймырский (= енисейский) диалект
 ямал. — ямальский диалект
 зап. — западные диалекты
 кр.-зап. — крайнезападные диалекты
 канин. — канинский диалект
 колг. — колгуевский диалект
 м.-з. — малоземельский диалект
 СТНЛЯ — современный тундровый ненецкий литературный язык
 центр. — центральный диалект (центральные говоры)
 б.-з. — большеземельский диалект
 швед. — шведский язык

Г л о с с ы

1 — первое лицо
 2 — второе лицо
 3 — третье лицо
 ABL — аблатив («отложительный» падеж)
 ACC — аккузатив (винительный падеж)
 DAT — датив (дательный падеж, «дательно-направительный» падеж)
 DU — двойственное число
 ESS — эссив
 GEN — генитив (родительный падеж)
 IMP — императив (повелительное наклонение)
 IND — индикатив (изъявительное наклонение)
 INSTR — инструменталь (инструментальный, творительный падеж)
 LOC — локатив (местный падеж)
 NOM — номинатив (именительный падеж)
 OBJ(SG) — объектное спряжение (с объектом в единственном числе)
 PL — множественное число
 POSS — посессивный аффикс
 PRED — дестинативный аффикс (аффикс «личного предназначения», *predestinative*)
 PRES/AOR — настоящее время [Nikolaeva 2014]/аорист [Salminen 1998]/неопределенное время [Терещенко 1965]
 PROL — пролатив («продольный» падеж)
 PROS — просекутив [Salminen 1998] (= пролатив, «продольный» падеж)
 SG — единственное число
 SUB — субъектное спряжение
 VOC — вокатив (звательный падеж, звательная форма)

Полевые материалы

ПМАБз — полевые материалы автора по большеземельскому (центральному) диалекту тундрового ненецкого языка, собранные в с. Красное Заполярного района Ненецкого автономного округа (март 2012 г.)
 ПМАКан — полевые материалы автора по канинскому (крайнезападному) диалекту тундрового ненецкого языка, собранные в с. Ома Заполярного района Ненецкого автономного округа (май—июнь 2011 г.)
 ПМАКолг — полевые материалы по колгуевскому (крайнезападному) диалекту, собранные в пос. Бугрино (остров Колгуев) Заполярного района Ненецкого автономного округа в ходе совместной экспедиции Д. В. Арзютова и автора данной статьи (ноябрь 2018 г.)

И н ф о р м а н т ы

БЛК — Бобрикова Любовь Кирилловна, род. в 1932 г. в Канинской тундре (рядом с с. Несь), образование — 9 классов и медицинское училище в Салехарде [ПМАКан]

О б щ и е

— начальная или конечная граница словоформы
 А., Accus. — аккузатив (винительный падеж) в рукописи «Грамматика самоедского языка»
 abs. — абсолютные формы (формы абсолютного склонения)
 С — любой согласный звук/любой твердый согласный звук

- C' — любой мягкий (палатализованный или палатальный) согласный звук
- D. — датив (дательный падеж) в рукописи «Грамматика самоедского языка»
- Dual. — двойственное число в рукописи «Грамматика самоедского языка»
- G., Gen. — генитив (родительный падеж) в рукописи «Грамматика самоедского языка»
- I. — инструментальный (творительный) падеж, форма с инструментальным значением в рукописи «Грамматика самоедского языка»
- L. — локатив (местный падеж), форма с локативным значением в рукописи «Грамматика самоедского языка»
- N — именная основа
- N., Nom., Nomin. — номинатив (именительный падеж) в рукописи «Грамматика самоедского языка»
- NP — именная группа
- pl(ur). — множественное число [Salminen 1998]
- Plur., plur. — множественное число в рукописи «Грамматика самоедского языка»
- SamGr — “Samojedische Grammatik” («Грамматика самоедского языка» архим. Вениамина)
- Sing(ul), singul. — единственное число в рукописи «Грамматика самоедского языка»
- V — любой гласный звук
- V., Vocat. — вокатив (звательная форма/звательный падеж) в рукописи «Грамматика самоедского языка»
- Vi — основа непереходного глагола
- архим. — архимандрит
- B., вин. п. — винительный падеж (при цитировании)
- дв. (ч.) — двойственное число (при цитировании)
- длит. — длительный
- ед. (ч.) — единственное число (при цитировании)
- И. — именительный падеж (при цитировании)
- колич. — количественное (имя числительное)
- лит. — литературное
- мест.-тв. п. — местно-творительный падеж (в работах Н. М. Терещенко)
- миф. — мифическое, мифологическое
- мн. — многократный
- мн. (ч.) — множественное число (при цитировании)
- осн. — основа
- осн. п. — основной падеж = именительный падеж (в некоторых работах Н. М. Терещенко)
- отл. п. — отложительный падеж (в работах Н. М. Терещенко)
- перен. — переносное (значение)
- P. — родительный падеж (при цитировании)
- совр. — современный
- с/форма — словоформа
- уст. — устаревшее
- числ. — имя числительное
- ЧОТ — частота основного тона

Л и т е р а т у р а

- Базанов 1936 — А. Г. Базанов. Миссионеры и миссионерские школы на Архангельском Севере. Архангельск, 1936.
- Буркова 2010 — С. И. Буркова. Краткий очерк грамматики тундрового диалекта ненецкого языка (по материалам говором, распространенных на территории Ямало-Ненецкого автономного округа) // С. И. Буркова, Н. Б. Кошкарёва, Р. И. Лаптандер, Н. М. Янгасова. Диалектологический словарь ненецкого языка / Под общ. ред. Кошкарёвой Н. Б. Екатеринбург, 2010. С. 179—341.
- Буркова 2016 — С. И. Буркова. Ненецкий тундровый язык // Язык и общество: Энциклопедия / Гл. ред. В. Ю. Михальченко. М., 2016. С. 315—323.
- Вениамин 1851 — *Архимандритъ Вениаминъ*. О обращеніи въ христіанство мезенскихъ самоѣдовъ въ 1825—1830 годахъ: Записки архимандрита Вениамина. СПб., 1851.
- Вениамин 1855 — *Архимандритъ Вениаминъ*. Самоѣды мезенскіе. СПб., 1855. (Вѣстникъ Императорскаго русскаго географическаго общества. Часть XIV. СПб., 1855.)
- Вольнская 2001 — В. А. Вольнская. Вениамин // Поморская энциклопедия: в 5-ти тт. Т. 1. История Архангельского Севера. Архангельск, 2001. С. 97—98.

- Казакевич 2003 — *О. А. Казакевич*. Ненецкий лесной язык // Письменные языки мира: Языки Российской Федерации. Социолингвистическая энциклопедия. Кн. 2. М., 2003. С. 351—365.
- Казакевич, Парфенова 2003 — *О. А. Казакевич, О. С. Парфенова*. Ненецкий тундровый язык // Письменные языки мира: Языки Российской Федерации. Социолингвистическая энциклопедия. Кн. 2. М., 2003. С. 366—394.
- Козмин 1913 — *Н. Козмин*. Архангельские самоеды: Очерк их быта и верований. СПб., 1913.
- Коряков 2018 — *Ю. Б. Коряков*. Проблема «язык или диалект» и самодийские языки // Урало-алтайские исследования. 2018, 4 (31). С. 156—217.
- Лебедев 1915 — *свящ. Н. Лебедев*. Самоеды Крайнего Севера и история их христианизации // Православный благовестник. 1915, 3 (март). С. 200—240.
- Люблинская 2019 — *М. Д. Люблинская*. Публикация первого текста на ненецком языке «Вада Хасово» // Лингвистика и другие важные вещи: памяти Александра Павловича Володина (1935—2017). Сборник статей / Ред. *Е. В. Головкин*. и др. СПб., 2019. С. 228—255.
- Макарий (Миролюбов) 1878 — *епископ Макарий (Миролюбов)*. Христианство в пределах Архангельской епархии. М., 1878.
- НАО 2001 — Ненецкий автономный округ: Энциклопедический словарь / Гл. ред., сост. *Корепанова Л. Ю.* М., 2001.
- Окладников, Матафанов 2008 — *Н. А. Окладников, Н. Н. Матафанов*. Миссионерская деятельность архимандрита Вениамина (Смирнова) // Тернистый путь к православию: Из истории обращения в христианство ненцев архангельских тундр. Архангельск, 2008. С. 61—85.
- Плетнева, Кравецкий 1996 — *А. А. Плетнева, А. Г. Кравецкий*. Церковнославянский язык. М., 1996.
- Православная энциклопедия — Православная энциклопедия: в 58-и тт. Электронная версия / Под ред. Патриарха Московского и всея Руси Кирилла // <https://www.pravenc.ru/text/150317.html> (дата последнего обращения: 25.08.2020).
- Пырерка, Терещенко 1948 — Русско-ненецкий словарь: С приложением краткого грамматического очерка, составленного *Н. М. Терещенко* / Сост. *А. П. Пырерка, Н. М. Терещенко*. М., 1948.
- Стенин 2015 — *И. А. Стенин*. Грамматика тундрового ненецкого языка *И. А. Николаевой* и проблемы описания самодийских языков // Вопросы языкознания. 2015, 4. С. 91—133.
- Страдомский 1875 — *А. И. Страдомский*. Вениамин Смирнов, архим. Глуховского Петропавловского монастыря, просветитель мезенских самоедов. Чернигов, 1875.
- Терещенко 1947 — *Н. М. Терещенко*. Очерк грамматики ненецкого (юрако-самоедского) языка. Л., 1947.
- Терещенко 1956 — *Н. М. Терещенко*. Материалы и исследования по языку ненцев. М.—Л., 1956.
- Терещенко 1965 — *Н. М. Терещенко*. Ненецко-русский словарь: Около 22000 слов. С приложением краткого грамматического очерка ненецкого языка. М., 1965.
- Терещенко 1966 — *Н. М. Терещенко*. Ненецкий язык // Языки народов СССР: в 5-ти тт. Т. 3. Финно-угорские и самодийские языки. М., 1966. С. 376—395.
- Терещенко 1993 — *Н. М. Терещенко*. Ненецкий язык // Языки мира. Уральские языки. М., 1993. С. 326—343.
- Харитоновна 2018 — *Я. Э. Харитоновна*. Документы личного фонда архимандрита Вениамина (Смирнова) как исторический источник сведений о деятельности самоедской духовной миссии на Архангельском Севере в 1825—1830 гг. // Saint-Petersburg Historical Journal. 2018, 1. С. 231—239.
- Хелимский 1984 — *Е. А. Хелимский*. Две заметки о славянско-самодийских аналогиях // Балто-славянские исследования / Отв. ред. *Иванов В. В. М.*, 1984. С. 114—123.
- Хелимский 2000 — *Е. А. Хелимский*. Очерк истории самодийских народов // Компаративистика, уралистика: Лекции и статьи. М., 2000. С. 26—40.
- Шульгин 1895а — *В. Шульгин*. Архим. Вениамин — просветитель мезенских самоедов // Архангельские Епархиальные ведомости. 1895, № 21. С. 513—516.
- Шульгин 1895б — *В. Шульгин*. Архим. Вениамин — просветитель мезенских самоедов // Архангельские Епархиальные ведомости. 1895, № 23. С. 554—558.
- Шульгин 1895в — *В. Шульгин*. Архим. Вениамин — просветитель мезенских самоедов // Архангельские Епархиальные ведомости. 1895, № 24. С. 591—594.
- Шульгин 1896 — *В. Шульгин*. Эпизод из миссионерской деятельности архим. Вениамина // Архангельские Епархиальные ведомости. 1896, № 23. С. 680—681.
- Nikolaeva 2014 — *I. Nikolaeva*. A Grammar of Tundra Nenets. Berlin — Boston, 2014.
- Salminen 1997 — *T. Salminen*. Tundra Nenets inflection. Helsinki, 1997. (= Mémoires de la Société Finno-Ougrienne, 227. Helsinki, 1997.)
- Salminen 1998 — *T. Salminen*. A Morphological Dictionary of Tundra Nenets. Helsinki, 1998. (= Lexica Societatis Fenno-Ugricae, XXVI. Helsinki, 1998.)

Salminen 2007 — *T. Salminen*. Notes on Forest Nenets phonology // *Suomalais-Ugrilaisen Seuran Toimituksia*. (= Mémoires de la Société Finno-Ougrienne, 253.) Helsinki, 2007. S. 349—372.

References

- Bazanov 1936 — Bazanov A. G. *Missionery i missionerskie shkoly na Arkhangel'skom Severe*. Arkhangel'sk, 1936. {Bazanov A. G. *Missionaries and mission schools in the Arkhangelsk North*. Arkhangelsk, 1936.}
- Burkova 2010 — Burkova S. I. *Kratkii ocherk grammatiki tundrovogo dialekta nenetskogo yazyka (po materialam govorov, rasprostranennykh na territorii Yamalo-Nenetskogo avtonomnogo okruga)*. In: Burkova S. I., Koshkareva N. B., Laptander R. I., Yangasova N. M. *Dialektologicheskii slovar' nenetskogo yazyka / Pod obshch. red. Koshkarevoi N. B.* Ekaterinburg, 2010. S. 179—341. {Burkova S. I. *A short sketch of the Tundra Nenets grammar (on data of the idioms in Yamalo-Nenets autonomous district)*. In: Burkova S. I., Koshkareva N. B., Laptander R. I., Yangasova N. M. *Nenets dialectological dictionary / Ed. Koshkareva N. B.* Ekaterinburg, 2010. P. 179—341.}
- Burkova 2016 — Burkova S. I. *Nenetskii tundrovyy yazyk*. In: *Yazyk i obshchestvo: Ehntsiklopediya / Gl. red. Mikhail'chenko V. Yu. M.*, 2016. S. 315—323. {Burkova S. I. *Tundra Nenets*. In: *Language and society: Encyclopedia / Ed. Mikhail'chenko V. Yu. M.*, 2016. P. 315—323.}
- Kazakevich 2003 — Kazakevich O. A. *Nenetskii lesnoi yazyk*. In: *Pis'mennyye yazyki mira: Yazyki Rossiiskoi Federatsii. Sotsiolingvisticheskaya ehntsiklopediya. Kn. 2. M.*, 2003. S. 351—365. {Kazakevich O. A. *Nenets Forest language*. In: *Written languages of the world: Languages of the Russian Federation. A sociolinguistic encyclopedia. Book 2. M.*, 2003. P. 351—365.}
- Kazakevich, Parfenova 2003 — Kazakevich O. A., Parfenova O. S. *Nenetskii tundrovyy yazyk*. In: *Pis'mennyye yazyki mira: Yazyki Rossiiskoi Federatsii. Sotsiolingvisticheskaya ehntsiklopediya. Kn. 2. M.*, 2003. S. 366—394. {Kazakevich O. A., Parfenova O. S. *Nenets Tundra language*. In: *Written languages of the world: Languages of the Russian Federation. A sociolinguistic encyclopedia. Book 2. M.*, 2003. P. 366—394.}
- Kharitonova 2018 — Kharitonova Ya. *Eh. Dokumenty lichnogo fonda arkhimandrita Veniamina (Smirnova) kak istoricheskii istochnik svedenii o deyatel'nosti samoedskoi dukhovnoi missii na Arkhangel'skom Severe v 1825—1830 gg.* In: *Saint-Petersburg Historical Journal*. 2018, 1. S. 231—239. {Kharitonova Ya. *E. Veniamin's (Smirnov's) private papers as a historic source of information dealing with the Samoyed spiritual mission in Archangel region (1825—1830)*. In: *Saint-Petersburg Historical Journal*. 2018, 1. P. 231—239.}
- Khelimskii 1984 — Khelimskii E. A. *Dve zametki o slavyansko-samodiiskikh analogiyakh*. In: *Balto-slavyanskije issledovaniya / Otv. red. Ivanov V. V. M.*, 1984. S. 114—123. {Khelimskii E. A. *Two notes on the Slavic-Samoyedic analogies*. In: *Balto-Slavic studies / Ed. Ivanov V. V. M.*, 1984. P. 114—123.}
- Khelimskii 2000 — Khelimskii E. A. *Ocherk istorii samodiiskikh narodov*. In: *Komparativistika, uralistika: Lektsii i stat'i. M.*, 2000. S. 26—40. {Khelimskii E. A. *Essay on the Samoyedic history*. In: *Comparativistics, Uralistics: Lectures and articles. M.*, 2000. P. 26—40.}
- Koryakov 2018 — Koryakov Yu. B. *Problema «yazyk ili dialekt» i samodiiskie yazyki*. In: *Uralo-altaiskie issledovaniya*. 2018, 4 (31). S. 156—217. {Koryakov Yu. B. *The problem “language or dialect” and the Samoyedic languages*. In: *Ural-Altai Studies*. 2018, 4 (31). P. 156—217.}
- Kozmin 1913 — Kozmin N. *Arkhangel'skie samoedy: Ocherk ikh byta i verovaniy*. SPb., 1913. {Kozmin N. *Arkhangelsk Samoyeds: Essay on their life and beliefs*. SPb., 1913.}
- Lebedev 1915 — Lebedev N., svyashch. *Samoedy Krainego Severa i istoriya ikh khristianizatsii*. In: *Pravoslavnyi blagovestnik*. 1915, 3 (mart). S. 200—240. {Lebedev N., priest. *The Samoyeds of the Far North and the history of their Christianization*. In: *Orthodox Evangelist*. 1915, 3 (March). P. 200—240.}
- Lyublinskaya 2019 — Lyublinskaya M. D. *Publikatsiya pervogo teksta na nenetskom yazyke «Vada Khasovo»*. In: *Lingvistika i drugie vazhnye veshchi: pamyati Aleksandra Pavlovicha Volodina (1935—2017). Sbornik statei / Red. Golovko E. V. i dr.* SPb., 2019. S. 228—255. {Lyublinskaya M. D. *Publication of the first Nenets text “Wada Khasowo”*. In: *Linguistics and other important things: In memory of Alexandr P. Volodin (1935—2017) / Ed. Golovko E. V. et al.* SPb., 2019. P. 228—255.}
- Makarii (Mirolyubov) 1878 — Makarii (Mirolyubov), episkop. *Khristianstvo v predelakh Arkhangel'skoi eparkhii. M.*, 1878. {Makarii (Mirolyubov), bishop. *Christianity within the Archangel Diocese*. M., 1878.}
- NAO 2001 — *Nenetskii avtonomnyi okrug: Ehntsiklopedicheskii slovar' / Gl. red., sost. Korepanova L. Yu. M.*, 2001. {*Nenets autonomous district: Encyclopedic dictionary / Ed. Korepanova L. Yu. M.*, 2001.}
- Nikolaeva 2014 — Nikolaeva I. *A Grammar of Tundra Nenets*. Berlin — Boston, 2014.
- Okladnikov, Matafanov 2008 — Okladnikov N. A., Matafanov N. N. *Missionerskaya deyatel'nost' arkhimandrita Veniamina (Smirnova)*. In: *Ternisty put' k pravoslavliyu: Iz istorii obrashcheniya v khristianstvo nentsev arkhangel'skikh tundr*. Arkhangel'sk, 2008. S. 61—85. {Okladnikov N. A., Matafanov N. N. *The missionary activity of Archimandrite*

Veniamin (Smirnov). In: *The Thorny Path to Orthodoxy: From the history of the conversion to Christianity of the Nenets of the Arkhangelsk tundras*. Arkhangelsk, 2008. P. 61—85.}

Pletneva, Kravetskii 1996 — Pletneva A. A., Kravetskii A. G. *Tserkovnoslavjanskii yazyk*. M., 1996. {Pletneva A. A., Kravetsky A. G. *Church Slavonic*. M., 1996.}

Pravoslavnaya ehntsiklopediya — *Pravoslavnaya ehntsiklopediya: v 58-i tt. Ehlektronnaya versiya / Pod red. Patriarkha Moskovskogo i vseya Rusi Kirilla*. In: <https://www.pravenc.ru/text/150317.html> (data poslednego obrashcheniya: 25.08.2020). {Orthodox encyclopedia: in 58 volumes. Electronic version / Ed. by Patriarch Kirill. In: <https://www.pravenc.ru/text/150317.html> (last accessed date: 25.08.2020).}

Pyrerka, Tereshchenko 1948 — *Russko-nenetskii slovar': S prilozheniem kratkogo grammaticheskogo ocherka, sostavlenno N. M. Tereshchenko / Sost. Pyrerka A. P., Tereshchenko N. M. M., 1948. {Russian–Nenets dictionary: With the Appendix of a brief grammatical outline compiled by N. M. Tereshchenko / Compiled by Pyrerka A. P., Tereshchenko N. M. M., 1948.}*

Salminen 1997 — Salminen T. *Tundra Nenets inflection*. Helsinki, 1997. (= *Mémoires de la Société Finno-Ougrienne*, 227. Helsinki, 1997.)

Salminen 1998 — Salminen T. *A Morphological Dictionary of Tundra Nenets*. Helsinki, 1998. (= *Lexica Societatis Fenno-Ugricae*, XXVI. Helsinki, 1998.)

Salminen 2007 — Salminen T. *Notes on Forest Nenets phonology*. In: *Suomalais-Ugrilaisen Seuran Toimituksia*. (= *Mémoires de la Société Finno-Ougrienne*, 253.) Helsinki, 2007. S. 349—372.

Shul'gin 1895a — Shul'gin V. Arkhim. Veniamin — prosvetitel' mezenskikh samoedov. In: *Arkhangel'skie Eparkhial'nye vedomosti*. 1895, № 21. S. 513—516. {Shul'gin V. *Archimandrite Veniamin is the Mezen Samoyeds' missionary*. In: *Arkhangelsk Eparchial bulletin*. 1895, 21. S. 513—516.}

Shul'gin 1895b — Shul'gin V. Arkhim. Veniamin — prosvetitel' mezenskikh samoedov. In: *Arkhangel'skie Eparkhial'nye vedomosti*. 1895, № 23. S. 554—558. {Shul'gin V. *Archimandrite Veniamin is the Mezen Samoyeds' missionary*. In: *Arkhangelsk Eparchial bulletin*. 1895, 23. S. 554—558.}

Shul'gin 1895v — Shul'gin V. Arkhim. Veniamin — prosvetitel' mezenskikh samoedov. In: *Arkhangel'skie Eparkhial'nye vedomosti*. 1895, № 24. S. 591—594. {Shul'gin V. *Archimandrite Veniamin is the Mezen Samoyeds' missionary*. In: *Arkhangelsk Eparchial bulletin*. 1895, 24. S. 591—594.}

Shul'gin 1896 — Shul'gin V. Ehpizod iz missionerskoi deyatel'nosti arkhim. Veniamina. In: *Arkhangel'skie Eparkhial'nye vedomosti*. 1896, № 23. S. 680—681. {Shul'gin V. *An episode of Archimandrite Veniamin's mission*. In: *Arkhangelsk Eparchial bulletin*. 1896, 23. S. 680—681.}

Stenin 2015 — Stenin I. A. *Grammatika tundrovogo nenetskogo yazyka I. A. Nikolaevoi i problemy opisaniya samodiiskikh yazykov*. In: *Voprosy yazykoznaniiya*. 2015, 4. S. 91—133. {Stenin I. A. *I. A. Nikolaeva's Tundra Nenets grammar and some issues in Samoyedic descriptive studies*. In: *Issues in linguistics*. 2015, 4. P. 91—133.}

Stradomskii 1875 — Stradomskii A. I. *Veniamin Smirnov, arkhim. Glukhovskogo Petropavlovskogo monastyrja, prosvetitel' mezenskikh samoedov*. Chernigov, 1875. {Stradomsky A. I. *Veniamin Smirnov, Glukhovsky Peter and Paul monastery archimandrite, the Mezen Samoyeds' missionary*. Chernigov, 1875.}

Tereshchenko 1947 — Tereshchenko N. M. *Ocherk grammatiki nenetskogo (yurako-samoedskogo) yazyka*. L., 1947. {Tereshchenko N. M. *Essay on Nenets (Yurako-Samoyedic) grammar*. L., 1947.}

Tereshchenko 1956 — Tereshchenko N. M. *Materialy i issledovaniya po yazyku nentsev*. M.—L., 1956. {Tereshchenko N. M. *Data and research on the Nenets language*. M.—L., 1956.}

Tereshchenko 1965 — Tereshchenko N. M. *Nenetsko-russkii slovar': Okolo 22000 slov. S prilozheniem kratkogo grammaticheskogo ocherka nenetskogo yazyka*. M., 1965. {Tereshchenko N. M. *The Nenets-Russian dictionary: Approximately 22000 words. With the Appendix of a brief grammatical outline of the Nenets language*. M., 1965.}

Tereshchenko 1966 — Tereshchenko N. M. *Nenetskii yazyk*. In: *Yazyki narodov SSSR: v 5-ti tt. T. 3. Finno-ugorskie i samodiiskie yazyki*. M., 1966. S. 376—395. {Tereshchenko N. M. *The Nenets language*. In: *Languages of the peoples of the USSR: in 5 volumes. Vol. 3. The Finno-Ugric and Samoyedic languages*. M., 1966. P. 376—395.}

Tereshchenko 1993 — Tereshchenko N. M. *Nenetskii yazyk*. In: *Yazyki mira. Ural'skie yazyki*. M., 1993. S. 326—343. {Tereshchenko N. M. *The Nenets language*. In: *World languages. Uralic languages*. M., 1993. P. 326—343.}

Veniamin 1851 — *Arkhimandrit" Veniamin". O obrashchenii v" khristianstvo mezenskikh" samoedov" v" 1825—1830 godakh": Zapiski arkhimandrita Veniamina*. SPb., 1851. {Archimandrite Veniamin. *On the Mezen Samoyeds' conversion to Christianity in 1825—1830: Archimandrite Veniamin's notes*. SPb., 1851.}

Veniamin 1855 — *Arkhimandrit" Veniamin". Samoedy mezenskie*. SPb., 1855. (*Vĕstnik" Imperatorskago russkago geograficheskago obshchestva. Chast' XIV*. SPb., 1855.) {Archimandrite Veniamin. *Mezen Samoyeds*. SPb., 1855. (*Bulletin of the Imperial Russian geographical society. Part XIV*. SPb., 1855.)}

Volynskaya 2001 — Volynskaya V. A. *Veniamin*. In: *Pomorskaya ehntsiklopediya: v 5-ti tt. T. 1. Istoriya Arkhangel'skogo Severa*. Arkhangel'sk, 2001. S. 97—98. {Volynskaya V. A. *Veniamin*. In: *Pomor encyclopedia: in 5 volumes. Vol. 1. Arkhangelsk North history*. Arkhangelsk, 2001. P. 97—98.}

**Языковые биографии представителей
марийской диаспоры московского региона
(уроженцев районов распространения лугового марийского языка
в Республике Марий Эл)**

Куцаева Марина Васильевна, Институт языкознания РАН (Москва); marina.kutsaeva@iling-ran.ru

В статье приводятся результаты одного из аспектов социолингвистического обследования, которое было проведено автором в марийской диаспоре московского региона и посвящено выявлению и описанию функционирования этнического языка во внутренней диаспоре. Актуальное использование этнического языка в условиях диаспорного проживания определяется, среди прочего, предшествующим языковым опытом респондентов на малой родине. Выделены периоды и общие черты, характерные для большинства языковых биографий респондентов: внутрисемейное общение, дошкольное воспитание, школьное обучение (язык и предмет обучения), дальнейшее образование, каналы изучения марийского и русского языков, а также возможные трудности при овладении этими языками, языки общения с соседями на малой родине. Реконструкция языковых биографий позволяет выявить различные пути освоения респондентами этнического языка. Кроме того, языковые биографии являются не только отражением, но и закономерным следствием общих тенденций языковой политики, осуществлявшейся в советский и постсоветский период в том числе и на территории расселения марийского этноса. Ввиду сильной диаспоризации марийцев, проживающих как в Республике Марий Эл, так и в местах компактного расселения в пределах других территориально-административных образований (Республика Башкортостан, Татарстан, Кировская и Свердловская область — в выборке), общая языковая ситуация с марийским языком в тот или иной промежуток времени меняется в зависимости от места проживания респондента.

Данная статья посвящена анализу языковых биографий респондентов, уроженцев районов распространения лугового марийского языка в Республике Марий Эл.

Ключевые слова: внутренняя диаспора, марийский язык, марийско-русское двуязычие, языковая ситуация, языковая политика в области образования, семейная языковая политика

**LANGUAGE BIOGRAPHIES OF THE MARIS OF THE MOSCOW REGION — THE NATIVES
OF THE AREAS WHERE THE MEADOW MARI LANGUAGE IS SPOKEN IN THE REPUBLIC OF MARI EL**

Marina V. Kutsaeva, Institute of Linguistics, RAS (Moscow); marina.kutsaeva@iling-ran.ru

The article deals with the results of one of the aspects of the sociolinguistic survey conducted by the author in the Mari diaspora of the Moscow region. The aim of the survey was to describe the functioning of an ethnic language in the internal diaspora. The actual use of the ethnic language in the conditions of diasporic residence is determined, among other things, by the previous language experience of the respondents in their small homeland.

The periods and the most common features of the respondents' language biographies to be highlighted include intra-family communication, preschool education, school education (the language of instruction and the subject of instruction), further education, channels for learning Mari and Russian, as well as possible difficulties in mastering these languages, interactions with neighbours in the small homeland.

The reconstruction of language biographies makes it possible to identify different ways of acquiring the ethnic language by the respondents. In addition, language biographies are not only a reflection, but also a consequence of the general trends of language policies implemented in the Soviet and post-Soviet period, in particular, on the territory of Mari ethnic group settlement.

Due to the strong diasporization of Mari people living both in the Republic of Mari El and in places of compact settlement within other territorial-administrative entities (for example, in the Republics of Bashkortostan and Tatarstan, Kirov and Sverdlovsk regions in the sampling), the general language situation with the Mari language in a certain period varies depending on the respondents' place of residence.

The present article is devoted to the analysis of the language biographies of respondents, natives of the areas where the Meadow Mari language is spoken in the Republic of Mari El.

Keywords: internal diaspora, Mari language, Mari-Russian bilingualism, language policy in education, family language policy

1. Введение

Марийцы являются одним из коренных финно-угорских народов Среднего Поволжья.

По данным Всероссийской переписи населения, на территории Российской Федерации проживают 547605 марийцев, из них в Республике Марий Эл — 290863 чел., остальные марийцы (46,9% от всего марийского населения РФ) расселены как компактными (Республики Башкортостан, Татарстан, Удмуртия, Кировская, Свердловская, Нижегородская области, Пермский край), так и дисперсными группами во многих других регионах страны [ВПН 2010].

Первоначально марийцы жили более компактно, занимая одну общую территорию по среднему течению реки Волги [Коведяева 1966: 221]. Активное расселение марийцев было обусловлено рядом исторических причин (подробнее об этом см. [Сепеев 1975, 2006; Козлова 1978; Сануков 2000; Бахтин 2012]). Это привело к формированию двух основных ареалов проживания марийского этноса: первичного поволжского (средневожского) и вторичного приуральского (камско-уральского) [Сепеев 2006: 112].

Существенное влияние на процесс этнической дифференциации и диаспоризации марийцев оказало административно-территориальное деление. К 1922 году были заложены основы национальной политики советского государства: оно формировалось как система иерархически упорядоченных национальных образований. Последующая судьба народов и их языков во многом зависела от наличия и уровня автономии, ее границ [Беликов, Крысин 2016: 279—281]. Декретом Советского правительства от 4 декабря 1920 г. была образована Марийская автономная область, в 1936 г. преобразованная в Марийскую АССР [Коведяева 1976: 3]. Создание марийской автономии, бесспорно, имело важное историческое значение в том числе и с лингвистической точки зрения: в пределах национальных образований официальные функции должен был выполнять язык соответствующего народа; титульный язык автономной республики, как предполагалось, должен быть совершенно равноправен с языком соответствующей союзной республики [Беликов, Крысин 2016: 281]. Однако в силу исторической разбросанности почти половина марийского этноса оказалась за пределами автономной территории [Сануков 2000: 43]. Теоретически границы союзных республик и автономий разного уровня должны были совпадать с компактными этническими территориями, однако к созданию подобных административных единиц существовали объективные препятствия: часто народы жили чересполосно, а этнический состав городов нередко сильно отличался от этнического состава окружающей их сельской местности¹. Подобные «мелочи» в административном делении существенно сказались на сохранности языка у различных народов [Беликов, Крысин 2016: 282—283], что, безусловно, напрямую коснулось и этнического языка марийцев.

В 2019—2021 гг. автором статьи было проведено социолингвистическое обследование в марийской диаспоре московского региона (по данным переписи 2010 года, в Москве и Московской области насчитывалось 4655 марийцев [ВПН 2010]). Выборка в первом поколении составила сто человек, респонденты являются уроженцами Республики Марий Эл, а также мест компактного расселения марийцев — Республики Башкортостан и Татарстан, Кировская и Свердловская области (табл. 1) — и постоянно проживают в настоящее время в Москве или Московской области. Все опрошенные идентифицируют себя в качестве этнических марийцев.

Таблица 1. Место рождения и проживания респондентов на малой родине

Место рождения респондента	Доля респондентов, в %
РМЭ, один из районов распространения лугового марийского	58
РМЭ, Горномарийский район, район распространения горномарийского	13
Республика Башкортостан	18
Республика Татарстан	3
Кировская область	5
Свердловская область	2
районы дисперсного расселения марийцев	1

Цель обследования заключалась в выявлении и описании функционирования этнического языка в условиях внутренней диаспоры. Методология исследования функционирования языка внутренней диаспоры впервые была задана и апробирована автором статьи в ходе написания и защиты кандидатской

¹ В XVI в. были основаны города-крепости Царевосанчурск, Яранск, Уржум, Малмыж. С самого начала эти города были русскими, марийцам не разрешалось в них селиться, более того, они должны были освобождать территорию вокруг городов в радиусе до пяти верст [Иванов, Сануков 2015: 37].

диссертации [Куцаева 2018]. В общих чертах вопросы анкеты могут быть разделены на следующие крупные блоки:

а) **Паспортный блок.** Ниже представлены данные относительно числа респондентов в выборке по когортам в первом поколении (табл. 2), место рождения и проживания респондентов на малой родине (табл. 3), длительность пребывания в московском регионе (табл. 4).

Таблица 2. Половозрастная структура общей выборки в первом поколении

возрастная когорта	22—30		31—40		41—50		51—60		61—70	
число респондентов в когорте (муж. / жен.)	12	19	12	14	8	6	6	14	4	5

Таблица 3. Место рождения и проживания респондентов на малой родине

возрастная когорта	марийская деревня	ПГТ	Город
22—30	24	4	3
31—40	21	2	3
41—50	11	1	2
51—60	19	—	1
61—70	8	1	—

Таблица 4. Длительность пребывания респондентов в московском регионе

когорта \ период	период							
	1—3 года	3—5 лет	6—10 лет	11—20 лет	21—30 лет	31—40 лет	более 40 лет	
22—30	6	8	14	3				
31—40		3	8	15				
41—50		1	2	9	2			
51—60	1	3	3	5		7	1	
61—70				4		1	4	

б) **Первый лингвистический блок вопросов,** задачей которого являлось составление языковой биографии респондента, включал следующие вопросы:

1. Откуда родом ваши родители (мать, отец)?
2. Этническая принадлежность родителей.
3. Какими языками владели ваши родители?
4. Какими языками вы владеете?
5. Где вы учились в начальной / средней школе / вузе? На каком языке / языках?
6. На каком языке вы говорили в детстве: до школы, в начальной школе, в средней школе, когда учились в вузе (техникуме)?

Ответы респондентов на эти вопросы являются предметом анализа в данной статье.

в) **Второй лингвистический блок вопросов** касался актуального использования респондентом языка; полученные результаты нашли отражение в работах, посвященных роли марийского языка в диаспоре, особенностям межпоколенной передачи марийского языка в условиях внутренней диаспоры, проблеме новых носителей марийского (см. [Куцаева 2021а, б, в] соответственно), и некоторых других.

г) **Блок вопросов культурного и духовного характера,** тем не менее проливающий свет на языковую жизнь респондентов и касающийся таких аспектов, как соблюдение традиционных этнических праздников, передача знаний о родной культуре, принадлежность респондента к этнической культуре (основные результаты опубликованы в [Куцаева 2021г]).

В ходе обследования использовался комплекс следующих методов: непосредственное наблюдение, включенное наблюдение, структурированное интервью респондентов, документальная фиксация ответов, статистический анализ данных [Беликов, Крысин 2016: 201—246]. Ввиду резкого повсеместного ухудшения эпидемиологической ситуации в связи с распространением COVID-19, в конце марта 2020 года возникла необходимость заменить форму непосредственного общения с респондентом на дистанционную по телефону, что, впрочем, никак не отразилось на качестве интервью (подробнее об опыте решения подобной задачи см. [Куцаева 2020а]).

Актуальное использование этнического языка в условиях диаспорного проживания определяется в том числе предшествующим языковым опытом респондентов на малой родине, в связи с чем существенно изучение языковых биографий респондентов. Поскольку один из узких, однако важных с лингвистической точки зрения аспектов языковых биографий марийцев московского региона — вопрос марийско-татарских языковых контактов — ранее освещался нами в [Куцаева 2020б], в данной работе в фокусе внимания будут преимущественно марийский и русский языки.

Основываясь на воспоминаниях респондентов, мы выделили периоды и наиболее общие черты их языковых биографий: внутрисемейное общение, дошкольное воспитание, школьное обучение (язык обучения и предмет обучения), дальнейшее образование, каналы изучения марийского и русского языков, а также возможные трудности при освоении этих языков, языки общения с соседями на малой родине.

Бесспорно, ситуация с марийским языком в каждом конкретном случае, помимо воздействия отдельных экстралингвистических факторов, зависит, во-первых, от места проживания респондента на малой родине в прошлом (в пределах административных границ Республики Марий Эл или, напротив, в районах компактного расселения марийцев на территории Российской Федерации), во-вторых, от типа населенного пункта (сельская местность или городская среда), в-третьих, от общих тенденций и этапов языковой политики советское и постсоветское время; и находит свое отражение в языковой биографии респондентов той или иной возрастной когорты первого поколения диаспоры выборке.

В настоящей статье рассмотрены языковые биографии респондентов, выходцев из Республики Марий Эл, уроженцев районов распространения лугового марийского языка: районы их проживания на малой родине и этнический состав населения (раздел 2), языки внутрисемейного общения (раздел 3), языки дошкольного воспитания (раздел 4); в разделе 5 представлен очерк этапов языковой политики в области образования; языки обучения и преподавания в начальной школе (раздел 6), в средней школе (раздел 7), воспоминания респондентов об изучении русского или марийского языков в школе (раздел 8), языки обучения и преподавания на дальнейших этапах обучения (раздел 9), основные каналы приобщения к русскому или марийскому языкам (раздел 10). Раздел 11 — заключение.

2. Районы проживания респондентов на малой родине и этнический состав населения

53% марийцев от всего марийского населения РФ [ВПН 2010] проживают на территории Республики Марий Эл, входящей в состав Приволжского Федерального округа. Большая часть территории республики расположена на левобережье Волги, на Марийской низменности, и лишь небольшая — на гористом правом берегу Волги. В РМЭ выделяются 14 районов, три города республиканского и один — районного подчинения [Иванов, Сануков 2015: 3—4].

Из ста опрошенных в выборке 71 респондент является уроженцем Республики Марий Эл: 58 — выходцы из районов распространения лугового марийского языка, 13 — горномарийского.

Основная масса носителей лугового марийского² в Республике проживает на территории Ветлужско-Вятского междуречья.

В нашей выборке 58 опрошенных являются выходцами из следующих районов распространения лугового марийского в Республике Марий Эл (см. табл. 5).

49 респондентов в выборке родились в сельской местности, девять являются уроженцами городской среды (из них пять выросли в столице Республики, г. Йошкар-Оле, четверо — в поселках городского типа)³.

В 67% случаев детство и юность респондентов прошли в тех же местах, где родились и выросли их родители. Родители уроженцев городской среды, в свою очередь, родились в небольших населенных пунктах в сельской местности. Родители некоторых других опрошенных когда-то переселились из других районов, расположенных как в пределах административных границ республики, так и в местах компактного проживания мари на территории Российской Федерации.

² Луговое наречие традиционно делится на следующие говоры: моркинско-сернурский (распространенный в Моркинском, Сернурском, Новоторъяльском, Куженерском, Параньгинском, Советском, Мари-Турекском р-нах РМЭ), волжский (в Волжском и Звениговском р-нах), йошкар-олинский (на территории Медведевского, Оршанского, части Советского и Звениговского р-нов) и уржумский (главным образом в Кировской области, но также и в части Мари-Турекского р-на РМЭ) [Марийцы 2013: 111].

³ Доля марийцев-горожан выросла с 0,5% в 1926 г. до 36,8% в 1989 г. Однако в городском населении республики марийцы составляют лишь 26,1%, причем в населении Йошкар-Олы марийцев 23,4%. Марийцы остаются преобладающим компонентом сельского населения республики, они составляют три четверти и более сельчан в 13 районах из 14 (кроме Юринского) [Марийцы 2013: 130].

Таблица 5. Место рождения и проживания респондентов —
уроженцев районов распространения лугового марийского языка в Республике Марий Эл

Место проживания респондента на территории распространения лугового марийского в РМЭ (в скобках приводится удаленность районного центра от столицы республики Йошкар-Олы)	Число респондентов в выборке — уроженцев соответствующего района
Моркинский (120 км)	12
Мари-Турекский (125 км)	9
Сернурский (89 км)	7
Советский (42 км)	6
Волжский (97 км)	5
Параньгинский (123 км)	5
г. Йошкар-Ола	5
Новоторъяльский (80 км)	4
Оршанский (33 км)	3
Куженерский (73 км)	1
Медведевский (8 км, примыкает к г. Йошкар-Ола)	1

Сами респонденты описывают свою малую родину (национальный состав населения и языки общения) следующим образом. «Там район считается татарским» (№ 103, Ж., 65⁴, Параньгинский р-н). «Ну, Морки — это как бы не Йошкар-Ола, там очень много марийцев» (№ 10, М., 28). «У нас в районе марийские деревни чередуются с татарскими» (№ 70, М., 28, Мари-Турекский р-н)⁵.

В том случае, если деревня была моноэтнической, языком общения выступал марийский. «Марийская деревня, одни марийцы, все по-марийски» (№ 5, Ж., 56, Параньгинский р-н). «На марийском между собой, естественно. У нас такого не бывает, чтобы в марийской деревне два марийца разговаривали по-русски» (№ 101, М., 67, Моркинский р-н) (о языках общения, в частности, марийцев с татарами в случае близкого соседства или при чересполосном расположении деревень см. [Куцаева 2020б]).

Однако, если в населенном пункте проживали представители разных этнических групп, особенно в случае младших когорт в выборке, языком общения становился русский. «Это даже больше удмуртская деревня, больше всего удмуртов живет, на втором месте марийцы и татары. В основном поровну. И по чуть-чуть русские. И поэтому с детства в садике, в школе, всегда то есть, все разговаривали между собой на русском языке» (№ 51, М., 29, Мари-Турекский р-н).

Кроме того, к числу издавна расселившихся на территории Марий Эл народов, помимо татар и удмуртов, следует также отнести русских и чувашей [Сепеев 2006: 166]. В нашей выборке на соседство с русскими и чувашами указывали уроженцы Советского и Оршанского районов РМЭ. «У нас, как получилось, само село образовалось: было два конца, то есть марийский конец и русский конец. Наше село протяженностью четыре километра. И в советские времена, когда строили квартиры молодым, между этими деревнями построили именно эти дома. Получается, слияние этих двух деревень, русской и марийской, и дали уже название Великополье. А у нас в деревне принято на марийском разговаривать, в основном все между собой разговаривают на марийском. Мало таких семей, которые прямо вот конкретно мы знаем, что это русские, и с ними общаемся на русском» (№ 14, Ж., 33, Оршанский р-н). Выбор языка общения, кажется, был обусловлен как этническим составом населения, так и величиной населенного пункта. «В селе русские и марийцы. Наверное, все-таки марийцев было больше. От собеседника зависел выбор языка» (№ 78, Ж., 30, Советский р-н). «Ну в детстве, естественно, вся деревня марийская была, когда бегали с мальчишками, играли, купаться бегали, так, естественно, все по-марийски говорили» (№ 104, М., 60, Советский р-н).

Отдельное замечание необходимо сделать в отношении более крупных населенных пунктов — поселков городского типа: их величина и полиэтничный состав, несомненно, влияли на выбор языка общения.

Перечислим некоторые интересующие нас поселки городского типа с указанием даты их образования и преобладающей среди их жителей этнической группы: Мари-Турек (1975, русские), Медведево

⁴ Здесь и далее в скобках последовательно приводятся: 1) номер анкеты; 2) пол респондента; 3) возраст респондента.

⁵ Татарские поселения локализованы в трех восточных районах республики: Параньгинском (33% татар-сельчан), Мари-Турекском и Моркинском. Удмуртские поселения расположены в Мари-Турекском районе [Марийцы 2013: 130].

(1973, русские), Морки (1969, марийцы), Новый Торъял (1972, русские), Оршанка (1975, русские), Паранга (1974, русские), Сернур (1966, русские), Советский (1965, марийцы) [Справочный материал 1996: 238—239].

В послевоенные годы темпы индустриализации и урбанизации, начавшихся в национальных районах в 1930-е гг., постоянно возрастали [Беликов, Крысин 2016: 300]. В 1960—1970-х гг. в Марийской АССР наблюдался подъем аграрного производства, велось строительство крупных животноводческих комплексов, мощных птицефабрик, обустройство укрупненных центральных усадеб колхозов и совхозов [Иванов, Сануков 2015: 276].

Как отмечается в научной литературе тех лет, в ходе вовлечения в интенсивный процесс материального производства ранее отсталых и редконаселенных окраинных районов, происходит смешение населения, возрастает многонациональность республик, экономико-географических комплексных районов; и если раньше, «в период строительства социализма, рост многонациональности и смешение населения по национальному составу касались главным образом городов и промышленных центров, то в период строительства коммунизма эти процессы все глубже вовлекают в свой круговорот сельское хозяйство, ибо оно все более механизмуется, насыщается машинами и превращается в разновидность индустриального труда» [Исаев 1982: 157]. Немаловажным фактором в возрастании многонациональности населения следует также признать развитие всех видов транспорта, способствующих передвижению населения [Исаев, Ханазаров 1980: 70].

Индустриализация и подъем аграрного сектора в Марийской АССР сопровождалась созданием многонациональных трудовых коллективов, и, как следствие, усилением позиций и фактическим господством русского языка не только на производстве, но и в обыденном общении [Иванов, Сануков 2015: 276]⁶. Русский язык обладал большой престижностью, поскольку по-русски в большинстве случаев шло межнациональное общение, кроме того, владение русским открывало возможности для адаптации в любых социально-профессиональных группах городского населения, для получения всех видов образования, для любого рода карьеры. Хотя индустриализация и урбанизация населения прямо не имели в виду лингвистических изменений, на деле они приводили к усилению позиций русского языка за счет других: чем более гетерогенно население, тем роль русского языка значительнее [Lewis, цит. по Алпатов 2000: 104].

«Сернурский район, где я родилась, — это деревня, но очень близко к Сернuru самому, сейчас он очень развит, там сейчас знаменитая козья ферма расположена, а раньше был свинокомплекс, мама там работала там ветврачом» (№ 20, Ж., 41). «Просто поселок как таковой — он ближе к городу, а не к деревне. И в этом смысле поселковые люди говорят по-русски. А вот люди с деревень, которые приезжают туда погостить, они там как-то еще на марийском» (№ 47, М., 30, Сернур). «В поселках-то ведь тоже пятьдесят на пятьдесят, получается. Марийский язык, ну, не был на первом месте, в принципе. Всегда был русский язык» (№ 46, М., 30, Медведево).

В этом смысле подобная языковая и полиэтническая среда приводила, с одной стороны, к постепенной утрате этнического языка, с другой, — к смене этнической идентичности. «Я помню первый год во времена студенчества, когда мы всем курсом знакомились. Кто, откуда, как и почему. В принципе, я одна сказала, что я марийка, хотя знаю, что у нас в группе были марийцы. Они в этом не признавались вначале, хотя марийцев видно издали! Ну, кто-то был из близлежащих районов. Километров 25—30. А моя сторона, волжская, находится от Йошкар-Олы в 150 километрах. Это дальше от города. Чем ближе к городу, тем русский язык (sic! — М. К.). И характер немножко другой, и молодежь... ну, были из поселков, рядом с городом. И они считали себя русскими. Родители хотя были марийцами. А мы при-

⁶ «Многочисленные цифровые данные, опубликованные в нашей печати, свидетельствуют о том, что у нас все более возрастает удельный вес промышленных и сельскохозяйственных производственных предприятий и учреждений культуры, науки с многонациональным составом коллектива, а также населенных пунктов с многонациональным составом населения [...] В таких коллективах средством согласования совместных действий, как правило, выступает русский язык, ибо он понятен если не всем, то большей части коллектива. Такая роль русского языка возрастает с каждым годом, ибо с объективной неизбежностью в процессе создания материально-технической базы коммунизма возрастает многонациональность всех национальных республик и районов страны...» [Исаев 1982: 157—158].

«Сейчас Советский Союз — это своего рода лингвистическая лаборатория, где могут быть самые разнообразные, а порой удивительно пестрые языковые ситуации. Вот, например, в Марийской АССР имеются совхозы им. С. М. Кирова и “Восход” (Мари-Турекский район), где бок о бок трудятся представители мари, русских, украинцев, татар, удмуртов и других национальностей. Живут они дружно, хорошо работают, делают одно общее дело; у них нередки смешанные межнациональные семьи и т. д. Конечно, кроме всего прочего, их объединяет русский язык, ставший у нас языком межнационального общения и сотрудничества» [Грузов 1989: 78—79].

ехали из глубинки, считай, 150 километров — не близко. Но мы не стеснялись» (№ 96, Ж., 28) (об этом см. подробнее [Куцаева 2020в]).

В столице республики, по словам опрошенных, уроженцев Йошкар-Олы, языком общения всегда выступал русский (см. также [Беликов, Крысин 2016: 175]). «Русский был язык межнационального общения. Все знали русский» (№ 66, М., 42). «В Йошкар-Оле в основном жили большей частью русские⁷. В обычное время 95 процентов по национальности русские у нас в общении были» (№ 59, М., 41). «Ну, естественно, это были марийцы, русские. Это все на русском языке было» (№ 33, Ж., 27).

Таким образом, становится очевидно, что величина населенного пункта, с одной стороны, и его этнический состав, с другой, во многом предопределяли речевые практики его жителей, в том числе и респондентов в нашей выборке — уроженцев соответствующих поселений. Марийский язык преобладал в общении жителей небольших населенных пунктов в сельской местности, в «чисто» марийских деревнях. Русский язык — исключительно в городской среде. Для поселков городского типа, со смешанным в этническом плане населением, было характерно использование русского языка в широком, «внешнем» общении, и марийского — во внутрисемейном (преимущественно в общении взрослых между собой).

3. Языки внутрисемейного общения

Настоящий раздел посвящен языкам внутрисемейного общения респондентов на малой родине.

В таблице 6 представлены данные о распределении респондентов в данной группе в выборке по возрастным когортам (по состоянию на 2020 г.).

Таблица 6. Половозрастная структура выборки уроженцев районов распространения лугового марийского в Республике Марий Эл

когорта	22—30	31—40	41—50	51—60	61—69
число респондентов	22	18	6	7	5

В подавляющем большинстве случаев у респондентов группы оба родителя являются марийцами, у незначительного числа опрошенных один из родителей — мари, второй — представитель другой этнической группы: русской (2 чел.), татарской (2 чел.), украинской (2 чел.).

В таблице 7 размещены сведения о языках, которыми владеют⁸ (владели) родители респондентов.

Таблица 7. Набор языков, которыми владели родители респондентов

набор языков	число респондентов в группе, указавших на владение их родителями соответствующими языками
марийский, русский	43
марийский, русский, татарский	13
марийский, русский, украинский	2

Языком общения родителей между собой выступал главным образом марийский язык, в незначительном количестве случаев — марийский и русский языки (некоторые родители респондентов, не марийцы, как правило, знали или понимали марийский язык (в пяти случаях из шести в этой группе в выборке), однако в повседневном общении с супругом использовали русский язык⁹).

⁷ Представители некоренных народов живут преимущественно в городских поселениях. Так, в Йошкар-Оле и Волжске, по данным переписи 1989 г., было сосредоточено 74% белорусов, 73,5% украинцев, 70,4% мордвы.

Приток в Республику украинцев и белорусов начался в 1930—1940-е годы в процессе ее индустриализации, продолжился в годы Великой Отечественной войны в связи с эвакуацией промышленных предприятий и населения с оккупированных территорий, а также в 1960—1980-е годы, когда миграции населения приобрели массовый характер [Народы Поволжья 2000: 196—197].

⁸ В большинстве случаев, однако, трудно учесть тех, кто действительно свободно владеет языком, поскольку свободное владение — зачастую вопрос впечатления или мнения [Dauenhauer, Dauenhauer 1998: 71—72].

⁹ В 80-е гг. в Марийской АССР, где рядом жили марийцы, татары и русские, в одноязычных семьях сохранялись материнские языки, но при смешанных браках, включая марийско-татарские, говорили по-русски [Алпатов 2000: 119—120].

В таблице 8 указано владение респондентами языками народов РФ (данные о владении ими иностранными языками намеренно опущены, поскольку изучение этого вопроса не входило в задачи нашего исследования).

Таблица 8. Набор языков, которыми владеют респонденты

набор языков	число респондентов в группе, указавших на владение соответствующими языками
марийский, русский	49
марийский, русский, татарский	5
марийский, русский, украинский	4

По сравнению с набором языков родителей владение респондентами марийским постепенно идет на убыль: ряд респондентов указали на владение исключительно русским языком, но были и те (преимущественно уроженцы Йошкар-Олы и поселков городского типа), кто заявил о своем двуязычии, однако при этом ими была отмечена разная степень владения этническим языком¹⁰. «Русский, марийский — я, можно сказать, я его понимаю, но сам я тоже не разговариваю, собственно. Не разговаривал никогда» (№ 66, М., 42). «Ну, русским, естественно. Марийским — на уровне бытовом могу объясняться» (№ 16, М., 47). «Марийский, русский. Но марийский-то я не литературный, а так — разговорный (№ 65, М., 43)¹¹.

Языком внутрисемейного общения выступал в 38 случаях в этой группе марийский язык, в 13 — марийский и русский, в семи — русский (см. табл. 9). Рассмотрим каждую категорию отдельно.

Таблица 9. Язык (языки) внутрисемейного общения

язык внутрисемейного общения	число респондентов в группе
марийский	38
марийский, русский	13
русский	7

Исключительно на русском языке в семье респондентов общались жители Йошкар-Олы (в выборке это представители когорт 22—30 (2 чел.) и 31—40 (3 чел.)): «На русском. Ну, потому что это город! Я вообще считаю, что марийский язык — он как бы нам не нужен. И хорошо, что мои родители на нем не разговаривали!» (№ 33, Ж., 27) (подробнее о языковой лояльности марийцев-горожан см. [Куцаева 2020в]); на марийском — уроженцы сельской среды. «Мы разговаривали на марийском все. Да, мы чисто марийская семья» (№ 7, Ж., 56). «Дома мы никогда не разговаривали на русском» (№ 67, Ж., 34). «С родителями — только на марийском. С бабушкой — только на марийском. И с друзьями в том числе. В семье — всё у нас на марийском было. Марийский язык всю жизнь мою сопровождает!» (№ 11, Ж., 27).

Появление во внутрисемейном общении марийско-русского двуязычия (а при более детальном изучении некоторых языковых биографий становится очевидно, что речь идет скорее о русско-марийском двуязычии с ведущей ролью русского языка и даже о возникновении речевых практик по модели «родители мне говорят по-марийски, а я им отвечаю по-русски») было характерно, с одной стороны, для проживающих в поселках городского типа, с другой, для уроженцев в том числе и более мелких населенных пунктов, независимо от когорты в выборке. Развитие во внутрисемейном общении двуязычия (на разных этапах языковой биографии) было обусловлено следующими факторами: этнической принадлежностью одного из родителей (не мари), этническим составом населенного пункта, миграцией¹² в раннем возрасте

¹⁰ Более фундаментальное различие между двумя интеллектуальными категориями — знанием и владением — заключается в том, что знание, например, языка может быть пассивным, в то время как владение языком с необходимостью предполагает наличие определенных активных навыков в обращении с языковыми средствами [Беликов, Крысин 2016: 51].

¹¹ Заметную долю среди билингвов с русско-национальным билингвизмом составляют лица, не являющиеся этническими русскими, однако признающие русский своим родным языком, в то время как их этнический язык выступает в роли второго компонента двуязычия [ССТ 2006: 191].

¹² В 1960—1980-е годы одновременно с массовым прибытием в Республику Марий Эл жителей соседних регионов заметно увеличилась и миграция самих марийцев. Марийцы участвовали в комсомольских стройках, по программам освоения редконаселенных районов с целью введения их в хозяйственный оборот переселялись в другие регионы, в места разработки месторождений и добычи полезных ископаемых, на территорию строительства гидротехнических и энергетических сооружений [Селеев 2006: 160—165].

в другой регион с семьей и последующим возвращением на малую родину, профессией или занимаемой должностью родителей (педагог, директор школы, пионервожатый и др.), началом посещения детского сада или школы.

«Еще в детстве нас увезли в Краснодарский край, мы жили там четыре года. Вот маленькие были когда, до школы. Двухгодичной увезли, в шесть лет вернулась. Мы там все по-русски, я и марийский-то тогда забыла совсем!» (№ 83, Ж., 60). «Одна бабушка иногда разговаривала на марийском, но немного. То есть она больше с мамой на марийском, а со мной она иногда переключалась на марийский, насколько произвольно — не знаю. Но по большей части все-таки на русском общались. Ввиду того, что, допустим, моя мама работала на публичной должности в администрации, там все говорили по-русски, и приходя домой, они тоже говорили по-русски» (№ 47, М., 30). «До пяти лет я говорила на марийском только. Пока была ребенком дома. Даже не до пяти, а до того, как пошла в детский сад. А тогда я уже начала переучиваться на русский язык. Когда уже школа началась, начальная, средняя, тогда я уже стала переходить на русский. Стала переключаться на русский, но в основном все-таки был марийский язык. То есть они мне по-марийски, а я им по-русски отвечала. Наверное, так было проще. Я прекрасно понимала, что меня понимают, поэтому так» (№ 1, Ж., 27). «Когда в школу пошла, стало больше русского с мамой. Какие-то вопросы по школе: “Вот, мам, объясни”. Или если в музыкальной школе просили что-то передать. Я как-то вкрапляла русский язык, получается. Я никогда не переставала при этом резко разговаривать, я всегда — и то, и се, у меня все было смешанно» (№ 20, Ж., 41).

Периоды дошкольного воспитания и школьного обучения, включая возможное влияние языка воспитания и обучения на языковые биографии респондентов и внутрисемейные речевые практики, будут рассмотрены в разделах 4, 6 и 7 соответственно.

4. Языки дошкольного воспитания

Выбор языка или языков, на которых проходит в детстве социализация и обучение индивида, совершают за ребенка взрослые, ответственные за его социализацию и обучение, они же определяют и его окружение [Wright 2016: 282]¹³.

О своем опыте посещения дошкольного образовательного учреждения рассказывали лишь опрошенные когорт 22—30, 31—40 и 41—50 в выборке. Поскольку первичная социализация в ДООУ г. Йошкар-Олы, по словам респондентов, уроженцев столицы Республики, велась на русском языке, подробнее остановимся на этапе дошкольного воспитания выходцев из сельской среды РМЭ.

Среди основных моделей дошкольного воспитания в языковых биографиях этой категории респондентов нами были выявлены следующие: во-первых, домашнее дошкольное воспитание, как правило, с бабушкой; во-вторых, в коллективе в детском саду.

Уникальной с точки зрения межпоколенной передачи языка представляется роль большинства бабушек, воспитывавших респондентов в нашей выборке. Неоднократно автору доводилось слышать от респондентов, что в их дошкольном детстве был марийский, потому что воспитанием занималась бабушка, а значит, в детский сад они не ходили (второй возможный вариант был «детского сада у нас не было, поэтому я сидел(а) с бабушкой»). «В детстве — бабушка, она плохо вообще говорила на русском, говорила редко. Бабушки-марийки — они редко на русском общаются. Потому что они в основном еще тех времен, они... так как они жили всю жизнь в Марий Эл и общались всю жизнь на марийском» (№ 97, М., 35). «В детский сад именно я не ходил. Я понимать-то понимал по-марийски тогда. У меня же бабушка вообще не разговаривала по-русски. Я только с нею. Она вместо садика детского меня воспитывала. Именно на марийском языке» (№ 65, М., 43). «В детский сад я не ходила. В то время у нас детского садика не было. С бабушкой была. На марийском» (№ 67, Ж., 34).

Сведения, полученные от респондентов относительно периода их дошкольного воспитания в детском саду, представляются весьма неоднозначными.

Некоторые опрошенные (когорты 22—30) отметили, что в «их» время (в 1990-х гг., период принятия закона о языках в Республике Марий Эл, провозглашения марийского (горного, лугового) государственного наряду с русским) существовали детские сады «на марийском», со временем уступившие место садам «на русском». «В то время у нас и садика в основном были на марийском языке. Уже когда я школу закончила, в садиках стал больше упор — на русском общении» (№ 80, Ж., 28). Другая респондентка привела свой опыт посещения ДООУ в детстве и проанализировала причины, по которым, по ее мнению, в настоящее время наметился переход на русский язык воспитания. «В детский сад ходила. Ну, у нас

¹³ Период самого интенсивного овладения родным языком — это два-три последних дошкольных года и первые три-четыре года школьного обучения [Грузов 1989: 81].

большинство разговаривали на марийском, потому что он вообще только открылся. Все, что там было русское, — это книжки и то, что преподаватель нам пытался что-то объяснить. А так между собой мы все время разговаривали на марийском. И она тоже была марийка. Сейчас там все на русском. Во-первых, изменились дети. То есть новое поколение — оно не поймет, возможно, все на марийском. И сейчас больше... даже вот учебников, раскрасок, которые необходимы для садиков, — они все на русском. И преподаватели, например, которые проходят курсы повышения квалификации, им-то объясняют на русском, и они дальше преподают то же самое на русском детям. Потому что так проще! Они пытаются, скорее всего, адаптировать детей к будущей жизни. То есть еще с детского садика их обучают на русском языке, чтобы им было проще!» (№ 79, Ж., 22).

Подавляющее большинство опрошенных (приблизительно той же возрастной группы) заявили о том, что даже при наличии соответствующих педагогических кадров — носителей этнического языка (воспитатели-марийки) — языком воспитания оказывался русский. «В садике мы общались на русском. В школе с первого по четвертый на русском. Вот с этого и пошло» (№ 90, М., 29). «В детском саду на русском языке разговаривали» (№ 78, Ж., 30). «В детском саду были, конечно, марийские воспитатели, но все разговаривали на русском» (№ 42, М., 31).

В этом смысле совсем не удивительным кажется переход на русский, имевший место в ранней языковой биографии наших респондентов. Общение в детском коллективе на русском зачастую влияло и на язык внутрисемейного общения. «И родители в детстве, пока до садика, тоже на марийском языке со мной разговаривали. Потому что в садике уже потом на русском языке все началось, и я сам как бы переключился. Так же у меня было с младшим братом. Я помню, что в детстве с ним на марийском разговаривали, а потом переучивался он уже на русский язык. Ну, то есть и я тоже на марийском с ним разговаривал тогда. Это не прямо разговор такой, а слова какие-то. Первые слова. Ну, а в садике, само собой, русский» (№ 51, М., 29). «Родители со мной до школы разговаривали только на марийском. Я до трех лет вообще не знала русского языка, я полностью жила с бабушкой. А там, соответственно, полностью марийский язык, и он у меня был, как сказать — мой язык. И когда меня отправили в детский сад в четыре года, мама до сих пор смеется, что я пришла и плакала, потому что я ничего не понимаю! А там, естественно, на русском языке просили есть покушать, спать лечь. Я сама ничего не помню! Это по рассказам мамы только» (№ 20, Ж., 41)¹⁴.

В нашей выборке в данной группе о подобном переходе и с большой долей сожаления говорили респондентки, которые прошли через такой опыт со своими собственными детьми. «До школы я со всеми на марийском. У нас садика-то не было! Такого, чтобы мы отвечали родителям по-русски, не было. А то сказали бы: “Ты чего, с ума сошла!” Другое поколение, я думаю. По своему примеру я могу сказать, что дети сначала дома начинают разговаривать по-марийски, а как они идут в садик, там уже все по-русски, и марийский язык они начинают забывать. И из садика идут и дома они не хотят уже по-марийски разговаривать! Раньше в садике, вот когда мои дети были маленькими, там учили марийский язык. Урок был там специальный. Учили марийский язык дети. С рождения с ними на марийском, а вот в садик дети идут — и всё! Ну, боли-то, конечно, нету. Но сожаление, что вот дети, кажется, свой родной язык не любят» (№ 86, Ж., 52).

Начало посещения ребенком дошкольного учреждения, таким образом, приводило к изменениям в речевых практиках и во внутрисемейном общении. «С мужем-то мы по-марийски, с дочкой — по-марийски и по-русски, она там в детский садик ходила» (№ 3, Ж., 64).

Приведем выдержки из статьи И. В. Алексеевой, воспитателя одного из Моркинских ДООУ, посвященной в том числе и роли языка в воспитании дошкольников: «К сожалению, в марийских семьях многие родители говорят со своими детьми на своем родном языке. Ознакомление детей с марийским языком, Марийским краем, традициями марийского народа в детском саду проводится в форме кружковой работы» [Алексеева 2019: 250]. Активизация речи детей, в том числе и на марийском, осуществляется путем ознакомления с народными традициями. Среди методических приемов, используемых в повседневной работе воспитателя с частичным привлечением марийского, являются постановка народных сказок на марийском языке и разучивание стихов и песен на марийском к празднику.

Совокупное воздействие упомянутых выше факторов приводит к тому, что марийский вымывается из языковых практик младшего поколения и тех «немногих» (по мнению И. В. Алексеевой) семей, которые во внутрисемейном общении изначально практиковали марийский язык. «Когда у меня сын был маленький, он на марийском разговаривал, а как пошел в садик — и понеслось! Со всеми так. Потому что в садиках уже разговаривают на русском, на марийском иногда говорят, но не знаю: то ли там дети такие

¹⁴ «С детского сада отучается ребенок от родного языка, с помощью которого у человека формируется миропонимание», — с горечью писал в 1989 г. И. Г. Иванов [Иванов 1989: 26].

уже — русские идут, потому что они же... им объясняют на одном языке, я думаю. Сын мой пошел в садик в Морках. В поселке. Воспитательница была марийка. Она разговаривала наполовину на марийском и на русском, потому что там уже есть дети, которые не понимают. Есть такие — на самом деле русские по национальности, а есть те, которые вот — мари. И приходится им и так, и сяк. Но в основном потом приходится по-русски говорить. Сын начал ходить в садик в два с половиной года. Он тогда уже разговаривал на марийском. Он говорить так стал: говорит на марийском и какое-то слово уже на русском будет. А потом... как-то знаете, наполовину русский, наполовину марийский. Как-то странно, смешно звучало. Ему теперь проще на русском» (№ 77, Ж., 27).

Таким образом, возможной причиной изменения речевых практик во внутрисемейном общении может служить и начало посещения ребенком дошкольного учреждения; условиями перехода на русский язык являются, во-первых, русскоязычные воспитатели, во-вторых, полиэтничный состав воспитанников ДОУ, в-третьих, необходимость для воспитателя составлять и вести отчетность о проделанной педагогической работе на русском языке, а также наличие методической литературы исключительно на русском языке, в-четвертых — и как закономерное следствие, — сведение употребления марийского языка к минимуму (форма кружковой работы) и использование его лишь в качестве средства ознакомления с марийской народной культурой¹⁵.

5. Очерк этапов языковой политики в области школьного образования

Прежде чем приступить к анализу языковых биографий с точки зрения этапов школьного обучения респондентов на малой родине, целесообразно провести небольшой исторический экскурс и рассмотреть основные вехи языковой политики в области образования, коснувшиеся непосредственно преподавания и изучения родных языков, включая марийский. Вкратце нами будет освещен вопрос начала организации образования на марийском языке и обучения марийскому, более подробно будет изучен период конца 1950-х — 2010-х гг. (учитывая, что школьные годы самого старшего респондента в этой группе пришлись на 1960-е гг., а самого младшего — на 2005—2015 гг.).

Становление начального обучения марийских учащихся на родном языке наметилось еще в XIX в. и было в значительной мере связано с миссионерской деятельностью Н. И. Ильминского, учреждением Казанской инородческой учительской семинарии, готовившей кадры в том числе и для марийских школ, переводами христианской литературы на родные языки «инородцев» с целью приобщения их к христианской вере¹⁶.

В 1918—1919 гг. открылись курсы по подготовке учителей-мари, на базе которых впоследствии были организованы педагогические техникумы, что позволило начать повсеместно обучение детей на родном языке [Коведяева 1976: 21].

В целях снижения высокого удельного веса неграмотного населения страны советской властью в середине и в конце 1920-х гг. была разработана и проведена политика ускоренного просвещения народных масс: для успешного решения этой задачи широко использовались местные языки и русский язык как средство межнационального общения, «строго выполнялось ленинское указание об употреблении национального языка в инонациональных республиках, входящих в состав Советского государства» [Губогло 1980: 107]. «В первые годы советской власти начальное обучение на марийском вошло в постоянную практику в неполной средней школе (5—7 классы)» [Коведяева, Николаева 2001: 275].

К 1930-м гг. большинство детей школьного возраста в республике и за ее пределами, в местах компактного проживания марийского этноса, было охвачено обучением на родном языке [Сануков 2000: 44].

¹⁵ Изучение марийского языка в детском саду носит добровольный характер и осуществляется по желанию родителей: «Практика показывает, что марийские и немарийские дети с большим желанием слушают сказки и рассказы на марийском языке, охотно заучивают и читают наизусть марийские стихи, отгадывают загадки, поют, танцуют и играют в национальные игры» [Кондрашкина 2008: 100].

¹⁶ «Казанский край [...] включает население разноплеменное и разнохарактерное; несомненно пропагаторская сила и почти неотразимое действие татар-магометян на обтатарение не только своих единоплеменников крещеных татар, но и других инородцев: башкир, чуваш, черемис, вотяков и пр. В отношении народного образования, которое в настоящее время Министерством Народного Просвещения ставится на почву религиозно-воспитательную, православно-христианскую, Казанский край представляет свои [...] условия к гораздо большему, нарочитому христианско-воспитательному, можно по справедливости сказать даже миссионерскому, направлению народной школы, — большему, чем внутренние губернии России» [Ильминский 1886: 5]. Подробнее об обращении в православие и христианизацию марийцев-язычников см. также [Исхаков 2018].

В 1940—1950-х гг. продолжились традиции развития обучения на родном языке в начальной и семилетней школе [Иванов, Сануков 2015: 276]: к началу 1950-х гг. в республике имелось 782 начальных, семилетних и средних школы, в которых обучалось «более ста пяти тысяч детей рабочих, колхозников и служащих» [Григорьев 1953: 3]. Одновременно большое внимание уделялось изучению русского языка: одна из задач национальной школы заключалась в том, чтобы «научить детей нерусской национальности выражать свои мысли устно и письменно на русском языке»; содержание и объем работы по русскому языку в нерусской школе определялись специально разработанной программой (так, программа для марийских школ была составлена на основе нормативных программ Министерства РСФСР для нерусских школ) [«Программы по русскому языку и литературе для нерусских школ РСФСР», Учпедгиз, 1955, цит. по Коведяева 1959: 54].

Поворотным событием стало принятие советской властью закона «Об укреплении связи школы с жизнью» (1958), который на первый взгляд не имел непосредственного отношения к языковой политике и касался права выбора родителями школы обучения для своих детей, в том числе и в зависимости от языка [Беликов, Крысин 2016: 301]. В качестве идеологических обоснований для проведения школьной реформы 1958 года выдвигались следующие: во-первых, полная свобода в выборе языка общения своим логическим продолжением имеет полную свободу в выборе родителями языка воспитания и обучения своих детей. Родители воспитывают детей на том языке, на котором пожелают, и отдают в школу с таким языком обучения, который считают предпочтительным. Во-вторых, определяющее влияние на выбор родителями языка воспитания и обучения оказывают побудительные мотивы объективных условий, а именно: «внутреннее стремление советских людей всех национальностей лучше и совершеннее овладеть русским языком как наиболее действенным ключом к культурной сокровищнице человечества и общим языком межнационального общения и сотрудничества народов». В-третьих, «по настоятельному требованию родителей и при внимательном отношении к этим запросам Коммунистической партии улучшается преподавание русского языка в национальных школах; в высших учебных заведениях хорошее знание русского языка выступает как настоятельное требование самого процесса обучения и важнейшее условие полноценности получаемого образования» [Исаев 1982: 158—159]. Наконец, считалось, что обучение русскому языку в качестве второго было малоэффективным, и полноценно выучить его можно было только в русской школе [Алпатов 2000: 106—107]. Таким образом, при полной свободе выбора языка воспитания и обучения родители отдавали предпочтение именно русской школе, имея в виду повысить шансы своих детей на социальную мобильность, на успешную карьеру в будущем [Беликов, Крысин 2016: 301].

Реализация закона «Об укреплении связи школы с жизнью» положила начало русификации в области образования и своим следствием имела серьезный пересмотр содержания образования, внесение изменений в школьные программы; перекладывание ответственности за принятие соответствующих решений по национальным школам на руководство автономий, представители которой не видели особого смысла в развитии этнического языка; сокращение количества национальных школ; снижение возраста, до которого можно было получить образование на национальном языке; ухудшение качества преподавания в национальной школе за счет учебных пособий и педагогических кадров [там же: 301—302].

В начале 60-х годов несколько десятков марийских школ было переведено с первого класса на русский язык обучения [Грузов 1989: 80]. В этих школах был внедрен так называемый прямой метод обучения¹⁷ [Грузов 1972: 13]. Во всех районных центрах и местностях со смешанным населением стали исчезать не только школы с марийским языком преподавания, но и такие, где он еще оставался как учебный предмет. В дальнейшем родной язык как учебный предмет стал вытесняться даже во многих чисто марийских по составу сельских школах [Иванов, Сануков 2015: 276]. Обучение на марийском (горном, луговом) заканчивалось в третьем классе национальной школы [Беликов, Крысин 2016: 302], позднее в ограниченном количестве в некоторых марийских селах встречались школы с преподаванием в первых классах марийского языка и литературы как учебного предмета [Иванов, Сануков 2015: 277].

С 1970-х гг. в СССР был провозглашен курс на достижение всеобщего национально-русского двуязычия. Двуязычие, впрочем, имело целью не последующую русификацию, а по возможности быструю

¹⁷ Однако прямой метод, который предполагал начало обучения в национальной школе на русском языке с первого класса, мог быть принят лишь по отношению к тем детям, которые имели навыки русской разговорной речи, практически владели языком, тогда как при поступлении детей в школу учитывались скорее пожелания их родителей — научить детей русскому языку, а не степень знания учащимися неродного языка, что в итоге привело к заметному снижению успеваемости, поскольку в подавляющем большинстве случаев дети мари с русским языком сталкивались по-настоящему только в школе [Грузов 1972: 10—13] (подробнее о возможных трудностях при изучении русского см. раздел 8).

идеологическую унификацию в рамках провозглашенной тогда новой исторической общности — советских людей [Беликов, Крысин 2016: 305]. В Марийской АССР в те годы, как предполагалось, «марийское население знает русский язык значительно лучше, чем в дореволюционный период; молодое и среднее поколения владеют русской речью лучше, чем старшее поколение», а «марийско-русское двуязычие охватывает все больший круг населения» [Грузов 1972: 10]. В 1989 г. в условиях Марийской республики «почти повсеместно марийско-русское двуязычие получило твердую прописку» [Грузов 1989: 79].

Таким образом, школа (и прежде всего — язык обучения) признавалась одним из самых эффективных по силе своего воздействия средств для распространения двуязычия среди всех нерусских народов страны, а также являлась мощным рычагом для регулирования процессов культурной интеграции [Губогло 1980: 106]. Существенное влияние на выбор русского в качестве языка обучения оказал взятый в 1970-х гг. курс на всеобщее среднее образование [Беликов, Крысин 2016: 301].

В результате к концу 1980-х гг. положение марийского языка и самой национальной школы было, кажется, достаточно плачевным: «Школы слабо оснащены наглядными, учебными и методическими пособиями, программной литературой, книгами для внеклассного чтения, особенно для детей дошкольного возраста, учебниками и пособиями по национальной музыке. В ряде школ республики не всегда правильно решается вопрос о выборе языка обучения, не учитывается степень владения детьми родным и русским языком, что отрицательно сказывается на развитии логики мышления, овладении русским языком и успеваемости учащихся. В республике недостаточно готовятся национальные кадры для работы в детских дошкольных учреждениях» [Рекомендации 1989: 116].

В последующем десятилетии — в связи с активизацией национальной жизни в республиках (на фоне «парада суверенитетов») — в Республике Марий Эл большое внимание уделялось языковому вопросу (подробнее см. [Справочный материал 1996]). В 1995 г. с принятием Конституции (основного закона) Республики Марий Эл, а также Закона «О языках Республики Марий Эл» и закреплением юридического статуса марийского (горного, лугового) наряду с русским в качестве государственного (закон «О языках в Республике Марий Эл», см. [Закон]) позиции марийского, как предполагалось, должны были упрочиться в том числе и в образовательной сфере¹⁸. Марийский язык являлся языком обучения в начальной школе и предметом изучения в старших классах; были созданы учебники марийского языка (грамматики, сборники упражнений) и родной литературы (книги для чтения, хрестоматии) [Коведяева, Николаева 2001: 275—276]. Большие надежды возлагались на программу «Национальная школа», активная разработка которой велась в 1990-е гг., однако само понятие «национальной школы» оставалось многозначным¹⁹.

Первые попытки ввести марийский язык в учебные планы школ с русским (родным) языком обучения были предприняты в 1989 г. Наделение в 1995 г. марийского языка государственным статусом в пределах Республики позволило внедрить его в учебный процесс общеобразовательных учреждений, в том числе и в школах с русским (родным) языком обучения как предмета национально-регионального компонента. До 2000 г. предмет «Марийский (государственный) язык» был обязательным во всех школах Республики Марий Эл. С 2001 г. был откорректирован Базисный учебный план общеобразовательных школ РМЭ, в котором по-прежнему предусматривалось изучение марийского родного и государственного языков, однако предметы регионального компонента стали входить в инвариантную часть учебного плана, что означало выделение на их изучение определенного количества часов в зависимости от типов и видов школ и классов [Васенина 2019: 240—242].

Таким образом, в 2000-х гг. в учебных планах школ республики марийский язык был представлен в качестве учебной дисциплины «родной язык» (для школ с марийским контингентом учащихся), учебной дисциплины «марийский государственный язык» (для всех типов школ), а также языка обучения в некоторых сельских начальных марийских школах. Согласно официальным заключениям, положение с преподаванием марийского языка оценивалось как стабильное [Кондрашкина 2008: 101].

¹⁸ «Марийский язык переживает в настоящее время период подъема. Особенно это заметно по увеличивающемуся количеству школ, в которых изучается марийский язык как предмет, и школ, в которых обучение ведется на марийском языке. В 1994 г. число школ с изучением марийского языка достигло 193 в сельской местности и 51 в городах, а количество школ с обучением на марийском — соответственно 190 и 3. Еще в трех городских школах ведется обучение на двух языках — русском и марийском» [И. Ф. Васильев, цит. по Кондрашкина 2000: 162].

¹⁹ «Многие под национальной школой понимают не только такую школу, где ведется преподавание учебных предметов на родном языке, но и школу, в которой родной язык изучается как отдельный предмет, и даже такую, где на русском ведется преподавание дисциплины “История и культуры марийского народа”. А некоторые вообще национальной называют школу по контингенту учащихся. Думается, что только первый тип может быть в полной мере назван национальной школой» [Сануков 2000: 60].

В 2011 г., как отмечалось в докладе министра образования и науки Республики Марий Эл Г. Н. Швецовой, в республике действовали нормативные документы, обеспечивающие сохранение и развитие полиязычного образования; обучение и воспитание детей в общеобразовательных учреждениях осуществлялось на русском, марийском (луговом и горном), татарском. Марийский родной изучали 9912 (17%) обучающихся, марийский (государственный) язык — 25747 (40%). За два десятилетия в республике сложилась определенная система работы по реализации этнокультурного компонента содержания образования через преподавание марийского как родного и неродного, истории и культуры Республики Марий Эл, а также интегрированного курса, в основу которого положены изучение основ марийского языка как неродного и истории и культуры народов РМЭ [Васенина 2019: 243].

Тем не менее, в 2010-х гг. в национальных школах обучение на марийском ограничивалось начальными классами сельских школ, в последующих классах марийский изучался как предмет. Подавляющее большинство школ в Республике являлись русскими или русскоязычными [Кондрашкина 2016: 749].

6. Начальная школа

Более половины респондентов (35 чел. из 58) заявили о том, что в начальной школе они учились «на марийском и русском языках» (в их формулировке); 13 человек — в национальной школе «на марийском языке»; 10 опрошенных — «на русском языке». Обратим внимание на цитаты, которые приводятся ниже: опрошенные, анализируя свое прошлое, связанное или, напротив, никак не связанное с преподаванием в школе марийского или обучением на марийском, улавливали невидимую подчас для обывателя зависимость образовательного процесса от того или иного этапа языковой политики, пришедшегося на их школьные годы.

Среди тех, кто учился «на русском языке» (17%), главным образом — представители когорты 41—50 и некоторые представители когорты 31—40 в выборке, уроженцы столицы²⁰ Республики. «В Йошкар-Оле учился на русском языке. Вообще никогда не было марийского языка. Он потом появился в школах, но мое поколение не застало точно» (№ 42, М., 42). «На русском. Думаю, это общая такая ситуация. Не было у нас такого национализма, как в Татарстане, Башкортостане. Я думаю, мне с этим повезло. Слава Богу, что его (марийского языка. — М. К.) не было! Потому что гораздо более важный навык — это русский, какие-то иностранные языки. Примерно такая ситуация была в 90-е годы, когда я учился. Никто в то время не придавал такого искусственного значения национальному языку, хотя тогда, в 90-е годы, был парад суверенитетов, на той волне было. Но у нас такого не было вообще в Йошкар-Оле. Ситуация, видимо, была разная» (№ 55, М., 39). Кроме того, в этой категории находятся и уроженцы поселков городского типа и небольших населенных пунктов с этнически смешанным составом населения (когорты 41—50 и младше). «Это была Сернурская средняя школа номер один. Это был русский класс без уклона на марийский язык. Без уклона. Я не умела писать, я умела только... чисто говорить, совершенно не знала грамматики марийской и вот моя база начальная — это школа. Я случайно попала в русский класс. Совершенно безо всяких задних мыслей, что родителям целенаправленно надо было отправить меня. Они меня отправили в школу, она была единственная. Набрали там три класса, и в трех классах там все было по-русски²¹. Потом уже какие-то уклоны на марийский язык стали. То есть марийских таких классов не было. Именно класс, чтобы преподавался марийский язык. В 1985 году я пошла в школу. Насколько я помню, это был класс, в котором преподавали без уклонов, безо всяких марийских языков. Но, может быть, был предмет “Марий йылме”. В каком-нибудь одном из этих классов. Но этому никто не придавал значения, потому что марийский язык был в доступе и совершенно практически у всех жителей» (№ 20, Ж., 41, Сернурский р-н).

Согласно нашей выборке, национальные школы с марийским языком обучения на начальном этапе (23%) посещали уроженцы сельской местности, небольших моноэтнических населенных пунктов, в большей

²⁰ Единственная школа в столице Республики Йошкар-Оле с марийским языком преподавания была закрыта еще в 1937 г. [Иванов, Сануков 2015: 276].

²¹ «В мае 1986 года по инициативе Марийского ОК КПСС была проведена фронтальная проверка состояния преподавания марийского и русского языков, умений и навыков учащихся по русскому и родному языкам. Было установлено, что в отдельных районах республики имеется ряд негативных и недопустимых явлений. Это касается прежде всего выбора языка обучения в начальных классах национальных школ. Ничем нельзя оправдать, например, случаи, когда в школьном микрорайоне проживает 85—90% марийцев, а их дети с первого класса обучаются на русском языке. Ошибки былых времен повторяются в сельских школах ряда районов республики (Килемарском, Медведевском, Оршанском, Волжском, **Сернурском** (выделено нами. — М. К.) и др.)» [Грузов 1989: 82—83].

мере представители когорт 61—67 (4 чел.), 51—60 (5 чел.). В меньшей степени — респонденты младших когорт, ср.: 41—50 (1 чел.), 31—40 (2 чел.), 22—30 (1 чел.).

Многие годы, предшествующие школьной реформе 1958 г., в национальной школе существовал следующий порядок обучения: «... в течение первых четырех (по новой программе — первых трех) лет обучение проводится на родном языке. В качестве особого предмета с первого класса вводится русский язык. Уже со второго-третьего класса может осуществляться постепенный переход к русскому языку обучения на некоторых уроках (арифметика, физкультура, рисование)» [Грузов 1972: 11—12].

«На марийском языке у меня было образование в начальных классах. На марийском языке я изучал и арифметику, и свой родной язык изучал, и там... какие-то еще предметы. Все предметы, какие в начальной школе изучались, они все были на марийском языке. И ботаника, и, по-моему, история. И учебники были соответствующие на марийском языке» (№ 101, М., 67). «У нас была национальная школа. В начальной школе математика у нас была на марийском. У нас даже в садиках разговаривали на марийском языке. Именно у нас в деревне Мари-Купта. Поэтому ее и не закрывают, потому что у нас она национальная. А так бы уже закрыли, скорее всего, давным-давно» (№ 41, Ж., 29).

Подавляющее большинство представителей этой группы в выборке (60%) заявило о том, что в начальной школе они изучали оба языка.

В данной категории представлены в значительной степени ответы респондентов младших когорт, изучавших марийский язык, с одной стороны, как предмет «Родной язык», с другой — в качестве государственного, причем независимо от величины населенного пункта. «В начальной школе у себя в деревне. Марийский шел как предмет, математика на русском, да. Но я помню, что у нас хотели ввести все на марийском, так даже было! Но не ввели, это политика, наверное, больше. Этот эпизод я особенно не помню, если честно» (№ 45, Ж., 35, Волжский р-н). «Основная часть у нас даже преподавали марийский язык и марийскую литературу. Если взять русскоязычную национальность, необязательно им преподавать было марийскому, они имели право отказываться, не обучаться марийскому. Это необязательно было» (№ 97, М., 35, Оршанский р-н, село). «Я училась в национальной школе-гимназии. Якобы там такой национальный колорит, вот почему у нас был марийский язык — с первого по девятый класс и потому что эта школа была в городе. Одна, где преподавался марийский язык! То есть если в других школах был марийский язык, но он был с первого по четвертый, то в нашей школе он был с первого по девятый. На перемене, правда, и учителя марийского разговаривали с нами на русском. Школа была рядом с домом. Помню, когда я в первый раз пришла в школу, в фойе школы был марийский орнамент. Чуть дальше проходишь — где был наш класс с первого по четвертый, там были разрисованы стены. Марийские богатыри Онар, Акпатыр, эти рисунки — я их со стен, со школы помню. А потом с пятого класса, на других этажах, там такого уже не было. А недавно я была в школе, и этих рисунков уже нет. Орнаментов тех. Моя подружка училась в параллельной школе, у них был марийский с первого по четвертый класс. То есть такого, как у нас, уклона не было. Я не знаю, почему такое было. Может, потому что это национальная гимназия. Потом, конечно, слово “национальная” убрали» (№ 33, Ж., 27, Йошкар-Ола).

Существенно, что воспоминания респондентов разных когорт (в том числе и самой младшей) об обучении именно «на марийском и русском языках» в деревенских и сельских школах в большей мере обусловлены тем, что довольно часто в ходе объяснения нового материала учитель использовал марийский язык. Несмотря на то, что, по словам опрошенных, учебники в основном были написаны на русском языке (за исключением непосредственно учебника марийского языка) и, как предполагалось, обучение математике, например, велось на русском, на уроках часто звучал марийский язык. Эта практика широко использовалась еще в первые годы советской власти, на этапе становления в СССР образования на родных языках: хотя отсутствовали учебники на марийском языке, он использовался учителем при устном изложении материала [Коведяева, Николаева 2001: 275].

Причиной перехода на марийский были возможные трудности, которые могли возникнуть у учащихся при восприятии на русском. «Начальная школа — все на марийском, даже математику писали по-марийски. С четвертого языка как бы обучение началось и на русском по математике. Но у меня-то голова по-марийски работает! И я там задачу решала, ответ-то нужно писать. И я так по-марийски и написала ответ. Меня, конечно, не ругали!» (№ 5, Ж., 56). «В школе общение, конечно, все было на марийском. И считали, и это... переводили, может быть, как-то... все равно по-русски как-то плохо понимали. Нам переводили, мы даже ведь до школы, наверное, ведь разговаривать-то не умели по-русски! Все равно, я помню в школе, по-русски какие-то произведения читаешь, все равно какие-то как будто моменты мы переводим на свой язык, чтобы понимать. Как-то вот все равно в мозгах перевод идет!» (№ 88, Ж., 40). «Учебники, наверное, были на русском языке. Но для нас, как для марийцев, когда на русском объясняли, нам тяжело было воспринимать русский язык. Потому что неродной, мы еще маленькие, не по-

нимали. И вот примеры, задачи какие-то на марийском объясняли нам даже. Чтобы нам легче было воспринимать информацию и усвоить материал» (№ 96, Ж., 28).

Переход на марийский на уроках зависел, во-первых, от этнической принадлежности учителя. Как правило, в марийской национальной школе педагоги были, по словам респондентов, марийцами (в отличие от средней школы, см. раздел 7), и объяснить по-марийски, по мнению опрошенных, было для них самих и быстрее, и проще. «В начальной школе учителя почти все марийцы, только директриса была русская. С первого по четвертый класс так — на марийском. Русский язык тоже изучали» (№ 74, М., 28). «Мне кажется, у нас все учителя марийцы были. Мне кажется, они больше на марийском разговаривали» (№ 67, Ж., 34). «Это была полностью национальная школа. И даже на уроке русского языка мы могли на марийском разговаривать. С учителем, например. Между собой. Мы вообще по-русски не разговаривали!» (№ 53, Ж., 30). «В марийской школе. Ну, как марийском — единственное, что, конечно, где-то и русский язык преподавали, а так — объясняли на марийском. Как бы это на моей памяти. Там, скорее всего, было не потому, что мы не понимали, а потому, что учителям было так комфортно! Это я сейчас так думаю. И в принципе, если переходили, то это беседа была, если что-то какие-то цитаты из учебников, то это да, вычитывались, а потом, скорее всего, на марийском. Ну вот в моей памяти это так было, что беседа велась на марийском языке. Бывало, что и на русском, но в основном это была беседа на марийском языке» (№ 32, Ж., 37).

Во-вторых, широкое привлечение марийского при изложении материала в начальной школе было обусловлено этническим составом учащихся. В случае, если в классе проходили обучение исключительно мари, педагог использовал марийский не только на уроках марийского языка. «Конечно, запросто учитель переходил на марийский на уроке, если что-то не понимали, но все равно, если вдруг тебе неясно, потому что у нас все марийцы были! Ни одного русского, ни одного татарина не было в классе, все были только марийцы!» (№ 9, Ж., 31).

С помощью цитат наших респондентов попробуем смоделировать типичную ситуацию объяснения материала на уроке математики в национальной школе (намеренно представлены цитаты респондентов приблизительно смежных когорт): «На математике читали задачу по-русски, а рассуждали уже по-марийски» (№ 81, М., 29). «Математика была на марийском, в начальной школе все на марийском. А учебники на русском были, но она своими словами, чтобы дети понимали... как бы... чтобы понимание было» (№ 75, М., 31). «Какие-то правила по математике объяснялись на русском языке по учебнику. А если мы не понимали — в силу того, что с детства мы все разговаривали на своем родном, нам преподаватель объяснял на марийском языке. А все учебники были на русском» (№ 54, Ж., 27). «На математике, точно помню, что были какие-то слова на марийском. Ну, правила, понятно, по книге она читала на русском, а дальше, чтобы ученики больше понимали, она там на своем, на марийском объясняла» (№ 61, Ж., 33).

Подобная практика, по мнению респондентов, была общепринятой: «На марийском, конечно, разговаривала учительница! Ну типа... «один плюс один» — как бы это все было на русском. Но, допустим, домашнее задание нам там что-то сказали. Такое-то задание, нужно это и вот это. И это на марийском языке говорится! Так, наверное, было принято» (№ 35, М., 28). «В начальной школе — учительница была марийка и велись уроки на марийском языке. Я думаю, уже принято было, что в школе все разговаривают на марийском. Там все марийцы. Там, в принципе, русских было мало. Все разговаривали на марийском. И поэтому занятия велись на марийском. И общались мы тоже на марийском» (№ 61, Ж., 33).

Однако если класс был этнически смешанным, подобные переходы на марийский, кажется, сводились к минимуму или не практиковались вовсе. «Начальная школа — национальная школа, учительница — марийка, все было на русском на математике. Марийский как предмет. Класс был смешанный, учительница не переходила на марийский на уроке» (№ 78, Ж., 30). «Учительница, наверное, довольно часто русский язык использовала, потому что у нас в классе два или три ученика были русские. Это влияло. На русском, чтобы им легче было. Потом на уроках марийского языка еще приходилось им переводить. У нас на двух языках обучение шло» (№ 80, Ж., 28).

Кроме того, марийский использовался подчас и в русскоязычном классе, если там обучались марийцы. «Обучение было на русском языке. Но у нас была учительница, она знала марийский, и она иногда варьировала русский и марийский, но в целом класс был русским, почти все дети были русскоговорящими и вообще не знающими марийский язык. Но она могла индивидуально подойти и сказать, если кто-то что-то не понимал, продублировать информацию на марийском. Наверное, по первости да, это мне было нужно. А потом как-то уже не было надобности такой» (№ 1, Ж., 27).

В нашей выборке некоторые респонденты позже пользовались этими широко распространенными в национальных марийских школах приемами и в своей педагогической практике. «В начальной школе учительница была марийка, уроки преподавала на русском. То есть только национальные предметы пре-

подавала на марийском. Но для того, чтобы дети лучше усваивали материал, чтобы донести информацию, нужен был марийский язык! Администрация не возражала. Да, то есть даже на таких общих предметах, природоведение, на уроках математики учитель мог говорить и объяснять материал на родном языке. На уроках русского языка я, будучи потом сама учителем, абсолютно точно переходила на марийский язык. То есть... например, вот сначала тема урока, давайте разберем, как пишутся безударные гласные в корне слова. Ну, а дальше — вот... Но вообще-то, по большей части, это не на уроках русского языка приходилось делать, а на уроках литературы! Когда ты объясняешь термины какие-то. Когда разбираешь материал на уроке литературы. На уроке русского, может, сложнее. Русский и марийский — хоть и сплетаются, но все же они различаются. И строй предложения, и вот, излагая мысль, я строю предложения одним путем, а в русском языке значение мысли складывается, изъясняется по-другому. То есть строение предложений — они разные в двух языках. Чтобы лучше донести, мне приходилось еще это дополнительно объяснять на марийском» (№ 63, Ж., 44).

«На марийском. У нас еще в начальном классе были уроки русского. На марийском нам объясняли. Потому что... нас учили на марийском языке даже математику, я помню. Тогда у нас было так, что мы русский-то не так уж сильно понимали. Да, то есть нам было трудно разговаривать на русском языке. [...] Пять лет я сама преподавала математику — и пятый класс, и старшие. Это (переход на марийский. — М. К.) касается, знаете, пятого класса, например. Ну, они не понимали, что вообще от них, так сказать, требуется, то есть какой-то перевод тоже нужен был. Я им потом объясняю: вот так-то так. На примере объясняю. Мне получается, знаете, легче объяснить на марийском языке, нежели вот сказать на русском языке. Потому что чувствуешь, что дети... так сказать, для легкого усвоения. Для того, чтобы они хорошо поняли тему. И они тогда: “А, точно!” То есть вот так! И они, например, даже спрашивают меня на марийском языке, там нет такого, что вот конкретно на русском языке, нет! Я всегда спрашивала, например, когда приходят новые ученики, перед тем как начать урок, я всегда спрашивала, все ли понимают марийский язык: “Можно ли с вами разговаривать на марийском языке? Или же есть те, кто не понимают марийский язык?” Если там уже не понимают марийский язык, я, конечно же, не буду это говорить на марийском языке, все это объяснять или еще что-то. То есть я все время говорю тогда на русском языке. Но когда у кого-то пробелы, я стараюсь объяснять на его же языке, на марийском» (№ 77, Ж., 29).

Таким образом, анализ данных о начальном этапе школьного обучения респондентов позволил нам прийти к выводу о том, что в языковых биографиях опрошенных отразились изменения в этапах языковой политики, осуществлявшейся в образовательной сфере в советский и постсоветский период.

17% луговых марийцев, в основном представители когорты 41—50 в выборке, уроженцы столицы республики, ПГТ и районов со смешанным населением, учились «на русском языке». Учащимися национальных школ с марийским языком обучения являлись 23% опрошенных (уроженцы сельской местности, небольших моноэтнических населенных пунктов, в большей мере — представители старших когорт). Более половины респондентов (60%), главным образом молодые респонденты, заявили о том, что в начальной школе они изучали оба языка (как по программе «Родной язык», так и в качестве государственного), независимо от величины населенного пункта.

Кроме того, марийский язык в сельских школах активно употреблялся и вне уроков марийского при изложении учителем-мари нового материала. В основном эта практика использовалась в моноэтнических классах, но также иногда и в начальной школе в русскоязычных классах и применялась в индивидуальном порядке по отношению к учащимся-мари, которые сталкивались с определенными трудностями при усвоении материала на русском языке.

7. Средняя школа

В настоящем разделе будет изучен вопрос школьного обучения респондентов на этапе среднего звена школы. Приведем сравнительные данные обоих этапов — начального и среднего (табл. 10).

Таблица 10. Языки обучения и преподавания в начальной и средней школе
(в графах приводится число респондентов)

язык обучения и/или предмет изучения	начальная школа	средняя школа
марийский	13	—
марийский, русский	35	51
русский	10	7

Как показано в таблице 10, при переходе в среднюю школу существенные изменения претерпевает набор языков, на которых велось обучение или которые могли бы являться предметом обучения.

Во-первых, «марийский» исчезает в качестве языка обучения. Подобная практика сохранялась многие годы: «... в четвертом (а по новой программе для 11-летней школы, в пятом) — обучение полностью переводится на русский язык, родной язык и литература при этом сохраняются как предметы изучения» [Грузов 1989: 82]. Учебники по общеобразовательным предметам для средней школы пишутся на русском языке [Коведяева, Николаева 2001: 276].

Во-вторых, уменьшается число лиц, обучающихся исключительно на русском языке (за счет респондентов младших когорт, включая жителей городской среды, школьные годы которых пришлись на языковые реформы и внедрение программ по изучению марийского в качестве государственного).

В-третьих, как следствие — за счет первых двух категорий — увеличивается доля лиц, изучавших и русский, и марийский языки как предметы.

«Да, марийский преподавался, если я не ошибаюсь, это класс шестой-седьмой, или восьмой. Где-то в этой области. Он два-три года преподавался. Предмет давался нормально, он не вызывал у меня никаких сложностей. В классе девятом марийский закончился» (№ 47, М., 30, Сернур). «В средней школе потом уже был такой плавный переход на русский. Но марийского все равно было много, мы и на марийском могли говорить. Знаете, все эти основные предметы дальше — они на русском, просто если нам было непонятно на русском языке, что хотят, что требуют, что делать, они нам переводили на марийский» (№ 77, Ж., 27, Моркинский р-н).

Действительно, по воспоминаниям респондентов, изложение материала на марийском (в марийском классе, учителем-мари), хотя и несколько сократилось, но не исчезло вовсе. «Например, уже в более старших классах. Пятый-шестой. Допустим, та же физика. Физика — это жизненные процессы, и порой приходилось объяснять какой-то процесс простым языком. Допустим, та же самая диффузия. Нам объясняли по-марийски на примере чего-нибудь. Там... вот посмотрите — вода. Если я капну краску, она растворится. Это диффузия. Вот примерно то же самое нам говорили только на марийском языке, исключая слово “диффузия”. Она была по-русски. Заимствованием из русского. Не потому, что кто-то чего-то не понимает, переходили, просто так было проще! Вполне абсолютно естественно. А мы уже рассказывали урок на русском про диффузию» (№ 53, Ж., 30).

Причиной угасания этой практики являлся, во-первых, переход респондентов в старшие классы, в которых работали учителя разной национальной принадлежности; во-вторых, укрупнение, слияние классов, и, как следствие, этническое смешение контингента обучающихся и необходимость пользоваться русским в качестве языка межнационального общения; в-третьих, стремление самих учителей побудить учащихся чаще использовать русский язык ввиду будущего их поступления в вузы. «У меня классный руководитель был прямо русского языка носитель и русской литературы, на русском объясняли» (№ 15, Ж., 33). «В старших классах — тоже на марийском было, разговаривали. У нас в деревне только до девятого класса была школа. Потом в село ездили. В соседнее. Но там уже русская школа. Там уже учителя все русские были. Они даже марийский-то не знали!» (№ 67, Ж., 34). «Потом, когда учились, к нам с пятого класса уже перекинули с соседних деревень. Там уже татар перекинули. Поэтому уже на русском больше говорили. Не все марийский понимали» (№ 92, М., 31). «Учился сначала на марийском. Ну, а потом уже в средней школе, чтобы мы привыкали к русскому языку, они начали на русском объяснять. Но, как вы понимаете, в средней школе ведь в скором будущем — институт, университет — и все пытались на русском. Ну, чтобы лучше. И я — как и все! Это учителя так говорили, чтобы попроще было. Чтобы в университете на русском разговаривать. Когда на марийском общаешься и переходишь в русский, в города большие переезжаешь... ну, акцент чувствуется. Поэтому, чтобы акцента такого не было, и просили учителя сами на русском. После девятого класса. Не скажу, что трудно было. Так, обычно, ничего такого» (№ 75, М., 31).

Кроме того, необходимо отметить, что если в начальной школе с марийским языком обучения общение школьников на перемене также проходило на марийском, то с переходом в среднюю школу, которая зачастую располагалась в другом населенном пункте и где учились дети разных национальностей, на переменах в общении марийский язык несколько вытеснялся. «На переменах с ребятами и на марийском, и на русском. Зависело от того, что человек пять в классе были русскоязычные, с ними, естественно, я общался на русском. С марийцами — на марийском» (№ 101, М., 67). «От того, что мы выросли, получается, больше требовался русский язык. И он преподавался, этот язык. С помощью которого преподавались все предметы. Мы вот и сами (на переменах. — М. К.) переходили на русский язык больше. Если брать 100 % — это до четвертого класса, — то 30% — марийского, остальное — русского. А начиная с пятого класса и дальше — постепенно этот процент все уменьшался» (№ 17, Ж., 30).

Особое, пристальное внимание следует уделить так называемому «делению на классы», о котором нам в достаточно эмотивной форме рассказывали в интервью представители младших и средних когорт.

Практика деления на классы (именно акцентированного деления, при котором класс «А» был заведомо «марийский», а классы с последующими литерами считались «русскими») была достаточно широкой, учитывая необходимость реализации многокомпонентной модели учебных планов, начиная с 1990-х гг.²²

Учащимися класса «А» становились этнические марийцы, выходцы из небольших населенных пунктов, которые, как правило, не посещали детский сад (а воспитывались бабушками — на «марийском языке»). Их начальное обучение велось на марийском. «В школе у нас делали реально акцентированное разделение на классы. У нас буква “А” — независимо, начиная со средней школы. *Ашки* — это всегда был марийский класс, в нем были абсолютно стопроцентно марийцы. А в “Б”, “В”, “Г”, “Д” и остальные — были смешанные, там больше смотрели по направлениям. Кто гуманитарий, кто технарь. Это была политика. Может, района, может, всей Республики — не знаю! Разделение это появилось только тогда, когда к нам в школу стало много деревенских приезжать учиться. И я так полагаю, что администрация школы это сделала с целью адаптации деревенских учеников. Так как в деревнях все-таки на 80% общение чисто на марийском» (№ 42, М., 31). «Дети, которые учились в национальных классах, они просто в началке учились у себя в деревнях, были еще начальные школы. А с пятого класса их просто всех объединили, и они стали национальным классом» (№ 1, Ж., 27).

В класс «Б» (при смешанном формате обучения в параллели еще на этапе начальной школы) распределяли, как правило, русских и русскоговорящих марийцев, которые посещали ДОО (с большой долей вероятности, как мы говорили, с русским языком воспитания). «Дело в том, что наши классы делились на “А” и “Б”. В “Б” классе учились, скажем... русскоговорящие дети несмотря на то, что по национальности они были марийцами, но больше говорили по-русски. А вот в “А” классе учились чисто дети, которые были, ну, с разных деревень... и вот — чисто марийцы» (№ 63, Ж., 44). «В те времена у нас было в школе две параллели, “А” класс и “Б” класс. “А” — это те дети из деревень, они в садик не ходили, они находились с бабушками, с родителями в основном. А класс “Б” — это, в основном, были те, кто ходил в детский сад в селе, и они все прямиком с этой группы попадали в класс “Б”. Такой был принцип комплектования» (№ 16, М., 47).

Условиями для зачисления в «А» класс было, безусловно, знание марийского языка, тогда как в «Б» — русского. «Но марийский, конечно, нужно было знать. Иначе как ты сдашь потом экзамены? Там же еще домашние задания!» (№ 81, М., 29). «Я “А” миновал вообще с самого начала. Когда мы пришли, у нас говорили: “По национальности кто?” — “Мари”. — “А как вообще там... с русским?” — “Идеально владею!”» (№ 42, М., 31).

Помимо прочего, принцип комплектования учитывал в большой степени пожелания и родителей²³, и самих учащихся. «Так, конечно, только по желанию. То есть те, кто в марийской учился, тем шли в класс “А”, но это опять-таки на усмотрение родителей! Некоторые родители стремились в “Б” класс отправить» (№ 70, М., 28). «А потом была средняя школа. Так это, конечно, только по желанию. Я не пошел в “А”, я выбрал “Б” и потом сразу в универ. Просто я сам не захотел в “А”, просто я тогда еще не осознавал всего-всего, как это я сейчас это все осознаю. Марийский язык и марийскую культуру. С таким бы умом, как сейчас, я бы уже пошел в “А” класс» (№ 81, М., 29) (о языковой лояльности в этом аспекте в том числе см. [Куцаева 2020в]).

Как уже упоминалось выше, деление на классы в параллели, с одной стороны, осуществлялось либо при поступлении учащихся в начальную школу, либо в средней школе (подчас в старших классах). «Вообще до четвертого класса у нас в классе все предметы преподавались на марийском языке. Ну, то есть,

²² «Для получения полной картины функционирования языков в сфере образования важным является то обстоятельство, что школы, обучение в которых ведется на национальных языках, расположены в основном в сельской местности. В городах функционируют преимущественно русскоязычные школы, в которых национальные языки преподаются как предмет. Смешанные (параллельные) классы с русским и национальными языками обучения представлены как в городах, так и в сельских районах» [Солнцев, Михальченко 2000: XXVI].

²³ «Многие родители вовсе не стремятся, чтобы их дети обучались в национальной школе, поскольку понимают, что образование, полученное на русском языке, открывает гораздо большие социальные перспективы, и опасаются, что дети, окончившие национальную школу, будут плохо знать русский язык и это затруднит их дальнейшее образование и трудоустройство» [Солнцев, Михальченко 2000: XXVI]. В сознании родителей в отношении марийского господствовали предвзятость и предубеждение, что «обучение на родном языке или хотя бы изучение его как учебного предмета непременно повредит образованности и будущей карьере их детей[,] и по этой причине они нередко добиваются, чтобы не владеющие русским языком и не окрепшие умом дети с первого класса начали учиться на незнакомом им языке» [Иванов 1989: 26].

исключая русский язык. Русскую литературу. Объяснялась и математика, и все это на марийском языке преподавалось. Как бы в любом случае за четыре класса мы на русском начали разговаривать хорошо, так как у нас были какие-то конкурсы, как-то объединяли эти классы, какие-то мероприятия совместные проводились, какие-то концерты. То есть в любом случае ты вживаешься в это, ты разговариваешь со своими сверстниками и на русском, и на марийском. То есть в зависимости. К средней школе, более того, у нас в пятом классе уже объединяли классы, учебная система была построена таким образом, что до четвертого класса включительно мы учились в разных классах с русскими. В пятом классе это все объединялось. И все уже было на русском языке. Был предмет «Марийский язык» (№ 70, М., 28). «У нас у себя была школа. А после девятого класса перешла в русскую школу, поселковую. И там были дети разных национальностей, там были и татары, там были и русские, там были и марийцы. И в 10—11 классе, так сложилось, что один класс собрали только из приезжих деревенских, скажем так» (№ 32, Ж., 37).

Несмотря на то, что делалось многое для того, чтобы национальная школа не была школой национальной замкнутости, а строилась на принципах единства национального, интернационального и общечеловеческого [Васенина 2019: 243], респонденты неоднократно указывали на то, что восприятие учащихся класса «А» другими учениками в параллели было особым. «У них (учащихся класса «А». — М. К.) был нормальный русский. Но для русских ребят они все равно были «вот вы — марийцы». Нас (марийцев, учеников русского класса. — М. К.) это не касалось, потому что мы были в одном классе. Может, из-за этого» (№ 16, М., 47). «Я наблюдал подобные ситуации среди сверстников. Про акцент. У нас был отдельный класс. У нас четыре класса было в параллели. «А» — это марийский класс. Даже от своих одноклассников я слышал тон, с которым они пренебрежительно относились именно к классу марийцев. Потому что там были не столько ребята из деревень, которых, естественно, с деревень именно туда погружали, но он прямо вот был с акцентом на все национальное, марийское. И в этой связи все их считали немножко низшим сортом» (№ 47, М., 30). «А вот в классе седьмом-восьмом захотелось в марийский класс. Они между собой разговаривали на марийском! Они его практиковали всегда! Для меня это казалось такой какой-то прямо вот закрытой группой! Хоть все и относились к ним как-то... Ну, типа марийский класс, национальный, деревенские все. Но для меня это казалось частью чего-то такого — ах! С ними редко мы на марийском разговаривали. Потому что они все-таки старались по-русски на перемене говорить. Потому что вот они чувствовали, что они вот какая-то закрытая группа, им вот хотелось как-то вот с другими детьми пообщаться» (№ 1, Ж., 27). Эта же респондентка, по ее признанию, сама, вдохновившись примером учащихся «марийского» класса, использовала марийский в качестве тайного языка, обучаясь в «русском» классе. «Ну, мы в школе так использовали. В качестве тайного языка. Там... с подружками разговаривали на марийском. Те, кто знает марийский. Русские нас не понимали. В русском классе» (№ 1, Ж., 27).

В заключение приведем цитаты респондентов, которые, будучи школьниками (их школьные годы пришлись на реформы в области языковой политики, внедрения преподавания марийского в русские школы в том числе), перешли на среднем этапе обучения из «чисто марийского» класса в русский и наоборот. В их опыте, пожалуй, сконцентрировано все — и предубеждения общества в отношении «марийских» классов, и трудности, с которыми сталкивались учащиеся при смене языка обучения, и положительные моменты, который этот бесценный опыт им — в конечном итоге — дарил.

«И потом я перешла в русскую школу. Так решили мои родители, больше — родственники моей мамы. Потому что говорили, что там знаний больше, там как раз-таки русская речь была развита. Можно сказать, они подумали, что ко мне перешли русские гены... и девочка вроде умная, и как бы ее нужно передать к сильным педагогам. Именно в русской школе. В начальной-то школе был родной язык. Легко давался. В средней школе все было на русском, там уже марийский язык преподавался не как родной, а сначала был только по желанию. Многие из русских детей были, которые даже марийский не знали вообще никак! Ну, то есть, как английский он преподавался. Можно было даже с этим сравнить. Я там на уроках вообще была фаворитом! Все там мне: «Переведи!» А всем переводила. Все пользовались моими услугами. Ну, то есть, у меня были определенные знания, но только по этому предмету... Но вот по русскому, все-таки, я могла говорить с ошибками. Особенно предлоги там... Там вот дети по отношению очень дружелюбные были, как раз-таки меня корректно поправляли. Ну, и удивлялись: «Почему ты говоришь так, а не как положено!» Ну, я себя как-то неудобно чувствовала. Немножко комплекс был. Но я никогда не говорила, что это не мой родной язык. Я просто: «Хорошо, запомнила! В следующий раз буду говорить как надо!» В принципе, у меня в первый год были какие-то, может, проблемы с предлогами. И все. А дальше я уже выровнялась, я уже ничем в принципе не отличалась. У меня русский, можно сказать, ничем не отличался, от тех, кто был там. У меня и по русскому языку была пятерка, и учителя были довольны мною!» (№ 69, Ж., 32).

«Когда мне было... четвертый класс, мы переехали уже в родную деревню моих родителей. Вот эта деревня уже конкретно марийская, со всеми обычаями. Соседний Моркинский район. Знаете, наверное, как еще было. Я помню еще начальную школу, когда у нас урок марийского языка. Я же все-таки росла среди русских, и нас, марийцев, было мало в классе. Вот. В начальной школе — он был, но поверхностно. В русском селе. А уже в марийской деревне там прямо конкретно! Там родной язык, там родная литература, это все — грамматика, правила! Ой! В школе, уже когда мы переехали в марийскую деревню, у меня вообще сложность была с пятого класса, у нас там же чисто по-марийски разговаривали, я очень много слов не понимала, вообще я не понимала! Почему-то такое вот было. Пятый класс я учила, пыталась учить родной язык. Вот этот марийский. И учителя-то марийские были, они разговаривали, переходили на марийский. Я плакала! Я плакала в шестом классе, когда учила марийское стихотворение длинное. Я просто маме закатила тогда истерику, что не буду учить я этот марийский язык, не буду я читать! Не буду я ничего делать! И в итоге мы даже разговаривали с преподавателем, что язык мне дается тяжело. Вот именно грамматика. И получается, что как бы я не изучала грамматику. Всё — с меня сняли ответственность. Вот. Я сидела, в общем. Сидела, слушала, что дети делают. Меня не трогали. Ко мне экзамен вообще не относился! У меня был прочерк напротив моей фамилии. Что я этот язык не изучала. Я владею при этом. Чисто разговорная речь у меня есть» (№ 95, Ж., 27).

Таким образом, анализ языковых биографий представителей марийской диаспоры московского региона на среднем этапе их школьного обучения свидетельствует о том, что набор языков, на которых велось обучение в школе, претерпевает существенные изменения. Обучение, в соответствии с образовательными программами, переводится на русский язык. При этом уменьшается (в младших когортах) обучение исключительно на русском языке за счет внедрения преподавания марийского языка как государственного. Лица, обучавшиеся в начальной школе на марийском, продолжают изучать марийский как предмет «Родной язык» и на среднем этапе обучения. Соответственно, в целом увеличивается доля респондентов, указавших на изучение и марийского, и русского языков в средней школе. Изменения в наборе языков как предмета изучения в средних и старших классах школы явились результатом изменений в образовательных учебных планах, отражавших тот или иной этап языковой политики в области образования. При этом практика деления в параллели учащихся на классы с родным (марийским) и русским языком обучения в начальной школе или формирование классов «марийских» и «русских» в средней, в которые распределяли в том числе и марийских учащихся (по разным мотивам, но в любом случае это был выбор родителей или самих детей), в некотором роде стигматизировала учащихся «марийского класса», а также формировала негативное отношение марийцев, учащихся русских классов, к этническому языку (об этом см. [Куцаева 2020в]).

8. Респонденты — об изучении русского и марийского языков в школе

Замечания, которые были сделаны нами в [Куцаева 2020г: 108] относительно языковых биографий представителей чувашской диаспоры московского региона, могут быть в полной мере отнесены и к московским марийцам. Лица, посещавшие национальную школу (или «марийский» класс при смешанном формате обучения в параллели), особенно в старших и средних когортах, отмечали некоторые трудности, с которыми им приходилось сталкиваться при изучении русского языка или при переходе на русский язык обучения в средней школе. «В школе, когда начался русский язык, был стресс. Был страх. Непонимание. Все-таки в классе было большинство детей такого же уровня развития, как и я. И многие они говорили на марийском языке. Но страх у меня поначалу был. Особенно поначалу. На уроках русского скорее. Выразить свои мысли на русском языке было сложнее» (№ 63, Ж., 44). «Переход, конечно, дался нелегко. Любой переход — это нелегко. Мне лично было тяжело первые полгода. Это нужно было привыкнуть к требованиям учителей, у меня в любом случае был языковой барьер, я это чувствовала. Там были уже учителя были русские. Там уже не прокатывало то, что мыслили мы в любом случае... потом я себе поняла, что я до определенного времени даже в Москве думала на своем марийском языке, я переводила! *(смеется)*. Слова подбирала. Я боялась, что я что-то не так скажу» (№ 32, Ж., 37). «Ну, русский язык у нас преподавали с пятого класса, и всё с пятого класса на русском языке. У нас с четвертого класса учителя начали уже гонять. Ну, не то, что гонять, но у нас одна была учительница. Они говорили: “Вот пойдете там в деревню, в соседнюю школу. Там будете изучать по-русски, там вам будет тяжело”. И мы словарями учили *каждые* русские слова. Так и должно было быть! Как же потом будешь отвечать! Мы изучали русский язык *словарями* прямо. Интересно было, у нас голландские печки были, и мы вот стоим: “Это как называется? Это как называется? А это?” А потом уже с пятого класса эти сочетания слов, предложения как правильно говорить, изучали. Нет, не дома — что вы! В деревне-то: какое дома изучать стоять, только в школе это было! У нас семья большая была, мы учились в школе только!» (№ 103, Ж., 65).

Для многих из них именно школа выступала своеобразным «каналом» русского языка (подробнее см. раздел 10). «В основном всегда на марийском, потому что я вот помню, я в школу пошла, я вообще русский язык даже не понимала. Вот был такой момент, я никогда не забуду! Моя старшая сестра, на год старше меня, она взяла меня в школу на дежурство. Я, значит, такая с ней пошла, и там мальчики работают, носилки таскают и говорят: “Дорогу! Дорогу!”. А я даже не понимаю, что это. Я у сестры спрашиваю: “А что они говорят?” Вот она мне и объясняет!» (№ 8, Ж., 57).

Представители младших когорт в выборке, напротив, указывали на затруднения при изучении марийского языка в качестве государственного, поскольку в большинстве случаев их школьные годы пришлись на развертывание реформ в области образования в Республике и внедрение марийского языка в учебные планы в русскоязычных школах в городах и поселках городского типа.

С конца 1990-х в Марий Эл наблюдался постоянный рост числа школ и учащихся, изучающих марийский как государственный, и одновременно с этим — сокращение числа учащихся, для которых марийский являлся учебной дисциплиной «Родной язык». К примеру, в 1999—2000 учебном году более 27,5 тысяч учащихся изучали марийский как родной (в 1995—1996 учебном году таковых было 29,7), 46,2 тысячи учащихся — в качестве государственного (в 1995—1996 гг. их число составило всего 21,3 тыс.) [Катаева, цит. по Кондрашкина 2008: 101].

Остановимся на некоторых организационных моментах обучения марийскому в качестве, с одной стороны, родного языка, с другой — государственного. В тексте намеренно приводим цитаты респондентов одних и тех же когорт с тем, чтобы получить более полное представление (глазами учащихся) о ситуации с преподаванием и изучением марийского языка в школах в ходе реализации языковых реформ.

Процесс изучения марийского как родного языка строился следующим образом: «Помимо русского языка и русской литературы, была марийская литература, история марийского народа, марийский язык. То есть мы грамматику изучали. Как вот русский язык изучают по ступенечкам, там мы и марийский язык по ступенечкам. Это мой родной язык, мне было нетрудно» (№ 41, Ж., 29).

Вспоминая об организации в школе учебного процесса, респонденты, в прошлом — учащиеся программы по марийскому родному, в интервью часто упоминали факт сдачи экзамена по марийскому языку для получения аттестата. «Обучение шло на марийском и на русском языке. Но в основном, конечно, на русском языке обучение все-таки. Но у нас была марийская литература и марийский язык. Наравне с русским языком. Потому что после девятого класса мы одинаково сдавали что экзамен по русскому языку, что по марийскому языку. Это было обязательно. 10—11 класс — тоже был марийский, но там уже не было обязательных экзаменов. Но тоже изучали» (№ 18, Ж., 34). «Мы сдавали экзамен на марийском языке, я помню. В девятом классе у нас был. Нужно было уметь писать, правила свои» (№ 61, Ж., 33). «В девятом классе у нас же все-таки для получения аттестата мы сдавали “Родной язык” и писали сочинение. Поэтому мне заполнилась сдача экзамена именно по марийскому языку и литературе. Там просто затрагивалась такая тема... мы писали сочинение-рассуждение на определенную тему. Это тоже как раз таки была тема “Любовь к родине, к маме”. И у меня такой порыв получился, что прямо вот из души изливалось, и сочинение мне удалось! Все было сдано на пять» (№ 14, Ж., 33).

О некоторых перебоих в преподавании марийского (ввиду недостаточной укомплектованности школ педагогическими кадрами — проблемы, с которой, кажется, нередко сталкивалась национальная школа и в прошлом) вспоминали и сами респонденты: «Единственное — то, что в пятом классе нас объединили («марийский» и «русский» классы. — М. К.). Мы все-таки писали и читали, какие-то диктанты уже были. А в пятом классе, так как у нас преподавателя уже не было, нам стали преподавать марийский язык как для русских. То есть там какие-то слова изучать — для нас это вообще было очень легко! Если мы более-менее серьезные вещи писали в четвертом классе, то тут нам просто давали перевод с русского на марийский и с марийского на русский, мы, по сути, эти выражения на ходу просто делали — и все! Через год я сменил школу. А вот пятый класс — так как не хватало учителей марийского языка, и мы учились с русскими, но преподаватели нам пытались, старались давать все-таки... более... что-то дополнительное. Но все равно это не тот уровень, потому что в шестом классе я переехал в другую школу, мне было достаточно тяжело вначале. Единственное, по правилам были какие-то проблемы. По правописанию. Но, в принципе, большинство марийцев с такой проблемой сталкиваются, потому что все-таки разговаривать — это одно, а именно писать — совсем другое. Вот в той, другой школе мы, единственное, разделялись, когда преподавался марийский язык. Марийцам преподавал один преподаватель, а русским преподавал другой преподаватель. Именно по уровню разделяли, в принципе, все грамотно было построено. Никакого дискомфорта не было» (№ 70, М., 28).

С 2001 г., согласно откорректированному Базисному учебному плану общеобразовательных школ Республики Марий Эл, в первых — девярых классах в школах с русским родным языком обучения на изучение марийского (государственного) выделялось два часа в неделю (+ один час на изучение предмета

«История и культура народов») [Васенина 2019: 242]. Целью обучения марийскому языку в русских школах являлось практическое овладение речью, формирование коммуникативной компетентности. Достижение этой цели, как подчеркивается в соответствующей методической литературе, возможно при организации обучения на основе коммуникативного метода. Подготовкой специалистов, владеющих теорией и методикой преподавания марийского языка как неродного, с 2000-х гг. занимается факультет начальных классов МарГУ: студенты 3—4 курсов марийских групп изучают теорию и методику преподавания марийского языка как неродного²⁴, а во время практики проводят уроки марийского языка в городских школах [Константинова 2011: 23].

30-40-летние респонденты в нашей выборке, в прошлом — учащиеся русскоязычных классов с обязательным компонентом марийского в образовательной программе, кажется, не придавали особого значения урокам марийского ввиду минимального количества часов, отводившегося на его изучение «с нуля» и никак не коррелирующего с их уровнем владения по крайней мере разговорной речью (при внутрисемейном бытовом общении в естественной языковой среде), а также ввиду распространенного в обществе негативного отношения к этническому языку.

«У нас был раз в неделю урок марийского языка. Раз в неделю. Этому никто значения не придает. С пятого класса начался. Считался, что это родной язык изучали» (№ 90, М., 29). «Марийский был с первого класса. Но так как это был русский класс, мы изучали его как государственный язык. Ну, нет, не было интересно. Я все это знала и так. У меня по марийскому, естественно, всегда были пятерки. Я помню, что вот учебник был голубого цвета. А больше ничего не помню! Но я помню, что было такое впечатление, что я все это знаю. И для меня вот вообще не составит никакого труда с ходу прочитать и перевести» (№ 1, Ж., 27).

Респондентами отмечалась в целом легкость, с которой им давалось изучение марийского (государственного), поскольку во внутрисемейном общении или, шире, в марийской деревне летом они были с детства погружены в языковую среду. «У нас в начальной школе был всегда марийский язык, это была городская школа в Йошкар-Оле, там марийский язык был, по-моему, до класса седьмого или восьмого. Сейчас уже не вспомню, конечно, но он всегда был. Это была городская школа, там было все на русском, просто марийский язык как дополнительно шел. Ну да, падежи и все такое изучали. Но так я в принципе все это знал и разговаривал, как бы я особо не парился на этом уроке. В принципе мне всегда пятерки ставили. Как правило. Ну и марийский язык — типа как факультатив был, два или три раза в неделю, и не было такого понятия, как разговаривать на марийском» (№ 46, М., 30). «В плане марийского языка школа вообще ничего не дала. Я в детстве у бабушки часто бывал, и там как-то все на марийском языке было. После восьмого класса учился в Йошкар-Оле в лицее специальном. Там поступали с экзаменами, чтобы учиться с девятого по одиннадцатый класс. И выбираешь профиль. У меня был профиль информационно-технологический. У нас там было на русском. Там был предмет “Марийский язык”, но он тоже ничего не дал. Вообще была какая-то формальность для всех. Стихотворение рассказать. Домашнее задание главное сделать» (№ 51, М., 29).

Основной целью подобного «поверхностного-ознакомительного» изучения марийского, во всяком случае для марийцев, владеющих своим этническим языком, зачастую было лишь получение положительной отметки по предмету «Марийский (государственный) язык»; при таком формате обучения едва ли можно было ожидать приобщение к новым знаниям или развитие навыков, например, письменной речи. «Дочери мои, конечно, разговорную речь только и знают. У них еще был предмет марийского языка и марийской литературы, но писать, конечно, они не смогут» (№ 86, Ж., 52).

Трудности, как представляется, возникали у тех марийцев, во внутрисемейном общении которых место отводилось исключительно русскому языку. «На уроке марийского я лично не испытывал проблем в силу того, что со мной все-таки разговаривали, и я знал и падежи, и местоимения, и как склонить слово, проблем не возникало... У других трудности были, даже у марийцев некоторых были проблемы. Потому что изначально с детства с ними не говорили на марийском языке. И поэтому — прямо всё, хотя по паспорту ты мари, но не говоришь!» (№ 42, М., 31).

²⁴ Тот же автор задается вопросом: «Почему как неродного?» — и приводит следующие аргументы: «Для обучающихся в национальной школе марийский язык является как генетически, так и функционально родным языком. А для большинства обучающихся в русской школе марийский язык как генетически, так и функционально неродной» [Константинова 2011: 23], что представляется несколько странным, учитывая все набирающие темпы процессы урбанизации и оттока марийского населения в города (ср. результаты переписей населения 1989, 2002 и 2010 гг. о соотношении сельского и городского марийского населения). Еще в конце 1990-х гг. другой автор констатировал: «Марийское население широко пользуется русским языком, особенно в городах (во всех сферах культурно-образовательной жизни)» [Зорина 1998: 339].

В качестве развернутого примера приведем воспоминания респондентки, уроженки Йошкар-Олы, и ее личного опыта по изучению марийского в школе — опыта, в который причудливым образом вплелись и веяния языковых реформ 1990-х, и речевые практики в ее семье, и шире — господствовавшее в то время негативное отношение в обществе к марийскому языку. «У нас был в школе марийский язык, до девятого класса. Это урок, предмет был. Может, два раза в неделю. У нас были книжки, учебники. Мы по ним занимались, нам давали домашние задания, были упражнения, которые нужно было сделать. То есть либо перевести эти предложения, либо просклонять. Это был учебник с нуля. У меня лично марийский — только со школы. И все! В школе у нас было так, что в девятом классе я знала, как будет “здравствуйте”, “до свидания”. Ну, потому что мы — да и учителя точно так же — относились, что он нам не нужен. Это был только урок для галочки! Вот такое было отношение! Там ничего особого и не было. Чисто формально. И учебник был неинтересный, он был даже без картинок! В начальном классе, да, помню, на корочке был нарисован медведь, и по-марийски он был написан. “Маска”. Потом лиса, заяц, еж, ну вот такие лесные животные были написаны на марийском языке. Лиса — “рывыж”, кажется. Заяц, помню, — “меран”. Я помню еще гриб — “понго”, потому что там такая интересная буква *н*! Есть “о” с двумя точками, вот это я и запомнила! Я помню, были стихотворения нашего местного поэта, какие-то стихи, небольшой текст по биографии. Про Палантая, помню, было. У нас еще в школе была история и культура марийского народа. Честно... на марийском языке мне было неинтересно, потому что учителя были такие! Они старались что-то дать, наверное. Просто, может, у меня была такая политика, что он мне не нужен, он мне не пригодится. Поэтому я вот так вот относилась. Знаете, когда мы в школе учились, как-то не особо так любили марийцев, может так... в городе было. Но в школе... как бы знаете... я делала задания, потому что мне нужен был хороший аттестат, мне нужна была хорошая оценка. И то я делала домашние задания с бабушкой и дедушкой по телефону! То есть я звонила: “Дедушка, помоги, пожалуйста!” Задания прочитаю, и вот мы с дедушкой по телефону. Либо мы приезжали в деревню, я с учебниками: “Дедушка, помоги, пожалуйста!” Дедушка мне всегда помогал. И хорошо помогал, потому что у меня в аттестате пятерка! Сейчас, когда его уже нет, я с теплотой вспоминаю. Я думаю, и дедушке было очень приятно, что мы вот так вот изучали, общались. Они с бабушкой между собой могли разговаривать по-марийски, но я всегда говорила: “Бабушка, говорите, пожалуйста, по-русски!” Ну то есть вот как бы... нам они ничего на марийском не говорили, между собой — так, да. Чаще всего на русском языке» (№ 33, Ж., 33).

Подытоживая, осветим ключевые моменты, связанные с изучением респондентами марийского и русского языков в школе.

Представителям старшего и частично среднего поколений в выборке, уроженцам сельской среды, посещавшим национальные школы, по их мнению, труднее давалось в школе изучение русского языка, для многих из них школа выступала основным источником и проводником русского языка. У респондентов младших когорт, особенно уроженцев городской среды, школьные годы которых пришлось на период проведения языковых реформ, в том числе в области образования и введения обязательного изучения марийского языка в качестве государственного, затруднения возникали при изучении уже марийского (государственного), тогда как опрошенные — также учащиеся «русских» классов, проживающие, однако, в средних и небольших по величине населенных пунктах и с той или иной степенью интенсивности использовавшие марийский во внутрисемейном бытовом общении, не испытывали сложностей с изучением марийского государственного.

Результаты освоения опрошенными учебного предмета «Марийский (государственный) язык» вряд ли можно назвать хоть сколько-то положительными: по свидетельству лиц, владевших марийским на бытовом уровне, уроки марийского государственного не способствовали расширению их лингвистического кругозора или развитию языковых компетенций. Впрочем, об этом говорили и те, кто вовсе не владел марийским до поступления в школу: основным препятствием на пути к освоению марийского (помимо мизерного количества часов, выделявшегося на его изучение в программе) являлось парадоксальное отсутствие языковой практики за пределами классной комнаты ввиду негативного отношения, распространенного в городской среде, к марийскому языку.

9. Дальнейшие этапы языковых биографий респондентов на малой родине

В выборке из 58 опрошенных трое по окончании средней школы приступили к трудовой деятельности, тогда как остальные продолжили обучение в техникумах, профессионально-технических училищах или ВУЗах (главным образом — в самой республике, некоторые — за ее пределами) (см. табл. 11).

В подавляющем большинстве случаев (в 89% случаев в выборке в этой группе) респонденты обучались в вузе или профессиональном училище на русском языке. Чтение лекций в средних и высших учебных заведениях в Республике ведется на русском языке [Коведяева, Николаева 2001: 276]. «На повара

Таблица 11. Язык (языки) обучения и преподавания на дальнейших этапах обучения

Число респондентов, продолживших обучение	Из них — обучение на русском	Из них — обучение на русском и марийском
55	49	6

в техникуме училась, там уже на русском» (№ 4, Ж., 64). «Потом учился в Йошкар-Оле. Университет. Политех. На русском. Там уже все на русском. И в общаге, и в университете» (№ 74, М., 28).

Именно по причине повсеместной распространенности русского языка в городской среде (обучение в ВУЗе или техникуме на русском языке, и шире — русскоязычная городская среда) учителя, как мы отмечали выше, побуждали учащихся прибегать к более частому использованию русского языка в старших классах. В противном случае, при недостаточном внимании к изучению русского языка, учащиеся, кажется, испытывали бы сложности при поступлении в учебные заведения и в целом им было бы труднее адаптироваться. «В школе я троечником был по русскому. У нас даже когда поступали куда-нибудь... я в Оршанку поступал в педколледж как физрук. У нас был выбор, уточняли: или будете диктант писать на русском, или на марийском. Ну, я говорю: “Русский-то я почти не знаю! Давайте на марийском тогда!” Я-то чисто мариец, я все время по-марийски разговаривал, по-русски то особо не с кем было! И вот после 11 класса я поступил в Оршанский пед. колледж. Там уже на русском. Ну, трудновато было. Но чего поделывать-то? Ну, языковой барьер. Сначала по-любому же перевариваешь, как это будет по-русски, потом уже говоришь, как правильно сказать. ...В армии отслужил. В армии-то марийцев не было, ну, как... Сейчас уже не думаешь, как сказать. Взял и ляпнул — вроде все получилось! Тогда-то было трудновато, в армии» (№ 73, М., 38).

Шесть опрошенных (11% среди тех, кто продолжил обучение) проходили обучение в вузах в г. Йошкар-Оле на русском и на марийском языках (четверо из их них были студентами русско-марийских отделений филологических факультетов²⁵). Марийский язык преподавался как предмет в педучилищах, в Марийском государственном университете, Марийском государственном педагогическом институте [Кондрашкина 2000: 162]. «Русско-марийское отделение филологического факультета. Все же чуть меньше было марийского, чем русского. Поступали чисто марийцы все. Только. По образованию я учитель русского и марийского языка. Историю языка я знаю неплохо!» (№ 63, Ж., 44).

Два респондента являлись студентами колледжа культуры и искусств имени Палантая. «У нас была национальная марийская группа, мы собирали марийские песни, ездили по деревням, слушали бабушек, собирали материалы, в экспедиции ездили. Мы не только по Марий Эл ездили, а везде, где живут марийцы» (№ 45, Ж., 35). В процессе обучения на марийском некоторым учащимся предоставлялся шанс на практике в полной мере овладеть теми навыками и умениями, научиться которым они не смогли, к примеру, на уроках марийского (государственного) в средней школе. Своим опытом обучения в колледже поделилась респондентка, ранее обучавшаяся в начальной и средней школе на русском языке с частичным внедрением марийского в качестве предмета на среднем этапе (обучение марийскому «с нуля»): «В колледже я попала на ту удочку, где пришлось писать. Там же не было в то время компьютеров, то есть я текст песен начинала уже от руки писать — впервые на марийском языке. Опыт написания был слегка затруднен, там есть некоторые окончания, которые я очень быстро ухватила. Если ты говоришь одно, то есть диалект один, а правописание совершенно другое, и буквально пару ошибок — и я поняла, что и как. Я знала, что есть такие буквы, как “у” с двумя точками, “о” с двумя точками и буква “н” с закорючкой. Это для меня уже не новость была в то время, поэтому я свободно и легко влилась в систему. Кроме хоровых дисциплин, были индивидуальные уроки, вокал, были предметы некоторые, на которых нам тоже могли на марийском языке объяснять, если педагог видит, что мы сидим и не понимаем ее. Она объясняла нам на марийском языке» (№ 20, Ж., 41).

Второй аспект проблемы, связанной с дальнейшим обучением, касается речевых практик респондентов, покинувших родные места (небольшие населенные пункты в сельской местности) и переселившихся на время учебы в город. В случае, если они снимали жилье с другими приезжими, как правило, также выходцами из марийских деревень, то нередко в их «городской» жизни отводилось место общению на марийском языке в неформальной обстановке. «После 11 класса я пошла уже в МарГУ, экономический факультет, но мне тоже было трудно там, потому что я нигде я не практиковала вот этот русский язык и мне было трудно. Так получилось, что общежития у нас не было, мне пришлось снимать квартиру

²⁵ Преподавание ведется на русском языке, лишь на отделениях марийской филологии циклы филологических дисциплин читаются на марийском языке. В частности, студенты отделения марийской филологии МарГУ слушают на марийском языке курсы философии, истории и культурологии [Кондрашкина 2016: 750].

и жить там с сестрой двоюродной, но она тоже отлично говорила на марийском языке. Дома у нас с ней также был марийский язык. Всегда и везде! В Йошкар-Оле ведь всегда на русском. Там говорят только на русском. В Йошкар-Оле говорят в магазинах только на русском. Очень редко так встретишь марийский там» (№ 9, Ж., 31).

Марийцы, которые снимали комнату в общежитии, при неформальном общении в компании пользовались следующим правилом: «У нас даже частушка такая есть: с марийцами — по-марийски, с русскими — по-русски» (№ 3, Ж., 64). «В МарГУ училась, марийский язык и литература. Марфил. В общежитии жила. У нас все жили — марийцы и русские. Это потом уже предпоследние курсы, переселили русских. А в основном — марийцы. С ними по-марийски» (№ 88, Ж., 40).

В смешанной в этническом плане компании действовали следующие правила. «В общежитии с девчонками на марийском. Ну, там... поговорили между собой на русском языке, тогда, когда приходилось. Когда кто-то появлялся в компании... русский человек» (№ 32, Ж., 37). «В Йошкар-Олу одна поехала. В общежитии у меня все подружки русские были. Бывали и марийские девчоночки. Но мои подружки были русские. У нас так получилось, что группа у нас большая была, и группировались марийские девочки с марийскими, русские — с русскими. Как-то так. Я, наверное, и там, и там. Если марийки приходили в комнату ко мне, то по-русски, потому что девчонки злились тогда... не понимали!» (№ 86, Ж., 52).

Наконец, отметим и тот факт, что респонденты, с одной стороны, указывали на некоторое стеснение (собственное или других марийцев), которые испытывали, если им вдруг доводилось разговаривать на марийском в городской среде. «В Йошкар-Оле на русском было обучение. Я никогда какого-то комплекса не ощущал. У меня были родственники, знакомые в Йошкар-Оле, когда я туда приехал. Я с ними разговаривал на марийском языке, когда надо было, когда обстановка требовала, что... Какие-то другие люди, то на русском языке. То есть для меня это проблемы не составляло. Но для кого-то это было проблемой. Разные люди по-разному эту ситуацию ощущали» (№ 101, М., 67). «Ну, как обычно, марийцы очень стесняются своего языка. Я сначала, когда учился у себя на родине, вот они стеснялись почему-то по-марийски разговаривать. Ну, давай... с тобой будем разговаривать по-русски. Когда студентом был. Ну, а я-то уже и по-марийски могу, и по-русски» (№ 73, М., 38). «Далее я учился на водителя, на сварщика. В Йошкар-Оле обучался. На русском. Там в основном русские, марийцев мало было в то время. Марийцы все в основном в деревнях были. Вот. Марийский использовал только с теми, кого знал. А в основном на русском» (№ 97, М., 35). Однако по мере дружеского сближения, общения в процессе учебы студенты начинали осознавать, что, оказывается, не все, кто говорит по-русски, обязательно являются русскими. Приведем воспоминания уроженки Кировской области, которая получала среднее профессиональное образование в Йошкар-Оле: «Просто захотелось в Йошкар-Оле учиться потом. Изучала мастер отделочных работ. Штукатур-маляр, можно по-другому сказать. Даже если взять Йошкар-Олу, когда училась, у нас первый год особо никто в общежитии не разговаривал на марийском. А я не знаю, как-то стеснялись, что ли! А вот второй и вот третий курс, все прямо между собой по-марийски разговаривали! Я никогда не стеснялась чего-то. Но вначале я как-то не замечала, что на первом курсе так вот сильно не разговаривали, а вот второй и третий — прямо вот очень! Все стали почему-то разговаривать между собой. Хотя все же были марийцы!» (№ 34, Ж., 30).

Поразительно, что именно в Москве, спустя годы, в условиях проживания в полилингвальном пространстве мегаполиса многим из них удалось избавиться от чувства стеснения, стыда или неловкости при использовании этнического языка в городской среде [Куцаева 2020в: 136].

Итак, согласно данным, полученным нами от респондентов, в подавляющем большинстве случаев (в 89% случаев в выборке в этой группе) они обучались в вузе или профессиональном училище на русском языке. 11% среди тех, кто продолжил обучение, учились в вузах в г. Йошкар-Оле на русском и на марийском языках (студенты русско-марийских отделений филологических факультетов, а также учащиеся марийских групп в колледже культуры и искусств). Вне учебной аудитории некоторые марийцы, выходцы из деревень, как правило, также использовали марийский в общении с другими марийцами, другие, напротив, испытывали стеснение и неловкость при употреблении марийского в городе и переходили на русский язык. В коммуникативной ситуации со смешанным в этническом плане контингентом участников марийцы использовали переключение кодов и переходили на русский язык согласно речевому этикету, который они усвоили от своих родителей и других старших родственников.

10. Каналы освоения респондентами вторых языков — русского или марийского

В данном разделе в обобщенной форме будут рассмотрены основные каналы освоения респондентами вторых языков — русского (в случае уроженцев сельской местности) или марийского (преимущественно — выходцами из городской среды) в сфере семейно-бытового и дружеского общения, сфере образования, СМИ, культуры.

Наиболее вероятным вариантом раннего овладения уроженцами сельской среды русским языком являлось внутрисемейное общение в том случае, если один из родителей не являлся этническим марийцем. «Марийский я знала до школы, в деревне все там на марийском в основном. Поэтому я со всеми разговаривала на марийском. Просто дома уже, когда я приходила домой, я уже на русском с папой» (№ 61, Ж., 33). Ребенок — билингв, в свою очередь, в некоторой степени являлся «источником» приобщения к русскому языку для других детей — марийцев. Вот как об этом вспоминает респондентка: «Я помню, мы даже соседского мальчика учили русскому языку. Мне было лет пять — шесть тогда. Учили со старшей сестрой его. Он просто не всегда понимал нас! Ну, мы как-то просто говорили ему: “Вот, допустим, это ручка, это палец, это...” Ну, как-то вот так показывали ему. Ну, что-то он, конечно, запоминал. Сейчас редко видимся с ним. Но он помнит, что мы его учили! Как-то шутя вспоминаем!» (№ 18, Ж., 34).

Более того, к русскому языку в семье приобщали детей зачастую родители или другие старшие родственники, педагоги по профессии. «Трудностей с русским я не испытывала и в начальной, потому что у меня семья, шесть-семь поколений — учителя. Дедушка — учитель истории, другой дедушка — учитель физики. Тетя, родные сестры — учителя марийского языка и литературы, русского языка — все учителя, как бы... я воспитывалась в такой среде, что... в школу не ходила, а уже писать, читать, считать умела. До школы обучаться — не обучалась на русском. Но бабушка мне читала сказки на русском. Я эти сказки на русском языке знала, до такой степени книги были зачитаны до дыр, что я наизусть знала слова, предложения строила. Я нормально воспринимала» (№ 96, Ж., 28).

Важным фактором в вопросе распространения во внутрисемейном общении (особенно среди младших детей) русского языка являлось посещение образовательных учреждений старшими детьми, их братьями и сестрами. «Вообще-то я умела читать на русском языке, когда пошла в школу. Меня научила сестра, она ходила в школу. У меня был букварь, и я этот букварь проштудировала от и до. Мне было интересно!» (№ 63, Ж., 44). «И старшие братья и сестры, которые уже учились, они между собой, бывало, разговаривали на русском. То есть эту речь мы слышали, мы в принципе понимали. То есть такой проблемы “Ой, я не знаю русский язык! Как быть? Что делать?” не было» (№ 54, Ж., 27). «До школы — на марийском со всеми. У меня есть сестра и брат — на пять и семь лет старше. До момента, пока они не уехали обучаться в город, то есть в институт, они разговаривали на марийском. Но так как там уже среда другая (подробнее об этом см. раздел 9. — М. К.), после этого момента я начала разговаривать с ними на русском, и они тоже. То есть в семье уже начал появляться русский язык. Но это было позже в мои школьные годы. Пик марийского — в школьные времена, средние классы, вот тогда был такой пик. В принципе в школьные времена я больше разговаривала на марийском» (№ 79, Ж., 22).

Наконец, существенным во внутрисемейном и дружеском общении представлялось наличие «русских» (в терминологии респондентов) родственников и друзей, а также «городских» (считай — русскоязычных) родственников (чаще — двоюродных братьев и сестер). «В школьные годы русский мы использовали только в школе, где-то на учебе, либо когда приезжали русские родственники. Ну, они... наполовину татарин, наполовину мариец, но разговаривали на русском, они не знали марийского, потому что жили в Татарстане или еще где. Но они понимали марийский, но общаться удобнее было на русском. То есть в нашей семье русский был хороший, трудностей в школе не было у меня. Наоборот, одноклассники — они обучались русскому, у них с русским было очень плохо. Учителя если только меня выделяли, оценки с первого класса у меня по русскому были хорошие, а это в марийской деревне достаточно выделялось» (№ 80, Ж., 28). «А в семьях, вот у меня есть двоюродный брат, у него отец, получается, русский, у них в семье на русском. Вот с ним приходилось на русском разговаривать» (№ 91, М., 29). «Тетя у меня городская была, они приезжали. Конечно, по-русски. Он (сын тети. — М. К.) же не умел по-марийски!» (№ 86, Ж., 52). «Дальние какие-то родственники приезжали, которые перешли уже на русский язык. То есть тогда сталкивались уже. И двоюродные, со стороны отца, кстати, даже больше говорят на русском. Ну, в любом случае, мы русский язык как минимум понимали. Мы старались разговаривать, учить, ну и жестикуляция помогала!» (№ 70, М., 28).

К 1980-м гг. признавалось, что в распространении двуязычия всевозрастающую роль наряду с производством играют школа и вся социалистическая система обучения и образования [Исаев 1982: 159]. В развитии марийского языка, преподавании русского языка, формировании и функционировании на этой основе марийско-русского двуязычия в Республике были достигнуты значительные успехи, констатируют исследователи того времени [Грузов 1989: 85]: «Этноязыковые контакты ныне охватывают не только сферы производственной, общественно-политической деятельности, они проникают глубже, в сферу домашних общений и даже в область культурного творчества» [там же]. Сопоставительный анализ языковых биографий респондентов по когортам свидетельствует о схожих процессах (см. разделы 5, 6, 7). В деревне русский язык использовался меньше, чем в городе, и сферой его употребления могла быть школа, трудовая деятельность, реже — семья [Зорина 1998: 339].

«В детсадик не ходил, его уже не было, развалился к тому времени. Без детсадика. И до школы поэтому со всеми только на марийском. А русский у меня через образование, через школу. Русский выучил в школе. У нас же был “Русский язык” и “Русская литература”. У нас был какой-то классный час, где мы все читали²⁶. Хором просто. На русском. Надо было прочитать книгу» (№ 81, М., 29). Кроме того, подчеркнем многонациональный подчас состав классов, особенно на этапе средней школы. «Разговорную речь в школе. Там дети, ученики были. Татары, например, учились. Башкиры были, которые не понимали марийский язык. Получается, такое общение было в лицее» (№ 74, М., 28). «Мы могли на русском общаться, которые были с соседних деревень и сел, а они были все русские рядышком. Но как бы специально чтобы нас учили... что вот это называется “блины”, а это — “хлеб”, такого вот не было никогда!» (№ 53, Ж., 30).

Другим фактором в приобщении к русскому языку марийцев являлся также смешанный в этническом отношении состав населения республики. «Дети мари еще до школы узнают какое-то количество русских слов и выражений. Этому способствует и то, что иногда создается непосредственная языковая среда. Как известно, население республики многоязычное» [Грузов 1972: 11].

Наличие поблизости поселка городского типа оказывало существенное влияние на характер и тип языковых контактов. «Мы рядом с поселком жили, и это, естественно, что марийский, что русский — одинаково, с детства уже изучали» (№ 7, Ж., 56). «Наша деревня марийская, мы на марийском. Рядом есть деревня, там больше марийцы и русские. Там по-русски мы общались, дружили, на дискотеку мы туда ходили пешком. Откуда вот у меня муж родом, там русские, марийцы, татары, там уже русский язык» (№ 61, Ж., 33). «С марийцами и русскими если компания три-четыре человека марийцы и один русский, то мы все-таки какие-то фразы говорили на марийском, но все-таки нужно было разговаривать на русском, чтобы не обделять человека. И еще когда выезжаешь в поселок, в больницу, все-таки в основном на русском языке» (№ 70, М., 28). «И нас учили, что, если в компании кто-то не понимает, значит, все разговаривают по-русски. Не знаю, это культура какая-то, воспитание. Это мама говорила, что... По-моему, мама. Она говорила, что, если кто-то в компании не понимает, это очень некрасиво разговаривать на другом языке, чтобы кто-то вас не понимал!» (№ 53, Ж., 30).

Однако использовать русский язык в поселке (и шире — в городской среде) респондентов в выборке вынуждала скорее общая языковая ситуация с марийским, а не только определенная ситуация общения с тем или иным собеседником. О том, как некоторые респонденты, будучи подростками, выезжали с родителями в город (Йошкар-Олу) или в поселок и, стесняясь своего родного марийского, намеренно переходили в общественном транспорте в разговоре с родителями на русский, чтобы не привлекать к себе внимание (марийский язык прочно ассоциировался с деревенским образом жизни, «колхозом», некоторой отсталостью; к счастью, эти стереотипы, кажется, начинают постепенно стираться), мы говорили в [Куцаева 2020в: 134—135].

Изучая взаимосвязь между этноязыковыми и этнокультурными процессами в аспекте освоения культуры и потребления духовных и материальных ценностей, М. Губогло приходит к выводу, что в целом двуязычие находится в числе факторов, увеличивающих частоту потребления культурных ценностей по радио, телевидению и через кинематограф [Губогло 1980: 113]. Действительно, значительное число респондентов в выборке указали варианты «телевидение», «радио», «кино», «чтение книг и газет», в качестве факторов, способствовавших их приобщению к русскому языку. Опрошенные в старшем поколении называли радио, кинематограф и за редким исключением — телевидение. «Книги, радио, кино. Телевидение уже попозже появилось. В силу материальных условий у нас никогда в детстве не было телевизора. В мой детский период. Вот только громкоговоритель и фильмы» (№ 101, М., 67). «И помню потом, в дошкольном детстве, купили телевизор. Даже телевизора ведь раньше не было! Купили телевизор. Я была, наверное, очень маленькая, года три, может, два с половиной. А там же трансляция на русском. Я все отца спрашивала: “Пап, ну что же говорят там? Что же говорят?”» (№ 8, М., 57).

Респонденты младших и средних когорт, главным образом мужчины, с большим воодушевлением вспоминали, какие именно программы они с нетерпением ждали у экрана телевизора. «Ну, и вот по телеку я и научился по-русски разговаривать! По телевизору у нас первый и второй... плохо ловит. ОРТ и еще какой-то. “Ералаш” всякий» (№ 73, М., 38). «В основном русский язык я слышал по телевизору. Мультфильмы всякие» (№ 75, М., 31). «И телевизор. Все детские передачи. “Зов джунглей”, еще вот

²⁶ «Большую роль в выработке дикции и правильной интонации у представителей нерусской национальности играет слуховое чтение. Поэтому такой вид чтения следует считать одним из важных приемов при постановке литературного произношения и необходимо широко применять его. Лучше всего проводить его в классе перед другими учащимися под наблюдением учителя. Чтение вслух дает немалую пользу и тогда, когда оно проводится в домашних условиях» [Грузов 1972: 27].

эти... прайм-тайм, которые шли после трех-четырёх часов. Медленно-медленно все вот так — через телевизор» (№ 81, М., 29). «Это вообще мне кажется, телевидение и русский язык — на одном уровне. Потому что телевидение — все это вещалось у нас на русском языке. Я не сказал бы, что много смотрел. Но, допустим, в выходные я точно знал, что сказка будет. И я в определенное время садился и смотрел сказку, потому что мне в свое время очень нравились сказки. И опять-таки фильмы какие-то. В те времена, естественно, было что-то и на марийском. Если в те времена, допустим, “Россию. Марий Эл” брать, то и на марийском языке²⁷ по субботам вечером смотришь — выступают, поют» (№ 70, М., 28).

Кроме того, респондентами подчеркивалась необходимость чтения произведений художественной литературы на русском языке. «А в семье у нас было принято читать на русском, потому что и папа у меня большой любитель почитать книги» (№ 54, Ж., 27). «Русский язык узнали в школе. И только чтение, думаю, помогало в усвоении языка» (№ 99, М., 35). «Я учился в национальной школе, но я русский язык уже с детства знал, я же книги читал. Ну, вот это сейчас, в наше время считается, что раз ты в деревне, значит, ты должен быть неграмотным, а раньше такого не было! Раньше национальные школы были, и государство обеспечивало!» (№ 6, М., 49). «Все зависит от человека. Если человек заинтересован, если человек много читает, заинтересован получать какой-то объем знаний, никакого барьера я здесь не вижу. Я с детства много читал. Заведующая школьной библиотекой, она мой приход воспринимала так: “Ну, что тебе еще дать? Больше нет книг, которые я могла бы дать!” Я все перечитал там! Без преувеличения. Там, в школьной, — в основном программная литература. Но с раннего возраста я был посетителем и читателем сельской библиотеки. Я читал еще в оригинале. Был библиотекарь, который бережно относился к своей работе. Там были даже сочинения Сталина. Я, возможно, мало что понимал тогда, но я знал, что вот это написано Сталиным. Вот что я еще читал!» (№ 101, М., 67). «Трудностей я не испытывала в средней школе с русским. Я очень много читала. И вот в школе мой любимый предмет был русский. Очень я любила» (№ 8, Ж., 57).

Среди прочих, дополнительных возможностей «научиться русскому» были также названы миграции с родителями в раннем возрасте в другой регион, где языком «широкого круга» общения — с представителями других национальностей — выступал русский язык, который постепенно проникал и в сферу внутрисемейного общения. Респондентам, через некоторое время вернувшимся на малую родину, приходилось заново вспоминать марийский. Ряд опрошенных среди факторов погружения в русский язык назвал и свое пребывание в пионерском лагере. «И я вот чувствовала, что я не очень-то русский... надо быть среди русских, чтобы хорошо по-русски. Я в шестом классе отдыхала в Артеке: я отличница была. Сорок дней я была в Артеке. И научилась по-русски. До этого русский у меня был не очень» (№ 5, Ж., 56). «А еще, знаете, какой момент помню. У меня была подруга. Она была в пионерском лагере. И, видать, у нее были какие-то трудности. Она мне говорит: “Лид, давай на русском с тобой разговаривать”. Ну наверное, это в классе четвертом или пятом я была. Я ей говорю: “Давай!” И мы с ней говорим по-русски. На русском. Мы, наверное, как-то потом, конечно, на своем стали. Она мне сама ничего тогда не объясняла, я ее просто поддержала. Я говорю: “Давай!”» (№ 8, Ж., 57).

Остановимся, наконец, на таком важном и, пожалуй, самом распространенном канале освоения русского языка, как контакт с городскими детьми. Ими являлись не только русские дети, которые приезжали из города погостить к своим бабушкам на лето, но преимущественно дети этнических марийцев, которые родились в городской среде, посещали образовательные учреждения с русским языком обучения и во внутрисемейном общении которых преобладал русский язык (марийский мог звучать в разговоре родителей между собой). «Городские дети были, они есть и будут. Потому что пока будут существовать родственные связи, дяди и тети, бабушки и дедушки, городские дети всегда будут приезжать в деревню» (№ 101, М., 67).

При анализе языковых биографий по поколениям нами была выявлена следующая корреляция. Представители старшего поколения в выборке указывали на то, что контакты деревенских и городских детей (как этнических марийцев, так и русских) имели характер некоего взаимобмена в лингвистическом плане, тогда как представители младших когорт в большинстве своем отмечали, что они — через контакты с русскоязычными городскими детьми — обучались русскому, то есть эти контакты имели в дальнейшем одностороннюю направленность, хотя, бесспорно городские дети проявляли интерес к марийскому языку.

²⁷ В 1990-х гг. параллельно с увеличением объема вещания на русском количество часов, отведенных на марийский, и без того скромное, неуклонно уменьшалось; сокращались выпуск районных газет и объем печатной художественной литературы на марийском языке. Из отведенных в неделю 20 часов эфирного времени республиканского радиовещания и 12 часов телепередач ГТРК Марий Эл только третья часть передач велась на марийском языке [Народы Поволжья 2000: 204].

«А по-русски я рано научилась разговаривать, потому что у меня подружка была маленькая, русская. Потому что ее родители и она сама жили почти возле города, но они были все деревенские, от нас недалеко жили, наискосок от нас. Они приезжали на выходные и в отпуск. Мы с ней общались. И как-то я научилась разговаривать рано по-русски. Мы разговаривали, то есть все время на марийском, а с подружкой все время разговаривали по-русски. Именно с этой, она же не знала марийский язык! Но потом она тоже потихонечку-потихонечку научилась марийскому языку. Но так сильно хорошо она не владела, но она понимала все, сперва разговаривала кое-как, а потом научилась! Но до сих пор вот она понимает все по-марийски отлично, разговаривает как-то вот... затрудняется. Не разговаривает, но понимает!» (№ 7, Ж., 56). «Кстати говоря, у нас приезжали из Йошкар-Олы, они за лето... не мы переходили на русский язык, а они начинали общаться на марийском языке! Тут сыграл роль фактор численности. Представьте, три-четыре, пяток ребятишек на улице. А у нас село огромное. Пяток ребятишек, которые приезжают, им — переподчинить численно общение 20-30 ребятишек местных — это сложно, и они вынуждены считаться. Вот так. Но вместе с тем нам тоже было очень интересно разговаривать с ними на русском языке, но они ведь... это были дети местных выходцев, марийский язык для них чужим не был. Родители их общались на марийском языке, они все равно... некая такая атмосфера роста. Они росли в атмосфере, когда родители разговаривают и на марийском, и на русском. А по большей части на марийском. В то время ситуацию в Йошкар-Оле, в мои молодые годы, я помню. На марийском языке очень общались. Потому что жители города состояли в большинстве своем — это были выходцы из деревень. Со знанием и марийского языка, и марийцев» (№ 101, М., 67). «Они приезжали если потом в деревню, то тоже учились, как говорить по-марийски. Городские дети тоже приезжали, тоже говорили, может, родители с ними в городе разговаривали. Тогда было так» (№ 103, Ж., 65).

«А еще в деревне — как: на лето в деревню привозят из городов внуков, русских ребят привозят. Мы общаемся с русскими — на русском. Да, русскоязычные. Ну как бы мы дети, общаться надо, играть надо, мы русскому языку обучались тоже» (№ 96, Ж., 28). «Тогда же мы еще маленькие были, часто ездили родственники с Йошкар-Олы, на ломаном русском пытались разговаривать друг с другом. Они-то хорошо разговаривали, мы-то не очень! Мы потом, конечно, баловались. Что-то, например, они скажут, у них же... с акцентом звучит. Так интересно звучит! Мы смеялись, конечно, они пытались, да, на марийском. Знаете, им было интересно, да. Все вместе играли, когда маленькие были. Они интересовались, как это будет слово на вашем языке, как это — вот так. Интересно было их обучать! У них так, получается, мы обучались русскому» (№ 77, Ж., 27). «Если городские приезжали на лето, ну, понятно, с ними на русском. Потому что марийский они не понимали» (№ 90, М., 29).

И в такой ситуации, когда городские дети выступали главным образом очагом распространения русского языка и русской культуры (ввиду развития и неизбежного, все расширяющегося влияния других факторов, способствовавших приобщению к русскому языку: русский в качестве языка обучения в школе, телевидение, радио, широкий кинопрокат и т. д.), марийцы, уроженцы сельской среды, с детства осознавали важность знания русского. «Мне было лично трудно. Говорить на русском, мне казалось — вообще! Ну, как бы мне научиться говорить на русском? Это была бы моя честь такая... Как бы мне вот так научиться русскому языку! Мне было трудно, потому что все разговаривали только на марийском в деревне, даже подучиться русскому разговорному не у кого было! Это было трудно» (№ 9, Ж., 31).

В свою очередь, для уроженцев городской среды (Йошкар-Ола и поселки городского типа) возможными источниками марийского выступало, во-первых, в рудиментарном варианте внутрисемейное общение на марийском (родители между собой). «Мой марийский язык — так как я слушал, не знаю, от родителей, они разговаривали, к нам тоже обращались как бы тоже. Так как слышал постоянно, вот. Они разговаривали просто, чтобы мы тоже учились» (№ 46, М., 30).

Во-вторых, общение со старшими родственниками, проживавшими в деревне, главным образом с бабушкой. «Но с нами по-марийски с самого детства разговаривала только бабушка. С бабушкой — да, на марийском. У нее прямо было принципиально. Не понимаешь — твои проблемы! Мне по барабану, я буду говорить, как мне удобно. Она всю свою жизнь прожила в марийской деревне. Она понимала все равно по-русски, она понимала все, что ты можешь по-русски сказать, но выдавала ответ обязательно на марийском. Мы могли с сестрой, конечно, то, что мы знали, мы ей отвечали на марийском: вот давай, покажем, что мы тоже можем!» (№ 42, М., 31).

В-третьих, источником марийского в более широком контексте являлась естественная языковая среда марийской деревни, которая «в общем-то всегда являлась хранителем самобытности языка и с этой точки зрения представляет один из важнейших резервов дальнейшего совершенствования его литературной формы» [Иванов 1989: 26].

В этой связи необходимо сделать следующее замечание: уроженцы поселков, безусловно, лучше осваивали марийский, чем респонденты, родившиеся и выросшие в Йошкар-Оле, хотя бы в силу того, что

языковая среда марийской деревни была ближе, фактически — на расстоянии вытянутой руки. «Когда приезжаешь в деревню к бабушке, это рядышком, буквально два километра от нас, — это среда. Все-таки. Языковая среда. Там все говорили на марийском. Они всегда говорили на марийском, они и обучались на марийском, то есть у них прямо вот марийский — родной-родной. У меня все-таки было русское влияние, я тяжело переключалась. Надо было включиться просто» (№ 1, Ж., 27).

Этнические мари, преимущественно — жители поселков городского типа, а также городов, использующие русский в качестве первого функционального языка, имеющие, однако, некоторый запас марийского, в марийской деревне среди луговых марийцев метко назывались «*марий ватын руш удыржб*» (русская дочка марийской женщины) и «*марий ватын руш эргыже*» (русский сын марийской женщины)²⁸. «Мой муж, мы с ним на русском общаемся. Вот как познакомились, так и на русском! Он вообще из поселка, и как бы я вообще думала, что он татарин. Я очень обрадовалась, когда он сказал, что он мариец, оказывается! Можно чуть-чуть сказать, что он русский сын марийской женщины. Потому что он с нами говорит по-русски, не может как будто полностью перейти на марийский язык почему-то. Но он все понимает!» (№ 9, Ж., 31).

Марийская деревня не всегда оправдывала надежды, которые на нее возлагали родители, полагающие, что детей достаточно погрузить в естественную языковую среду, чтобы они могли свободно заговорить на этническом языке. В сухом остатке уроженцы городов в своем лингвистическом багаже имели ограниченный набор бытовых фраз на марийском, в основном в форме императивных конструкций (зачастую именно с просьбой или приказом обращались к ним старшие родственники), знали счет в пределах десяти и нередко — ряд ругательных слов и выражений, по признанию самих респондентов.

Приведем развернутый рассказ одного из наших респондентов, уроженца Йошкар-Олы, которому доводилось проводить лето в горномарийской деревне у родственников. «Марийский я знаю на уровне понимания эмоционального. То есть не отдельные слова, а когда говорятся предложения, и я вижу мимику лица, в принципе, я хорошо понимаю, о чем речь. В обстановке. Какие-то стандартные слова. Поди, принеси, там... за водой сходи, в огород. То есть сто слов стандартные, обиходные есть в голове. А росли-то летом в деревне все равно! На самом деле, для общения этого набора хватает. Нация горномарийская небольшая, все друг друга знают. И вот приедешь, и спрашивают, как у индейцев 400 лет назад: “Ты чей сын?” Называешься — и всё! И всю родословную уже знают и переключаются на русский с тобой говорить. Там репутация человека из поколения в поколение. Достаточно сказать, чей ты сын, и отношение к тебе уже сложено! Так и в общем-то, приезжаешь, присматриваются к тебе и пару вопросов зададут — и с тобой переключаются на русский. То есть я никогда не испытывал ни затруднения, ни дискомфорта, когда я спокойно начинал говорить на русском. Вообще никогда не обращал внимания! Бабушки рано не стало, но я помню, что они между собой по-марийски, а вот с нами по-русски, потому что мы приезжали, мы — ни слова! Они могли по-марийски начинать говорить, понимали, что мы не понимаем. Правда, иногда мы понимали! Иногда мы делали вид, что не понимаем. Ну... неохота же что-то делать, выполнять. Делаешь вид, что не понимаешь. То есть практика как таковая была, но не было необходимости. То есть изучить глобально. Если бы было более жестко, была поставлена цель. Вообще — ни слова по-русски, допустим. Может быть, да, изучил бы» (№ 59, М., 41).

Таким образом, на основании вышеизложенного мы можем сделать вывод о том, что первостепенными источниками приобщения к русскому языку для респондентов, уроженцев небольших населенных пунктов, выступало, во-первых, внутрисемейное общение (в том случае, если один из родителей не являлся этническим мари; наличие старших братьев и сестер — школьников или студентов; нередко к использованию русского языка побуждали и родители, педагоги по профессии, а также приезжавшие погостить русскоговорящие родственники).

Во-вторых, немаловажную роль в освоении респондентами русского языка играли миграции как самих респондентов с родителями в другие регионы, так и представителей других национальностей в республику, что со всей неизбежностью приводило к использованию русского языка в дружеском, бытовом, производственном общении. Расположение населенного пункта вблизи русской деревни, поселка городского типа или города также способствовало приобщению к русскому.

В-третьих, мощным каналом освоения русского являлась система воспитания и обучения в дошкольных и школьных образовательных учреждениях ввиду многонационального состава дошкольных и школьных коллективов, а также использования русского в качестве языка обучения и воспитания.

Кроме того, важное значение имело так называемое потребление культуры на русском языке (чтение произведений художественной литературы, кинематограф, влияние радио и телевидения).

²⁸ Эти обозначения служат косвенным указанием на то, что этнический язык является для марийцев важным маркером идентичности, с его утратой изменяется и сама идентичность, как в глазах самого индивида, так и в восприятии его группой, о чем мы говорили в [Куцаева 2020в].

Наконец, активному овладению марийцами русским языком способствовали языковые контакты с городскими детьми.

В свою очередь основными каналами и источниками марийского языка для уроженцев городской (фактически — русскоязычной) среды Республики Марий Эл выступала марийская деревня в целом и, как правило, старшие родственники. Общение городских детей с их ровесниками, уроженцами деревенской среды, по признанию опрошенных, в прошлом носило преимущественно двусторонний характер (городские дети научались марийскому, деревенские дети — русскому), тогда как представители младших когорт признали скорее односторонний характер этих языковых контактов (русский язык общения между деревенскими и городскими детьми).

11. Заключение

Основную цель данной статьи составляет описание языковых биографий респондентов (58 человек из 100 в выборке), являющихся уроженцами районов распространения лугового марийского языка в Республике Марий Эл.

Реконструкция языковых биографий представляется необходимой постольку, поскольку актуальное использование марийского языка в условиях диаспорного проживания определяется в том числе и предшествующим языковым опытом респондентов на малой родине.

Исследование языковых биографий по следующим параметрам: языки внутрисемейного общения, дошкольного воспитания, языки обучения и предметы изучения в начальной и средней школе, на дальнейших этапах обучения, а также языки общения с соседями на малой родине — позволило определить основные пути усвоения респондентами марийского и русского языков.

Сопоставительный анализ биографий по когортам выявил наиболее общие этапы, характерные для той или иной возрастной группы в выборке.

В отношении места проживания респондентов на малой родине было замечено следующее: величина населенного пункта, с одной стороны, и его этнический состав, с другой, во многом предопределяли речевые практики его жителей. Русский преобладал в городской среде, марийский — в сельской местности, преимущественно в марийских деревнях. В поселках городского типа русский язык использовался во «внешнем» общении («в обществе», в терминологии опрошенных), во внутрисемейном отводилось некоторое место в том числе и марийскому языку (преимущественно родителей между собой).

Сопоставление набора языков респондентов по сравнению с набором языков их родителей позволяет заключить, что владение марийским у респондентов постепенно идет на убыль (за счет владения исключительно русским языком). Кроме того, респонденты, указавшие на свое марийско-русское двуязычие, отмечали разную степень владения этническим языком. Появление во внутрисемейном общении марийско-русского двуязычия на раннем этапе языковых биографий респондентов было обусловлено: этнической принадлежностью одного из родителей (не мари), этническим составом населенного пункта, миграцией с родителями в другой регион и последующим возвращением на малую родину.

Возможной причиной изменения речевых практик во внутрисемейном общении могло служить и начало посещения ребенком дошкольного учреждения.

Анализ данных об обучении в начальной школе позволил нам прийти к выводу о том, что в языковых биографиях опрошенных отразились изменения в этапах языковой политики, осуществлявшейся в образовательной сфере в советский и постсоветский период. 17% опрошенных, в основном — представители когорты 41—50 в выборке, уроженцы столицы Республики, ПГТ и районов со смешанным населением, учились «на русском языке». Учащимися национальных школ с марийским языком обучения являлись 23% опрошенных (уроженцы сельской местности, небольших моноэтнических населенных пунктов, в большей мере — представители старших когорт). Более половины респондентов (60%), главным образом молодые респонденты, заявили о том, что в начальной школе они изучали оба языка (как по программе «Родной язык», так и в качестве государственного), независимо от величины населенного пункта. Между тем, марийский язык в сельских школах активно употреблялся и вне уроков марийского языка при изложении учителем-мари нового материала. В основном эта практика использовалась в моноэтнических классах, но также иногда и в начальной школе в русскоязычных классах — в индивидуальном порядке по отношению к учащимся-мари, которые сталкивались с определенными трудностями при усвоении материала на русском языке.

При переходе в среднюю школу набор языков, на которых велось обучение в школе, претерпевал существенные изменения. Обучение, в соответствии с образовательными программами, переводилось на русский язык. При этом уменьшается (в младших когортах) доля обучения исключительно на русском языке за счет внедрения преподавания марийского языка как государственного. Лица, обучавшиеся

в начальной школе на марийском, продолжают изучать марийский как предмет «Родной язык» и на среднем этапе обучения. Соответственно, в целом увеличивается доля респондентов, указавших на изучение и марийского, и русского языков в средней школе. Изменения в наборе языков как предмета изучения в средних и старших классах школы являлись результатом изменений в образовательных учебных планах, отражавших тот или иной этап языковой политики в области образования. При этом практика деления в параллели учащихся на классы с родным (марийским) и русским языком обучения в начальной школе или формирование в средней классов «марийских» и «русских», в которые распределяли в том числе и марийских учащихся (по разным мотивам, но в любом случае это был выбор родителей или самих детей), в некотором роде стигматизировала учащихся «марийского» класса, а также формировала негативное отношение марийцев, учащихся русских классов, к этническому языку.

По поводу изучения респондентами марийского и русского языков в школе необходимо сказать следующее: представителям старшего и частично среднего поколений в выборке, уроженцам сельской среды, посещавшим национальные школы, труднее давалось изучение русского языка, для многих из них школа выступала основным проводником русского языка. У респондентов младших когорт, особенно в городской среде, затруднения возникали при изучении уже марийского (государственного), тогда как опрошенные, также учащиеся «русских» классов, проживавшие, однако, в средних и небольших по величине населенных пунктах и в семье — с разной степенью интенсивности — использовавшие марийский, не испытывали сложностей с изучением марийского государственного.

Тем не менее, результаты освоения опрошенными учебного предмета «марийский государственный» вряд ли можно назвать хоть сколько-то положительными: по свидетельству лиц, владевших на бытовом уровне марийским, уроки марийского государственного не способствовали расширению их лингвистического кругозора или развитию языковых компетенций. Впрочем, об этом говорили и те, кто вовсе не владел марийским до поступления в школу: основным препятствием на пути к освоению марийского (помимо мизерного количества часов, выделявшегося на его изучение в программе) являлось парадоксальное отсутствие языковой практики за пределами классной комнаты ввиду негативного отношения к марийскому, распространенного в городской среде.

Что касается дальнейших этапов обучения, в 89% случаев в выборке в этой группе респонденты обучались в вузе или профессиональном училище на русском языке. 11% среди тех, кто продолжил обучение, учились в вузах в г. Йошкар-Оле на русском и марийском языках (студенты русско-марийских отделений филологических факультетов, а также учащиеся марийских групп в колледже культуры и искусств). Вне учебной аудитории некоторые марийцы, выходцы из деревень, как правило, также использовали марийский в общении с другими марийцами; другие, напротив, испытывали стеснение при употреблении марийского в городе и полностью переходили на русский язык. В коммуникативной ситуации со смешанным в этническом плане контингентом участников марийцы использовали переключение кодов и переходили на русский язык согласно речевому этикету, который они усвоили от своих родителей и других старших родственников.

В обобщенном виде приведем список источников приобщения к русскому языку для респондентов, уроженцев небольших населенных пунктов: внутрисемейное общение (в том случае, если один из родителей не являлся этническим мари; наличие старших братьев и сестер — школьников или студентов; городские родственники); миграции, как самих респондентов с родителями в другие регионы, так и представителей других национальностей в республику; расположение населенного пункта вблизи русской деревни, поселка городского типа или города; система воспитания и обучения в дошкольных и школьных образовательных учреждениях (русский в качестве языка воспитания и обучения, многонациональный состав дошкольных и школьных коллективов); потребление культуры на русском языке (чтение произведений художественной литературы, кинематограф, влияние радио и телевидения); активные языковые контакты с городскими детьми. Основными каналами приобщения к марийскому для марийцев, жителей городской, фактически русскоязычной среды, являлись языковая среда в марийской деревне и общение со старшими родственниками. Общение с ровесниками, уроженцами деревенской среды, по словам респондентов старших когорт в выборке, ранее носило двусторонний характер (городские дети научались марийскому, деревенские дети — русскому), тогда как представители младших когорт признали скорее односторонний характер этих языковых контактов (русский язык общения между деревенскими и городскими детьми).

Как видим, языковые биографии респондентов, уроженцев районов распространения лугового марийского языка, являются не только отражением, но и закономерным следствием общих тенденций языковой политики, осуществлявшейся в советский и постсоветский период на территории Марийской АССР, а затем Республики Марий Эл.

Безусловно, языковая ситуация с марийским языком в каждом конкретном случае, помимо воздействия частных экстралингвистических факторов, зависит и от места проживания респондента на малой ро-

дине, от юридического статуса, который закреплялся за марийским языком в том или ином административно-территориальном образовании, на территории которого компактно проживали марийцы. В связи с этим нами была предпринята попытка провести анализ языковых биографий респондентов в выборке исходя из места их проживания на малой родине. В настоящей работе мы обратились к анализу языковых биографий уроженцев распространения лугового марийского ввиду их многочисленности в выборке (58 из ста опрошенных); в дальнейшем планируется рассмотрение языковых биографий уроженцев Горномарийского района Республики Марий Эл, а также выходцев из мест компактного расселения мари на территории Российской Федерации (Республики Башкортостан и Татарстан, Кировская и Свердловская области).

Литература

- Алексеева 2019 — *И. В. Алексеева*. Роль языка, народных традиций в воспитании дошкольников // Национальная культура в социальном пространстве и времени: материалы V Межрегиональной научно-практической конференции «Йыван Кырла лудмаш» (Йошкар-Ола, 31 марта 2017 г.): Министерство культуры, печати и по делам национальностей Республики Марий Эл, МарНИИЯЛИ, Мар. гос. Ун-т. — Йошкар-Ола, 2019. С. 250—252.
- Алпатов 2000 — *В. М. Алпатов*. 150 языков и политика. 1917—2000. Социолингвистические проблемы СССР и постсоветского пространства. М., 2000.
- Бахтин 2012 — *А. Г. Бахтин*. Марийский край в XIII—XVI веках: очерки по истории. Йошкар-Ола, 2012.
- Беликов, Крысин 2016 — *В. И. Беликов, Л. П. Крысин*. Социолингвистика: учебник для бакалавриата и магистратуры. 2-е изд., перераб. и доп. — М., 2016.
- Васенина 2019 — *О. Н. Васенина*. Вариативность методики в преподавании марийского языка в школах Республики Марий Эл // Национальная культура в социальном пространстве и времени: материалы V Межрегиональной научно-практической конференции «Йыван Кырла лудмаш» (Йошкар-Ола, 31 марта 2017 г.): Министерство культуры, печати и по делам национальностей Республики Марий Эл, МарНИИЯЛИ, Мар. гос. Ун-т. Йошкар-Ола, 2019. С. 240—245.
- ВНП 2010 — Всероссийская перепись населения 2010 года // https://rosstat.gov.ru/free_doc/new_site/perepis2010/croc/Documents/Vol4/pub-04-07.pdf, 2010.
- Григорьев 1953 — *Я. Г. Григорьев*. Марийский язык. Пособие для начинающих изучать марийский язык. Йошкар-Ола, 1953.
- Грузов 1989 — *Л. П. Грузов*. Марийско-русское двуязычие и вопросы совершенствования преподавания русского языка в школе // Актуальные проблемы литературного языка. Йошкар-Ола, 1989. С. 78—86.
- Грузов 1972 — *Л. П. Грузов*. Обучение мари русскому произношению. Йошкар-Ола, 1972.
- Губогло 1980 — *М. Н. Губогло*. Двуязычие и процессы культурной интеграции // Взаимоотношение развития национальных языков и культур. М., 1980. С. 101—119.
- Закон — Закон Республики Марий Эл о языках — Закон Республики Марий Эл «О языках в Республике Марий Эл» // Пробуждение финно-угорского Севера. Опыт Марий Эл. Т. 2. Автор-составитель С. М. Червонная, под редакцией М.Н. Губогло. М., 1996. С. 184—195.
- Зорина 1998 — *З. Г. Зорина*. Фонетические особенности функционирования русского языка в условиях двуязычия. Йошкар-Ола, МарНИИЯЛИ, 1998.
- Иванов 1989 — *И. Г. Иванов*. Актуальные проблемы современного марийского литературного языка // Актуальные проблемы литературного языка. Йошкар-Ола, 1989. С. 24—35.
- Иванов, Сануков 2015 — *А. Г. Иванов, К. Н. Сануков*. История Марий Эл: учебное пособие. Йошкар-Ола, 2015.
- Ильминский 1886 — *Н. И. Ильминский*. Система народного и в частности инородческого образования в Казанском крае. Санкт-Петербург, 1886.
- Исаев 1982 — *М. И. Исаев*. Социолингвистические проблемы языков народов СССР (вопросы языковой политики и языкового строительства). М., 1982.
- Исаев, Ханазаров 1980 — *М. И. Исаев, К. Х. Ханазаров*. Сближение национальных культур и возрастание роли межнационального языка в развитом социалистическом обществе // Взаимоотношение развития национальных языков и культур. М., 1980. С. 65—90.
- Исхаков 2018 — *Р. Р. Исхаков*. Обращение в православие и христианизация марийцев-язычников в 1830—1913 гг. // Финно-угроведение, 2018 (№ 59). С. 5—18.
- Коведяева 1976 — *Е. И. Коведяева*. Марийский язык // Основы финно-угорского языкознания. Марийский, пермские и угорские языки. М., 1976. С. 3—96.
- Коведяева 1966 — *Е. И. Коведяева*. Лугово-восточный марийский язык // Языки народов СССР. Т. III Финно-угорские и самодийские языки. М., 1966. С. 221—240.

- Коведяева 1959 — *Е. И. Коведяева*. Обучение русскому произношению учащихся марийских школ. М., 1959.
- Коведяева, Николаева 2001 — *Е. И. Коведяева, И. А. Николаева*. Марийский луговосточный язык // Языки Российской Федерации и соседних государств. Энциклопедия в 3-х томах. Т. II — М., 2001. С. 274—283.
- Козлова 1978 — *К. И. Козлова*. Очерки этнической истории марийского народа. М., 1978.
- Кондрашкина 2016 — *Е. А. Кондрашкина*. Языковая ситуация в Республике Марий Эл // Язык и общество. Энциклопедия. М., 2016. С. 746—752.
- Кондрашкина 2008 — *Е. А. Кондрашкина*. Динамика функционального развития марийского языка. М., 2008.
- Кондрашкина 2000 — *Е. А. Кондрашкина*. Динамика функционального развития марийского языка // Языки Российской Федерации и нового зарубежья: статус и функции, М., 2000. С. 155—167.
- Константинова 2011 — *В. В. Константинова*. О подготовке студентов факультета начальных классов к преподаванию марийского языка в условиях городских школ // Развитие гуманитарных исследований в Республике Марий Эл. Йошкар-Ола, 2011. С. 23—26.
- Куцаева 2018 — *М. В. Куцаева*. Функционирование чувашского языка в диаспоре московского региона: диссертация ... кандидата филологических наук: 10.02.02, 10.02.19 / Куцаева Марина Васильевна; [Место защиты: Ин-т языкознания РАН]. Москва, 2018.
- Куцаева 2020а — *М. В. Куцаева*. Об опыте социолингвистического обследования в марийской диаспоре московского региона // Малые языки в большой лингвистике. Сборник трудов конференции 2020. М., 2020. С. 104—111.
- Куцаева 2020б — *М. В. Куцаева*. Марийско-татарские языковые контакты в зеркале языковых биографий марийцев Московского региона // Урало-алтайские исследования. 2020, 4 (39). С. 7—23.
- Куцаева 2020в — *М. В. Куцаева*. Марийцы Москвы: этническая идентичность и языковая лояльность в условиях внутренней диаспоры // Родной язык. Лингвистический журнал. 2020, 2. С. 124—150.
- Куцаева 2020г — *М. В. Куцаева*. Функционирование этнического языка в чувашской диаспоре московского региона. М., СПб., 2020.
- Куцаева 2021а — *М. В. Куцаева*. Функции этнического языка в марийской диаспоре московского региона // Томский журнал лингвистических и антропологических исследований. 2021. Вып. 4 (34). С. 58—72.
- Куцаева 2021б — *М. В. Куцаева*. Раннее освоение этнического языка в марийской диаспоре московского региона // Томский журнал лингвистических и антропологических исследований. 2021. Вып. 3 (33). С. 49—58.
- Куцаева 2021в — *М. В. Куцаева*. Новые носители марийского как фактор витальности этнического языка в диаспоре // Родной язык. Лингвистический журнал. 2021, 2. С. 5—34.
- Куцаева 2021г — *М. В. Куцаева*. Московские марийцы: этническая культура в условиях внутренней диаспоры // Этническая культура. 2021. 3(№4). С. 6—21.
- Марийцы 2013 — *Марийцы*. Историко-этнографические очерки. Издание 2-е, дополненное. Йошкар-Ола, 2013.
- Народы Поволжья 2000 — *Народы Поволжья и Приуралья*. Коми-зыряне. Коми-пермяки. Марийцы. Мордва. Удмурты. М., 2000.
- Рекомендации 1989 — *Рекомендации республиканской научно-практической конференции «Актуальные проблемы развития, изучения, преподавания марийского языка и литературы в условиях марийско-русского двуязычия»* // Актуальные проблемы литературного языка. Йошкар-Ола, 1989. С. 115—119.
- Сануков 2000 — *К. Н. Сануков*. Марийцы: прошлое, настоящее, будущее // *Марийский мир*. Проблемы национального, социально-экономического и культурного развития марийского народа. Йошкар-Ола, 2000. С. 12—61.
- Сепеев 2006 — *Г. А. Сепеев*. История расселения марийцев. Йошкар-Ола, 2006.
- Сепеев 1975 — *Г. А. Сепеев*. Восточные марийцы: историко-этнографическое исследование материальной культуры (середина XIX — начало XX вв.). Йошкар-Ола, 1975.
- Солнцев, Михальченко 2000 — *В. М. Солнцев, В. Ю. Михальченко*. Введение // *Письменные языки мира: Языки Российской Федерации*. Социолингвистическая энциклопедия. Книга 1. М., 2000. С. IX — LIV.
- Справочный материал 1996 — *Справочный материал*. Пробуждение финно-угорского Севера. Опыт Марий Эл. Т. 1. Автор-составитель С. М. Червоная, под редакцией М. Н. Губогло. Москва, 1996. С. 109—116.
- ССТ 2006 — *Словарь социолингвистических терминов* / Отв. ред. В. Ю. Михальченко. М., 2006.
- Dauenhauer, Dauenhauer 1998 — *N. M. Dauenhauer, R. Dauenhauer*. Technical, emotional, and ideological issues in reversing language shift: Examples from southeast Alaska. // L. A. Grenoble & L. J. Whaley (eds.), *Endangered languages: Current Issues and Future Prospects*. Cambridge University Press. 1998, 57 — 98.
- Wright 2016 — *S. Wright*. *Language Policy and Language Planning*. Palgrave Macmillan, 2016.

References

- Alekseeva 2019 — *Alekseeva I. V. Rol' yazyka, narodnykh traditsii v vospitanii doshkol'nikov*. In: *Natsional'naya kul'tura v sotsial'nom prostranstve i vremeni: materialy V Mezhhregional'noi nauchno-prakticheskoi konferentsii «Ivan*

Kyrla ludmash» (Ioshkar-Ola, 31 marta 2017 g.): Ministerstvo kul'tury, pechati i po delam natsional'nostei Respubliki Marii Ehl, MarNIYYaLI, Mar. gos. Un-t. — Ioshkar-Ola, 2019. S. 250—252. {Aleksieva I.V. The role of language, folk traditions in the upbringing of preschoolers. In: National culture in social space and time: papers of V interregional scientific-practical conference. Yoshkar-Ola, 2017. P. 250-252.}

Alpatov 2000 — Alpatov V. M. 150 yazykov i politika. 1917—2000. Sotsiolingvisticheskie problemy SSSR i postsovet'skogo prostranstva. M., 2000. {Alpatov V.M. 150 languages and politics. 1917-2000. Sociolinguistic problems of the USSR and post-Soviet territories. Moscow, 2000.}

Bakhtin 2012 — Bakhtin A. G. Bakhtin A. G. Mariiskii krai v XIII—XVI vekakh: ocherki po istorii. Ioshkar-Ola, 2012. {Bakhtin A. G. Mari land in XIII—XVI centuries: outlines on history. Yoshkar-Ola, 2012.}

Belikov, Krysin 2016 — Belikov V. I., Krysin L. P. Sotsiolingvistika: uchebnik dlya bakalavriata i magistratury. 2-e izd., pererab. i dop. — M., 2016. {Belikov V. I., Krysin L. P. Sociolinguistics: Textbook for bachelor's and master's degree. Moscow, 2016.}

Dauenhauer, Dauenhauer 1998 — Dauenhauer N. M., Dauenhauer R. Technical, emotional, and ideological issues in reversing language shift: Examples from southeast Alaska.. In: L. A. Grenoble & L. J. Whaley (eds.), Endangered languages: Current Issues and Future Prospects. Cambridge University Press. 1998, 57 — 98.

Grigor'ev 1953 — Grigor'ev Ya. G. Mariiskii yazyk. Posobie dlya nachinayushchikh izuchat' mariiskii yazyk. Ioshkar-Ola, 1953. {Grigoryev Ya. G. Manual for Mari language beginners. Yoshkar-Ola, 1953.}

Gruzov 1972 — Gruzov L. P. Obuchenie mari russkomu proiznosheniyu. Ioshkar-Ola, 1972. {Gruzov L. P. Teaching Russian pronunciation to Maris. Yoshkar-Ola. 1972.}

Gruzov 1989 — Gruzov L. P. Mariisko-russkoe dvuyazychie i voprosy sovershenstvovaniya prepodavaniya russkogo yazyka v shkole. In: Aktual'nye problemy literaturnogo yazyka. Ioshkar-Ola, 1989. S. 78—86. {Gruzov L.P. Mari-Russian bilingualism and questions of improving Russian language teaching at school.. In: Actual problems of literary language. Yoshkar-Ola, 1989. P. 78-86.}

Guboglo 1980 — Guboglo M. N. Dvuyazychie i protsessy kul'turnoi integratsii. In: Vzaimootnoshenie razvitiya natsional'nykh yazykov i kul'tur. M., 1980. C. 101—119. {Guboglo M. N. Bilingualism and processes of cultural integration. In: Interrelation in national languages and cultures development. Moscow, 1980. P. 101—119.}

Il'minskii 1886 — Il'minskii N. I. Sistema narodnogo i v chastnosti inorodcheskogo obrazovaniya v Kazanskom krae. Sankt-Peterburg, 1886. {Il'minsky N. I. System of public and in particular ethnic education in Kazan region. St Petersburg, 1886.}

Isaev 1982 — Isaev M. I. Sotsiolingvisticheskie problemy yazykov narodov SSSR (voprosy yazykovoi politiki i yazykovogo stroitel'stva). M., 1982. {Isaev M. I. Sociolinguistic problems of languages of the peoples of the USSR (questions of language policy and language planning). Moscow, 1982.}

Isaev, Khanazarov 1980 — Isaev M. I., Khanazarov K.Kh. Sblizhenie natsional'nykh kul'tur i vozrastanie roli mezhnatsional'nogo yazyka v razvitom sotsialisticheskom obshchestve. In: Vzaimootnoshenie razvitiya natsional'nykh yazykov i kul'tur. M., 1980. C. 65—90. {Isaev M.I., Khanazarov K. H. National cultures convergence and the growing role of interethnic language in the developed Socialist society. In: Interrelation in national languages and cultures development. Moscow, 1980. P. 65—90.}

Iskhakov 2018 — Iskhakov R. R. Obrashchenie v pravoslavie i khristianizatsiya mariitsev-yazychnikov v 1830—1913 gg. In: Finno-ugrovedenie, 2018 (№ 59). S. 5—18. {Iskhakov R. R. Conversion to Orthodoxy and Christianization of the Mari pagans in 1830—1913. In: Finno-ugrovedenie, 2018 (№ 59). P. 5—18.}

Ivanov 1989 — Ivanov I. G. Aktual'nye problemy sovremen'nogo mariiskogo literaturnogo yazyka. In: Aktual'nye problemy literaturnogo yazyka. Ioshkar-Ola, 1989. S. 24—35. {Ivanov I. G. Actual problems of contemporary Mari literary language. In: Actual problems of literary language. Yoshkar-Ola, 1989. P. 24-35.}

Ivanov, Sanukov 2015 — Ivanov A. G., Sanukov K. N. Istoriya Marii Ehl: uchebnoe posobie. Ioshkar-Ola, 2015. {Ivanov A. G., Sanukov K. N. The history of Mari El: a manual. Yoshkar-Ola, 2015.}

Kondrashkina 2000 — Kondrashkina E. A. Dinamika funktsional'nogo razvitiya mariiskogo yazyka. In: Yazyki Rossiiskoi Federatsii i novogo zarubezh'ya: status i funktsii, M., 2000. S. 155—167. {Kondrashkina E. A. Dynamics of the functional development of Mari language. In: Languages of the Russian Federation and newly formed neighbouring countries: status and functions. Moscow, 2000. P. 155—167.}

Kondrashkina 2008 — Kondrashkina E. A. Dinamika funktsional'nogo razvitiya mariiskogo yazyka. M., 2008. {Kondrashkina E. A. Dynamics of the functional development of Mari language. Moscow, 2008.}

Kondrashkina 2016 — Kondrashkina E. A. Yazykovaya situatsiya v Respublike Marii Ehl. In: Yazyk i obshchestvo. Ehntsiklopediya. M., 2016. S. 746—752. {Kondrashkina E. A. Language situation in the Republic of Mari El. In: Language and society. Encyclopedia. Moscow, 2016. P. 746—752.}

Konstantinova 2011 — Konstantinova V. V. O podgotovke studentov fakul'teta nachal'nykh klassov k prepodavaniyu mariiskogo yazyka v usloviyakh gorodskikh shkol. In: Razvitie gumanitarnykh issledovaniy v Respublike Marii Ehl. Ioshkar-Ola, 2011. S. 23—26. {Konstantinova V. V. About the preparation of students of the Faculty of primary classes for

teaching the Mari language in urban schools. In: Development of Humanities research in the Republic of Mari El. Yoshkar-Ola, 2011. P. 23—26.}

Kovedyaeva 1959 — Kovedyaeva E. I. Obuchenie russkomu proiznosheniyu uchashchikhsya mariiskikh shkol. M., 1959. {Kovedyaeva E. I. Teaching Russian pronunciation to Mari school learners. Moscow, 1959.}

Kovedyaeva 1966 — Kovedyaeva E. I. Lugovo-vostochnyi mariiskii yazyk. In: Yazyki narodov SSSR. T.III Finno-ugorskie i samodiiskie yazyki. M., 1966. S. 221—240. {Kovedyaeva E. I. Meadow-eastern Mari language. In: Languages of the Peoples of the USSR. Vol. III. Finno-Ugric and Samoyed languages. Moscow, 1966.}

Kovedyaeva 1976 — Kovedyaeva E. I. Mariiskii yazyk. In: Osnovy finno-ugorskogo yazykoznanija. Mariiskii, perm-skii i ugorskie yazyki. M., 1976. S. 3—96. {Kovedyaeva E. I. Mari language. In: Basics of Finno-Ugric linguistics. Mari, Perm and Ugric languages. Moscow, 1976. P. 3—96.}

Kovedyaeva, Nikolaeva 2001 — Kovedyaeva E. I., Nikolaeva I. A. Mariiskii lugovovostochnyi yazyk. In: Yazyki Rossiiskoi Federatsii i sosednikh gosudarstv. Ehntsiklopediya v 3-kh tomakh. T. II. M., 2001. S. 274—283. {Kovedyaeva E. I., Nikolayeva I. A. Mari meadow-eastern language. In: Languages of the Russian Federation and neighbouring states. Encyclopedia in 3 volumes. Vol. II. Moscow, 2001. P. 274—283.}

Kozlova 1978 — Kozlova K. I. Ocherki ehntnicheskoi istorii mariiskogo naroda. M., 1978. {Kozlova K. I. Outlines of Mari people's ethnic history. Moscow, 1978.}

Kutsaeva 2018 — Kutsaeva M. V. Funktsionirovanie chuvashskogo yazyka v diaspore moskovskogo regiona: dissertatsiya ... kandidata filologicheskikh nauk: 10.02.02, 10.02.19 / Kutsaeva Marina Vasil'evna; [Mesto zashchity: In-t yazykoznanija RAN]. - Moskva, 2018. - 301 s. {Kutsaeva M. V. Functioning of the Chuvash language in the Moscow region diaspora. Dissertation. Institute of Linguistics, RAS. Moscow, 2018.}

Kutsaeva 2020a — Kutsaeva M. V. Ob opyte sotsiolingvisticheskogo obsledovaniya v mariiskoi diaspore moskovskogo regiona. In: Malye yazyki v bol'shoi lingvistike. Sbornik trudov konferentsii 2020. M., 2020. S. 104—111. {Kutsaeva M. V. On the experience of a sociolinguistic survey in Moscow region Mari diaspora group}. In: Malye yazyki v bol'shoi lingvistike [Small languages in big linguistics]. A collection of papers. Moscow, 2020. P. 104—111.}

Kutsaeva 2020b — Kutsaeva M. V. Mariisko-tatarskie yazykovye kontakty v zerkale yazykovykh biografii mariitsev Moskovskogo regiona. In: Uralo-altaiskie issledovaniya. 2020, 4 (39). S. 7—23. {Kutsaeva M. V. Mari-Tatar language contacts as reflected in the language biographies of Moscow region Mari. In: Ural-Altaiic Studies. 2020, 4 (39). P. 7—23.}

Kutsaeva 2020g — Kutsaeva M. V. Funktsionirovanie ehntnicheskogo yazyka v chuvashskoi diaspore moskovskogo regiona. M., SPb., 2020. {Kutsaeva M. V. Functioning of the ethnic language in the Chuvash diaspora of Moscow region. Moscow, St Petersburg, 2020.}

Kutsaeva 2020v — Kutsaeva M. V. Mariitsy Moskvy: ehntnicheskaya identichnost' i yazykovaya loyal'nost' v usloviyakh vnutrennei diaspory. In: Rodnoi yazyk. Lingvisticheskii zhurnal. 2020, 2. S. 124—150. {Maris in Moscow: Diaspora ethnic identity and language loyalty. In: Rodnoi Yazyk. Lingvisticheskij Zhurnal [Native language. Linguistic journal]. 2020 (2). P. 124—150.}

Kutsaeva 2021a - Kutsaeva M. V. Funktsii ehntnicheskogo yazyka v mariiskoi diaspore moskovskogo regiona. In: Tomskii zhurnal lingvisticheskikh i antropologicheskikh issledovaniy. 2021. Vyp. 4 (34). S. 58—72. {Kutsaeva M. V. Functions of the ethnic language in the Mari diaspora of the Moscow region. In: Tomsk Journal of Linguistics and Anthropology. 2021. 4 (34). P. 58—72.}

Kutsaeva 2021b — Kutsaeva M. V. Rannee osvoenie ehntnicheskogo yazyka v mariiskoi diaspore moskovskogo regiona. In: Tomskii zhurnal lingvisticheskikh i antropologicheskikh issledovaniy. 2021. Vyp. 3 (33). S. 49—58. {Kutsaeva M.V. Early language acquisition in Moscow region Mari diaspora. In: Tomsk Journal of Linguistics and Anthropology. 2021. 3 (33). P. 49—58.}

Kutsaeva 2021g — Kutsaeva M. V. Moskovskie mariitsy: ehntnicheskaya kul'tura v usloviyakh vnutrennei diaspory. In: Ehntnicheskaya kul'tura. 2021. 3(№4). S. 6—21. {Kutsaeva M. V. Moscow Mari: ethnic culture in the internal diaspora. In: Ehntnicheskaya kul'tura [Ethnic culture]. 2021. 3(№4). P. 6—21.}

Kutsaeva 2021v — Kutsaeva M. V. Novye nositeli mariiskogo kak faktor vital'nosti ehntnicheskogo yazyka v diaspore. In: Rodnoi yazyk. Lingvisticheskii zhurnal. 2021, 2. S. 5—34. {Kutsaeva M.V. New speakers of Mari as a factor in diaspora language vitality. In: Rodnoi Yazyk. Lingvisticheskij Zhurnal [Native language. Linguistic journal]. 2021, 2. P. 5—34.}

Mariitsy 2013 — Mariitsy. Istoriko-ehntnograficheskie ocherki. Izdanie 2-e, dopolnennoe. Ioshkar-Ola, 2013. {Maris. Historical-ethnographic outlines. Yoshkar-Ola, 2013.}

Narody Povolzh'ya i Priural'ya 2000 — Narody Povolzh'ya i Priural'ya. Komi-zyryane. Komi-permyaki. Mariitsy. Mordva. Udmurty. M., 2000. {Peoples of the Volga and the Urals region. Komi-Zyryans. Komi-Permians. Maris. Mordovians. Udmurts. Moscow, 2000.}

Rekomendatsii 1989 — Rekomendatsii respublikanskoi nauchno-prakticheskoi konferentsii «Aktual'nye problemy razvitiya, izucheniya, prepodavaniya mariiskogo yazyka i literatury v usloviyakh mariisko-russkogo dvuyazychiya. In: Aktual'nye problemy literaturnogo yazyka. Ioshkar-Ola, 1989. S.115 — 119. {Recommendations of the Republican scientific-

practical conference “Actual problems of Mari language and literature development, studies, teaching in the conditions of Mari-Russian bilingualism. In: Actual problems of literary language. Yoshkar-Ola, 1989. P. 115 — 119.}

Sanukov 2000 — Sanukov K. N. Mariitsy: proshloe, nastoyashchee, budushchee. In: Mariiskii mir. Problemy natsional'nogo, sotsial'no-ehkonomicheskogo i kul'turnogo razvitiya mariiskogo naroda. Ioshkar-Ola, 2000. S. 12—61. {Sanukov K.N. Maris: past, present, future. In: Maris' world. Problems of national, socio-economic and cultural development of Mari people. Yoshkar-Ola, 2000. P. 12—61.}

Sepeev 1975 — Sepeev G. A. Vostochnye mariitsy: istoriko-ehtnograficheskoe issledovanie material'noi kul'tury (seredina XIX — nachalo XX vv.). Ioshkar-Ola, 1975. {Sepeev G. A. Eastern Maris: historical-ethnographic study of material culture (middle of XIX — beginning of XX c.). Yoshkar-Ola, 1975.}

Sepeev 2006 — Sepeev G. A. Istoriya rasseleniya mariitsev. Ioshkar-Ola, 2006. {Sepeev G. A. History of Maris' settlement. Yoshkar-Ola, 2006.}

Solntsev, Mikhal'chenko 2000 — Solntsev V. M., Mikhal'chenko V. Yu. Vvedenie. In: Pis'mennye yazyki mira: Yazyki Rossiiskoi Federatsii. Sotsiolingvisticheskaya ehntsiklopediya. Kniga 1. M., 2000. S. IX—LIV. {Solntsev V., Mikhal'chenko V. Introduction. In: Pis'mennye yazyki mira: yazyki Rossiiskoi Federatsii. Sotsiolingvisticheskaya entsiklopediya. [Written languages of the world: languages of the Russian Federation. Sociolinguistic encyclopaedia]. Book 1. Moscow, 2000. P. IX—LIV.}

Spravochnyi material 1996 — Spravochnyi material. Probuzhdenie finno-ugorskogo Severa. Opyt Marii Ehl. T. 1. Avtor-sostavitel' S. M. Chervonnaya, pod redaktsiei M. N. Guboglo. - Moskva, 1996. S. 109—116. {Reference material. In: // Ed. M. N. Guboglo. The wakening of Finno-Ugric North. The Mari El experience. Vol. 1. Moscow, 1996. P. 109—116.}

SST 2006 — Slovar' sotsiolingvisticheskikh terminov / Otv. red. V. Yu. Mikhal'chenko. M., 2006. {Dictionary of sociolinguistic terms / Ed. V. Ju. Mikhalchenko. Moscow, 2006.}

Vasenina 2019 — Vasenina O. N. Variativnost' metodiki v prepodavanii mariiskogo yazyka v shkolakh Respubliki Marii Ehl. In: Natsional'naya kul'tura v sotsial'nom prostranstve i vremeni: materialy V Mezhregional'noi nauchno-prakticheskoi konferentsii «Iyvvan Kyrla ludmash» (Ioshkar-Ola, 31 marta 2017 g.): Ministerstvo kul'tury, pechati i po delam natsional'nostei Respubliki Marii Ehl, MarNIIYaLI, Mar. gos. Un-t. Ioshkar-Ola, 2019. S. 240—245. {Vasenina O. N. Variability of methodology in Mari-language teaching at schools in the Republic of Mari El. In: National culture in social space and time: papers of V interregional scientific-practical conference. Yoshkar-Ola, 2017. P. 240—245.}

VNP 2010 — Vserossiiskaya perepis' naseleniya 2010 goda. {The All-Russian Census of 2010.} https://rosstat.gov.ru/free_doc/new_site/perepis2010/croc/Documents/Vol4/pub-04-07.pdf, 2010.

Wright 2016 — Wright Sue. Language Policy and Language Planning. Palgrave Macmillan, 2016.

Zakon Respubliki Marii Ehl o yazykakh — Zakon Respubliki Marii Ehl «O yazykakh v Respublike Marii EhL». In: Probuzhdenie finno-ugorskogo Severa. Opyt Marii Ehl. T. 2. Avtor-sostavitel' S. M. Chervonnaya, pod redaktsiei M. N. Guboglo. M., 1996. S. 184—195. {Law of the Republic of Mari El “On the languages in the Republic of Mari El”. In: M. N. Guboglo (ed.). The wakening of Finno-Ugric North. The Mari El experience. Vol. 1. Moscow, 1996. P. 184—195.}

Zorina 1998 — Zorina Z. G. Foneticheskie osobennosti funktsionirovaniya russkogo yazyka v usloviyakh dvuyazychiya. Ioshkar-Ola, MarNIIYaLI, 1998. {Zorina Z. G. Phonetic particularities of Russian language functioning in the conditions of bilingualism. Yoshkar-Ola, 1998.}

Грамматическая система до и во время языкового сдвига: формы будущего времени в ульчском языке

Стойнова Наталья Марковна, Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН,
Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» (Москва); stoynova@yandex.ru

В работе обсуждается система будущего времени в ульчском языке (тунгусо-маньчжурская семья) в контексте грамматических изменений, происходящих в ситуации языкового сдвига. В ульчском языке в зоне будущего времени конкурируют три основных формы — две специализированные формы будущего времени, а также неспециализированная форма презенса. Первая задача работы — на материале текстов подробно описать их исходную, до языкового сдвига, конкуренцию и распределение по контекстам семантической зоны будущего времени. Вторая, основная, задача — на материале текстов и элицитации с современными носителями рассмотреть, как меняется их употребление в ситуации языкового сдвига. Как и ожидалось, наблюдается экспансия неспециализированной (презентной) формы и сокращение числа употреблений специализированных футуральных маркеров. При этом, вопреки ожиданиям, на уровне семантики заметных изменений нет. Специализированные футуральные формы используются реже, но в изначально свойственных им контекстах. Отдельно в работе рассмотрен частный морфологический сюжет: регуляризация лично-числовой парадигмы в одной из футуральных форм. Морфологические данные демонстрируют похожую картину: регуляризация парадигмы действительно наблюдается в речи современных носителей, однако этот процесс начинается еще до языкового сдвига.

Ключевые слова: тунгусо-маньчжурские языки, ульчский язык, глагольные категории, будущее время, языковой сдвиг, языковая аттриция

GRAMMATICAL SYSTEM BEFORE AND UNDER LANGUAGE SHIFT: FUTURE TENSE FORMS IN ULCHA

Natalia M. Stoynova, V. V. Vinogradov Russian Language Institute, Russian Academy of Sciences,
National Research University “Higher School of Economics” (Moscow); stoynova@yandex.ru

In this paper, I discuss the system of future tense forms in Ulcha (Tungusic) in a language shift perspective. In Ulcha, the future semantic domain is covered by three main forms, i.e. two dedicated future tense forms and a present tense form. The first objective of the paper is to reconstruct the initial system of forms with reference to future (i. e. the system attested before the language shift). Based on data from early texts, I describe their distribution and competition within the future semantic domain. Three main forms compete in this domain. These are present forms, which are actively used in Ulcha both with reference to present and with reference to future, and two dedicated future tense forms. Both forms have additional modal semantic nuances. What is especially important for this study is that these forms are chosen on different grounds, therefore the range of contexts in which both forms are acceptable is quite wide. The second objective is to analyze how the use of future tense forms changes in a situation of language shift. This part of the study is based on comparative textual data (those coming from early archive texts and those coming from our recent field recordings), as well as on elicited data received from contemporary speakers. As expected, the frequency of non-specialized (present) forms increases, while the frequency of dedicated future tense forms becomes lower. At the same time, contrary to expectations, no notable semantic changes take place. Dedicated future tense forms are used by contemporary speakers more rarely, but exactly in the same contexts as before the language shift. I also consider a related morphological topic, i.e. regularization of the person-number paradigm in one of the future forms. The morphological data show a similar picture: the regularization process is indeed attested in the modern Ulcha speech. However, this process appears to have started before the language shift.

Keywords: Tungusic languages, Ulcha, TAM categories, future tense, language shift, language attrition

Финансирование: Статья подготовлена в рамках Программы фундаментальных исследований Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» (НИУ ВШЭ).

1. Введение

Ульчский язык относится к южной (нанайской) подгруппе тунгусо-маньчжурских языков, долгое время он считался одним из диалектов нанайского языка. Ульчи компактно проживают в Ульчском районе Хабаровского края (Нижний Амур). Ульчский язык значительно менее описан, чем близкородственный нанайский: имеются краткие грамматические очерки, текстовые и словарные материалы [Петрова 1936] и [Суник 1985: 45], достаточно много текстов собрано и опубликовано С. Кадзамой в 1990—2000-е гг. Сейчас ульчский язык находится в угрожаемом положении (*severely endangered* по классификации ЮНЕСКО). Число носителей, свободно владеющих ульчским, по нашим оценкам, не более 50, по данным переписи 2010 г. насчитывалось 154 носителя, что составляет 6% от этнической группы. Все носители — старшего поколения, все свободно владеют русским, ульчский язык используют очень ограниченно. Большинство носителей сосредоточено в селах Булава (национальное село) и Богородское (районный центр), где были собраны и данные, обсуждаемые в работе, по нескольким носителям проживают в других селах Ульчского района (Кольчём и Солонцы, Монгол, Дуди и нек. др.), в городах Николаевск, Комсомольск-на-Амуре, Хабаровск. Подробнее о социолингвистической ситуации см. обзоры [Герасимова 2002; Сумбатова, Гусев 2016].

В целом применительно к ульчскому языку можно, таким образом, говорить о процессе «языкового сдвига» — перехода языкового сообщества с ульчского языка на русский. Причем языковой сдвиг происходит достаточно быстро. Контакт ульчей с русскими (и ульчского языка с русским языком) начинается с середины XIX в. Для рассматриваемого региона это достаточно рано, однако объективно период языкового контакта (особенно активной его фазы) очень небольшой. Перечислим некоторые релевантные факты, касающиеся в основном сел Булава и Богородское, материал из которых будет обсуждаться в статье. В 1853—1855 гг. появляются первые поселения русских на Нижнем Амуре (самые ранние поселения — забайкальские казаки и иркутские крестьяне), в т. ч. в 1855 г. основано русское село Богородское. В 1856 г. русскими открыто почтовое сообщение по Амуру, а в 1872 г. — Удильский золотой прииск. Из коренного населения именно ульчи наиболее активно нанимаются на работу к русским — ямщиками, возчиками, косцами, на рыбозаготовках и на приисках. Очень рано к ульчам приходит Советская власть: в частности, в 1923 г. образован Богородский сельский совет депутатов и Булавинский туземный совет. В 1928 г. в Булаве организуют кооперативное товарищество, а в 1931 г. — колхоз. К 1930 г. на территории Ульчского района насчитывается 13 колхозов. В 1950-е г. в с. Булава начинает работать лес-промхоз, с этого момента происходит очень заметный приток русского населения. Первая школа на территории Ульчского района открывается еще до революции — церковно-приходская школа в русском селе Мариинское (1879 г.), в 1920-х гг. появляются школы и ликпункты для взрослых в ульчских селах. В частности, в 1924 г. открыта начальная школа в с. Булава. С 1932 г. в Ульчском районе введено всеобщее начальное образование, с начала 1950-х гг. появляется все больше семилетних и средних школ. Подробнее см. сборник [Иващенко (Ред.) 1994], в особенности [Старцев 1994; Иващенко, Старцев 1994].

В ситуации быстрого языкового сдвига неизбежно возникает вопрос о том, влияет ли он на языковую систему, в частности на грамматику вымирающего языка. См. обзор подходов к исследованию рефлексов языкового сдвига в грамматике и их применение, в частности, к материалу языков обсуждаемого региона в [Груздева 2007].

Начиная с таких работ, как [Dorian 1981] о гэльском языке, [Schmidt 1985] о языке дирбал, анализ грамматической системы вымирающего языка во многом направлен на поиск свидетельств ее упрощения по сравнению с «эталонной» грамматикой более старшего поколения. Выделяют следующие типы упрощения грамматической системы, ожидаемые в ситуации утраты языка (см., например, [Sasse 2001]):

- регуляризация (выравнивание иррегулярных парадигм по продуктивным моделям и т. п.);
- увеличение лексической и морфосинтаксической прозрачности;
- уменьшение избыточности;
- уменьшение числа грамматических категорий и, шире, разного рода значимых противопоставлений.

Исследование таких процессов, помимо собственно теоретического, имеет и практический аспект, актуальный для полевого лингвиста, ср. следующую цитату из работы [Sasse 1992: 60]: «⟨...⟩ необходимо подвергать критической оценке данные, которые мы получаем полевыми методами в ситуации языкового сдвига (“языковой смерти”). Если мы проводим лингвистическое исследование в языковом сообществе, где остались только полуносители, мы должны иметь в виду, что, возможно, большинство элицированных данных, если не все, отражают искаженную речь, подвергнувшуюся определенным процессам редукции. В результате исходная грамматическая система, использовавшаяся предшествующими поколениями компетентных носителей, может быть выявлена лишь путем реконструкции»¹.

¹ ⟨...⟩ it is necessary to evaluate the data we obtain when doing field work in language death situations. If we conduct a linguistic investigation in a speech community where only semi-speakers are left, we must be aware of the possibility that

В то же время есть и работы, в которых представление об обязательной последовательной редукции языковой системы при языковом сдвиге ставится под сомнение. Так, в недавней статье [Kantarovich et al. 2021] на материале эвенского и чукотского языков показано, что происходящие в них в ситуации языкового сдвига грамматические изменения нельзя однозначно интерпретировать как ведущие к упрощению. В частности, при упрощении одного фрагмента грамматики другой ее фрагмент может, наоборот, усложняться.

Еще одно возможное отступление от описанной схемы — ситуация, когда язык выходит из употребления, не успевая заметно измениться. В этой статье разбирается пример такого рода. Я буду обсуждать степень влияния наблюдаемой ситуации языкового сдвига на грамматическую систему ульчского языка на примере одного фрагмента глагольной парадигмы — форм будущего времени (об ульчской именной системе в условиях языкового сдвига ср. [Оскольская, Стойнова 2019]). В ульчском языке засвидетельствованы две формы, претендующие на статус специализированных футуральных форм. Одна из них, по существующим описаниям, имеет особый набор лично-числовых показателей. Значения зоны будущего могут выражаться и неспециализированными средствами — прежде всего, формой презенса. В ситуации языкового сдвига можно ожидать, во-первых, морфологических изменений, в т. ч. вытеснения специализированных лично-числовых аффиксов аффиксами, характерными для большинства глагольных форм (регуляризация в классификации выше). Во-вторых, можно предположить, что в речи современных носителей будет так или иначе меняться исходное соотношение контекстов употребления конкурирующих показателей в футуральной зоне. В частности, более освоенный показатель презенса будет вытеснять узкие специализированные показатели (уменьшение избыточности, уменьшение числа грамматических противопоставлений). Ниже я проверяю это на материале ульчских текстов разного времени и на материале элицитации (с современными носителями). Рассмотренные данные показывают, что изменения в речи современных носителей действительно есть, но они скорее частотные, чем качественные.

Исследование состоит из двух логических частей. Задача первой части (описательной) — восстановить предположительное исходное (до языкового сдвига) состояние системы будущего времени, в т. ч. распределение конкурирующих форм по значениям семантической зоны будущего. Задача второй части (микродиахронической) — проследить, как эта картина меняется (если меняется) в речи современных носителей. Статья построена следующим образом. В разделе 2 кратко обсуждается материал исследования. В разделе 3 перечислены и охарактеризованы формы, используемые в контексте будущего времени. Основные разделы 4 и 5 посвящены описанию системы футуральных форм и поиску возникающих в ней изменений — морфологических (раздел 4) и семантических (раздел 5). В разделе 6 данные суммируются и обсуждаются, раздел 7 содержит краткое заключение.

2. Данные исследования

Основная часть исследования опирается на текстовые данные, в качестве вспомогательных использованы данные элицитации.

Ниже я сравниваю две коллекции текстов: коллекцию ранних текстов («до языкового сдвига») — от носителей с 1870 по 1920 г. р., и коллекцию поздних текстов — от носителей с 1930 по 1960 г. р. В первую коллекцию вошли тексты, опубликованные в [Петрова 1936] и в [Суник 1985], а также тексты из архива Л. И. Сем. Тексты из [Петрова 1936] были собраны Т. И. Петровой в 1920—1930-е гг. в Ленинграде от студентов Института народов Севера. Тексты из [Суник 1985] собраны О. П. Суником в 1960—1970-е гг. в селах Ульчского района в основном от носителей старшего поколения. Тексты из архива Л. И. Сем записаны Л. И. Сем и Ю. А. Семом в с. Булава в 1970-е гг. (расшифрованы автором с носителями ульчского языка в 2018 г.). Тексты из второй коллекции записаны и расшифрованы автором совместно с С. А. Оскольской в сс. Булава и Богородское Ульчского района в 2017—2018 гг. Тексты в двух выборках сопоставимы по жанру — это в основном сказки и рассказы о жизни. Коллекции сопоставимы по объему. Краткая суммирующая информация о текстовых коллекциях представлена в таблице 1².

most, if not all, of the elicited material will be distorted speech that has undergone certain processes of reduction, with the result that the original grammatical system of the former full speakers of the language under investigation will be accessible only by way of reconstruction.

² Достаточно большой объем текстов был собран также С. Кадзамой и экспедицией под рук. Е. Ю. Калининой в 1990—2000-е гг. Эти тексты хронологически занимают промежуточное положение между «ранними» и «поздними». Они в статье не рассматриваются.

Таблица 1. Используемые тексты

коллекция	г. р. носителей	объем (предложений)	источник
ранние тексты	с 1870 по 1920	5 026	[Петрова 1936; Суник 1985] и архивные записи Л. И. Сем
поздние тексты	с 1930 по 1960	5 780	записи автора 2017—2018 гг.

Из обеих коллекций были вручную извлечены сплошные выборки контекстов будущего времени. При отборе контекстов я неизбежно во многом ориентировалась на русский перевод. Включались контексты, переведенные на русский язык формами будущего времени (за исключением переносных употреблений без референции к будущему типа *А он, бывало, придет...*). Включались контексты с очевидной референцией к будущему, для которых в русском переводе были использованы модальные предикаты (*можно, нужно*) или инфинитивы, в т. ч. с частицей *бы* (*пойти бы*), задачи жестко разграничить модализованные и чисто футуральные контексты не ставилось. Не включались контексты, переведенные на русский язык формами императива. Исключены из выборки зависимые клаузы: как те, для которых в ульчском языке были использованы нефинитные формы (разные типы причастий и деепричастий в полипредикативных конструкциях), так и немногочисленные зависимые клаузы с финитными формами (условные). За пределами рассмотрения остались также отрицательные контексты (в которых в ульчском языке используется особый набор глагольных форм). Всего в выборку попало 597 примеров.

Во второй части исследования были использованы данные элицитации, полученные в 2017—2018 гг. в с. Булава от современных носителей ульчского языка. Носителям предлагалось (устно) перевести предложения с русского языка на ульчский. Допустимость альтернативных переводов специально не проверялась. Если носитель сам предлагал несколько вариантов перевода, записывались все, основным считался первый или же тот, который сам носитель указал как наиболее точный. В качестве стимулов были использованы предложения из типологической анкеты проекта EUROTYPE по футуральным значениям (Future Time Reference Questionnaire, всего в анкете 111 предложений), см. [Dahl 2000], а также 13 дополнительных предложений, составленных нами для уточнения результатов. В этой статье в рассмотрение вошли ок. 50 предложений от каждого носителя: не от всех носителей удалось собрать все предложения, не все предложения из анкеты EUROTYPE привлекались (например, не вошли в рассмотрение предложения со значением будущего в прошедшем). В работе анализируются данные от трех носителей — *nvk* (1946 г. р.), *tsd* (1937 г. р.) и *gir* (1934 г. р.). Разница в возрасте между носителями небольшая, для всех первым языком является ульчский, русского языка носители не знали до школы. При этом (чуть более старшие) носители *gir* и *tsd*, освоив русский, продолжали более или менее активно использовать ульчский язык, в т. ч. *tsd* продолжает общаться на нем в семье и на момент элицитации, а носитель *nvk*, по его словам, практически полностью перестал использовать ульчский язык уже в школьном возрасте.

От одного из носителей (*tsd*) дополнительно собраны данные по двум конкретным ключевым контекстам, выявленным для двух специализированных форм будущего времени. В качестве дополнительного материала привлекались предложения с формами будущего времени, полученные в ходе элицитации по другим темам — от тех же носителей и носителя *aïd* (1931 г. р.). Отдельно проводилась элицитация полной глагольной парадигмы. От носителя *nvk* есть данные по шести глаголам, от носителя *tsd* — по двум глаголам, от носителя *gir* — по одному.

3. Глагольные формы с референцией к будущему

3.1. Инвентарь форм с референцией к будущему

В ульчском языке представлены две формы, претендующие на статус специализированных футуральных форм: на *-ilə* и на *-ŋə* — Будущее I и Будущее II в терминологии О. П. Суника [Суник 1985: 45].

Примеры (1) и (2) иллюстрируют употребление формы на *-ilə*:

- (1) *xal=də bi=də vse равно agbun-žu-la-s=ma=də*
 когда=EMPH быть.PRS=EMPH RUS RUS появляться-REP-FUT1-2SG=PTCL=EMPH
 ‘Как бы то ни было, все равно **появишься**’. (oab_20180709_nst_Skazka2PoMotivamKovra)

- (2) *tī puli-ktə-mdi mənə nīksaž-ila,*
 так ходить-DISTR-CVB.SIM.DUR.SG сам подыхать-FUT1
məni bud-ə-s=də nī-wə māpi wā-wan-dila!
 сам умирать-CONN-PR.S.NEG=EMPH человек-ACC REFL убить-CAUS-FUT1
 ‘Так походит — сам **погибнет**, или же людей **заставит** себя **погубить!**’ (Петрова 1936: текст 2)

Факультативно форма на *-ilə* оформляется энклитической частицей *=mə*, см. пример (1). Суффикс *-ilə* используется также в сочетании с показателем прошедшего времени в контрфактических условных конструкциях (3), что делает более сложным вопрос о его статусе как чисто временного показателя (формы типа (3) в работе не рассматриваются).

- (3) *min ana bi-mčə-i, amba iqtə-du-ni b-ilə-xə-si*
 1SG без быть-SUBJ-1SG черт зуб-DAT-3SG быть-FUT1-PST-2SG
 ‘Если бы меня не было, в зубах злого духа **была бы ты**’. (Суник 1985: текст 7)

Употребление формы на *-ηə* показано в примере (4):

- (4) *nāā xawanči žižu əwəs žižu-ηə-s=tani*
 INTERJ откуда возвращаться.PRS сюда возвращаться-FUT2-2SG=a
 ‘Наа, откуда бы ни пришел, сюда **вернешься**’. (zojaplastina_SkazkaKamcildalBaturi)

В составе формы на *-ηə* почти всегда употребляется энклитическая частица *=təni* (как в (4)). Основная функция *=təni*, в которой частица присоединяется не к глаголу, а к его аргументам, — координативная (значения, сопоставимые со значениями русских *а, же, и*). Единственные встретившиеся употребления без *=təni* (два примера) содержат другую энклитику — вопросительную частицу *=nu*, см. (5):

- (5) *min iqtə-j aldan-du-n i-ηə-s=nu, xon t-i-s=nu?*
 мой зуб-1SG шель-DAT-3SG входить-FUT2-2SG=Q как делать-PRS-2SG=Q
 ‘{Когда мое время придет,} между моих зубов **пройдешь** или что сделаешь?’ (Суник 1985: текст 2)

Самостоятельно (без энклитики) форма на *-ηə* не употребляется.

Помимо форм на *-ilə* и *-ηə*, референцию к будущему может выражать ряд неспециализированных средств.

1) Формы презенса. В ульчском языке две презентных формы (далее Презенс 1 и Презенс 2, если упоминается «презенс» без пояснений, то имеются в виду обе формы). Нейтральной формой с референцией к настоящему является форма Презенса 1 (*-i*), форма Презенса 2 (*-rə*) употребляется очень редко и только в особых эмфатических контекстах.

Форма Презенса 1, помимо употреблений с референцией к настоящему, имеет широкий круг футуральных употреблений, см. пример (6):

- (6) *əl žižu-j əl žižu-j muruč-i-p=gun*
 вот.вот возвращаться-PRS вот.вот возвращаться-PRS думать-PRS-1PL=PTCL
 ‘Скоро **приедут**, скоро **приедут** — думаем’. (lpd_170726_nst_BioSluchajNaRybalke)

В футуральном контексте, наряду с презентным, зафиксирована и форма Презенса 2: в нашей выборке 5 таких употреблений, все только в ранних текстах, см. (7):

- (7) *ənjə, χaj-ri-s=qa, wən-di-n, mim-bə wā-ra-ti=da*
 ой.ой что-PRS-2SG=PTCL говорить-PRS-3SG 1SG-ACC убивать-PRS2-2SG=EMPH
 ‘Ой-ой, что же ты делаешь, — говорит (орел), — меня **убьешь** ведь’. (Суник 1985: текст 3)

2) Модальные и модализованные формы. Поскольку семантическая зона будущего тесно смыкается с модальной зоной, конкуренцию футуральным формам составляют модальные формы и формы с модальными оттенками значения.

2а) Форма имперсонала. Имперсональная форма (на *-wu*) в ульчском языке употребляется для выражения ситуаций с субъектом — нереферентным лицом или с субъектом — участником речевого акта (т. е. относится к R-имперсоналам в терминологии [Malchukov, Ogawa 2011]). Ульчский имперсонал имеет парадигму времен: он может употребляться с суффиксом претерита (имперсонал прошедшего времени) vs. с суффиксом презенса или, чаще, без временного суффикса (имперсонал настоящего времени). Имперсонал настоящего времени не употребляется в прогрессивных контекстах (т. е. с референцией к моменту речи: ‘По этой дороге идут’). Он либо оформляет хабитуальный контекст (‘По этой дороге ходят’), либо выражает какой-либо модальный оттенок (возможность, долженствование: ‘По этой дороге можно ходить / Нужно идти по этой дороге’), либо референцию к будущему, как в примере (8).

- (8) *goj-goj poqto-ki ηənə-wu*
 другой-другой путь-PROL идти-IMPS
 ‘По разным путям **пойдем**’. (Суник 1985: текст 2)

2б) Модальные предикаты и модальные аффиксы. Часть значений футуральной зоны может оформляться конструкциями с модальными предикатами (ср. *aja* ‘можно, хорошо’ в примере (9)) или с модальными аффиксами (ср. дезидератив *-jčə* в примере (10)).

(9) *tuə-wə tuə-lə-rə, žə-bdu-i uñurəžu-mi aja*
вода-ACC вода-VBLZ-CVB.NSIM есть-PURP-REFL варить-CVB.SIM.SG хорошо
‘Воды натаскавши, пищу **приготовим**’. (Петрова 1936: текст 7: 44)

(10) *kəwə, bolo nan xoto-du bi-jč-i-n*
нет осень 3SG город-DAT быть-DESID-PRS-3SG
‘{Твой брат собирается остаться здесь?} Нет, осенью он **будет жить** в городе’. (elicit., FTRQ, nvk)

2в) Семантически близки к футуральным императивные и околоимперативные формы. Их в ульчском языке несколько: две формы императива 2 лица (противопоставлены по временной дистанции), юссив (‘пусть он/они V’), гортатив (‘давайте V’). В наибольшей степени конкурирует с футуральными форма самопобуждения 1SG ‘сделаю-ка V’ на *-itə*, см. (11):

(11) *əpəm-bə ŋāč-ita*
хлеб-ACC идти.за-IMP.1SG
‘Пойду за хлебом!’ (lpd_170726_nst_BioPoshlaVShkolu)

Из неспециализированных форм ниже обсуждается и включается в подсчеты только форма презенса: остальные либо низкочастотны, либо с жесткими морфосинтаксическими ограничениями (как форма имперсонала или форма самопобуждения — обе с ограничениями на лицо), либо близки, но не полностью семантически эквивалентны формам будущего времени.

В ульчском языке представлено «асимметричное» отрицание в терминологии М. Миестамо [Miestamo 2005]: отрицательная парадигма ни формально, ни семантически полностью не соответствует положительной. Список отрицательных форм, которые встречаются в футуральных контекстах, приведен в таблице 2, подробнее см. [Стойнова 2018].

Таблица 2. Отрицательная футуральная парадигма

положительная форма	отрицательный коррелят	комментарий
FUT1: <i>-ilə</i>	<i>əŋdə</i> V-CONNNEG do-FUT1	упомянута в [Петрова 1936: 65] и [Суник 1985: 49], но не встретилась в текстах
FUT2: <i>-ŋə</i>	V-CONNNEG ə-FUT2	не описана, но встретилась в текстах, только 2 лицо
PRS	синтетическая форма V-CONNNEG-NEG.PRS	используется с референцией к настоящему и будущему
	PRS <i>kəwə</i>	не описана, встретилась в текстах (и с презентной, и с футуральной интерпретацией)

Как видно из таблицы 2, для футуральных форм параллелизм между положительными и отрицательными формами довольно последовательный, однако функциональное и частотное распределение форм с референцией к будущему под отрицанием, по предварительным наблюдениям, отличается от распределения, представленного в аффирмативных контекстах. В связи с этим отрицательные формы в работе не обсуждаются, в подсчеты они также не включены (см. раздел 2).

3.2. Футуральные формы: морфология

В таблице 3а приведены алломорфы каждой из обсуждаемых в работе форм, см. подробнее [Петрова 1936: 56; Суник 1985: 45].

Выбор между вариантами с [ə] vs. [a] подчиняется общим для ульчского языка правилам сингармонизма по подъему: вариант с [ə] выбирается для основ с гласными верхней серии, вариант с [a] выбирается для основ с гласными нижней серии. Для формы на *-ilə* и форм презенса выбор варианта зависит от исхода основы. Вариант на гласный (*-i, -a~ə*) выбирается для основ, оканчивающихся на одиночный краткий гласный, при этом конечный гласный основы в большинстве случаев усекается (иногда усекается, наоборот, гласный суффикса). Вариант на *-r* выбирается для основ на долгий гласный или дифтонг /

Таблица 3а. Основные формы, используемые в футуральном контексте: морфология

формы	варианты показателя	гlossa
форма на <i>-ŋə</i>	<i>-ŋə, -ŋa</i> (+ энклитика)	FUT1
форма на <i>-ilə</i>	<i>-ilə(n), -ila(n), -rilə(n), -rila(n), -dilə(n), -dila(n), -tilə(n), -tila(n)</i>	FUT2
форма Презенса 1	<i>-i (-j), -ri, -di, -ti</i>	PRS
форма Презенса 2	<i>-ə(n), -a(n), -rə(n), -ra(n), -də(n), -da(n), -tə(n), -ta(n)</i> ³	PRS2

стечение гласных (в Презенсе 2 в части лично-числовых форм также для основ на краткий гласный). Вариант на *-d* выбирается для основ на *-n*, вариант на *-t* — для основ на *-p*.

В словоформе показатель времени следует за словообразовательными показателями (аспектуальными, модальными, показателями актантной деривации), за показателем времени следуют лично-числовые показатели. Один набор лично-числовых показателей сочетается с формой на *-ŋə* и Презенсом 1, другой — с формой на *-ilə* и Презенсом 2. Первый набор — основной: он же употребляется в форме претерита. Второй — более маргинальный: он употребляется только с этими двумя редкими формами. В таблице 3б оба набора даны в том виде, в котором они представлены в грамматическом очерке О. П. Суника [1985: 45].

Таблица 3б. Лично-числовые показатели в формах с футуральной семантикой

	SG		PL	
	PRS1, <i>-ŋə</i>	PRS2, <i>-ilə</i>	PRS1, <i>-ŋə</i>	PRS2, <i>-ilə</i>
1		<i>-i~bi</i>	<i>-pu</i>	<i>-mu</i>
2	<i>-si</i>	<i>-ti</i>		<i>-su</i>
3	<i>-ni</i>	<i>-∅</i>	<i>-ti</i>	<i>-l</i>

Из таблицы 3б видно, что наборы лично-числовых маркеров различаются в 1 лице мн. ч., во 2 лице ед. ч. и в 3 лице в обоих числах. При этом показатель 2SG из второго набора совпадает с показателем 3PL из первого набора. На самом деле в 1⁴ и во 2 лице различие более отчетливое, чем в 3 лице (в обоих числах) лично-числовой показатель часто опускается, так что формы, требующие разных наборов лично-числовых показателей, могут на поверхностном уровне не различаться.

3.3. Отличия и параллели в нанайском и других тунгусо-маньчжурских языках

Как упоминалось выше, грамматика ульчского языка очень незначительно отличается от грамматики близкородственного нанайского. При этом именно в футуральной зоне отличия более заметны, чем в среднем.

Нанайские показатели будущего времени подробно описаны в грамматике В. А. Аврорина, см. [Аврорин 1961: 109 ff., 118 ff.]. Основной формой будущего времени является форма с суффиксом *-ʒə*, аналога которой в ульчском языке нет. С другой стороны, в нанайском языке нет эквивалента ульчской футуральной формы на *-ilə*. Что касается второй ульчской футуральной формы, на *-ŋə*, ее когнат зафиксирован в нанайском языке, однако к собственно футуральной зоне он не относится: в грамматике В. А. Аврорина он, например, описан как «желательное наклонение». Различия между нанайским и ульчским языком суммируются в таблице 4.

Таблица 4. Футуральные формы в ульчском и нанайском языках

	ульчский	нанайский
<i>-ilə</i>	+	—
<i>-ŋə</i>	+	(«желательное наклонение»)
<i>-ʒə</i>	—	+

³ Этимологический *-n* в будущем на *-ilə* и в Презенсе 2 (приводимый в таблице 3а в скобках) проявляется только перед показателем 1SG (*-i~bi*) и реализуется (по более общим правилам) как *-m*: *-iləm-bi, -rəm-bi*.

⁴ В 1 лице мн. ч., однако, показатели различаются только в правобережном говоре ульчского языка (с носителями которого мы работали), а в левобережном в обоих случаях используется один и тот же показатель *-mu*.

Показатель *-ŋə* имеет параллели и в других тунгусо-маньчжурских языках. Во многих языках: удэгейском, ороцком, эвенском, эвенкийском, негидальском — есть форма будущего времени *-žəŋə* (*-d'iŋa*, *-žiga*), предположительно восходящая к сочетанию *-žə* и *-ŋə*. Этимология самого суффикса *-ŋə* не до конца понятна. О. П. Суник связывает его с общетунгусскими именными посессивными суффиксами: в ульчском языке это суффикс принадлежности *-ŋgu* (*min dāda-ŋgu-i* [1SG бабушка-POSS-1SG] ‘моя бабушка’) и предикативный посессивный суффикс *-ŋgi* (*mi-ŋgi* [1SG-PRED.POSS] ‘мой (предикативная позиция)’) [Суник 1962: 236].

Показатель, когнатный ульчскому *-ilə*, выражает будущее время также в ороцком языке (уильта). Что касается происхождения *-ilə*, Т. И. Петрова [1936: 51] предполагает, что он состоит из двух компонентов — показателя Презенса 1 *-i* (на что указывает сходство их алломорфов, см. раздел 3.2) и элемента *-lə*, этимология которого не до конца понятна. Возможно, он имеет общее происхождение с общетунгусским суффиксом долженствования (который в ульчском языке также представлен и имеет форму *-žilə*). Подробнее о показателях будущего времени в тунгусо-маньчжурских языках в сопоставительной и исторической перспективе см. [Суник 1962: 235—237, 328—334].

4. Морфология: выбор лично-числового показателя в форме на *-ilə*

В этом разделе с точки зрения языкового сдвига я кратко рассмотрю один сюжет, связанный с морфологией. Выше (в разделе 3.2) было сказано, что форма на *-ilə* и форма на *-ŋə* сочетаются с разными наборами лично-числовых показателей: форма на *-ŋə* — с основным, а форма на *-ilə* — с особым. Наблюдения за речью современных носителей как будто бы свидетельствуют о процессе выравнивания парадигмы, характерном для ситуации языкового сдвига. Форма на *-ilə* встречается в их речи с более частотными лично-числовыми показателями из основного набора. Так, в (12) (=1) употреблен показатель 2SG *-si* из основного набора, а не ожидаемый показатель *-ti*.

(12) *все равно agbun-žu-la-s=ma=də*
 RUS RUS появляться-REP-FUT1-2SG=PTCL=EMPH
 ‘Все равно появишься!’ (oab_20180709_nst_Skazka2PoMotivamKovra)

Однако данные ранних текстов показывают, что уверенно объяснять наблюдаемую картину, апеллируя к языковому сдвигу, нельзя.

В таблицах 5а и 5б приведены данные элицитации от современных носителей — информация о выборе показателя в предложениях на перевод с русского языка (таблица 5а) и при элицитации парадигмы (Таблица 5б). Данные таблицы 5а — более фрагментарные, но более естественные, данные таблицы 5б — возможно, менее естественные, но более полные.

Таблица 5а. Лично-числовые показатели в форме на *-ilə*: элицитация (перевод предложений: носители nvk, tsd, gip и aid)

	SG		PL	
	основной набор	набор, ожидаемый для <i>-ilə</i>	основной набор	набор, ожидаемый для <i>-ilə</i>
1	<i>-i~bi</i> : 4 (+ 8 на $-Ø=mə$)		<i>-pu</i>: 3	<i>-mu</i> : нет
2	<i>-si</i>: 6	<i>-ti</i> : нет		<i>-su</i> : 1
3	<i>-ni</i> : нет	$-Ø$: 27	<i>-ti</i> : нет	<i>-l</i> : нет (1 на $-Ø=mə$)

Таблица 5б. Лично-числовые показатели в форме на *-ilə*: элицитация парадигмы (носители nvk, tsd и gip)

	SG	PL
	1	nvk (6), tsd (2), gip (1): без $=mə \rightarrow -i \sim -bi, =mə \rightarrow -Ø$
2	nvk (6), gip (1): <i>-si</i> tsd (2): <i>-ti, -si</i>	nvk (6), tsd (2), gip (1): <i>-su</i>
3	nvk (6), tsd (2), gip (1): $-Ø(=mə)$	nvk (6), gip (1): без $=mə \rightarrow -ti, =mə \rightarrow -Ø$ tsd: без $=mə \rightarrow ?-ti / ?-Ø, =mə \rightarrow -Ø$

*В таблице указан код носителя и в скобках количество глаголов, для которых проводилась элицитация.

Два набора лично-числовых показателей различаются во всех формах, кроме 1SG и 2PL. В форме 1PL последовательно выбирается показатель из основного набора, а не из ожидаемого для *-ilə*. В форме 2SG также предпочитается показатель из основного набора (*-si*). Только он встретился у всех носителей в переводах с русского, а при элицитации парадигмы только один носитель использовал ожидаемый для *-ilə* показатель *-ti* для одного глагола, остальные два последовательно использовали *-si*. Форма 3SG соответствует ожидаемой — с нулевым показателем: показатель из основного набора *-ni* в ней не употребляется (заметим при этом, что в формах, требующих стандартного набора лично-числовых показателей, в 3 лице они часто опускаются). Форма 3PL представлена почти исключительно данными элицитации парадигмы. Ожидаемый для *-ilə* показатель *-l* в ней не используется: используется либо показатель из основного набора *-ti*, либо, если форма сопровождается клиткой *=mə*, нулевой показатель (употребление клитки *=mə* описано ниже в отдельном разделе 5.4). Таким образом, используемый набор показателей действительно оказывается смешанным, см. резюмирующую таблицу 5в.

Таблица 5в. Лично-числовые показатели в форме на *-ilə*: элицитация (обобщение)

	SG	PL
1	(показатели совпадают)	из основного набора
2	из основного набора (носитель tsd: колебание)	(показатели совпадают)
3	из набора на <i>-ilə</i> ($-\emptyset$)	из основного набора (носитель tsd: колебание) // 3SG

В таблице 6 приведено распределение лично-числовых показателей в ранних и поздних текстах.

Таблица 6. Лично-числовые показатели в форме на *-ilə*: данные текстов

	SG		PL	
	основной набор	набор, ожидаемый для <i>-ilə</i>	основной набор	набор, ожидаемый для <i>-ilə</i>
1	<i>-i~bi</i> : 19 (+4 $-\emptyset$) 1		<i>-pu</i> : 2 (+1 $-\emptyset$) 1	<i>-tu</i> : нет нет
2	<i>-si</i> : 19 (+1 $-\emptyset$) 2	<i>-ti</i> : 17 нет		<i>-su</i> : 2 1
3	<i>-ni</i> : нет нет	$-\emptyset$: 20 3	<i>-ti</i> : нет нет	<i>-l</i> : нет нет

* Для каждого показателя указано: количество в ранних текстах || количество в поздних текстах.

** В ячейках «2SG» и «3SG» учтены, в частности, формы SG с референцией к множественному участнику и невыраженным субъектом или субъектом в форме SG. Контекстов с субъектом, оформленным показателем PL (который в ульчском языке факультативен), не встретилось.

Данных по поздним текстам слишком мало, имеющиеся не противоречат данным элицитации. Интереснее посмотреть на данные ранних текстов. Из таблицы 6 видно, что не только в речи современных носителей, но и в речи старшего поколения засвидетельствован показатель 2SG из основного набора *-si*: в ранних текстах ожидаемый *-ti* и *-si* встретились в равной пропорции. В 1PL, как и у современных носителей, встретился показатель из основного набора *-pu* (а упоминаемый в очерках *-tu* не встретился ни разу, но это может объясняться недостатком данных). Данных по показателю 3PL, к сожалению, нет.

В таблице 7 сопоставлены старые (текстовые) данные и новые (данные текстов и элицитации).

Таблица 7. Лично-числовые показатели в форме на *-ilə*: старые и новые данные

	SG	PL
1	(показатели совпадают)	старые: из основного набора ~ ? из ожидаемого набора новые: из основного набора
2	старые: из основного ~ ожидаемого набора (конкуренция) новые: преимущественно из основного набора	(показатели совпадают)
3	старые, новые: из ожидаемого набора	старые: нет данных новые: из основного набора

Таким образом, говорить, что смешанный набор показателей появляется в парадигме будущего на *-ilə* вследствие языкового сдвига, нельзя. Показатели 2SG и 1PL из основного набора фиксируются в ней уже в ранних текстах наряду с ожидаемыми. Употребление показателя 3PL из основного набора, возможно, действительно является инновацией, однако надежных свидетельств этому нет. Практически полное вытеснение ожидаемого показателя 2SG *-ti* показателем из основного набора *-si* связать с языковым сдвигом можно, но это не новый процесс, а продолжение процесса, уже наметившегося в языке.

5. Семантика: специализированные формы и формы презенса в футуральной зоне

В этом разделе я рассматриваю распределение специализированных и неспециализированных форм в футуральной семантической зоне. В разделе 5.1 проанализировано количественное распределение форм в ранних текстах и в текстах от современных носителей. В разделах 5.2 и 5.3 обсуждается круг функций каждой из используемых форм: в 5.2 — на материале текстов, в 5.3 — по данным элицитации с современными носителями. Отдельный раздел 5.4 посвящен двум типам употреблений одной из футуральных форм — на *-ilə* — независимым и в сопровождении клитики *=mə*.

5.1. Данные текстов: микродиахронические изменения

Для ранней и поздней коллекций текстов я сравнила количество употреблений презенса, формы на *-ilə* и формы на *-ŋə* в футуральных контекстах (см. выше в разделе 2 о том, какие контексты включены vs. не включены в рассмотрение). Распределение показано в таблице 8.

Таблица 8. Соотношение специализированных показателей и показателя презенса в футуральной зоне: данные ранних vs. поздних текстов

	ранние тексты		поздние тексты		2-tailed exact Fisher's test
	N	%	N	%	
PRS1, PRS 2	156	60,00%	66	89,19%	p < 0,0001
<i>-ilə</i>	85	32,69%	8	10,81%	
<i>-ŋə</i>	19	7,31%	0	0,00%	
всего	260	100,00%	74	100,00%	

Общее частотное соотношение форм не меняется. И в ранних, и в поздних текстах наиболее употребительна форма презенса и менее употребительны — специализированные формы, из них частотнее форма на *-ilə*, см. (13):

$$(13) \text{ PRS} > -ilə > -ŋə$$

При этом разница в частотности форм увеличивается. В поздних текстах доля форм презенса значимо выше, чем в ранних, т. е. специализированные формы вытесняются неспециализированной. Форма на *-ilə* становится менее частотна, а форма на *-ŋə* не встретилась в текстах ни разу. При этом современными носителями она все же опознается и фиксируется в элицитированных данных в некоторых особых контекстах (см. раздел 5.3 ниже).

Из таблицы 8 также видно общее уменьшение доли контекстов с референцией к будущему в поздних текстах по сравнению с ранними. Более отчетливо эта тенденция показана в таблице 9, в которой представлено общее количество футуральных контекстов (а не только контексты употребления презенса и специализированных форм).

Таблица 9. Футуральные контексты: данные по двум временным срезам

тексты	N футуральных контекстов	% от общего числа предложений
ранние	457 (из 5 026 предл.)	9,09%
поздние	140 (из 5 780 предл.)	2,42%

Как отмечалось в разделе 2, жанровый состав текстовых коллекций более-менее сходный: сказки и легенды, рассказы о себе, о прошлом и традиционной жизни. В поздних текстах несколько меньше фольклорных текстов, для которых футуральные контексты характернее, чем для рассказов о прошлом.

Можно связать уменьшение количества футуральных контекстов и с упрощением текстов. Сказки, записанные от современных носителей, не исполняются в традиционной манере, а скорее представляют собой краткий пересказ сюжета. В них, в частности, меньше диалогов между персонажами, в которых референция к будущему особенно ожидаема.

5.2. Данные текстов: семантика

В этом разделе на материале текстов последовательно анализируются функции каждого из основных показателей, используемых в футуральной зоне: формы на *-ilə*, формы на *-ŋə* и презенса. Заметных различий между ранними и поздними текстами на этом уровне выявить не удастся. Описание в большей степени ориентировано на старые тексты (в которых встретилось больше употреблений специализированных форм будущего времени, см. раздел 5.1). В качестве иллюстративных примеров приведены фрагменты и из ранних текстов, и из поздних; для всех обсуждаемых примеров из поздних текстов в ранних текстах обнаружены очень похожие.

1. Форма на *-ilə*

В очерке [Петрова 1936: 56] о форме на *-ilə* сказано, что она «показывает на несомненную осуществимость действия в будущем». Такая формулировка, однако, нуждается в уточнении, ср. примеры (14а) и (14б) с контекстом условия⁵:

- (14) а. *ti-ži ase-la-xa-s osin,*
 тот-INS жена-VBLZ-PST-2SG если
ču ulən-ži kəs-ču b-ilə-si=əmdə baraču-m
 SUPERL хороший-ADV удача-PROPR быть-FUT1-2SG=QUOT радоваться-CVB.SIM.SG
 ‘Если бы ты на ней женился, **был бы очень удачливым**, радовался бы’.
 (oab_171117_nst_SkazkaDevushkaITsarj)
- б. *si mąga mągə bi-wu b-i-ni, ulənguži tā-s-ilə-si*
 2SG сильный молодец быть-IMPS быть-PRS-3SG хорошо сестра-IPFV-FUT1-2SG
aldaksi mągə bi-wu b-i-ni, min tinda-ž-i-ži gəsə-gəsə tuk-ilə-si
 слабый молодец быть-IMPS быть-PRS-3SG 1SG отпускать-REP-PRS-INS вместе-вместе падать-FUT1-2SG
 ‘Если ты сильный богатырь, хорошо **сидеть будешь**. Если ты слабый богатырь, как только отпущу (собак), **свалишься**’. (Суник 1985: текст 2)

В (14а) описан сон персонажа, в котором ему рассказывают, что на той стороне моря живет девушка-замарашка, персонажу предлагают отыскать ее и жениться на ней. О несомненной осуществимости ситуации ‘быть удачливым’, выраженной формой на *-ilə*, здесь говорить сложно. Отдельно стоит отметить, что протасис условной конструкции в (14а) выражен формой прошедшего времени: она обычно используется не в реальных условиях, а в контрфактических или нереальных. Использование прошедшего времени в (14а) указывает на то, что перед нами, видимо, нереальное условие, т. е. задаваемая им ситуация ‘быть удачливым’ может быть реализована, но маловероятна. Формулировку Т. И. Петровой к примерам типа (14) и многим подобным применить можно, но с важным уточнением — действие несомненно осуществимо в случае выполнения располагающих к нему условий: ‘обязательно будешь счастлив, при условии что женишься’, ‘обязательно будешь сидеть хорошо, при условии, что ты хороший богатырь’.

Анализируя текстовые употребления, можно сказать, что форма на *-ilə* обслуживает контексты эпистемической возможности и более широкий круг контекстов, предполагающих связь ситуации в будущем с введенными в рассмотрение предпосылками. Для употребления формы на *-ilə* важнее всего именно обусловленность будущей ситуации.

Очевидно модализованные контексты (эпистемическая возможность) иллюстрируются примером (15), который неслучайно переведен на русский язык с помощью глагола *может*.

- (15) *sām, nōm t-ila, ti ta-oča-ni, əži žapa-ra*
 краснея синяя делать-FUT1 так делать-COND-3SG PRON брат-CONN
 ‘**Может** красным (или) синим **сделаться**, когда так сделается, не бери’. (Суник 1985: текст 7)

⁵ Особенно отчетливо это видно в примере (14а), который взят из современного текста: можно было бы предположить, что дело в семантическом изменении, произошедшем с момента описания Т. И. Петровой. Однако похожие примеры обнаруживаются и в ранних текстах, см. (14б).

В (15) речь о водке, которую враг нальет герою перед боем. Есть вероятность, что водка отравлена (предпосылка), тогда дно рюмки может изменить цвет (эпистемическая возможность). К примерам типа (15) формулировка о «несомненной осуществимости в будущем», как кажется, совсем неприменима.

Форма на *-ilə* употребляется в аппрехенсивном контексте (контексте опасения), ср. (16), (17):

(16) *gə, bala, mærgə, ɲən-u-ru turgən-ʒi, min xoʃɯpu-wa-j iɲda bujal-ila*
 вот скоро молодец идти-REP-IMP быстрый-ADV 1SG столб-ACC-1SG собака ломать-FUT1
 ‘Эй, быстрее, молодец, уходи скорей, а то мой столб (для привязи) собаки **сломают**’. (Суник 1985: текст 7)

(17) *gə, ulən ū-ru, min tinda-wča-j guči tuk-ilə-si*
 вот хороший садиться-IMP 1SG выпускать-COND-1SG опять падать-FUT1-2SG
 ‘Ну, хорошо усаживайся! Когда я отпущу (зайца), еще **упадешь**, пожалуй’. (Суник 1985: текст 7)

Она часто встречается в аподосисе условной конструкции, ср. (18) и (14), (17) выше:

(18) *bud-i očin=də ti nā-du bud-ilə-m=əmdə*
 умирать-PRS.1SG если=EMPH так земля-DAT умирать-FUT1-1SG=QUOT
 ‘Если умру, так хоть на земле **умру**, говорит’. (tsd_171112_nst_SluchajMedvedj)

Футуральные контексты разделяют на две большие зоны — будущее предсказания (говорящий делает предположение о ситуации в будущем) и будущее намерения (субъект намеревается совершить действие в будущем), см. классификацию [Dahl 2000]. По примерам выше создается ощущение, что форма на *-ilə* тяготеет к контекстам предсказания, ср. примеры выше, а также (19).

(19) *gə, tawanči ɲənə-mdi, umu biru-wə bak-ila-ti*
 вот оттуда идти-CVB.SIM.DUR.SG один город-ACC находить-FUT1-2SG
 ‘Оттуда идя да идя, один город **найдешь**’. (Суник 1985: текст 7)

Контексты обусловленности и предсказания действительно смыкаются: предсказание делается говорящим на основании предпосылок будущей ситуации в настоящем. Но для формы на *-ilə* важна именно обусловленность (‘если пойдешь (в указанном направлении), то найдешь’). Это показывают примеры типа (20) со значением намерения, которые также встречаются в текстах.

(20) *əʒənə, bi xāl=da, siksə si, piktə-wə, sulid-ilə-mpi!*
 подожди 1SG когда=EMPH вечер 2SG ребенок-ACC подшучивать-FUT1-1SG
 ‘Подожди, я как-нибудь вечером над тобой, ребенком, **подшучу!**’ (Петрова 1936: текст 1)

Более широкий контекст примера (20) — ‘подшучу над тобой за то, что ты себя так ведешь’. Использование формы на *-ilə* связано тут, видимо, как и в предыдущих примерах, с идеей обусловленности, которая значению намерения логически не противоречит.

В приведенных выше примерах форма на *-ilə* не сопровождается частицей *=mə*. О распределении употреблений с частицей vs. без частицы *=mə* см. в отдельном разделе 5.4.

2. Форма на *-ɲə*

В грамматическом очерке [Петрова 1936: 56] сообщается, что форма на *-ɲə* «указывает как бы на пожелание совершить в будущем указанное действие». О. П. Суник [1985: 45] постулирует для нее «значение побуждения совершить действие (‘да поест-ка он’)».

Анализ употреблений формы на *-ɲə* в текстах (как было указано выше, она встретилась только в ранних текстах) позволяет уточнить ее семантику следующим образом. В целом можно сказать, что форма на *-ɲə* употребляется в контекстах, где говорящий соглашается с ожидаемым ходом событий, разрешает его или регламентирует. Можно описать это в терминах классификации отношений между локуторами, предложенной в [Храковский, Володин 1986] для описания императивов. «Субординация» между локуторами такова, что а) говорящий выше адресата и б) «заинтересованность» в ситуации не говорящего.

Есть употребления с отчетливым оттенком деонтической возможности (согласие, разрешение), ср. примеры (21), (22).

(21) *gə, geoxato, əsi si min orun-du-j əʒə o-ɲa-s=tani*
 вот бродяга здесь 2SG 1SG вместо-DAT-1SG царь стать-FUT2-2SG=a
 ‘Ну, бродяга, теперь ты вместо меня царем **станешь**’. (Суник 1985: текст 12)

- (22) *aja, b̄u dolbo ŋāča-ŋa-p=tani*
хорошо 1PL ночь идти.за-FUT2-1PL=a
'Ладно, мы ночью **пойдем возьмем**'. (Суник 1985: текст 12)

Применительно к (21) можно говорить о разрешении, в (22) — о согласии.

Встретились употребления формы на *-ŋə* в инструктивном контексте, ср. (23):

- (23) *min piču-wčə-i, aŋma-j turgə žip ta-ŋa-s=tani, tara mim-bə luŋbə-səri*
1SG прыгать-COND-1SG рот-REFL.SG быстро плотно делать-FUT2-2SG=a потом 1SG-ACC глотать-IMP.DIST
'Когда я прыгну, рот свой быстро плотно **закроешь**, затем меня проглоти'. (Суник 1985: текст 7)

Некоторые употребления формы на *-ŋə* можно характеризовать как употребления в расширенном инструктивном контексте. В этом случае говорящий информирует адресата об ожидающих его событиях, которые в той или иной степени связаны с будущими действиями самого адресата. Ср. примеры (24) и (25):

- (24) *əw-žur-ə, dāi xagdum-ba anž-u,*
спускаться-REP-CVB.NSIM большой дом-ACC строить-IMP
bi sin xami-ki-si ərkə əw-žur-ŋə-j=tani
1SG 2SG сзади-PROL-2SG тихо спускаться-REP-FUT2-1SG=a
'Вернувшись, большой дом построй, я после тебя (следом за тобой) потихоньку тоже **приду**'. (Суник 1985: текст 10)

- (25) *gə, naužakan, mim-bi xoru-ru, sini xoru-(u)čə-si, sin-du ajsi-la-ŋa-i=tani*
вот мальчик 1SG-ACC спасать-IMP 2SG спасать-COND-2SG 2SG-DAT золото-VBLZ-FUT2-1SG=a
'Ну, парнишка, меня спаси. Когда спасешь, я тебя **отблагодарю**'. (Петрова 1936: текст 4: 27)

В (24) говорящий дает адресату указание построить дом (форма императива) и сообщает о том, что придет в этот дом (форма на *-ŋə*). В (25) говорящий просит спасти его (императив) и сообщает, что за этим последует благодарность (форма на *-ŋə*).

Склонность формы на *-ŋə* к контекстам, для которых ключевым оказывается взаимодействие между локуторами, объясняет асимметрию, которая наблюдается в частотности разных лиц, см. (26):

- (26) 2p (13) > 1p (6) > 3p (0)

Употреблений в 3 лице для формы на *-ŋə* не встретилось совсем, более частотны употребления во 2 лице (контексты типа (21), (23)), менее — в 1 лице (это контексты типа (22), (24) и (25)).

Контексты употребления форм на *-ŋə* и на *-ilə* пересекаются, ср. пример (27) с инструктивным контекстом и пример (28) с контекстом согласия.

- (27) *Gə, am, əwənči ti n̄ə-p, ti ŋən-ilə-si*
вот сынок отсюда так выходить-CVB.COND так идти-FUT1-2SG
'Ну, сынок, отсюда как выйдешь, так и **пойдешь**'. (Суник 1985: текст 2)

В (27) форма на *-ilə* использована не потому, что говорящий дает адресату инструкцию (объясняет дорогу), как ожидалось бы для формы на *-ŋə* (ср. пример (23) выше). Как и в других случаях (описанных выше), на первый план выходит, видимо, предпосылка ситуации: 'если выйдешь отсюда в таком-то направлении, то дальше нужно идти в том же'.

- (28) *gə, aja ja-ila-m sun-du, s̄uə min-ti b̄u-ru-ksu mama tətə-wə-n,*
вот ладно шаманить-FUT1-1SG вы-DAT вы я-LAT давать-IMP-IMP.PL старуха халат-ACC-3SG
bi ti-wa tətə-m ja-ila-m
я тот-ACC надевать-CVB.SIM.SG шаманить-FUT1-1SG
'Ну, ладно, я **пошаманю** у вас. Вы мне дайте старухин халат. Я надену и **пошаманю**'. (Петрова 1936: текст 1)

В (28) форма на *-ilə* 'пошаманю' встречается дважды: в первом употреблении она как будто бы указывает на согласие говорящего с адресатом, как форма на *-ŋə* (ср. (22) выше), однако говорящий повторяет ее второй раз, предваряя комментарием 'дайте старухин халат'. С этим уточнением форму можно интерпретировать как выражающую обусловленность 'если дадут старухин халат, пошаманю'. Если посмотреть на более широкий контекст, оказывается, что эта обусловленность — центральная для сюжета: главный герой синица специально приходит к лисицам под видом шамана, чтобы обманом забрать у них халат. Поэтому и в первом употреблении *jailam* следует, видимо, интерпретировать как 'пошаманю, но не просто так, а с условием'.

Говоря о конкуренции форм на *-ηƏ* и на *-ilƏ*, можно также обратить внимание на приведенные выше примеры (24) и (25), в которых употребление формы на *-ηƏ* я интерпретировала как связанные с расширенным контекстом инструкции. В этих примерах с очевидностью присутствует обусловленность ('построй дом — и я приду', 'когда спасешь, я отблагодарю'), так что еще это одна точка, где пересекается круг употреблений форм на *-ilƏ* и на *-ηƏ*.

3. Презенс

Презентная форма выступает в самых разных футуральных контекстах, никакой отчетливой семантической доминанты для нее на первый взгляд не обнаруживается. Ниже приведено несколько семантически разнородных иллюстративных примеров, подобными контекстами круг употреблений презентной формы не ограничивается.

В (29) форма презенса употреблена в контексте будущего предсказания: делается прогноз о будущем на основании предпосылок в настоящем. В частности, в (29а) это контекст близкого будущего (ср. *alə* 'вот-вот').

- (29) а. *tawa, ti tawa is-i-n, alə is-i-n*
огонь тот огонь достигать-PRS-3SG вот.вот достигать-PRS-3SG
'Огонь, огонь вот-вот **подойдет**, вот-вот **подойдет!**' (lpd_171118_nst_SluchajMatjShlaIzBogorodska)
- б. *sin dūč-i-s turgun-dulə-ni mūn xotom-ba-pu čupal āmb-i-ni*
2SG долбить-PRS-2SG причина-LOC-3SG 1PL город-ACC-1PL весь затапливать-PRS-3SG
'Из-за того, что ты долбишь, наш город совсем **затопит**'. (Суник 1985: текст 12)

В (30) форма презенса выражает будущее намерения. В частности, в (30б) одна из его конкретных разновидностей — будущее запланированное:

- (30) а. *bi əj-səl-bə argāl-i*
1SG этот-PL-ACC обманывать-PRS.1SG
'Я их (этих великанов) **обману**'. (Суник 1985: текст 5)
- б. *bi xəji ηən-i-i, sū mənə ηənə-ksu*
1SG вниз.по.течению идти-PRS-1SG 1PL сам идти-IMP.PL
'Я вниз **поеду**. Вы сами (без меня) **поезжайте**'. (Суник 1985: текст 15)

В (31) форма презенса употреблена в условной конструкции, выражающей реальное условие, — и в протасисе, и в аподосисе.

- (31) *su guč min piktə-səl, əsi ta-mi*
2PL опять 1SG ребенок-PL сейчас делать-CVB.SIM.SG
buta-ηda-m ηən-i-s osin, kət dirgam-ba bā-ri-so!
рыбачить-MPURP-CVB.SIM.SG идти-PRS-2PL если очень добыча-ACC находить-PRS-2PL
'А вы, мои дети, с этих пор, если **пойдете** на рыбалку, большой улов **получите!**'
(ipr_171115_nst_LegendaRosugbuDudinskije)

Контексты близкого будущего, как в (29а) и в (30б), типологически характерны для форм настоящего времени (ср., например, русск. *Я еду вниз*, возможное в контексте (30б)). Однако, как показывает пример (31) с нереперентным контекстом ('будете получать большой улов каждый раз, когда пойдете на рыбалку') или пример (32) ниже, употребление ульчского презенса значительно шире.

- (32) *tara ti nāngu-xa ŋī-du piqtə-i bū-ri*
потом тот отгадывать-PST человек ребенок-REFL.SG давать-PRS
'И тому человеку, который отгадает, свою дочь **отдаст**'. (Суник 1985: текст 5)

В примере (32) с очевидностью имеется в виду не близкое будущее: неизвестно, когда найдется и найдется ли человек, который отгадает загадку, и отдаст ли персонаж (царь) свою дочь замуж.

Примеры (33) и (34) (а также (31), (32)) показывают, что презенс употребляется в том числе и в контекстах, где можно было бы ожидать форм на *-ηƏ* и на *-ilƏ*:

- (33) *bak-i aja*
находить-PRS.1SG хорошо
'**Найду**, ладно'. (Суник 1985: текст 7) — контекст согласия, конкуренция с формой на *-ηƏ*

- (34) *bi pargan nī, bi puč-i-i!*
 1SG смелый человек 1SG прыгать-PRS-1SG
 ‘Я смелый человек, я прыгну’. (Петрова 1936: текст 2) — контекст обусловленности, конкуренция с формой на *-ilə*

Семантические наблюдения, сделанные на материале текстов, можно обобщить следующим образом. Распределение специализированных футуральных показателей в ульчском языке строится не вокруг центрального для футуральной зоны противопоставления будущего намерения vs. предсказания (см. [Dahl 2000]). Конкурирующие показатели выбираются на разных основаниях, поэтому контексты употребления не взаимоисключающие.

Обе специализированные формы — с отчетливыми модальными оттенками, а не нейтральные формы с референцией к будущему. Интересно, что это не те модальные значения, из которых обычно развивается значение будущего времени (желание, долженствование, способность и др.), а такие, которые обычно развиваются как вторичные значения футуральных маркеров. В (35) показана классификация стадий семантического развития футуральных показателей из [Bybee et al. 1991; 1994] (четыре стадии FUTAGE 1 ... FUTAGE 4 от более ранней к более поздней), с ней соотнесены значения ульчских форм.

- (35) agent-oriented modality ↔ FUTAGE 1, FUTAGE 2
 neutral ↔ FUTAGE 3 (PRS)
 epistemic-oriented modality ↔ FUTAGE 4 *-ilə*
 speaker-oriented modality ↔ FUTAGE 4 *-ŋə*

В соответствии с типологическими наблюдениями Дж. Байби и др., на ранних стадиях грамматикализации футуральных показателей обычно наблюдаются значения модальности, ориентированной на агенса (например, значения типа ‘уметь’, ‘иметь способность к’). Значения эпистемической модальности (‘быть вероятным’ и под.), как у *-ilə*, и модальные значения, связанные с участниками речевого акта, как у *-ŋə*, наоборот, склонны развиваться как вторичные значения будущего времени на поздних стадиях.

Не удается обнаружить существенных семантических различий в употреблении форм будущего времени между ранними текстами и поздними (в связи с этим выше все текстовые данные обсуждаются без разделения по периодам). Это может быть связано просто с низкой частотностью футуральных форм в поздних текстах: форма на *-ilə* в них встречается редко, а форма на *-ŋə* не встретилась вовсе. Чтобы уточнить, как футуральные формы распределены в речи современных носителей, ниже я привлекаю данные элицитации.

5.3. Данные элицитации

В этом разделе обсуждаются данные элицитации — от двух носителей с более активным ульчским (*gip* и *tsd*) и одного носителя с более пассивным ульчским (*nvk*), см. раздел 2. Общее распределение показателей, использованных тремя носителями при переводе предложений с референцией к будущему на ульчский язык, показано в таблице 10.

Таблица 10. Распределение показателей в футуральной зоне: данные элицитации

	<i>gip</i> (1934)		<i>tsd</i> (1937)		<i>nvk</i> (1946)	
PRS	13	41,94%	20	51,28%	27	58,70%
<i>-ŋə</i>	1	3,23%	1	2,56%	0	0,00%
<i>-ilə</i>	9	29,03%	8	20,51%	4	8,70%
прочее*	8	25,81%	10	25,64%	15	32,61%
всего	31	100,00%	39	100,00%	46	100,00%

* Не включены: императив, имперсонал, дезидератив, модальные глаголы.

Данные таблицы 10 показывают, что оба специализированных футуральных маркера — *-ilə* и *-ŋə* — опознаются носителями старшего поколения и употребляются при переводе с русского в некоторых специальных контекстах, в т. ч. для формы на *-ŋə* это всего один контекст из всей футуральной анкеты. Доля специализированных маркеров выше у двух носителей с более активным ульчским, чем у носителя с более пассивным ульчским.

В таблице 11 перечислены все предложения, которые хотя бы один из носителей перевел с помощью специализированной футуральной формы (на *-ilə* или на *-ŋə*).

Таблица 11. Контексты с *-ŋə* и *-ilə* (как минимум у одного носителя)

№	gip	tsd	nvk	контекст
5_add	<i>-ŋə</i>	<i>-ŋə</i>	NA	Я не успел купить хлеба. Ничего, потом купишь .
100_FTRQ	<i>-ilə=mə</i>	<i>-ilə(=mə)</i>	<i>-ilə</i>	Когда ты услышишь эту сказку, ты будешь смеяться .
8_add	<i>-ilə=mə</i> (на - \emptyset)	<i>-ilə=mə</i> (на - \emptyset)	PRS	Когда-нибудь я куплю собственный дом.
10_add	<i>-ilə=mə</i>	<i>-ilə</i>	PRS	Рано или поздно это яблоко упадет нам на голову.
12_add	<i>-ilə</i>	<i>-ilə</i>	PRS	Не подходи к собаке. Еще укусит!
44_FTRQ	<i>-ilə=mə</i>	<i>-ilə=mə</i>	PRS	(Мой брат устал.) Завтра он встанет поздно.
101_FTRQ	<i>-ilə=mə</i>	<i>-ilə=mə</i>	PRS	(Прими это лекарство.) Оно тебе поможет .
13_add	<i>-ilə=mə</i> (на - \emptyset)	PRS	<i>-ilə=mə</i> (на - \emptyset)	Если позовешь, приду . (А если не позовешь, не приду.)
2_add	NA	<i>-ilə</i>	NA	(Один вор говорит другому:) А что если кто-нибудь нас увидит!
6_add	NA	<i>-ilə=mə</i>	NA	Если я удачливый, выиграю .
97_FTRQ	NA	NA	<i>-ilə=mə</i>	(Ты обещал сварить мне кашу. Когда она будет готова?) Она будет готова через 5 минут.
14_add	NA	NA	<i>-ilə=mə</i>	(Пока не открывай окно) Мы откроем окно, когда он уйдет!
31_FTRQ	<i>-ilə=mə</i> (на - \emptyset)	DESID	PRS	(Что ты будешь делать сегодня вечером?) Вечером я буду чинить сеть.
80_FTRQ	<i>-ilə=mə</i> (на - \emptyset)	DESID	PRS	Я должен поблагодарить брата за помощь.

* Помета «NA» ставилась, если от данного носителя не удалось получить нужный контекст. В столбце «№» помета «_FTRQ» означает, что предложение взято из анкеты AUTOTYP (нумерация исходная), помета «_add» означает, что это одно из дополнительных предложений. Интересующие нас контексты в русских стимульных предложениях выделены полужирным.

** Для формы на *-ilə* также указано, сопровождалась ли она клиткой *=mə* (дополнительно указано, если форма 1 или 2 лица с *=mə* не содержала личного аффикса). Обсуждение клитки *=mə* см. ниже в разделе 5.4.

Распределение специализированных показателей по контекстам похоже у всех трех носителей. По семантике контексты в большинстве соответствуют ожидаемым (см. о значениях футуральных показателей по данным текстов выше, в разделе 5.2).

Единственное употребление формы на *-ŋə* (двумя носителями) приходится на контекст разрешения (5_add).

Для формы на *-ilə* в целом подтверждается высказанное на материале текстов предположение о том, что она используется, если ситуация в будущем подкрепляется теми или иными предпосылками. Все три носителя употребили форму на *-ilə* в главной части предложения с временным зависимым (100_FTRQ): *будешь смеяться, когда услышишь*. Два носителя из трех использовали ее в аппрехенсивном контексте (10_add, 12_add, еще по одному такому контексту, 2_add, есть данные только от одного носителя). В контексте условия с будущим намерения (13_add) форму на *-ilə* также использовали два носителя из трех (ср. также 14_add), по контексту условия с будущим предсказания (6_add) есть данные по одному носителю: он употребляет *-ilə*. Употребление *-ilə* двумя из трех носителей в контекстах 44_FTRQ и 101_FTRQ также можно связать с условием — имплицитным, заданным предтекстом (*лекарство поможет, если примешь его, встанет поздно, раз устал*), употребление *-ilə* носителем gip в 80_FTRQ — с причинной посылкой (*потому что брат поможет*)⁶. Не до конца понятно употребление одним носителем формы на *-ilə* в предложениях 97_FTRQ (возможно, влияет длинный предтекст, который носитель интерпретировал как посылку для совершения действия) и 31_FTRQ (будущее намерения без дополнительных оттенков).

⁶ Показательно, что этот носитель несколько перестроил фразу: «{Когда брат мне поможет}, я ему скажу: «Спасибо, брат!»».

От одного из трех носителей (tsd) были дополнительно собраны данные по двум конкретным ключевым контекстам, выявленным для форм на *-ilə* и *-ŋə*, — контексту типа 12_add (36a) и 5_add (36b):

- (36) а. ‘Вдруг он (пойдет в лес один)!’ — аппрехенсивный контекст: предостережение о возможной неприятной ситуации в будущем, 3 лицо; ожидается форма на *-ilə*
 б. ‘{Не ходи в лес}, потом (пойдешь)’ — разрешение отложить действие, 2 лицо; ожидается форма на *-ŋə*

Эти два контекста были спрошены для 9 разных глаголов. Как и для стимулов из таблицы 10, носителю давалось предложение на перевод с русского, с расширенным эксплицитным контекстом. Все предложения на русском были построены единообразно (повторяющаяся конструкция в (36) подчеркнута). Интересующие нас стимульные предложения перемежались со стимульными предложениями на другие модальные и видо-временные формы. Перевод 7 из 9 предложений типа (36a) содержал форму на *-ilə* (без энклитики =*mə*)⁷. Перевод всех предложений типа (36b) содержал форму на *-ŋə*.

5.4. Клитика =*mə* в форме на *-ilə*

В разделе 3.1 было упомянуто, что форма на *-ilə* может иметь при себе энклитическую частицу =*mə*. В [Петрова 1936: 62; Суник 1985: 46] клитика =*mə* включена в парадигму для форм 3 лица (но не 1 и 2 лиц). Эксплицитно ее употребление не комментируется, но как будто бы из этого следует, что она употребляется только с формами 3 лица и с ними ее употребление обязательно. Ниже я проверю, так ли это и происходят ли изменения в речи современных носителей. С морфологической точки зрения указанное распределение правдоподобно: формы 3 лица, по крайней мере, ед. ч., не имеют лично-числового показателя (см. разделы 3.2 и 4), а формы 1 и 2 лиц — имеют (и это может блокировать употребление энклитики).

В таблице 12 приведены текстовые данные по каждой лично-числовой форме для ранних текстов и для поздних текстов.

Таблица 12. Клитика =*mə* в форме на *-ilə*: данные текстов

	SG		PL	
	ранние тексты	поздние тексты	ранние тексты	поздние тексты
1	15 (+6) 2 (оба на -Ø)	0 (+1) 0	0 (+1) 2 (из них 1 на на -Ø)	0 1
2	30 (+2, из них 1 на -Ø) 5	0 (+1) 1	2 0	1 0
3	14 (+3) 3	0 3	0 0	0 0

* Подсчеты даны в формате: количество употреблений без =*mə* || количество употреблений с =*mə*.

** Примеры, в которых отсутствует клитика =*mə*, но присутствует другая энклитика, подсчитаны отдельно, их количество дано в скобках: «(+N)».

Данные таблицы 12 по ранним текстам дают картину несколько отличную от той, которую можно ожидать исходя из кратких описаний Петровой и Суника. Клитика =*mə* употребляется во всех лицах. И для всех лиц (по крайней мере, для тех форм, по которым достаточно данных), в т. ч. и для 3 лица, употребление без клитики частотнее, чем употребление с клитикой. В поздних текстах употреблений слишком мало, чтобы можно было давать какие-либо количественные оценки. Для всех лиц, кроме 3, встретились и употребления без клитики, и употребления с клитикой. Для 3 лица встретились только употребления с клитикой, но их всего 3.

Результат элицитации парадигмы от современных носителей (см. раздел 4) укладывается в описание Петровой и Суника значительно лучше. В качестве нейтральных для форм 1 и 2 лица действительно последовательно даются формы без клитики, а для 3 — формы с клитикой. Но при этом признаются грамматичными как формы с клитикой для 1 и 2 лиц, так и формы без клитики для 3 лица.

Если клитика =*mə* присоединяется к формам с референцией к 1SG и 3PL, в этих формах отсутствует лично-числовой показатель (см. таблицы 5 в разделе 4); к формам 2 лица и 1PL клитика может присоединяться и при наличии показателя⁸.

⁷ Оставшиеся 2 предложения были переведены специальной конструкцией V-CV.V.SIM + *qādāsi*.

⁸ В случае с формой 1SG дело, видимо, в морфонологии: форма с лично-числовым показателем 1SG оканчивается на *-mbi*, при присоединении энклитик аффикс *-bi* обычно усекается, т. е. форма оканчивается на *-m*. Клитика

Для форм 3 лица с клитикой и без клитики носитель отмечает разницу в значении. С ней, видимо, и связана разница между данными элицитации и данными из очерков, с одной стороны, и данными текстов, с другой стороны. Говоря о семантике клитики $=m\theta$, уместно привести данные о других ее употреблениях и о ее функциях в близкородственном нанайском. Нанайская клитика $=m\theta$ описывается в грамматике [Аврорин 1961: 267] как «усилительная частица-суффикс». Она употребляется при двух глагольных формах — форме презенса индикатива (соответствующей ульчскому Презенсу II, см. раздел 3.1) и форме будущего времени на $-j\theta$ (не имеющей эквивалента в ульчском языке, см. раздел 3.3). Форма будущего с клитикой $=m\theta$ рассматривается в грамматике как особая форма «будущего второго» [Аврорин 1961: 110—114]. В. А. Аврорин постулирует для будущего второго (на $=m\theta$) «оттенок вынужденности, не зависящей от воли действующего лица неизбежности вероятного действия» [1961: 110], в переводах иллюстративных примеров используется конструкция *придется сделать*. При этом Аврорин отмечает, что семантическая разница между формами будущего первого (без $=m\theta$) и будущего второго (на $=m\theta$) размыта. Это еще более верно для современной нанайской речи. В текстах форма с $=m\theta$ встречается крайне редко и какое-либо специальное значение для нее выделить сложно: единственный футуральный контекст, в котором носители последовательно запрещают употребление $=m\theta$ — аппрехенсивный (контекст предостережения), см. [Стойнова 2013].

В ульчском языке клитика $=m\theta$ не очень частотна, однако в наших текстах зафиксировано ее употребление не только при глаголе, но и за пределами глагольных форм, см. (37):

- (37) *araq turgun-dulə-ni=mə ćupal bud-i-ti*
 водка причина-LOC-3SG=PTCL весь умирать-PRS-3PL
 ‘Из-за водки все умирают’. (Ulcha_OD_biography)

Что касается употребления с формой 3 лица будущего времени на $-il\theta$, носитель *nvk*, с которым проводилась элицитация глагольной парадигмы от достаточного числа глаголов, последовательно⁹ предлагает для формы без клитики $=m\theta$ и с клитикой контрастивные контексты типа (38):

- (38) а. *ǰəp-tilə* ‘{убери рыбу}, а то съест’
 б. *ǰəp-tilə=mə* ‘{пока не давай,} потом съест’

В обоих случаях присутствует оттенок возможности, обусловленный текущим положением дел (см. общее толкование формы на $-il\theta$ в разделе 5.1), однако в (38а) (без $=m\theta$) это эпистемическая возможность и аппрехенсивный контекст, а в (38б) (с $=m\theta$) возможность, которую уместнее охарактеризовать скорее как внешнюю онтологическую: не возникнет препятствий для совершения V. Основная разница — в оценке ситуации говорящим: в (38а) говорящий оценивает ситуацию как нежелательную, а в (38б) — ситуация желательная и для субъекта, и для говорящего.

Различие, намеченное в (38), хорошо согласуется с запретом на $=m\theta$ в аппрехенсивном контексте, обнаруженном в нанайском языке. Данные элицитации от других носителей (переводы стимульных предложений с русского, анализируемые в разделе 5.3, см. таблицу 11) как будто бы также его подтверждают. Носитель *tsd*, которому предлагалось перевести фразу с аппрехенсивным контекстом для 9 глаголов, ни разу не употребил клитику $=m\theta$. Не очень многочисленные данные текстов существенно дополнить картину не позволяют.

6. Результаты, обсуждение результатов

Исходную структуру футуральной зоны в ульчском языке (до языкового сдвига) можно реконструировать следующим образом. Семантическую зону обслуживают три основных конкурирующих формы — презенс, форма на $-il\theta$ и форма на $-ŋ\theta$. Наиболее частотен в значении будущего времени презенс, менее — форма на $-il\theta$, реже всего употребляется форма на $-ŋ\theta$. Это коррелирует с семантическим охватом каждой из форм. Форма презенса выступает как дефолтная. Форма на $-il\theta$ обслуживает контексты, связанные с эпистемической модальностью, и, шире, разного рода контексты обусловленности, контексты, предполагающие наличие эксплицитных предпосылок для ситуации в будущем. Форма на $-ŋ\theta$ обслужи-

же, наоборот, начинается на *m*-. Для 3PL отсутствие лично-числового показателя в контексте клитики может подкрепляться, во-первых, общей факультативностью лично-числового показателя в 3 лице, во-вторых, аналогией с нулевой формой 3SG.

⁹ Несколько более сложные и менее последовательные комментарии сопровождали элицитацию неконтролируемых глаголов.

вает модализованные контексты, связанные с ориентацией на участников речевого акта (speaker-oriented modality): контексты, где говорящий соглашается с ожидаемым ходом событий, разрешает его или регламентирует. Семантические доминанты форм на *-ilə* и *-ŋə* выделяются на разных основаниях, поэтому контексты их употребления частично пересекаются; пересекаются они, естественно, и с контекстами употребления неспециализированной формы презенса. Таким образом, футуральные формы изначально распределены так, что ни у одной нет «незаменимой» области употребления (здесь следует принять во внимание также конкуренцию с модальными и императивными средствами, которая не обсуждалась в работе подробно).

Что происходит с этой системой в условиях языкового сдвига? Во-первых, в поздних текстах в целом меньше футуральных контекстов: отчасти, это косвенно связано с упрощением языка и сокращением его функций. В частности, заметно редуцируется жанр сказки, для которого в коллекции ранних текстов футуральные контексты были особенно характерны. Во-вторых, как и ожидалось, наблюдается экспансия неспециализированной (презентной) формы и сокращение числа употреблений специализированных маркеров, т. е. движение в сторону уменьшения избыточности, см. обсуждение типов упрощения системы в разделе 1. Стоит, однако, отметить, что презентная форма в футуральном контексте и изначально была наиболее частотна и имела наиболее широкий круг контекстов употребления, это само по себе не результат языкового сдвига. То есть можно сказать, что исходно более частотная форма начинает употребляться еще чаще, а исходно менее частотные — еще реже. Верно и то, что реже начинают использоваться средства с более сложными правилами употребления и чаще — семантически нейтральное средство.

Интересно, что если частотность специализированных футуральных форм, как и ожидалось, действительно уменьшается, то собственно в семантике заметных изменений нет. Презентная форма изначально склонна к очень широкому употреблению, и никаких принципиально новых контекстов, как кажется, не приобретает. Специализированные же формы используются реже, но тоже в изначально свойственных им контекстах. Ни сужения числа таких контекстов, ни какой бы то ни было хаотизации употребления футуральных форм не наблюдается.

Можно также посмотреть на наши данные с точки зрения возможного грамматического копирования русской системы. В русском языке нет форм, которые по набору контекстов употребления были бы в точности похожи на ульчские специализированные футуральные формы. В этом смысле поддержки в русской системе они не находят — и снижение их частотности снова закономерно, а семантическая сохранность — интересна. При этом нельзя сказать, чтобы использование формы презенса в футуральных контекстах поддерживалось русской системой. В русском языке морфологически единая форма обслуживает контексты настоящего времени для глаголов НСВ (*читает*) и контексты будущего времени для глаголов СВ (*прочитает*), однако для одного и того же глагола значения настоящего и будущего времени не совмещаются. Поэтому использование формы презенса в футуральных контекстах в ульчском языке параллелизма с русским языком не обнаруживает.

Что касается морфологических изменений, их можно наблюдать в форме на *-ilə*. По свидетельству Т. И. Петровой и О. П. Суника, изначально она употреблялась с особым набором лично-числовых показателей. В речи современных носителей они частично вытесняются показателями, характерными для большей части глагольной парадигмы, т. е. можно говорить о таком типе упрощения системы, как регуляризация парадигмы (см. раздел 1). Однако данные ранних текстов показывают, что смешанный набор лично-числовых показателей наблюдался в этой форме еще до языкового сдвига. Таким образом, языковой сдвиг, видимо, действительно форсирует наблюдаемую регуляризацию глагольной парадигмы, но не инициирует ее.

Рассмотренный фрагмент данных слишком мал, чтобы делать какие бы то ни было глобальные обобщения, но он довольно логично перекликается с другими наблюдениями о грамматических изменениях в ситуации языкового сдвига, характерных для малых языков Сибири и Дальнего Востока. Такие наблюдения делались, например, об изменениях в области полипредикации. Л. Гренобль [Grenoble 2009] на примере эвенкийского языка (северно-тунгусские, Сибирь) демонстрирует, что в ситуации контакта с русским языком и языкового сдвига в языке с нефинитной стратегией сочинения и подчинения клауз могут, с одной стороны, появляться заимствованные из русского языка союзы, а с другой — снижаться частотность нефинитных форм и повышаться частотность финитных. Эта тема развивается в последующих работах [Овсянникова, Ханина 2018] и [Barbier 2021]. В [Овсянникова, Ханина 2018] на материале лесного энецкого языка (северно-самодийские, Таймыр) рассмотрено соотношение финитных и нефинитных клауз в текстах разного времени: изменения в их распределении действительно есть, но простой тенденции к увеличению числа всех финитных форм и уменьшению числа всех нефинитных нет. В [Barbier 2021] рассмотрено использование адвербиальных клауз с русскими союзами в негидальском языке

(северно-тунгусские, Нижний Амур): несмотря на очень активный контакт с русским языком, использование русских союзов и синтаксическая перестройка адвербиальных клауз по русскому образцу оказывается, вопреки исходным ожиданиям автора, крайне маргинальным явлением. Таким образом, в более характерной для данного региона ситуации, когда языковой контакт оказывается менее продолжительным, чем в случае с эвенкийским языком, грамматические рефлексы языкового сдвига в области полипредикации могут быть более неожиданными и менее отчетливыми, чем можно было бы ожидать. Обобщая эти выводы на другие области грамматики, то же можно, видимо, сказать и применительно к ульчскому языку, который сопоставим с энецким социолингвистически, а к негидальскому близок и социолингвистически, и ареально.

7. Заключение

Как было сказано выше, период языкового контакта в данном случае очень короткий, с жесткой асимметрией между языками (доминирующий русский, вытесняющий ульчский), нет ситуации, при которой на протяжении нескольких поколений наблюдался бы стабильный симметричный билингвизм. Видимо, для такой социолингвистической ситуации то, что мы видим в грамматике, вполне характерно.

Что касается набора форм с референцией к будущему и их функций, происходят некоторые сдвиги в частотности, и они вполне согласуются с ожиданиями, демонстрируя как будто бы тенденцию к уменьшению числа грамматических противопоставлений и упрощению системы. Но на уровне семантики никаких изменений произойти не успевает — ни тех, которые можно было бы связать с распадом системы в условиях языкового сдвига, ни тех, которые можно было бы объяснить копированием системы контактирующего языка. Та же картина наблюдается и на морфологическом уровне: есть тенденция к регуляризации парадигмы, но она намечается до языкового сдвига, а языковой сдвиг способствует лишь ее усилению.

Эти выводы, сделанные на небольшом фрагменте данных, указывают на следующие возможные перспективы и ограничения для дальнейшего исследования. Во-первых, поиск контактных явлений и явлений, связанных с языковым сдвигом, в грамматике языка, подвергшегося очень интенсивному, но очень краткому контакту, за которым следует резкий языковой сдвиг, может дать более скромные и более тривиальные результаты, чем можно было бы ожидать, и кажущиеся его рефлекс в грамматике, видимо, следует подвергать тщательной проверке. Во-вторых, такого рода рефлекс, видимо, имеет смысл искать на уровне частотности в большей степени, чем на уровне собственно качественных изменений. Наконец, в-третьих, если материал, собранный от последних носителей, может дать меньше ожидаемого для исследования контактных и связанных с языковым сдвигом изменений, то для описания собственно системы языка он может дать, таким образом, наоборот, больше, чем можно было бы ожидать. Такие данные до тех пор, пока их удастся извлечь, обладают, видимо, вполне достаточной надежностью и фиксируют в общих чертах ту же грамматическую систему, что и «до языкового сдвига».

С о к р а щ е н и я

1, 2, 3 — 1, 2, 3 лицо	IMP — императив	PROPR — проприетив
ACC — аккузатив	IMPS — имперсонал	PRS — настоящее время
ADV — адвербиализатор	INS — инструменталис	PRS2 — настоящее время
CAUS — каузатив	INTERJ — междометие	PST — прошедшее время
COND — кондиционал	IPFV — имперфектив	PTCL — частица
CONNNEG — коннегатив	LAT — латив	PURP — цель
CVB — деепричастие	LOC — локатив	Q — вопросительная частица
DAT — датив	MPURP — движение с целью	QUOT — цитативная частица
DESID — дезидератив	NEG — отрицание	REFL — рефлексив
DIST — временная дистанция	NSIM — неодновременность	REP — рефактив
DISTR — дистрибутив	PL — множественное число	RUS — русский фрагмент
DUR — дуратив	POSS — посессивный показатель	SG — единственное число
EMPH — эмфаза	PRED — предикативный показатель	SIM — одновременность
FUT1 — будущее время	PROH — прохобитив	SUBJ — сослагательное наклонение
FUT2 — будущее время	PROL — пролатив	SUPERL — суперлатив
		VBLZ — вербализатор

Л и т е р а т у р а

- Аврорин 1961 — *В. А. Аврорин*. Грамматика нанайского языка. Т. II. М.—Л.: Изд. АН СССР, 1961.
- Герасимова 2002 — *А. Н. Герасимова*. Нанайский и ульчский языки в России: сравнительная характеристика социолингвистической ситуации // *Языки Коренных народов Сибири*. 2002, 12. С. 246—257.
- Груздева 2007 — *Е. Ю. Груздева*. Языковая аттриция в системе языковых изменений // *Языковые изменения в условиях языкового сдвига*. СПб.: Нестор-История, 2007. С. 16—58.
- Иващенко (Ред.) 1994 — *Л. Я. Иващенко*. (Отв. ред.). История и культура ульчей в XVII—XX вв.: историко-этнографические очерки. СПб.: Наука, 1994.
- Иващенко, Старцев 1994 — *Л. Я. Иващенко, А. Ф. Старцев*. Школьное обучение // *Л. Я. Иващенко*. (Отв. ред.) История и культура ульчей в XVII—XX вв.: историко-этнографические очерки. СПб.: Наука, 1994. С. 139—145.
- Овсянникова, Ханина 2018 — *М. А. Овсянникова, О. В. Ханина*. Что происходит с языком, когда на нем перестают говорить? (данные нефинитных форм лесного диалекта энецкого языка) // *Кс. П. Семенова*. (Ред.) Малые языки в большой лингвистике. Сборник трудов конференции. М.: Буки Веди, 2018. С. 151—158.
- Оскольская, Стойнова 2019 — *С. А. Оскольская, Н. М. Стойнова*. Изменения именной парадигмы в ульчском языке в условиях языкового сдвига // *Урало-алтайские исследования*. 2019, 2(33). С. 66—82.
- Петрова 1936 — *Т. И. Петрова*. Ульчский диалект нанайского языка. М.: Учпедгиз, 1936.
- Старцев 1994 — *А. Ф. Старцев*. Хозяйство ульчей в годы Советской власти // *Л. Я. Иващенко*. (Отв. ред.) История и культура ульчей в XVII—XX вв.: историко-этнографические очерки. СПб.: Наука, 1994. С. 36—49.
- Стойнова 2013 — *Н. М. Стойнова*. Будущее время в нанайском языке // *Проблемы языка*. Сборник статей по материалам конференции «Проблемы языка: взгляд молодых ученых» (ИЯз РАН, сентябрь 2013). М.: ИЯз, 2013. С. 326—341.
- Стойнова 2018 — *Н. М. Стойнова*. Глагольное отрицание в ульчском языке: полевые данные // *Проблемы языка*. Сборник научных статей по материалам шестой конференции-школы «Проблемы языка: взгляд молодых ученых» (12—14 марта 2018 г.). М.: Канцлер, 2018. С. 181—203.
- Сумбатова, Гусев 2016 — *Н. П. Сумбатова, В. Ю. Гусев*. Ульчский язык // *В. Ю. Михальченко* (Гл. ред.) *Язык и общество*. Энциклопедия. М.: Азбуковник, 2016. С. 513—515.
- Суник 1962 — *О. П. Суник*. Глагол в тунгусо-маньчжурских языках: морфологическая структура и система форм глагольного слова. М.—Л., 1962.
- Суник 1985 — *О. П. Суник*. Ульчский язык: исследования и материалы. Л., 1985.
- Храковский, Володин 1986 — *В. С. Храковский, А. П. Володин*. Семантика и типология императива. Русский императив. Л.: Наука, 1986.
- Barbier 2021 — *Barbier L.* Russian influence on Upper Negidal adverbial clauses // *The second conference Indigenous languages of Russia in contact with Russian. Book of abstracts*. Moscow: V. V. Vinogradov Russian Language Institute & Institute of Linguistics, RAS, 2021. P. 13—15.
- Bybee et al. 1991 — *J. L. Bybee, W. P. Pagliuca, R. D. Perkins*. Back to the future // *E. C. Traugott, B. Heine* (Eds.). *Approaches to grammaticalization*, Vol. 2: Types of grammatical markers. Amsterdam: John Benjamins, 1991.
- Bybee et al. 1994 — *J. L. Bybee, R. D. Perkins, W. P. Pagliuca*. *The evolution of grammar: tense, aspect and modality in the languages of the world*. Chicago: University of Chicago Press, 1994.
- Dahl 2000 — *Ö. Dahl*. The grammar of future time reference in European languages // *Ö. Dahl*. (Ed.). *Tense and Aspect in the Languages of Europe*. Berlin—New York: Mouton de Gruyter, 2000.
- Dorian 1981 — *N. C. Dorian*. *Language Death: The Life Cycle of a Scottish Gaelic Dialect*. Philadelphia: University of Pennsylvania Press, 1981.
- Grenoble 2009 — *L. Grenoble*. Losing it in Siberia: Assessing the impact of contact // *Proceedings from the Annual Meeting of the Chicago Linguistic Society*. 2009, 45. P. 143—159.
- Kantarovich et al. 2021 — *J. Kantarovich, L. Grenoble, A. Vinokurova, E. Nesterova*. Complexity and Simplification in Language Shift // *Frontiers in Communication*. 2021, 6 (Online first: <https://www.frontiersin.org/articles/10.3389/fcomm.2021.638118/full>).
- Malchukov, Ogawa 2011 — *A. Malchukov, A. Ogawa*. Towards a typology of impersonal constructions: A semantic map approach // *A. Malchukov, A. Siewerska* (Eds.). *Impersonal constructions. A cross-linguistic perspective*. Amsterdam—Philadelphia: John Benjamins, 2011. P. 19—56.
- Miestamo 2005 — *M. Miestamo*. Standard negation: the negation of declarative verbal main clauses in a typological perspective. Berlin: Mouton de Gruyter, 2005.
- Sasse 1992 — *H.-J. Sasse*. Theory of language death // *M. Brenzinger*. (Ed.). *Language Death. Factual and Theoretical Explorations with Special Reference to East Africa*. Berlin: De Gruyter, 1992. P. 7—30.
- Sasse 2001 — *H.-J. Sasse*. Typological changes in language obsolescence // *M. Haspelmath et al.* (Eds.). *Language typology and language universals: An international handbook*. Vol. 2. Berlin: Walter de Gruyter, 2001. P. 1668—1677.
- Schmidt 1985 — *A. Schmidt*. *Young People's Dyribal*. Cambridge: Cambridge University Press, 1985.

References

- Avrorin 1961 — Avrorin V. A. *Grammatika nanaiskogo yazyka*. T. II. M.—L.: Izd. AN SSSR, 1961. {Avrorin V. A. *A Nanai grammar*. V. II. Moscow—Leningrad: AS USSR, 1961.}
- Barbier 2021 — Barbier L. Russian influence on Upper Negidal adverbial clauses. In: *The second conference Indigenous languages of Russia in contact with Russian. Book of abstracts*. Moscow: V. V. Vinogradov Russian Language Institute & Institute of Linguistics, RAS, 2021. P. 13—15.
- Bybee et al. 1991 — Bybee J. L., Pagliuca W. P., and R. D. Perkins. Back to the future. In: Traugott E. C., and B. Heine (Eds.). *Approaches to grammaticalization*, Vol. 2: Types of grammatical markers. Amsterdam: John Benjamins, 1991.
- Bybee et al. 1994 — Bybee J. L., Perkins R. D., and W. P. Pagliuca. *The evolution of grammar: tense, aspect and modality in the languages of the world*. Chicago: University of Chicago Press, 1994.
- Dahl 2000 — Dahl Ö. The grammar of future time reference in European languages. In: Dahl Ö. (Ed.). *Tense and Aspect in the Languages of Europe*. Berlin—New York: Mouton de Gruyter, 2000.
- Dorian 1981 — Dorian N. C. *Language Death: The Life Cycle of a Scottish Gaelic Dialect*. Philadelphia: University of Pennsylvania Press, 1981.
- Gerasimova 2002 — Gerasimova A. N. Nanaiskii i ul'chskii yazyki v Rossii: sravnitel'naya kharakteristika sotsiolingvicheskoi situatsii. In: *Yazyki Korenykh narodov Sibiri*. 2002, 12. S. 246—257. {Gerasimova A. N. *Nanai and Ulcha in Russia: a comparative characteristics of the sociolinguistic situation*. In: *Languages of indigenous peoples of Siberia*. 2002, 12. P. 246—257.}
- Grenoble 2009 — Grenoble L. Losing it in Siberia: Assessing the impact of contact. In: *Proceedings from the Annual Meeting of the Chicago Linguistic Society*. 2009, 45. P. 143—159.
- Gruzdeva 2007 — Gruzdeva E. Yu. Yazykovaya attritsiya v sisteme yazykovykh izmenenii. In: *Yazykovye izmeneniya v usloviyakh yazykovogo sdviga*. SPb.: Nestor-Istoriya, 2007. S. 16—58. {Gruzdeva E. Yu. *Language attrition in the system of language change*. In: *Language change in language shift*. Saint Petersburg: Nestor-Istoria, 2007. P. 16—58.}
- Ivashchenko (Red.) 1994 — Ivashchenko L. Ya. (Otv. red.). *Istoriya i kul'tura ul'chei v XVII—XX vv.: istoriko-ethnograficheskie ocherki*. SPb.: Nauka, 1994. {Ivashchenko L. Ya. (Ed.). *The history and culture of the Ulcha people in the XVII—XX cent.: historical-ethnographic essays*. Saint Petersburg: Nauka, 1994.}
- Ivashchenko, Startsev 1994 — Ivashchenko L. Ya., Startsev A. F. Shkol'noe obuchenie. In: Ivashchenko L. Ya. (Otv. red.) *Istoriya i kul'tura ul'chei v XVII—XX vv.: istoriko-ethnograficheskie ocherki*. SPb.: Nauka, 1994. S. 139—145. {Ivashchenko L. Ya., and A. F. Startsev. *School education*. In: Ivashchenko L. Ya. (Ed.). *The history and culture of the Ulcha people in the XVII—XX cent.: historical-ethnographic essays*. Saint Petersburg: Nauka, 1994. P. 139—145.}
- Kantarovich et al. 2021 — Kantarovich J., Grenoble L., Vinokurova A., and E. Nesterova. Complexity and Simplification in Language Shift. In: *Frontiers in Communication*. 2021, 6 (Online first: <https://www.frontiersin.org/articles/10.3389/fcomm.2021.638118/full>).
- Khrakovskii, Volodin 1986 — Khrakovskii V. S., Volodin A. P. Semantika i tipologiya imperativa. *Russkii imperativ*. L.: Nauka, 1986. {Khrakovskiy V. S., and A. P. Volodin. *The semantics and typology of imperatives*. Leningrad: Nauka, 1986.}
- Malchukov, Ogawa 2011 — Malchukov A., and A. Ogawa. Towards a typology of impersonal constructions: A semantic map approach. In: Malchukov, A., and A. Siewerska (Eds.). *Impersonal constructions. A cross-linguistic perspective*. Amsterdam—Philadelphia: John Benjamins, 2011. P. 19—56.
- Miestamo 2005 — Miestamo M. Standard negation: the negation of declarative verbal main clauses in a typological perspective. Berlin: Mouton de Gruyter, 2005.
- Oskol'skaya, Stoinova 2019 — Oskol'skaya S. A., Stoinova N. M. Izmeneniya imennoi paradigmy v ul'chskom yazyke v usloviyakh yazykovogo sdviga. In: *Uralo-altaiskie issledovaniya*. 2019, 2(33). S. 66—82. {Oskol'skaya S. A., and N. M. Stoinova. *Changes in noun paradigm in Ulcha in the situation of language shift*. In: *Ural-Altai Studies*. 2019, 2(33). P. 66—82.}
- Ovsyannikova, Khanina 2018 — Ovsyannikova M. A., Khanina O. V. Chto proiskhodit s yazykom, kogda na nem perestayut govorit'? (dannye nefinitnykh form lesnogo dialekta ehnetskogo yazyka). In: Semenova Ks. P. (Red.) *Malye yazyki v bol'shoi lingvistike. Sbornik trudov konferentsii*. Moskva: Buki Vedi, 2018. C. 151—158. {Ovsyannikova M. A., and O. V. Khanina. *What happens to a language when it is no longer spoken? Non-finite forms in Forest Enets*. In: Semenova Ks. P. (Ed.) *Minority languages in a large linguistics. Conference proceedings*. Moscow: Buki Vedi, 2018. P. 151—158.}
- Petrova 1936 — Petrova T. I. *Ul'chskii dialekt nanaiskogo yazyka*. M.: Uchpedgiz, 1936. {Petrova T. I. *The Ulcha dialect of Nanai*. Moscow: Uchpedgiz, 1936.}
- Sasse 1992 — Sasse H.-J. Theory of language death. In: Brenzinger M. (Ed.). *Language Death. Factual and Theoretical Explorations with Special Reference to East Africa*. Berlin: De Gruyter, 1992. P. 7—30.
- Sasse 2001 — Sasse H.-J. Typological changes in language obsolescence. In: Haspelmath M. et al. (Eds.). *Language typology and language universals: An international handbook*. Vol. 2. Berlin: Walter de Gruyter, 2001. P. 1668—1677.

Schmidt 1985 — Schmidt A. *Young People's Dyrbal*. Cambridge: Cambridge University Press, 1985.

Startsev 1994 — Startsev A. F. Khozyaistvo ul'chei v gody Sovetskoi vlasti. In: Ivashchenko L. YA. (Otv. red.) *Istoriya i kul'tura ul'chei v XVII—XX vv.: istoriko-ehnologicheskie ocherki*. SPb.: Nauka. S. 36—49. {Startsev A. F. The Ulcha's economy under the Soviet regime. In: Ivashchenko L. Ya. (Ed.). *The history and culture of the Ulcha people in the XVII—XX cent.: historical-ethnographic essays*. Saint Petersburg: Nauka, 1994. P. 36—49.}

Stoinova 2013 — Stoinova N. M. Budushchee vremya v nanaiskom yazyke. In: *Problemy yazyka. Sbornik statei po materialam konferentsii «Problemy yazyka: vzglyad molodykh uchenykh» (IYaz RAN, sentyabr' 2013)*. M.: IYaz, 2013. S. 326—341. {Stoinova N. M. The future tense in Nanai. In: *Problems of the language. The proceedings of the conference "Problems of the language: young scholars' sight"*. Moscow, 2013. P. 326—341.}

Stoinova 2018 — Stoinova N. M. Glagol'noe otritsanie v ul'chskom yazyke: polevye dannye. In: *Problemy yazyka. Sbornik nauchnykh statei po materialam shestoi konferentsii-shkoly «Problemy yazyka: vzglyad molodykh uchenykh» (12-14 marta 2018 g.)*. M.: Kantsler, 2018. S. 181—203. {Stoinova N. M. Verbal negation in Ulcha: field data. In: *Problems of the language. The proceedings of the conference "Problems of the language: young scholars' sight"*. Moscow, 2018. P. 181—203.}

Sumbatova, Gusev 2016 — Sumbatova N. R., Gusev V. Yu. Ul'chskii yazyk. In: Mikhal'chenko V. Yu. (Gl. red.) *Yazyk i obshchestvo. Ehntsiklopediya*. M.: Azbukovnik, 2016. S. 513—515. {Sumbatova N. R., and V. Yu. Gusev. The Ulcha language. In: Mikhalchenko V. Yu. (Ed.). *Language and Society. An encyclopedia*. Moscow, 2016. P. 513—515.}

Sunik 1962 — Sunik O. P. Glagol v tunguso-man'chzhurskikh yazykakh: morfologicheskaya struktura i sistema form glagol'nogo slova. M.—L., 1962. {Sunik O. P. *The verb in Tungus-Manchu: morphology and verbal forms*. Moscow—Leningrad, 1962.}

Sunik 1985 — Sunik O. P. Ul'chskii yazyk: issledovaniya i materialy. L., 1985. {Sunik O. P. *The Ulcha language. Studies and materials*. Leningrad, 1985.}

Требования к оформлению статей / Style sheet

Резюме

Просьба приложить к статье два резюме: 1) написанное на языке статьи, 2) написанное на одном из языков журнала (напоминаем, что это русский, английский, немецкий), но не на языке статьи.

Оформление

Допустимые форматы файла: .rtf или .doc.

Просим Вас также обязательно присылать текст в формате .pdf или распечатку.

Должны использоваться шрифты, поддерживающие Unicode.

В начале статьи указываются фамилия автора и место его работы.

Заголовки выделяются **полужирным шрифтом**.

Языковые примеры выделяются *курсивом*; смысловые выделения отмечаются **полужирным шрифтом** или **разрядкой**.

Примеры, которые занимают отдельную строку или абзац, просьба нумеровать; номера ставятся в начале в круглых скобках.

Длинные цитаты даются как отдельный абзац и отделяются в начале и в конце одной пустой строкой.

Цитаты заключаются в «кавычки».

Переводы и значения выделяются ‘одинарными (марровскими) кавычками’.

Просьба не расставлять переносы.

Язык и орфография

В статьях на английском языке просьба последовательно придерживаться британского или американского варианта и соответствующей орфографии; в статьях на немецком языке — старых либо новых орфографических правил.

Если статья написана не на родном языке автора, мы рекомендуем дать текст на вычитку носителю языка.

Библиографические ссылки

В тексте статьи по образцу:

в квадратных [] скобках Фамилия год: страница (страницы) (например, [Aijmer 1996: 22—25]).

В конце статьи дается список использованной литературы по приводимым ниже образцам.

Если статья написана не на русском языке, то в библиографии к ней работы на русском и других языках с кириллическим шрифтом можно дать отдельным блоком, без латинской транскрипции. В любом случае ссылка в тексте статьи должна соответствовать написанию в списке литературы.

Summaries

Please provide two summaries: 1) in the language of your paper, 2) in one of the languages of the journal (Russian, English, German), but not in the language your paper is written in.

Formatting

The file is to be submitted in one of the following formats: .rtf or .doc.

Please also add either a .pdf version or a hard copy of the text.

Please use Unicode fonts.

Please indicate the author's name and affiliation on the title page.

Headings have to be **boldfaced**.

Use *italics* for language data; **boldface** or `spacing` for emphasis.

Please number language examples which are not in the body of the text; enclose each number in parentheses.

Please format long quotations as separate paragraphs; add one blank line before and after them.

Please use «double quotes» for quotations.

Please use 'single quotes' for meanings.

Please do not hyphenate the document.

Language and spelling

In English articles please use consistently either British or American norm and the respective spelling; in German articles please follow either the old or the new orthography rules.

If the paper is not written in the author's native language, we highly recommend to have it checked by a native speaker.

References

In the body of the text please use the following format:

[Name year: page(s)] (e.g. [Aijmer 1996: 22—25]).

In papers not in Russian works in Cyrillic can be listed separately, without Latin transcription. In any case, their spelling must be identical with the references cited in the text.

At the end of the paper add a list of references as exemplified below.

Монография, словарь с именами авторов на титульном листе / Monographic work or dictionary with author's (authors') name(s) on the title page

Грунина 1991 — Э. А. Грунина. Историческая грамматика турецкого языка. М., 1991.

Janhunen 1977 — J. Janhunen. Samojedischer Wortschatz: Gemeinsamojedische Etymologien. Helsinki, 1977.

Коллективная монография, словарь с именем ответственного редактора на титульном листе / Collection of papers or dictionary with editor's (editors') name(s) on the title page

Этническая история 1982 — Этническая история народов Севера / Отв. ред. И. С. Гурвич. М., 1982.

Lessing 1960 — Mongolian-English Dictionary / Ed. F. Lessing. Berkeley; Los Angeles, 1960.

Статья в коллективной монографии, сборнике / Paper in an (edited) book

Дёрфер 1986 — Г. Дёрфер. О языке гуннов // Зарубежная тюркология. Вып. 1. Древние тюркские языки и литературы. М., 1986. С. 71—134.

Дмитриев 1958 — Н. К. Дмитриев. О тюркских элементах русского словаря // Лексикографический сборник. Вып. 3. М., 1958. С. 3—47.

Kiefer, Gyuris 2006 — F. Kiefer, B. Gyuris. Szemantika // A magyar nyelv kézikönyve / Ed. F. Kiefer. Budapest, 2006.

Nikolaeva 2005 — I. Nikolaeva. Agreement and linguistic construal // Uralic languages today / Ed. J. Fernandez-Vest. Paris, 2005.

Статья в журнале / Journal paper

Иллич-Свитыч 1963 — В. М. Иллич-Свитыч. Алтайские дентальные: *t, d, δ* // ВЯ. 1963, 6. С. 37—56.

Clark 1980 — L. V. Clark. Turkic Loanwords in Mongol. I: The Treatment of non-initial *s, z, š, č* // Central Asiatic Journal. 1980. Vol. 24, 1—2. P. 23—45.

Doerfer 1969 — G. Doerfer. Ein altosmanisches Lautgesetz im Kurdischen // Wiener Zeitschrift für die Kunde des Morgenlandes. 1969. Bd. 62. S. 250—263.

Цифровые и интернет-источники / Digital and Internet sources

Helimski 2007 — E. Helimski. База данных энецкого языка // www.helimski.com, 2007.

Редактор
С. И. Переверзева

Адрес редакции
125009, г. Москва, Б. Кисловский пер., 1, корп. 1,
Отдел урало-алтайских языков

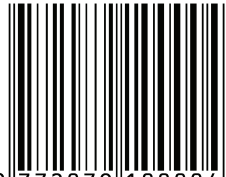
Телефон
+7 (495) 691-63-06

Editor
Svetlana Pereverzeva

Editorial office
125009, Moscow, B. Kislovskiy sidestr., 1, 1,
Department of Uralo-Altaic languages

Phone
+7 (495) 691-63-06

ISSN 2079-1003

9 772079 100004 >